

Сергей Шиндин

«Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет

«Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А – О

Ум, который не есть знание и совокупность знаний, а есть хватка, прием, метод, покинул науку, благо он может существовать самостоятельно и найдет себе пищу где угодно. <...> Свободный ум человека отделился от науки. Он очутился всюду, только не в ней.

О. Мандельштам. «О природе слова»

Вместо предисловия

В рецензии самого начала 1980-х годов на выход в свет дух энциклопедических изданий, сразу вошедших в «золотой фонд» отечественной гуманитарной науки и остающихся в нем по сегодняшний день, Ю.М. Лотман отмечал: «Почти одновременное появление двух капитальных энциклопедий “персонального” и “проблемного” характера “Лермонтовской энциклопедии” и двухтомной энциклопедии “Мифы народов мира” – является важным событием, которое не только обогащает нашу науку ценными справочными изданиями, но и позволяет поставить принципиальные вопросы о самом типе книг этого рода. <...> А у энциклопедических справочников этого типа имеется одна особенность: выполняя свою непосредственную задачу – суммировать весь материал, необходимый для понимания жизни, творчества, эпохи того или иного писателя, они неизбежно несут побочную, но важную информацию об уровне филологической культуры, степени квалифицированности научного коллектива, его зрелости. Издание такого типа – своеобразный экзамен, и

выдержать его без научной и организационной подготовки невозможно»¹. Как уже говорилось ранее, именно «Лермонтовская энциклопедия» и «Мифы народов мира» стали «официальным» и «неформальным» ориентирами (если не сказать эталонами) для многих участников проекта, результаты которого рассматриваются в настоящих заметках, и очень хочется верить, что большинство авторов в своей работе учитывали сказанное одним из самых ярких гуманитариев-энциклопедистов XX века².

Поскольку обещанное в конце прошедшего года второе издание «Мандельштамовской энциклопедии» свет не увидело (как и следовало того ожидать ввиду абсолютной нереальности выполнения такого обещания), разговор (точнее – монолог) об этом проекте может продолжаться в прежних структурно-семантических координатах³. Для большей простоты и ясности изложения и меньшей степени сопутствующих ему эмоциональных затрат пользуясь публицистическими штампами, приходится констатировать, что по мере погружения в содержательное пространство комментируемого сочинения набор его болевых точек (пропущенных звеньев? слабых сторон? уязвимых мест? явных неудач? откровенных провалов?) пребывает неизменным. Спустя год после выхода первой части данного комментария можно бесстрастно и объективно взглянуть на то, насколько оказались верными

¹ Лотман Ю.М. «Лермонтовская энциклопедия» и проблемы построения персональных литературных энциклопедий // Лотмановский сборник 1. – М.: Гарант, 1995. С. 89. [Совм. с М.Ю. Лотманом].

² См.: Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., илл. (далее – МЭ).

³ Настоящие заметки являются продолжением трех публикаций, размещенных в предыдущих выпусках «Toronto Slavic Quarterly» (2018. № 63–65). При обращении к материалам комментируемого издания большинство традиционных для «энциклопедического стиля» сокращенных форм написания заменено на общеупотребительные, а библиографические ссылки при необходимости приведены в соответствии с принятыми в настоящее время стандартами. Все цитаты из произведений Мандельштама (далее – ОМ) даны в тексте курсивом с указанием тома и страницы по использованному в МЭ в качестве основного издания: *Мандельштам О. Собрание сочинений*: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994; Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. Даты до 14 февраля 1918 года указываются по старому стилю, названия населенных пунктов и местностей – по соответствующему по времени административно-территориальному делению. – Поскольку в силу различных причин автор этих строк обращается к рассмотрению некоторых материалов энциклопедии неоднократно и не всегда строго следуя их алфавитному порядку, публикацию завершает указатель статей, упоминаемых во всех четырех частях (после названия публикации в нем первая цифра означает их порядковые номера, а следующие после двоеточия – страницы). Курсивом обозначены новые редакции напечатанных статей, а также материалы, предназначавшиеся для комментируемого издания, но по различным причинам не вошедшие в него.

и насколько оправдались высказанные в нем опасения, тем более что иных печатных и электронных откликов на увидевшее свет столь неординарное издание, за исключением двух уже упоминавшихся рецензий, так и не последовало. Как и было предсказано в первой части настоящего комментария, самым заметным, бросающимся в глаза любому читателю независимо от его конкретных интересов и характера и степени профессиональной подготовки недостатком энциклопедии стала разразившаяся в ней и не прекращающаяся ни на одной странице библиографическая катастрофа. Упомянуть в очередной раз беспрецедентный в современной отечественной гуманитарной науке произвол в организации (точнее, полном ее отсутствии) системы указаний на используемые в статьях источники нет необходимости: то, что отсутствие библиографических ссылок превращает многие материалы в информационно и, как следствие, содержательно обескровленные публикации, очевидно⁴. В сопоставлении с иногда неожиданно встречающимися материалами, оформленными совершенно иначе, данный факт заставляет вспомнить один из главных принципов известного литературного героя, не слишком уважительно относившегося к окружающим. Несколько переиначенный в этой ситуации, он прозвучал бы так: «Все тексты равны, только одни из них равнее других»...

Вероятно, не совсем был прав великий режиссер и далеко не для всех театр начинается с гардероба: наверняка есть те, для кого знакомство с ним наступает в момент обращения к его художественным и мировоззренческим ориентирам, а также к репертуару. Для абсолютного большинства добросовестных и искренне заинтересованных читателей знакомство с книгой, разумеется, начинается с поданного в то или иной форме предисловия, в котором вряд ли кто-нибудь желает увидеть подсобное помещение, где собраны самые разные по происхождению, возрасту, качеству, а то и по своей функциональной направленности предметы гардероба. Но наудачу раскрыв эпохальную вступительную статью В.Б. Микушевича с неброским и непритязательным во всех отношениях заглавием «Осип Мандельштам и мировая культура» можно найти не одно приводимое без каких-либо библиографических ссылок утверждение относительно более чем принципиального аспекта мировоззрения О.М., например: «Восьмистишием обозначено направление, противоположное стихотворению “Вернись в смесительное лоно”. Там было исчезновение

⁴ Нередко это принимает откровенно комические формы (наверняка справедливо задевающие самолюбие авторов, никоим образом не повинных в творимом некоторыми редакторами произволе), как, например следующее «сообщение»: «Об атмосфере, царившей в издательстве в 1920-е гг. и знакомой О.М., вспоминал и Вс. Иванов.» (с. 299, стб. 1).

Бога в человеческом существе, здесь – исчезновение существа в Божестве, не названном, как того требует мандельштамовская апофатика, на которую указывал К.А. Свасьян» (с. 52, стб. 1). Данная ситуация (в которой упоминается, очевидно, известный современный философ, антропософ, историк культуры, литературовед и переводчик, чей труд остался неназванным) представляет собой редкий случай библиографической лакуны, чье появление не связано с усилиями главных редакторов МЭ. Она присутствовала еще в первоначальной редакции 2008 года и, несмотря на прямое указание данного факта одним из научных редакторов, сохранилась в печатном варианте этой монументальной мини-монографии (точнее сказать, всеобъемлющего макро-эссе), став одним из проявлений, так сказать, идиостилия ее автора. Как правило, нет в этом сочинении ссылок и на многократные косвенные цитаты из самых разных по своей жанровой принадлежности произведений современников О.М. (за исключением, пожалуй, только А.А. Блока и Вяч.И. Иванова), зато столь же многочисленные цитаты из его стихов и прозы, а также фрагменты мемуаров Н.Я. Мандельштам в отличие от остального корпуса текстов рецензируемого издания почти всегда сопровождаются обильными постраничными примечаниями. (Данное обстоятельство заставляет вспомнить брошенную в сердцах реплику одного не самого симпатичного литературного персонажа позапрошлого уже века, любителя манипуляций с дуэльным кодексом: «А все-таки это совершенно противу правил!».)

Но при этом фантазмагорический для сегодняшнего дня и ничем логически не мотивированный в тексте фрагмент о «мыслителе и писателе» К. Марксе, по самым разным причинам наверняка ставящий в тупик любого читателя, для большей надежности снабжен указаниями на источники цитат из ортодоксального варианта его совместного с Ф. Энгельсом собрания сочинений и официального жизнеописания (с. 15, стб. 2, с. 16, стб. 1). Еще необычной, если не сказать сюрреалистичней перед этим приводится одно из традиционно афористических высказываний И.В. Сталина – сначала анонимно, а затем якобы в неатрибутируемом изложении О.Э. Мандельштама в рассказе его вдовы: «в 1930-е годы вся советская поэзия превратилась в перевод готового смысла, так что оригинальные стихи перестали отличаться от переводных, как будто то и другое переводилось с одного и того же подстрочника. – Этим подстрочником было одно и то же социалистическое содержание культур, якобы национальных по форме, оставлявшейся на усмотрение “мастерству” в оригинале и в переводе: “Именно из-за этого разделения формы и содержания О.М. сразу оттолкнул от себя армянских писателей; в одну из первых встреч он обрушился на лозунг

‘национальная по форме, социалистическая по содержанию’ культура, литература и тому подобное, не зная, впрочем, кому принадлежат эти слова’». И после указания источника цитаты («Т. 1. С. 267») следует ничем не подкрепляемое авторское пояснение: «Слова принадлежали И.В. Сталину» (с. 14, стб. 2). Обращает на себя внимание и несистематичность используемых автором для цитирования источников, отсутствие при их выборе четких и единообразных научных критериев. Так, скажем, статья В.М. Жирмунского «На путях к классицизму (О. Мандельштам – “Tristia”»)» 1914 года цитируется по републикации 1977 года в его монографическом издании «Теория литературы. Поэтика. Стилистика», а «Архаисты и новаторы» Ю.Н. Тынянова – по первому изданию 1929 года, да еще с единственным в комментируемой публикации и не принятом в МЭ указанием выпустившего книгу издательства, что невольно наводит на мысль о простом механическом переносе ссылки из другого источника (с. 10, стб. 2; с. 20, стб. 1). Невольно складывается впечатление, что при написании предисловия к столь монументально-магистральному труду его автор просто пользовался теми из изданий, что оказались под рукой.

В такой ситуации невольно приходит на память главный движущий мотив и определяемые им структурно-семантические особенности комментируемого проекта, как они были бескомпромиссно сформулированные во вступительном слове первого главного редактора: «МЭ задумана как компендиум сведений об О.Э. Мандельштаме, о его жизни и творчестве. Она призвана подытожить полувековые усилия близких и друзей поэта, архивистов и текстологов, комментаторов и литературоведов, хранителей и мемуаристов, всех тех, кто в течение многих лет собирал, изучал и издавал материалы о нем» (с. 4, стб.1). И здесь уже никто не будет сомневаться в том, что пророчески, а не совершенно случайно данный опус начинается с авторского воспроизведения зафиксированной современниками О.М. цитаты из фрагмента устного выступления поэта, где он в метафорической дефиниции констатирует цитатную природу акмеизма: «Высказывание, основополагающее для всей жизни и творчества Осипа Мандельштама, относится, по всей вероятности, к февралю 1935 года, когда ссыльного поэта вынудили выступить с докладом на собрании воронежских писателей. Это устное высказывание дошло до нас в приблизительной записи <...> – “Тоска по мировой культуре”» (с. 10, стб. 1). Возможной оказывается чуть ли не «обратная» интертекстуальность, так сказать, интертекстуальность постфактум, – например, когда за цитатой из О.М.: «Дант – антимодернист», – поминаются Чаадаев и Бергсон, затем следует объясняющее ситуацию авторское толкование: «антимодернизм – простая

последовательность в синхронии времен и культур, альтернатива как модернизму, так и постмодернизму», – и в завершение всего сообщается: «Примечательно, что антимодернистом назвал себя в 2002 году польский поэт, лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош» (с. 58, стб. 2). Думается, структурно оптимизировать логическую архитектуру данного построения и расширить семантические границы его содержательного пространства могло бы упоминание еще одного актуального контекста: «Модернизм... – Модернизм? Ха-ха-ха-ха-ха...»⁵. Но даже положенный в основу повествования уникальный метод метаметацитирования не избавляет от ощущения присутствия в «магистральном» тексте МЭ многочисленных случаев проявления или неуважения автора к потенциальным читателям, или его непрофессионализма. Соответственно, загадкой остается вопрос о том, чем же объяснима при подготовке и этого текста, и всего корпуса энциклопедии к печати полная бездеятельность двух ее главных редакторов? И по какой причине к ним на помощь не поспешили со всех сторон благоприобретенные многочисленные новые члены редколлегии? Или для них это событие стало лишь статистическим фактом научной биографии? Впрочем, научной ли... Поскольку речь о комментируемом проекте идет на центонном диалекте, позволительным кажется в такой связи вспомнить слова другого «собеседника» О.М., сказанные по другому поводу, но актуальные и в данном контексте для самых разных персоналий: «А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, хотя, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего. Но ведь с людьми науки у нас на Руси это сплошь да рядом случается»⁶.

⁵ *Ерофеев Вен.* Записки психопата // *Ерофеев Вен.* Собрание сочинений [В 2 т.]. Т. 2. – М.: ВАГРИУС, 2001. С. 7. – Для традиционной науки все-таки более характерно давно уже относить О.М. к числу представителей модернизма, причем первенство в этом направлении принадлежит западным славистам; см., напр.: *Cavanagh C.* Osip Mandelstam and the Modernist Creation of Tradition. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; *Pollak N.* Mandelstam the Reader. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1995 и др.; из последних публикаций на данную тему в широком культурологическом контексте см.: *Flack L.C.* Modernism and Homer: the Odysseys of H.D., James Joyce, Osip Mandelstam, and Ezra Pound. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 59–94 (глава «“The reading of Homer was transformed into a fabulous event”: Mandelstam’s modernist Odyssey»). – Как уже отмечалось ранее, публикацию в последнем из перечисленных изданий нелишним было бы учесть в статье О.А. Лекманова и Г. С. Зобина «Гомер».

⁶ *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. X / Подгот. текста Н.Ф. Буданова, ред. В.Г. Базанов, Т.П. Голованов. – Л.: Наука, 1974. С. 8.

Под литерой «А»...

К уже дополнявшейся библиографии заметки «**Абраксас**» (С.Г. Шиндин) не столько из практических соображений, сколько для полноты картины, вероятно, целесообразно было бы добавить еще один опыт исследования на эту тему: *Шатова И.Н.* Анаграмматический карнавал петербургских эмоционалистов // Альманах «XX век»: Сборник статей. Вып. 2. – СПб.: Островитянин, 2010. Для формирования у читательской аудитории более глубокого и разностороннего образа одного из самых выдающихся отечественных ученых-гуманитариев XX века оправданным было бы учесть в библиографии к сообщению «**Аверинцев С.С.**» (П.М. Нерлер) публикацию: *Седакова О.* Слово Аверинцева // Вторая навигация: Философия. Культурология. Литературоведение. Вып. 5. – Запорожье: Дикое Поле, 2005, – а также относительно недавний обзорно-аналитический материал: *Медведев А.* Жизнетворческая модель в самосознании русского филолога: Сергей Аверинцев // *TorontoSlavicQuarterly*. 2015. № 53.

К числу откровенных неудач в комментируемом издании приходится отнести публикацию «**Адалис А.**» (В.В. Калмыкова), о принципиальной переработке которой настаивали двое из научных редакторов энциклопедии, однако текст увидел свет в исходном варианте, претерпевшем лишь самые незначительные авторские изменения, в частности, исключение из него далеко не бесспорного «интертекстуального» фрагмента. Так, например, присутствовавший в первоначальной редакции ключевой постулат: «На стихи из книги Адалис “Власть” О.М. откликнулся в ряде случаев.», – заменен следующим: «На некоторые стихи из книги Адалис “Власть” О.М. откликнулся.» (с. 65, стб. 1). Сходны с данной ситуацией и остальные исправления, не имеющие никого отношения к бесплодным усилиям редакторов хотя бы отчасти исправить публикуемый материал и придать ему более осмысленный характер. В результате этого для читателя нередко остается не вполне ясным, а то и просто непонятным, что конкретно хотел сказать автор в том или ином случае, как, например, в заключительной фразе дефиниции, где смысл скрылся за полисемантическими терминами современного новояза: «Противопоставление “мужского” и “женского” начал, “мужей” и “жён” для О.М. – знаковое и оценочное». Но еще более удивляет, причем в самых разных тематических направлениях, следующее затем безапелляционное утверждение: «В этом контексте положительная рецензия О.М. на сборник стихов Адалис “Власть” (1934;

написана для журнала “Подъём” в воронежской ссылке, 1935) является отчасти реакцией О.М. на добровольный отказ Адалис от женской лирической героини: подавляющее большинство стихов в сборнике написаны от лица мужчины» (с. 65, стб. 1).

А далее весь текст публикации, по сути, является отражением интертекстуальных разысканий автора, причем направленных на творчество обоих поэтов с преобладанием большего внимания к стихам Адалис, причем некоторые используемые для этого методологические приемы вызывают глубокое удивление. Например, свое утверждение о том, что «в “Стихах о неизвестном солдате” задействованы образы из “Элегии” Адалис», В.В. Калмыкова пытается подтвердить совершенно уникальным способом, кажется, никогда прежде не применявшимся в интертекстуальных штудиях. Иллюстрациями присутствия цитат из произведений О.М. служат не тексты его самого, а высказанные совершенно по другому поводу наблюдения одного из коллег. При этом удаленные в печатном варианте ссылки на источник цитаты лишают сказанное автором всякого смысла: «Это прежде всего “образы человечества – звездного неба, родства, связанного с пролитой кровью”, напр.: “Как центр мироздания и главная гордость его же, / Я полон сознанием горячей, искрящейся дрожи... Но, видно, родство измеряется шире и шире / Не каплями слитой, то каплями пролитой крови!” Важнейший мотив “Стихов о неизвестном солдате” содержится в стихотворении Адалис “Песня о граде” (ср.: “От воров и от профанов / Охраняет ров / Этот град обетованный / Золотых паров”). “В воронежском заточении О. Мандельштама ров, охраняющий песнопевца от остального мира, выглядел достаточно выразительно»» (с. 65, стб. 1). А вот как данный фрагмент был оформлен в первоначальной редакции: «Это прежде всего “образы человечества – звездного неба, родства, связанного с пролитой кровью” (см. об этом: Кацис Л.Ф. «Может быть, это точка безумия...»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении // «Отдай меня, Воронеж...». Сб. ст. Третьи междунар. Мандельштамовские чтения. Воронеж. 1995. С. 139), напр.: “Как центр мироздания и главная гордость его же, // Я полон сознанием горячей, искрящейся дрожи... Но, видно, родство измеряется шире и шире // Не каплями слитой, то каплями пролитой крови!” Важнейший мотив “Стихов о неизвестном солдате” содержится в стихотворении Адалис “Песня о граде” (ср.: “От воров и от профанов // Охраняет ров // Этот град обетованный // Золотых паров”). “В воронежском заточении О. Мандельштама ров, охраняющий песнопевца от остального мира, выглядел достаточно выразительно” (Там же. С. 140)». Но и в таком виде комментируемый фрагмент публикации не приобретает ни смысловой доступности, ни

научной убедительности.

Без всяких логических обоснований построен, согласно точке зрения интерпретатора, безусловно существующий развернутый набор явных и скрытых переключек между художественными мирами двух поэтов. Начинает его следующее утверждение: «В “Элегии” Адалис находится и источник пассажа из рецензии О.М. на книгу “Власть”, ср.: “Так дико я близок с чужими людьми и делами, / Что часто мне кажется – мир есть мое продолженье” – у Адалис и призыв О.М.: “Подойти как можно ближе к тем людям и делам, ради которых и благодаря которым пишутся стихи”. В приведенных словах Адалис заключен и один из мотивов “Оды” О.М., обращенной к И.В. Сталину. Подтексты к стихотворению О.М. “Не мучнистой бабочкою белой...” имеются в “Оде гордости” Адалис, поднимающей как важную для О.М. тему “мастерства”, так и тему “гибели летчиков”, и в ее поэме “Кирову”, в которой идея расширения пространства единичной человеческой личности, важная для О.М., дана в эпитафическом ключе: “Человеком ты кончил быть – / Будь же тысячами людей!”. Тела летчиков из “Не мучнистой бабочкою белой...” О.М., также носящего характер надгробного плача, превращаются “в улицу, в страну”. В свою очередь, “Элегия” Адалис генетически восходит к стихотворению “Дано мне тело – что мне делать с ним...” О.М. Этот же самый текст О.М. отозвался и в другом стихотворении Адалис “Полуночный разговор”, см.: “Он [туман] был надышан / Населением этих стран» (у О.М.: “На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло...»)» (с. 65, стб. 1–2)...

Аналогичное логическое противоречие, но относящееся уже к сфере мировоззрения поэтессы, завершает публикацию. С одной стороны, ссылаясь в ее первоначальной редакции на воспоминания Э.Г. Герштейн, автор сообщает о том, что «Адалис присутствовала при разговоре с И.Г. Эренбургом о политике СССР и социализме. Эренбург высказывал восхищение строительством социализма, остальные, в т.ч. и Адалис, активно возражали ему» (с. 65, стб. 2). В оригинале описание данного эпизода не содержит никаких прямых идеологических оценок ни со стороны младшей современницы, ни ее самой – мемуаристкой: «Повадилась заходить Адалис. Когда из Парижа приехал И.Г. Эренбург, он пришел к Мандельштамам вместе со Святополк-Мирским. Адалис принимала участие в завязавшемся остром разговоре. Эренбург преклонялся перед прогрессивной политикой Советского Союза, восхищался строительством социализма, а мы, советские люди, не любили Эренбурга за то, что он хвалит издали то, что мы должны выносить на своей шкуре. <...> Когда он и Мирский ушли и все оживленно обсуждали речи Эренбурга, Адалис воскликнула: “Чего вы

хотите? Мужчина в 40 лет, вот и все»⁷. В то же время, сразу после передачи данного эпизода в публикации В.В. Калмыковой говорится: «Общение с Адалис как представителем следующего, более молодого поэтического поколения, было важно для О.М. с точки зрения связи литературных и поэтических поколений. – Эта оценка позволяет уточнить образ Адалис как сталинистки, созданный Н.Я. Мандельштам»⁸. А затем в рассматриваемой публикации следует еще одно довольно сомнительное типологическое соположение: «Стихи Адалис, в которых эпоха конца 1920-х – 1930-х годов изображается в панегирическом ключе, следует воспринимать в контексте времени, как и тематически сходные произведения самого О.М. [напр., “Ода” (“Когда б я уголь взял для высшей похвалы...”); “Если б меня наши враги взяли...”; “Стансы” (1937)]» (с. 65, стб. 2). Одновременно с этим мотивационная основа появления воронежских рецензий остается за границами авторского комментария, тогда как их вынужденный характер, вызванный мандельштамовским поиском диалога с современностью, во многом и формирует тот набор специфических выразительных средств, который определяет содержательные особенности этих текстов.

Трудно сказать, насколько требовало упоминания в комментируемой публикации относящееся к концу 1920 – началу 1921 года уверенное «художественное свидетельство» И.Г. Одоевцевой, игнорировать которое вряд ли целесообразно даже ввиду того, что оно не находит параллелей в воспоминаниях других современников. Согласно ему, О.М. «приехав в Петербург, <...> не переставал говорить об Адалис, тогдашней полуофициальной подруге Брюсова. И всем казалось, что он увлечен ею не на шутку. – Георгий Иванов даже сочинил

⁷ Герштейн Э.Г. Мемуары. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 37.

⁸ Четыре ссылки на воспоминания вдовы поэта, как нетрудно догадаться, редакторами МЭ из публикации были исключены. То, что автор определяет словами «образ Адалис как сталинистки», очевидно, представляет собой следующую оценку: «Когда у Адалис забрали не то мужа, не то любовника, она так активно отрекалась от него, что смутила даже вызвавшего ее следователя. <...> Адалис, второй сорт Шагинян, демонстрировала демоническую веру в правопорядок и силу слова» (Мандельштам Н. Вторая книга // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 195). Опираясь на данный источник, трудно согласиться с другой нейтральной «фактографической» формулировкой: «Во время работы Н.Я. Мандельштам в газете “За коммунистическое просвещение” Адалис получала через нее заказы на ряд статей и заметок» (с. 65, стб. 2), – версия мемуаристики звучит несколько иначе (с. 195): «Когда я служила в газете, Адалис приходила ко мне подкормиться авансом или статейкой». Без внимания автора публикации осталась и содержащееся там же более серьезное признание вдовы поэта: «я до сих пор не могу простить Мандельштаму, что он где-то похвалил ее стихи. По-моему, это предел падения и слепоты».

обращение Манделъштама к Адалис. Чтобы понять его, следует знать, что многие литовские фамилии кончаются на “ис”. – Страстной влюбленности отданный / Вас я молю, как в огне: / Станьте литовскою подданной / По отношенью ко мне. – Но в Петербурге Манделъштам недолго помнил об Адалис и вскоре увлекся молодой актрисой, гимназической подругой жены Гумилева»⁹. Упоминание в таком контексте имени Брюсова позволяет применительно к этому периоду предположить, что дополнительным ассоциативным импульсом для формирования определенного интереса О.М. к личности Адалис мог стать сложившийся в самом начале 1920-х годов в литературной среде ее «ученический» (и не только) статус по отношению к Брюсову, что не могло не вызывать в памяти современников аналогичную ситуацию с участием Гумилева. Так, например, в рецензии на вышедший в начале октября 1920 года первый номер нового журнала Наркомпроса «Художественное слово: Временник Литературного отдела НКО» Городецкий, в частности, отмечал (Искусство (Баку). 1921. № 2/3): «Прикрываясь одним крылом “кузнецов”, Брюсов под другим выращивает поколение новых декадентов: Буданцева, Аксенова, Адалис, которые изворотливостью формы скрывают внутреннюю пустоту»¹⁰. При этом показателен тот факт, что публикации поэтических произведений Адалис новое издание не содержало, но незадолго до его выхода из печати – 8.9.1920 – в клубе московского отделения Всероссийского союза поэтов состоялся вечер поэзии Брюсова и Адалис, а 20.9.1920 все трое названных Городецким «декадентов» принимали участие в организованном этим же профессиональным литературным объединением вечере «О современной поэзии», который прошел в Политехническом музее под председательством Брюсова¹¹. Возможно, именно этим обстоятельством мотивирована присутствующая в статье с симптоматичным заглавием «Литературная Москва» (1922) манделъштамовская характеристика стихов Адалис, *чей голос подчас достигает мужской силы и правды* (2, 258).

«Историко-литературную» часть статьи «**Адамович Г.В.**» (О.А. Коростелев), как и целый ряд других текстов энциклопедии, посвященных самым разным современникам О.М.,

⁹ *Одоевцева И.* На берегах Невы. – М.: Художественная литература, 1988. С. 158.

¹⁰ Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 640. Несмотря на немногочисленность научных описаний биографии Адалис, ее личные отношения с Брюсовым стали более чем заметным «литературным фактом».

¹¹ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 618, 623.

возможно, следовало бы дополнить информацией о прошедшем не позднее 24.11.1915 собрании литераторов в редакции «Нового журнала для всех». Вот как об этих встречах вспоминал один из их участников: «Тесная редакционная квартира в эти вечера бывала переполнена гостями, причем здесь можно было встретить представителей всех школ и всех течений. Так было и в хорошо памятную мне ноябрьскую среду 1915 года. < ... > Здесь были: уже и тогда маститый М.А. Кузмин, неизменные аяксы Георгий Иванов и Георгий Адамович, Всеволод Курдюмов, Рюрик Ивнев, О. Мандельштам, Н. Венгров, О. Брик, Ек. Низен, М. Моравская и многие другие»¹². Более того, думается, что данное неформальное литературное объединение, существовавшее в 1915–1916 годах, в комментируемом издании заслуживало бы отдельной публикации – тому же мемуаристу, например, принадлежит такая его «дефиниция»: «Это был своего рода “литературный университет”: в 1915–16 гг. эта редакция была одним из самых живых петербургских кружков»¹³. Характеристику самого издания можно найти, например, в одном из обзоров Г.В. Иванова: «Двойственное впечатление производит “Новый журнал для всех”. Совершенно ясно культурное стремление редакции быть в курсе поэтических дел, интерес к поэзии и благожелательное отношение к молодежи. Но, по-видимому, журналу этому более свойственны благие порывы, чем удачное осуществление их. Ворох бесцветных стихов начинающих авторов, которым никогда не суждено созреть, и... А. Тиняков с М. Моравской в роли поэтических судей – вот к чему сводится физиономия “Нового журнала для всех”. Все же попадают там, хоть и редко, Блок, Гумилев, Ахматова... Стихи Г. Адамовича, Всеволода Курдюмова и некоторых других позволяют нам приветствовать этот журнал, пожелав ему всяческой строгости и самопроверки»¹⁴. Как и во многих других случаях, для большей полноты библиографической

¹² Оксенов И. Маяковский в дореволюционной литературе // Ленинград. 1931. № 4. С. 96; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016. С. 95–96. Не подкрепленное никакими указаниями на источники «альтернативное» жизнеописание О.М. содержит информацию о том, что 30.3.1916 он выступал с чтением стихов на вечере в редакции «Нового журнала для всех»; см.: Нерлер П.М. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 13, стб. 1.

¹³ Оксенов И. Писатели – о себе. Дим. Крачковский. Иннокентий Оксенов // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 10. С. 41, стб. 1. В более широком контексте об объединении см.: Шруба М. «Нового журнала для всех» кружок // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 137–138.

¹⁴ Иванов Г. Стихи в журналах, издательствах, альманахах, кружки в 1915 г. // Аполлон. 1916. № 1. С. 60. стб. 1. В свою очередь, участник одного из первых собраний в редакции журнала позднее вспоминал о нем: «После патетической

картины статья «**Акмеизм**» (О.А. Лекманов) может сопровождаться ссылкой на обширный обзорный материал: *Енишерлов В.* «Акмеистов было шесть...» // Наше наследие. 2016. № 117. Характеризуемый в заметке «**“Альманах муз”**» (В.В. Калмыкова) поэтический сборник, где были «опубликованы стихотворения О.М. “От легкой жизни мы сошли с ума...”, “В разноголосице девического хора...”, “На розвальнях, уложенных соломой...”» (с. 69, стб. 2), увидел свет в 1916 году в Петрограде в издательстве «Фелана», при котором в 1916–1918 годах существовал одноименный литературный кружок. «В числе учредителей были С. Гедройц, Е.Г. Лисенков, К.Ю. Ляндау и В.С. Чернявский». Следуя формулировке одного из историков литературы начала XX века, можно предположить, что О.М. являлся участником этого объединения: «В состав авторов первого и последнего сборника “Феланы” “Альманах муз” (Пг., 1916) вошли, кроме учредителей, также участники кружка – Г.В. Иванов, Р. Ивнев, М.А. Кузмин, О.Э. Мандельштам, М.А. Струве»¹⁵. Как кажется, данное свидетельство (правда, не подкрепленное автором никакими источниками) не стало бы лишним в указанной публикации, впрочем, как и в будущих описаниях биографии поэта.

Статья «**Альтман Н.И.**» (С.Г. Шиндин) могла бы быть дополнена предположением Л.Ф. Кациса и М.П. Одесского том, что «социо-культурный» образ художника получил откровенно негативную оценку «дельца от искусства» в монографии А.М. Эфроса «Портрет Натана Альтмана» (М.: Шиповник, 1922) и под этим углом зрения нашел свое отражение в образе «великого комбинатора» Остапа Бендера¹⁶, а затем был возвращен его автору в мемуарах Н.Я. Мандельштам¹⁷. Продолжая расширять список литературы к заметке «**Андроникова С.Н.**» (С.Ф. Данилова), его, очевидно, следовало бы дополнить ссылкой на монографию: *Кшондзер М.К.* На рубеже тысячелетий: Сборник научных статей. – Тбилиси:

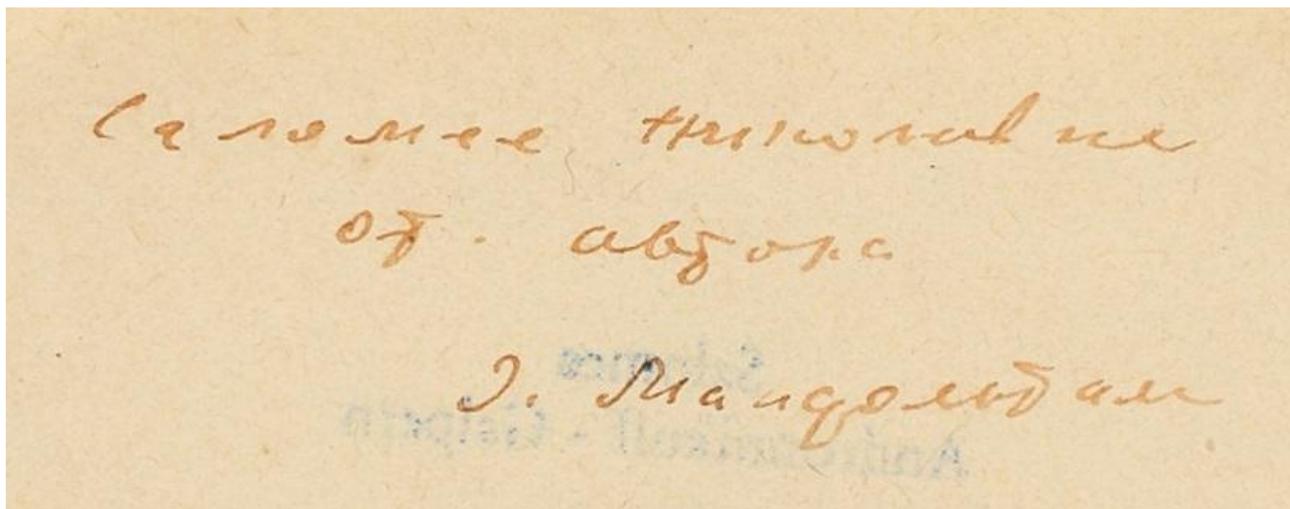
декламации А.А. Мгеброва и Виктории Чекан, после того как жеманный Георгий Иванов прошепелявил свои стихи о веселой труппе бродячих гимнастов, после торжественной меди Осипа Мандельштама и старинной мудрости Кузмина [Маяковский прочитал “Флейту-позвоночник”]» (*Оксенов И.* Маяковский в дореволюционной литературе. С. 96; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 96).

¹⁵ *Шруба М.* Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 507.

¹⁶ См. Интернет-публикацию: *Кацис Л., Одесский М.* «Великий комбинатор»: тайна титула // Лехаим. 2010. № 7 [эл. изд.; URL: lechain.ru/ARHIV/219/shtud.htm].

¹⁷ См.: *Кацис Л.* Сизифу от «Камня» или новые «Тристии» (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О.Э. Мандельштама в 3-х т.) // История: Научное обозрение OSTKRAFT. № 4. – М.: Модест Колеров, 2018. С. 130–133.

Институт политологии Академии наук Грузии, 2000. С. 22–29. И, разумеется, не может не учитываться только что вышедшая из печати публикация: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 7. К иконографии Мандельштама // *Литературный факт.* 2019. № 10. В дополнение к этому в набор «инскриптов» О.М. теперь может быть включена его недатированная дарственная надпись на машинописной копии стихотворения «Мадригал» («Нет, не поднять волшебного фрегата...»): «Саломее Николаевне / от автора / О. Мандельштам»¹⁸.

Примечание. Данный текст традиционно характеризуется как относящийся к «акмеистическому» периоду мандельштамовского творчества – 1913 году; именно так он был датирован в комментариях Н.И. Харджиева и по ничем не подкрепленному утверждению определен как адресованный Л.М. Рейснер; там же были названы место и время его первой публикации – журнал «Рудин», седьмой номер 1913 года¹⁹. В реальности этот номер вышел в свет в 1916 году, что безо всяких дополнительных оговорок было указано в первом полном собрании стихотворений на родине поэта, где со ссылкой на мандельштамовский архив о датировке сказано: «авторизованный список незавершенной первоначальной редакции, без заглавия, с датой “1909” (исправленной Мандельштамом на “1913”)²⁰. Там же содержится сообщение о том, что текст обращен к

¹⁸ См.: «Литфонд». Аукционный дом. Аукцион № 155: Редкие книги, автографы, фотографии, исторические бумаги, плакаты и открытки. [М.: Аукционный дом и художественная галерея «Литфонд», 2019. Лот № 164. С. 133–134. Эл. изд; URL: <http://www.litfund.ru/auction/155/164>.] Автор признателен Л.Ф. Кацису, любезно обратившему его внимание на факт предстоявшего 18.5.2019 аукционного собрания.

¹⁹ См.: *Харджиев Н.И.* Примечания // *Мандельштам О.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н.И. Харджиева / 2-е изд. – Л.: Советский писатель, 1978. С. 308.

²⁰ См.: *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии // *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы / Сост. П.М. Нерлера, подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. – М.: Художественная литература, 1990. С. 576–577. То же самое сказано в сопроводительных примечаниях А.Г. Меца в публикации: *Мандельштам О.* Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 159,

Рейснер, но также без какого-либо указания на происхождение такой информации. В последнем «академическом» издании мандельштамовских произведений данное утверждение обосновано только ссылкой на «канонический» первоисточник²¹, а в последнем «автномном» комментарии это выражено еще более категорично в ничем не подтверждаемой констатации: «Стихотворение посвящено поэтессе Л. Рейснер (1895–1926)»²². В «реплике» О.А. Лекманова «Рейснер Л.М.» в МЭ о данном факте говорится: «По свидетельству Н.И. Харджиева, к ней обращено стихотворение О.М. “Мадригал” [1913; опубликовано в издаваемом семьей Рейснеров журнале “Рудин” (1916. № 7)]» (с. 412. стб. 2). Таким образом, принятая адресация мандельштамовского текста ни в одном случае ничем, кроме бездоказательного «первоисточника», не мотивирована. Периодическое издание «Рудин. Новый двухнедельный журнал: Поэзия. Памфлет. Сатира» выходило в свет в 1915–1916 годах под началом отца Рейснер, которая была соредактором и регулярно публиковалась там²³. Именно данное обстоятельство могло стать единственным известным формальным основанием для предложенной Харджиевым «адресации» «Мадригала» О.М., в следующем, восьмом и последнем номере журнала того же года разместившего другое «акмеистическое» стихотворение – «Уничтожает пламень...» 1915 года²⁴.

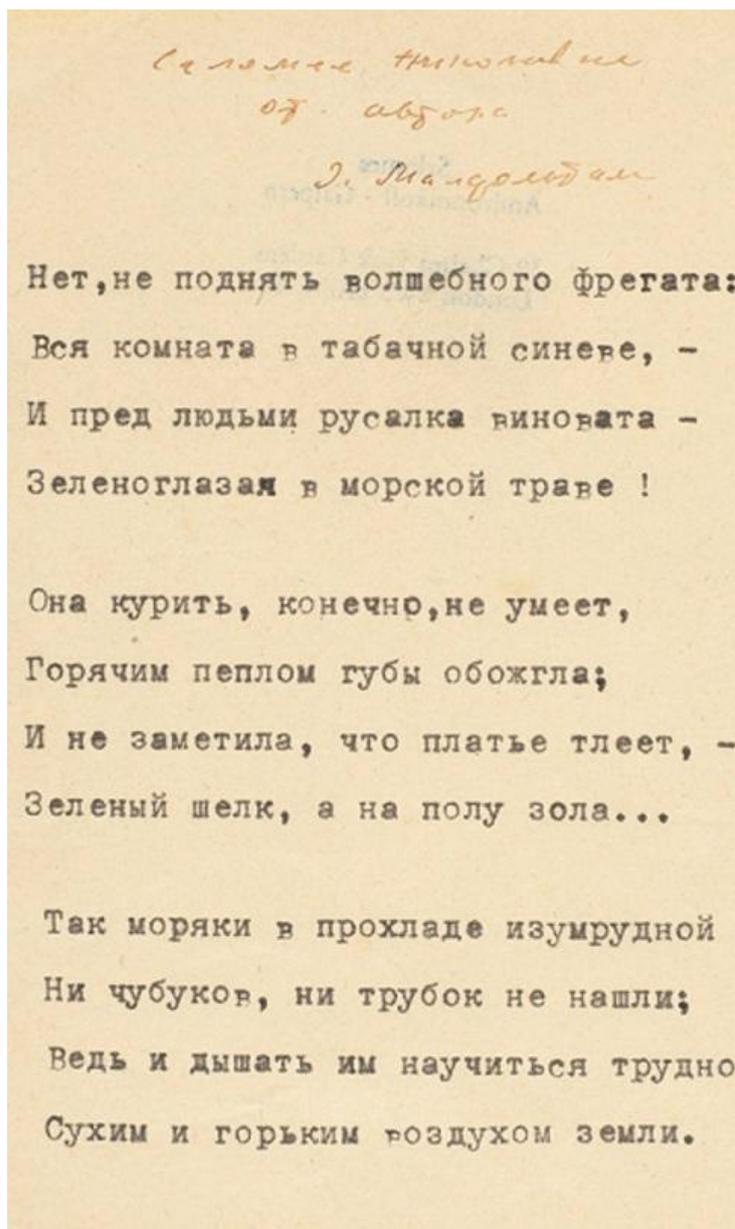
326, 374, – где источник датировки конкретизирован как входящий в состав архива С.П. Каблукова экземпляры второго издания сборника стихотворений О.М. «Камень» (1916) с разнообразной авторской правкой, а адресат назван со ссылкой на харджиевскую «атрибуцию». – Именно время подготовки текста к печати – конец 1915 или начало 1916 года – кажется допустимым принять за гипотетическую дату появления мандельштамовского инскрипта, когда к С.Н. Андрониковой могла попасть одна из копий машинописного авторского экземпляра, предназначавшегося для передачи в редакцию журнала: насколько можно судить по самым разнообразным разрозненным примерам, практика дарения такого рода вариантов в 1910-е годы распространена еще не была, уступая главенство традиционным рукописным автографам.

²¹ См.: *Мец А.Г.* Комментарии // *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 678.

²² *Лекманов О.А., Глуховская, Е.А., Чабан А.А.* Комментарий // *Мандельштам О.Э.* Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017. С. 343.

²³ Самая краткая «энциклопедическая» характеристика журнала и участия Рейснер в нем содержится в публикации: *Кудряшова Е.И.* Рейснер Л.М. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 5: П–С / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 275, стб. 2–3.

²⁴ Текст датирован по упомянутому экземпляру второго издания сборника «Камень» из собрания Каблукова: *Мец А.Г.* Комментарий. С. 90, 315.

В недолгой, но заметной деятельности издателя «Рудина» «стремились привлечь в свой журнал литературную молодежь. Основными его сотрудниками стали студенты – члены университетского “Кружка поэтов”, в который входила и сама Рейснер. Среди них были О.Э. Мандельштам, Вс.А. Рождественский, И.В. Евдокимов»²⁵. Сведений о названном литературном объединении почти не осталось; ситуацию вокруг него Н.А.

²⁵ Наумова А.И., Пржиборовская Г.А. Вступит. ст. к публ.: Рейснер Л. Автобиографический роман / Вступит. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской, примеч. Н.А. Такташевой// Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. С. 192. (Трудно сказать, преследует ли злой рок самого О.М. или публикаторов его поэтических текстов, или таковой направлен непосредственно на издательский проект Рейснеров, но и в процитированном материале содержится ошибка в датировке (с. 231): на репродукции публикации стихотворения «Уничтожает пламень...» в качестве ее местонахождения указан седьмой, а не восьмой номер журнала за 1916 год.) Что именно послужило для комментаторов основанием для включения О.М. в число участников данного литературного объединения неизвестно, как неизвестен источник и более позднего утверждения: «На

Богомолов охарактеризовал следующим образом: «О “Кружке поэтов” Петербургского университета известно очень мало. Помимо изданного в 1918 году сборника “Арион” (между прочим, сочувственно отрецензированного Гумилевым), кружок издавал машинописный “Альманах ‘Кружка поэтов’», – и привел обширную цитату из неопубликованных воспоминаний Рождественского: «Университетский кружок наш разросся. Никаких поэтических “студий” в то время еще не существовало, обезличивающей прививки общего для всех “хорошего эстетического тона” мы так и не знали, а потому рост был органически-неровный, живой. Стали собираться каждую неделю <...>. Ядро составляли мы с Георгием Масловым, Виктор Тривус, Анна Регатт, Ник. Оцуп. В самом непродолжительном времени к нам, никому не ведомым, примкнули такие же никому не ведомые: Кальма, Квятковский, Ал. Толмачев, Сергей Есенин, Лариса Рейснер, Дм. Майзельс, Алексей Михайлов, Вл. Злобин, М. Лопатто, Ал. Тамамшев, Ник. Адуев, Чролли, Пимен Карпов и др. Полтора или два года мы жили в непрерывном общении друг с другом, и это время, знаю твердо, не миновало бесследно для всех, кто вышел сейчас на самостоятельную литературную тропинку»²⁶. Возможно, и эти собрания подразумеваются в относящихся к данному периоду мемуарах Ю.Г. Оксмана, когда он упоминает о «студенческих вечерах поэтов, где <...> читали свои стихи Гумилев, Осип Мандельштам, М.<Л.> Лозинский, В.<В.> Гиппиус, а из сокурсников Георгий Маслов, Всеволод Рождественский, Лариса Рейснер (бестужевка, часто у нас бывавшая)»²⁷.

Вместе с тем, исключительное обилие в Петербурге середины 1910-х годов аналогичных научно-литературных объединений, совмещавших исследовательскую и творческую активность их участников, исключительно осложняет идентификацию «хронотопа» подобного рода мемуарных данных. Соответственно, и в данном случае с абсолютной уверенностью сказать, о каком именно поэтическом собрании идет речь, нельзя; возможно, подразумевается студенческий кружок изучения поэтического творчества самых разнообразных авторов при романо-германском отделении историко-филологического факультета Санкт-Петербургского

заседаниях Кружка поэтов бывали С.А. Есенин, О.Э. Мандельштам) (*Шруба М. Кружок поэтов // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 83*). Там же так же без конкретных ссылок говорится: «В тесной связи с Кружком поэтов стоял издаваемый М.А. Рейснером и Л.М. Рейснер журнал “Рудин”, печатавший стихи и статьи участников кружка».

²⁶ Богомолов Н.А. Проект «акмеизм» // Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 663, прим. 71. Основанием для этого примечания стало опубликованное там же (с. 503) краткое устное мемуарное сообщение упомянутого среди участников этого начинания В.А. Злобина, зафиксированное Ю.П. Иваском: «У нас был небольшой кружок поэтов в 1915 г. Мы были в оппозиции к акмеизму. Для нас существовали только хорошие и плохие стихи. Мы понимали, что акмеизм – здоровая реакция на плохие стихи символистов, но не одобряли его как лит<ературное> направление. – Члены нашего кружка: Георгий Владимирович Маслов, В. Рождественский, Лариса Павловна <так!> Рейснер и некот<орые> другие <...>. – Техникой стихосложения мы не занимались. Но стихи обсуждали подробно».

²⁷ Цит. по: Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Тынянов в воспоминаниях современника (Сообщение) // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1985. С. 92. Контекстуально это свидетельство с известной осторожностью может быть отнесено к 1914 году.

Императорского университета, созданный, очевидно, осенью 1912 года по инициативе Гумилева²⁸. (Краткая справка об этом независимом литературном сообществе первоначально была подготовлена для комментируемого издания автором настоящих заметок, затем она предполагалась к написанию в переработанном и дополненном виде в добровольном соавторстве, но ни в какой форме данное начинание в энциклопедии воплощено не было²⁹.) Так, К.В. Мочульский в письме В.М. Жирмунскому 22.11.1912 сообщал: «Познакомился я в Университете с поэтом Гумилевым, который собирается учредить кружок изучения поэтов (вероятно, в том числе и самого себя), в котором будут участвовать многие достославные люди: Мандельштам, Гиппиус, Пяст, Лозинский, Лебедев и прочие. Записался и я»³⁰. По эпистолярному свидетельству М.Л. Лозинского (письмо Вас.В. Гиппиусу; 29.11.1912) известен факт неудачного обращения участников будущего кружка с просьбой возглавить его работу к профессору Ф.А. Брауну – декану историко-филологического факультета (1908, 1912–1913, 1914–1918), председателю Неофилологического общества: «Сегодня Вогак, Мандельштам и я сообщили вкратце Брауну о нашем кружке. Браун отказался быть руководителем за недостатком времени, но просил прийти к нему завтра <...> для беседы о целях и характере кружка»³¹. 23.11.1912 группой студентов (в том числе и О.М.) было подано прошение о создании этого объединения, рассмотренное на заседании совета университета 3.12.1912, но сведения о реальной деятельности кружка неизвестны: «Ни в одном из университетских отчетов за 1912–1916 годы не нашлось упоминания о “Кружке для изучения поэзии”, по всей вероятности, он так и не был создан. Совет профессоров тут был ни при чем: во всех <...> протоколах его заседаний за 1909–1914 годы не встретилось ни одного отказа в создании кружка. По-видимому, дело заключалось в том, что большинство студентов, подписавших прошение, были участниками романо-германского кружка, котором читались и обсуждались не только доклады, но и переводы, и где поэты выступали с чтением своих стихов, поэтому надобность в особом кружке могла отпасть»³².

²⁸ Первое, вероятно, целенаправленное упоминание о нем в историко-литературном контексте содержится в публикации: *Степанов Е.* Николай Гумилев. Хроника // *Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии / Подгот. текста, примеч. Р. Тименчика. – М.: Художественная литература, 1991. С. 377; единственная попытка лаконичного описания представлена в публикации самого общего характера: *Шруба М.* Кружок изучения поэтов // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

²⁹ За это время увидела свет содержательная документальная публикация: *Сальман М.Г.* Несостоявшийся «Кружок для изучения поэзии» в Петербургском университете // *Русская литература.* 2013. № 2.

³⁰ *Мочульский К.В.* Письма к В.М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // *Новое литературное обозрение.* 1995. № 35. С. 146

³¹ Цит. по: *Азадовский К.М., Тименчик Р.Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф. Фидлера) // *Русская литература.* 1988. № 2. С. 183.

³² *Сальман М.Г.* Несостоявшийся «Кружок для изучения поэзии» в Петербургском университете. С. 169–170. В подтверждение сказанному автор там же указывает на имеющиеся сведения о заседаниях 13.11.1913, 28.1.1915 и 25.11.1915 и, в частности, приводит дневниковую запись Эйхенбаума о втором из этих собраний: «Романо-германский кружок устроил вечер стихов. Я прочитал стих <отворение> В<ас> Гиппиуса <...>. Читал Гумилев – в форме улана, с георгиевским крестом. Его стихи прекрасны <нрзб> – “Золотое сердце России / Мерно бьется в моей груди” – и многое другое» (*Эйхенбаум Б.М.* Страницы дневника: Материалы к биографии Б.М. Эйхенбаума / Публ. и примеч. А.С. Крюкова // *Филологические записки:*

После знакомства с «репликой» «**Анненков Ю.П.**» (А.Н. Анисова), сохраненной в варианте 2008 года, остается ряд наблюдений, никак не кажущихся незначительными. Трудно представить, как не только культурный, но и просто цивилизованный человек (тем более – автор претендующей на энциклопедический стиль описания статьи или ее редактор) – может считать допустимым высказывание о том, что «О.М. неоднократно упоминается в мемуарах Анненкова в числе других поэтов, <...> уничтоженных в годы сталинского режима» (с. 75, стб. 1). Также нельзя понять, каким образом в материалах подобного типа весь биографический контекст может быть сведен лишь к констатации того факта, что «О.М. неоднократно упоминается в мемуарах Анненкова в ряду других поэтов, посещавших “Бродячую собаку”, участвовавших в заседаниях “Цеха поэтов”» (с. 75, стб. 1). Присутствовавшие в первоначальной редакции 2008 года постраничные ссылки из публикации исключены, однако не представляет труда удостовериться в том, что они были механически полностью перенесены из именного указателя, сопровождающего одно из изданий мемуарных очерков мандельштамовского современника: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. – Л.: Искусство, 1991. Т. 2. С. 324, стб. 1³³. И вот в результате какова та биографическая информация, с которой автор заметки предлагает познакомиться читателям и исследователям: «В центре поэзии, рядом с Блоком и Белым, <...> стояли тогда Гумилев, Ахматова, Мандельштам»; «Ближайшими поэтическими спутниками Гумилева были Осип Мандельштам, Георгий Иванов и Анна Ахматова»; «Петербургские ночи, “Бродячая Собака” <...>... Николай Гумилев, Владимир Маяковский, Георгий Адамович, Осип Мандельштам, Бенедикт Лившиц, Владимир Пяст, Михаил Кузмин, Константин

Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 8. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1997. С. 237). Тот же дублирующий характер предполагавшегося к созданию сообщества был отмечен и в предыдущей публикации: «В состав объединения должны были войти <...> в основном члены Романо-германского кружка. Сведений о дальнейшей деятельности кружка нет» (*Шруба М.* Кружок изучения поэтов. С. 78).

³³ Несколько удивляет выбор именно этого варианта в качестве источника цитат из мемуаров художника; более распространенным в исследовательских публикациях следует считать вышедшее тогда же такое же репринтное издание, отличающееся только автором предисловия: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1991. Еще более странным кажется используемый в первоначальной и, следовательно, в опубликованной редакции заметки вариант издания мемуаров Б.К. Лившица, увидевший свет в серии «Забывтая книга», то есть, по сути, в формате «rocketbook»: *Лившиц Б.К.* Полутораглазый стрелец: Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1991. Редакторская реакция на данный факт, возможно, и явилась дополнительным основанием для удаления из текста всех библиографических ссылок, но, тем не менее, она видится совершенно неприемлемой при обращении к «общеупотребительному» изданию не художественного, а мемуарного литературного произведения, когда ситуация объективно требует использования профессионально подготовленного и прокомментированного текста.

Олимпов, Игорь Северянин, Сергей Есенин, Федор Сологуб, Василий Каменский, даже – Маринетти, даже Эмиль Верхарн...» (Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: Т. 1. С. 56, 97, 107) и т.п.

Основываясь на этих мемуарах, А.Н. Анисова пишет: «По свидетельству Анненкова, в середине 1910-х гг. О.М. бывал у него на даче в Куоккале» (с. 75, стб. 1); в реальности данное «свидетельство» таково: «В моем “родовом” куоккальском доме <...> Есенин провел ночь в комнате для друзей, на кровати, на которой в разное время ночевали у меня Владимир Маяковский, Михаил Кузмин, Василий Каменский, Осип Мандельштам, Виктор Шкловский, Лев Никулин, Бенедикт Лившиц, Владимир Пяст, Александр Беленсон, Велимир Хлебников, всех не упомяну...» (Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: Т. 1. С. 147). Но и в такой ситуации уместно было бы привести или просто упомянуть представляющийся вполне достоверным рассказ К.И. Чуковского о другом событии, которое также произошло в Куоккале (кстати, не представленной в энциклопедии самостоятельной публикацией, хотя и упоминаемой вскользь в обстоятельной статье Е.В. Ивановой при участии Е.Ц. Чуковской (с. 533, стб. 2)) и имело прямое отношение к О.М. и, возможно, к Анненкову: «Помню, в предосеннюю пору мы вышли с ним и с другими друзьями на пустынный куоккальский пляж. – День был мрачный и ветреный, купальщиков не было. И вдруг Осип Эмильевич молча сбросил с себя легкую одежду, и не успели мы удивиться, как он оказался в воде и быстро поплыл по направлению к Кронштадту. <...> – Не помню, кто был тогда с нами, – кажется, Борис Григорьев, Николай Кульбин, Юрий Анненков. Мы подошли к Мандельштаму, едва только он воротился»³⁴. Анненков, безусловно, был частым гостем на даче Чуковского, позднее в мемуарных комментариях отмечавшего: «Из сохранившегося у меня иллюстративного материала, изображающего Чукоккалу, наиболее выразительна прелестная карикатура Ю.П. Анненкова, запечатлевшая наше обычное времяпрепровождение на террасе моей дачи. Здесь изображена Чукоккала, среди страниц которой зажат И.Е. Репин <...>. Посередине рисунка изображен я, с восхищением глядящий на Николая Николаевича Евреинова, который, совмещая в себе ученого-историка, музыканта, режиссера и драматурга,

³⁴ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Искусство, 1979. С. 56; то же – в публикации: Чуковский К. Мастер // Осип Мандельштам и его время / Сост., авт. предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М.: L’Aged’Homme – Наш дом, 1995. С. 199. – Неизбежно вызываемые данным рассказом ассоциации – известный эпизод «экстремального» плавания в «Путешествии в Армению» (1931–1932), когда *жизнерадостный химик Гамбаров* <...> *затял обогнуть вплавь всю тушу Севанского острова* (3, 181–182). В комментируемом издании об этой ситуации и о ее герое речь идет в заметке А.Д. Еськовой «Гамбаров С.П.» (с. 175).

особенно гордился своим искусством жонглера. <...> В левом углу рисунка еле заметен автопортрет Юрия Анненкова, к сожалению, сильно пострадавший от времени»³⁵.

А вот хрестоматийный эпизод с известным коллективным фото в статье отражен: «Сохранилась фотография: О.М., Анненков, К.И. Чуковский и Б.К. Лившиц в день проводов последнего на фронт в самом начале 1-й мировой войны 1914–1918 годов. История ее появления описана Анненковым и Лившицем» (с. 75, стб. 1). В мемуарных очерках художника данное происшедшее запечатлено следующим образом: «В один из этих дней, зная, что по Невскому проспекту будут идти мобилизованные, Корней Чуковский и я решили пойти на эту улицу. Там совершенно случайно, с нами встретился и присоединился к нам Осип Мандельштам <...>. Когда стали проходить мобилизованные, еще не в военной форме, с тюками на плечах, то вдруг из их рядов вышел, тоже с тюком, и подбежал к нам поэт Бенедикт Лившиц. Мы обнимали его, жали ему руки, когда к нам подошел незнакомый фотограф и попросил разрешение снять нас. Мы взяли друг друга под руки и были так вчетвером сфотографированы...» (*Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. С. 125*). Несколько иначе об этом вспоминал Лившиц: «Наголо обритый, в жакете поверх косоворотки, заправив брюки в сапоги, я мчался куда-то по Невскому, когда меня окликнули Чуковский и Анненков, приехавшие из Куоккалы попрощаться со мною. Спустя минуту к нам присоединился Мандельштам: он тоже не мог усидеть в своих Мустамяках. Зашли в ближайшую фотографию, снялись»³⁶. Чуковский узнал о существовании этой фотографии

³⁵ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. С. 26. Там же (с. 31) содержится рассказ Чуковского об истоках его многолетней искренней дружбы с Анненковым: «Чукоккале с самого начала повезло – из-за одного, казалось бы, мелкого случая. В 1908 или 1909 году, не имея пристанища в городе, я со всей семьей переехал в Финляндию и за малую плату снял обширную дачу у очень симпатичного бородатого дачевладельца Павла Семеновича Анненкова. – <...> В первый же день нашего знакомства он сказал мне, что у него есть сынишка, студент, но “кто знает” – может быть, из него выйдет поэт, а быть может, художник? Звали этого сына Юра, и в то время он был на распутье: то исписывал горы бумаги стихами, то – если не ел и не спал – рисовал».

³⁶ *Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера, подгот. текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса, примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. – Л.: Советский писатель, 1989. С. 544.* Сам мемуарист, согласно его свидетельству (с. 539), незадолго до этого «еще успел съездить в Куоккалу, снять в крестьянской избе комнату до конца сезона <...>, поваляться на пляже», причем в весьма «характерологическом» для реконструируемого контекста обществе: «Напевал, грассируя, свежевывезенные из Парижа шансонетки Юрий Анненков <...>. – Лежа против меня на песке, ругал Илья Репин мунковский стиль <...>. – Слушая мои стихи о Куоккале, он машинально чертил на мелком гравии какие-то фигуры, и Чуковский громко вздыхал, что не может подсунуть ему листок бумаги, чтобы обогатить свое собрание репинским рисунком <...>. – Таким запечатлелся в моей памяти последний день перед войной. На следующее утро уже была объявлена всеобщая мобилизация».

28.5.1963 от Ахматовой: «Молча через стол протянула она Корнею Ивановичу большую фотографию. – Первый день первой мировой войны, – объяснила она, – проводы Бенедикта Лившица. (<...> На снимке: Мандельштам, Корней Иванович, Бенедикт Лившиц и Юрий Павлович Анненков.) – Корней Иванович шумно восхищался: “Боже, какие молодые! Неужели это мы? А я-то каков? Кажется, вот сейчас ни с того ни с сего пушусь впрыснуть... И почему у всех лица интеллигентные, а я дурак дураком?”»³⁷.

Вопрос о конкретной датировке этого фото вызывает неизбежные трудности, в том числе и в связи с различием в используемых на тот момент в России и Европе календарей: практически во всех источниках днем начала Первой мировой войны считается 28 июля 1914 года, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии; день вынужденного вступления в войну России – 1 августа; соответственно, датой начала всеобщей мобилизации считается 31 июля³⁸. Если же следовать присутствовавшему в тот период в России юлианскому календарю, то датировка этого события выглядит иначе: «Первоначально целый ряд губерний получил уведомления о начале мобилизационных процедур 17 июля 1914 года, что и было использовано как непосредственное руководство к действию <...>. Однако официальное начало было перенесено на 18 июля, что довольно четко выражено в телеграмме, адресованной мобилизационному отделу главного управления Генерального штаба, за подписями военного министра Сухомлинова, морского министра Григоровича и министра внутренних дел Маклакова, в которой говорилось: “Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса <...> точка первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 года”»³⁹. Дальнейшее изложение А.Н. Анисовой ситуации вокруг этой фотографии представлено в явно несогласованной, а потому совершенно непонятной форме, к сожалению, так и не исправленной после редактуры 2009

³⁷ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966. – М.: Согласие, 1997. С. 54. Позднее Чуковский упомянул о данном факте именно в рассказе об О.М.: «Сохранился фотоснимок, относящийся к тому давнему времени, к 1914 году, к самому началу войны. На этом снимке мы четверо сняты рядом на длинной скамье: Мандельштам, я, Бенедикт Лившиц и Юрий Анненков. На снимке запечатлен Мандельштам первых лет своей писательской славы, бодро и беззаботно глядящий вперед» (Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. С. 57).

³⁸ В последней по времени публикации восстановленного варианта фотографии она неожиданно датирована следующим образом: «После 17 августа 1914» («Я скажу тебе с последней прямой»). К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: Альбом-каталог / Авт.-сост. А.А. Голубева и др. – М.: Литературный музей, 2016. С. 143).

³⁹ Казаков А.Е. Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/3 (55). С. 188.

года и вновь пропущенной последними редакторами МЭ: «История ее появления описана Анненковым и Лившицем, на обороте экземпляра которого О.М. “набросал первую редакцию стихотворения” “Европа”» (с. 75, стб. 1). Что именно и при каких обстоятельствах стало основой для мандельштамовского палимпсеста (упоминаемого с нарушением издательских требований без указания первой строки стихотворения и даты его написания) из приведенных без ссылки мемуаров одного из участников этого события и отсутствующей цитаты из воспоминаний другого остается загадкой. Сам Лившиц?..

Неучтенным оказался в комментируемой публикации столь немаловажный историко-литературный факт как то, что «Анненков входил в Высший совет Дома искусств (ДИСК) по художественному отделу, и в мае 1920 г. он принял участие в коллективной выставке художников членов ДИСКА <...>; участвовал также в оформлении журнала “Дом искусств”, 1921 (№№ 1, 2)»⁴⁰. В своих «художественных» мемуарах Одоевцева вспоминала об Анненкове в этот период так: «несмотря на то, что он трудился целыми днями, он ухитрился всюду бывать и не пропускал ни одного литературного собрания или вечера. Знаком он был решительно со всеми поэтами и писателями и со многими из них дружил. – Маленький, подвижной, ловкий, всегда оживленный, с моноклем, как бы ввинченным в правый глаз, во френче полувоенного образца, он проносился по Дому искусств и по Дому литераторов, успевая всех повидать, со всеми поговорить и посмеяться»⁴¹. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что оба посещали одни и те же мероприятия; позднее Анненков вспоминал: «В Доме Искусств <...> постоянно происходили литературно-художественные собрания, доклады, прения, споры. Там помещалась также литературная студия, давшая весьма серьезные результаты. Из “класса поэзии”, руководимого Гумилевым, вышла среди других Ирина Одоевцева. “Класс художественной прозы”, руководимый Евгением

⁴⁰ Герра Р. Юрий Анненков – между кистью и пером // Новый Журнал. 2016. № 282. С. 279. Как в рецензируемой заметке можно было обойтись без этой на сегодняшний день самой полной и разносторонней творческой биографии художника, написанной лично знавшим его автором, понять невозможно. – Среди живописцев и графиков, чьи работы репродуцированы в первом номере журнала «Дом искусств», и тех, кто его оформлял, упоминаемое Р. Герра имя Анненкова отсутствует; см.: Дом искусств. 1921. № 1. С. 85 (на обложке год выхода указан ошибочно – «1920»). – К числу опосредованных, полностью затушеванных биографических «параллелей» начала 1920-х годов можно отнести и то обстоятельство, что Анненков был автором марки издательства «Круг», в 1923 году выпустившего «Вторую книгу» О.М.; см., напр.: «Я скажу тебе с последней прямой». К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: Альбом-каталог. С. 236.

⁴¹ Одоевцева И. На берегах Сены. – Париж: La Presse Libre, 1983. С. 154.

Замятин, сформировал писательскую группу “Серапионовых братьев”. При ближайшем участии Гумилева, в той же Студии возникла организация “Цех Поэтов”, выпустившая в Петербурге, а затем в Берлине (в издательстве С. Ефрона), несколько сборников поэзии и статей, посвященных поэтическому творчеству. Благодаря энергии Гумилева, Замятина, Чуковского и Горького, Дом Искусств, в короткий срок, стал подлинным центром интеллектуально-художественной жизни Петербурга. Там выступали с докладами, с чтениями своих произведений, а также – в прениях, М. Горький, А. Блок, А. Белый, Н. Гумилев, А. Ахматова, Ф. Сологуб, А. Ремизов, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Кузмин, Александр Бенуа, В. Маяковский, В. Хлебников, О. Мандельштам, <...> я и многие другие. – Кроме того, в Доме Искусств периодически устраивались высокого уровня музыкальные вечера и художественные выставки» (Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: Т. 1. С. 97–98).

Столь же уязвимо по форме и другое утверждение автора комментируемой заметки: «В “Повести о пустяках” Анненкова присутствуют многочисленные аллюзии на стихотворение О.М. “Домби и сын” и цитаты из того же текста, а также парафраз из стихотворения О.М. “Петербургские строфы”, сопровождающийся упоминанием имени поэта: “...Ветер шумит в ушах стихами Мандельштама”» (с. 75, стб. 1). Кроме того, что оба мандельштамовских текста снова упоминаются без обязательного указания первой строки и даты написания, безапелляционное утверждение о наличии многочисленных аллюзий и цитат в «Повести о пустяках» (остающейся неизвестной читателю по времени создания) из одного-единственного стихотворения О.М. (sic!) требует конкретных текстуальных примеров, впрочем, как и парафраз (который, вероятно, все-таки должен быть на литературное произведение, а не из него). Ряд замечаний возникает и относительно раздела «Литература», а именно источников воспоминаний Анненкова и Лившица: кроме уже отмеченного нетривиального выбора А.Н. Анисовой их издательского происхождения, отсутствие указания конкретных страниц, актуальных в контексте комментируемой публикации, ставит читателя перед необходимостью самостоятельно искать их в весьма объемных монографиях. Проблема возникает и с другой библиографической позицией: «Горенко А. Беллетристические мемуары художника пуст-модерниста // Электронный ресурс URL: www.russ.ru/krug/20011226.html» (с. 75, стб. 2). Вероятно, в название публикации вкралась опечатка, сохранившаяся с 2008 года и пропущенная (ведь не оставленная сознательно?) как автором заметки, так и главными редакторами энциклопедии, а потому вместо «пуст-»

следует все-таки читать «пост-», но проверить это предположение невозможно, так как указанный автором электронный адрес не открывается, а Интернет при этом сообщает: «Запрашиваемый модуль krug не может быть найден». Об уязвимости подобного рода источников, носящей объективный характер, и недопустимости их присутствия в академических изданиях, речь будет идти в связи со статьей «Интернет».

При работе над материалами ««Аполлон»» (В.В. Калмыкова) и «**Маковский С.К.**» (О.А. Коростелев), как и при их комментировании, были пропущены две важнейших публикации – справочное издание: «Аполлон». Хронологическая роспись содержания: 1909–1917 / Сост. Егорова И.Н. – СПб.: Коло, 2014, – и краткий, но глубокий и разносторонний отзыв на него: *Богомолов Н.* В книжном углу-12 // Новое литературное обозрение. 2014. № 128. Кроме того, теперь в работах на данную тему необходимо учитывать недавно увидевшее свет содержательное исследование: *Дмитриев П.В.* Литературно-художественный ежемесячник «Аполлон» (1909–1918): Очерки истории и эстетики. – СПб.: Реноме, 2018. Интересные данные, которые могли бы оказаться полезны в обоих случаях, присутствуют в публикации, посвященной эпистолярному наследию издателя: *Чабан А.* «Аполлон» «домашний»: репрезентация журнала в письмах С.К. Маковского // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild*: Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 2019⁴². Статья автора этих строк «**Арбенина О.Н.**» увидела свет в расширенном и принципиально переработанном варианте: *Шиндин С.* «Тех европейнок нежных...»: Осип Манделъштам и Ольга Гильдебрандт // Вопросы литературы. 2018. Сентябрь–октябрь. С. 166–191. Для новой редакции заметки «**Ардов В.Е.**» (М.Б. Мейлах), как и для всего для манделъштамоведения может стать небезынтересен факт существования адресованного писателю инскрипта О.М. на втором издании «Камня» 1916 года. Автограф,

⁴² Относительно личности С.К. Маковского, вероятно, следовало бы сделать еще одно дополнение. О его времени пребывания за границей в посвященной ему «заметке» говорится только: «С 1919 года в эмиграции. Консультировал первые тома американского собрания сочинений О.М. под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова» (с. 322, стб. 1). В дополнение к сказанному вряд ли было бы лишним указание на то, что в мемуарах старшего современника поэта впервые был опубликован один из важнейших стихотворных текстов того – «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931): *Маковский С.* Осип Манделъштам // *Маковский С.* Портреты моих современников. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 398. Внимание на данный факт было обращено еще в первом на родине посмертном «научном» издании современника мемуариста (правда, с опечаткой в дате выхода книги воспоминаний): *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии // *Манделъштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы / Сост. С.С. Аверинцев и П.М. Нерлер, коммент. А.Д. Михайлов и П.М. Нерлер. – М.: Художественная литература, 1990. С. 509.

не упоминаемый в комментируемом проекте⁴³, относится к тому периоду, когда Ардов и его жена Н.А. Ольшевская «познакомились с О.М. и Н.Я. Мандельштам, поселившись в 1933 году в писательском доме-кооперативе в Нащокинском пер. (ул. Фурманова, 5). Между ними, со слов Ардова, “возникли добрососедские отношения. Помнится, Анна Андреевна даже навестила нас вместе с Мандельштамом. Но никакой дружбы из этого, разумеется, не возникло, да и не могло возникнуть... А тут в самом конце 33-го вместе с матерью приехал в Москву и Лева Гумилев. В квартирке Мандельштама ему решительно не было места на ночь. Мы с женой узнали о том и предложили Лева переночевать у нас... и не только переночевать, а прожить все его пребывание в столице” (Ардов В. Этюды к портретам. М., 1983. С. 45–46)» (с. 85, стб. 2). Мандельштамовский инсрипт, датированный 30.6.1933, именно эту ситуацию и отражает: «Главному соседу Виктору Ардову / О. Мандельштам / 30/VI/33 г.»⁴⁴.

⁴³ См.: *Василенко С., Нерлер П.М. О.Э. Мандельштам. Инсрипты и маргиналии // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 145, стб. 2.*

⁴⁴ Согласно размещенной в Интернете информации, 25.10.2018 экземпляр был представлен на аукционных торгах «Дома антикварной книги в Никитском» (лот № 182) и продан анонимному покупателю; местонахождение неизвестно; см.: <https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/4630/lot/88657/foo?lang=ru>.

*Всё в мире со мной в восторг вступит
О. Мандельштам*

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

З. Я. Жуков

КАМЕНЬ

СТИХИ

«ГИПЕРБОРЕЙ»
ПЕТРОГРАДЪ
1916

Под литерой «Б»...

Представленная в редакции 2008 года заметка «Бабаев Э.Г.» (П.М. Нерлер) является иллюстрацией двух специфических, если не сказать типологических для МЭ признаков – включения в текст совершенно инородных материалов и безграничной стилистической свободы описания. Из преамбулы читателю становится известно о герое публикации, в частности, следующее: «В 1961–1969 годах заведующий научной частью Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, с 1969 года доцент, затем профессор факультета журналистики МГУ» (с. 98, стб. 1). Манера изложения представленного далее материала заставляет предположить, что он был позаимствован из некоего научно-популярного издания для старшеклассников и безо всякой авторской правки автоматически помещен в МЭ. Другими причинами невозможно объяснить появление в тексте пассажей подобного рода (курсив комментатора): «Н.Я. Мандельштам, опасаясь неожиданно оказаться в больнице, часто доверяла Бабаеву на хранение чемодан с рукописями О.М., завещая, в случае ее смерти, отвезти его в Москву»; «В 1943–1944 годах в Ташкенте в самодельной тетради из плотной бумаги оливкового цвета Бабаев вместе с Н.Я. Мандельштам составили список поздних стихов О.М. “Новая книга” (так называемый Ташкентский список <sic. – С.Ш.> в собрании Бабаева; чудом уцелело время ташкентского землетрясения 1966 года). Н.Я. Мандельштам сама записала стихи цикла “Армения”»; «Вдумчивый текстолог Л.Н. Толстого, Бабаев глубоко интересовался текстологией О.М.» (с. 98, стб. 1). Если подобный индивидуальный стиль изложения автору еще простителен, поскольку гипотетически может не появиться на страницах энциклопедии, то главному редактору «академического издания» он, безусловно, никак не должен был показаться приемлемым⁴⁵.

И здесь снова приходится вернуться к печальной констатации того, что стилистическая легкость в мыслях необыкновенная является одной из характерологических черт МЭ, демонстрирующей в этом отношении своеобразную глоссолалию. Как и прежде, возможным оказывается не просто перечень тех или иных огрехов, а систематизированный и структурированный список небрежения нормами современного литературного русского

⁴⁵ Заслуживающей в контексте темы данной заметки самого заинтересованного профессионального внимания, безусловно, является недавняя мемуарная публикация: Волгин И. «Нам не дано предугадать...». Эдуард Бабаев: судьба филолога // Текст и традиция: Альманах, 6. – СПб.: Росток, 2018. С. 300–302.

языка. Необходимо признаться, что по мере погружения в комментируемый текст количество встречающихся примеров обращения авторов к просторечной лексике и разговорным оборотам только возрастает: «близкий друг О.М. и Н.Я. Мандельштам, с которыми познакомилась в октябре 1928 года в санатории “Узкое” (тогда под Москвой)» (с. 182, стб. 1); «Прямую оценку творчества Комаровского находим в письме О.М. к Н.Я. Мандельштам» (с. 295, стб. 1); «Основная литературоведческая специализация (с легкой руки О.М., познакомившего Э.Г. Герштейн с Б.М. Эйхенбаумом) – жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (с. 182, стб. 1); «начиная с 1929 года О.М. и сам подумывал о работе над переводами из Гете» (с. 183, стб. 1); «в письме к Н.Я. Мандельштам от 15.10.1925 он сообщал, что собирается предложить издательству “Прибой” Э. По в переводах Бальмонта» (с. 101, стб. 2); «фигура Хлебникова приобрела в среде акмеистов культовый характер» (с. 507, стб. 2); «В стихотворении, предположительно, отразились впечатления от фрески В.А. Фаворского “Авиационный парад” (1936; позднее властями уничтожена)»; (с. 488, стб. 2); «неудачный переход Наполеона через реку Березину, в результате которого погибло множество народа» (с. 361, стб. 1) и т.д. вплоть до: «В апреле–мае 1928 года О.М. участвовал в хлопотах за родственника И.Б. Мандельштама» (с. 323, стб. 2)⁴⁶. По-прежнему встречаются в тексте жаргонная лексика и бюрократизмы, а также единицы сегодняшнего новояза: «в “Стихах о неизвестном солдате” задействованы образы из “Элегии” Адалис» (с. 65, стб. 1); «Интерес О.М. к геологии и биологии был во многом инициирован естественно-научными штудиями Гете» (с. 183, стб. 1); «Противопоставление “мужского” и “женского” начал, “мужей” и “жён” для О.М. – знаковое и оценочное» (с. 65, стб. 1) и др.

К подобным примерам непосредственно примыкают случаи ненормативного, в основном, образного и метафорического словоупотребления (нередко связанные с использованием клише, относящихся к «высокому стилю): «На некоторые стихи из книги Адалис “Власть” О.М. откликнулся. <sic. – С.Ш.>» (с. 65, стб. 1); «О.М. присутствовал при произнесении в зале Тенишевского училища <...> речи Вяч.И. Иванова, обличающей немецких завоевателей» (с. 259, стб. 1); «Пребывание О.М. в Париже сопровождалось всплеском творческой активности, но плоды этого всплеска практически не дошли до нас» (с. 370, стб. 2); «О.М. <...> отзывался о сборнике Иванова “По звездам” (СПб., 1909)

⁴⁶ Единственный вопрос, который здесь возникает, много раньше в другой ситуации уже был задан дотошным журналистом: «Что вы скажете за кур, дорогой профессор?». Ответ, последовавший на него, был вполне адекватен и равноценен.

восхищенно <...>, – но дерзко» (с. 258, стб. 1); «Со стихами О.М. познакомился в начале 1970-х годов и, по собственному выражению, “утонул в них”» (с. 370, стб. 1); «к И. Северянину Г.В. Иванов некоторое (непродолжительное) время испытывал слабость ббольшую, чем к О.М.» (с. 260, стб. 2); «Тщательно и насквозь Овидий был впервые прочитан О.М. во время обучения на историко-филологическом факультете» (с. 373, стб. 1); «В изображении В.А. Фаворским парада О.М.,словно после сеанса самовнушения, уловилкак бы некую “формулу счастья”» (с. 488, стб. 2); «“Петербургского” О.М. ценил Г.В. Иванов прежде всего, твердо предпочитая его ранние стихи поздним» (с. 264, стб. 2); «издание становится полем лирического диалога поэтов» (с. 70, стб. 1); «в доме по Старосадскому пер. <...> О.М. часто бывал, жил и писал этапные стихи начала 1930-х гг.» (с. 347, стб. 1)⁴⁷; «Как никакого другого поэта, его можно было бы назвать и “любителем керосина”, постоянно поминаемого в его стихах, где “переулочки коптили керосинкой”» (с. 267, стб. 1)⁴⁸.

С подобным типом лексико-семантических исканий может быть связана и чрезмерная экспрессивность некоторых авторов, явно демонстрирующая их глубоко равнодушное отношение к излагаемым фактам и собственным наблюдениям: «Автор капитального труда “Очерк романской филологии” (Лейпциг, 1886)» (с. 365, стб. 1)⁴⁹; «Жил совсем плохо» (с. 266, стб. 1); «После ареста О.М. 14.5.1934 в “Известия”,к Бухарину, бросился Б.Л. Пастернак просить за О.М.» (с. 271, стб. 2); «Ср. с полемическим перехлестом у А.А. Ахматовой: “Вяч. Иванов <...> не расслышал Мандельштама”» (с. 258, стб. 1); «В клокотании германизированного отцовского безъязычия трепыхается по меньшей мере начало стихотворения “К немецкой речи”: “Себя губя, себе противореча...”» (с. 17, стб. 2); «Корону

⁴⁷ Применительно к большинству реальных и потенциальных героев «Стихов о русской поэзии» однозначно истолковать смысл используемого определения было бы несложно, но для представителя художественной среды тех самых 1930-х годов, да еще автора строк: *Так вот бушлатник шершавую песню поёт, / В час, как полоской заря над острогом встаёт*, – и тем более: *Асо мною женапять ночей не спала, / Пять ночей не спала, трех конвойных везла*, – эпитет «этапный» может быть интерпретирован отнюдь не в хронологическом или экзистенциальном значении.

⁴⁸ В ответ на это бескомпромиссное утверждение хотелось бы напомнить легендарные строки: «Я сегодня, гражданин, / Плохо спал / Душу я на керосин / Променял...». Впрочем, автора данного четверостишия сложно отнести к числу любителей керосина... как трудно назвать его поклонником и главного героя рецензируемого издания... вряд ли любил это зажигательное средство и Пришвин... Кажется, среди лиц, имевших непосредственное отношение к русской литературе XX века, истинным приверженцем керосина был только Бегемот.

⁴⁹ В заключительном предложении заметки, из которой позаимствован приведенный пример и которая непосредственно связана с эпизодом «обучения» О.М. в Гейдельбергском университете, наравне с Ф.Г.Г. Нейманом фигурирует А. Бедье; думается, что это – лишь техническая оплошность и речь, конечно, должна идти о Ж. Бедье.

Г.В. Иванов примерял не как действующий “королевич” поэзии русского рассеяния, но погружаясь в прошлое, вызывавшее в памяти Царскосельский вокзал Санкт-Петербурга, судьбу и стихи Анненского, Блока...» (с. 266, стб. 2)⁵⁰ и т.п.⁵¹ Искреннее недоумение вызывает тот факт, что к «художественной» стороне МЭ оказались не то что безучастны, а совершенно равнодушны благоприобретенные члены редакционной коллегии последнего призыва, которые никак не обременены внутрикорпоративными обязательствами и ограничениями, характеризующими сферу современного мандельштамоведения, а потому объективно предрасположены были проявить необходимую в данном случае строгость. Возможно, что кто-то из них просто не предполагал в будущем читать то, что вышло в свет с указанием их участия, пусть даже и не имевшего места? Или такие «мелочи» кого-то не задевают? Или они этих недостатков не увидели, или, страшно подумать и тем более сказать, «редактируемое» издание даже в руки не брали?..

Упомянутая в данных комментариях заметка «**Бабин Б.В.**» (Я.В. Леонтьев, П.М. Нерлер) могла бы быть дополнена более конкретным указанием на образование ее героя: «Окончив Варшавскую гимназию в 1904 году, Бабин поступил в Институт инженеров путей сообщения, осенью 1905 года перешел на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета»⁵². Эта нередко периферийная биографическая деталь в данном контексте приобретает дополнительное значение в силу

⁵⁰ Не та ли самая это корона, которую 10.12.1911 в ресторане «Вена» заочно возлагали на Блока и которая стала вакантной в августе 1921 года?

⁵¹ Трудно сказать, к каким именно типам проявления стилистического индивидуализма (а точнее, уже непосредственно к сфере содержания) может быть отнесен нижеследующий пассаж, который содержится во вступительной статье В.Б. Микушевича и который приходится вынести в примечание, иначе выделенная в нем курсивом авторская формулировка будет выглядеть как цитата из мандельштамовского текста: «На первый взгляд, *Коран выступает здесь как совершенно бытовой предмет: книга, которой мулла пользуется в своей повседневной деятельности*» (с. 52, стб. 1). Невольно возникает вопрос о том, является ли для автора этого почти афористического высказывания бытовым предметом для употребления в повседневной деятельности православного священнослужителя «Новый Завет»? – В связи с данным фрагментом обнаруживается и другая нелепица (также отмеченная редактором в 2009 году и также оставшаяся неисправленной) – парадоксальное определение мандельштамовского текста: «одно из самых проникновенных и, быть может, самое загадочное среди восьмистиший обращено к мусульманке: “О бабочка, о мусульманка”» (с. 51, стб. 2), – в качестве подтверждения чего далее стихотворение приводится полностью <sic! – С.Ш. >. Видимо, глубоко заблуждались все прежние комментаторы и исследователи этого стихотворения, когда его метафорическим адресатом безоговорочно считали чудесного представителя отряда чешуекрылых, а не прекрасную последовательницу ислама.

⁵² Сальман М.Г. Недостижимый и непостижимый Осип Мандельштам // Русская литература. 2015. № 2. С. 269, стб. 2. – Автор благодарен М.Г. Сальман, в другой связи обратившей его внимания на эту публикацию.

того обстоятельства, что после окончания в мае 1907 года Тенишевского училища О.М. «13 августа подает прошение о зачислении вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета», но «8 октября отзывает документы»⁵³. Допустимым кажется предположение о том, что не без влияния Бабина или укрепилось принятое ранее, или сформировалось мандельштамовское решение о продолжении обучения в данном направлении: именно на естественном отделении физико-математического факультета изучались науки астрономического цикла, интерес к которым в неявной форме прослеживается у него в годы обучения в старших классах Тенишевского училища⁵⁴. В любом случае ряд биографических деталей и составляющих художественного творчества О.М позволяет говорить о том, что он был осведомлен о последних достижениях в физике, астрономии и математике, причем в такой связи более чем симптоматичным представляется тот факт, что присутствующие на протяжении всего его жизненного пути тематика и образность, связанные с астрономией, далеко выходят за смысловые границы «общепоэтической» символики и постоянно обнаруживают свое присутствие не только в «магистральных», но и в «периферийных» текстах – от датированного 13.8.1909 письма Вяч.И. Иванову: *Ваша книга прекрасна красотой великих <...> астрономических систем. <...> И только дыхание Космоса обвеивает вашу книгу, сообщая ей прелесть <...>. У вас в книге есть одно место, откуда открываются две великих перспективы, как из постулата о*

⁵³ Мец А.Г. Избранные даты жизни О.Э. Мандельштама // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 366; см. также: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 26, 27; ср.: *Сальман М.Г.* Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *RussianLiterature*. 2010. Vol.LXVIII. № 3–4. С. 449.

⁵⁴ Прямых свидетельств этому нет, но, например, известно о том, что в 1905/1906 учебном году, пребывая в предпоследнем седьмом классе, экзамен по космографии (аналог современной астрономии) будущий поэт сдал на «5»; см.: *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / 2-е изд, испр. и доп. – СПб.: Интернет-издание, 2011. С. 27. Данный факт, носящий «прагматический» характер, не противоречит мемуарному свидетельству младшего брата поэта: «Интересы Осипа определились рано. Сызмальства, по призванию, он был гуманитарием и теоретиком, и все точные науки и практические занятия вызывали у него раздражение и усталость. Он любил географию, историю, естествознание (стихи о Ламарке), языки. Но, конечно, главнейшим из всего для него была литература. И занятия ею очень скоро вышли за рамки училищного курса» (*Мандельштам Е.Э.* Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич, предисл. А.Г. Меца // *Новый мир*. 1995. № 10. С. 132). (К слову сказать, прямая ссылка на мемуары младшего брата О.М. в комментируемой «реплике» о Бабине отсутствует.) – Аналогичное «астрономическое» влияние мог оказать на О.М. и другой его репетитор – С.И. Белявский; см.: *Мец А.Г.* «Сергей Иванович»: Об одном «герое» мандельштамовского «Шума времени» // *Slavica Revalensia*. 2017. Vol. IV. С. 68–72.

параллельных две геометрии – Эвклида и Лобачевского (4, 14–15)⁵⁵, – до аналитического отклика на поставленный в 1935 году Воронежским городским театром спектакль по пьесе Чехова «Дядя Ваня»: *Мне <...> легче понять воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией, чем эту мелко-паспортную галиматью (3, 414)⁵⁶. Значительно важнее рассмотренного другой факт, отраженный в публикации М.Г. Сальман и относящийся к эпизоду празднования 31.12.1924 Мандельштамами и Бабиными Нового года. Автор приводит следующее свидетельство Ю.Л. Фрейдина, содержащееся в его письме от 21.10.2012: «Берта Александровна Бабина рассказывала, что тогда Осип Эмильевич читал “1 января 1924”. Берта Александровна помнила об этом спустя сорок, и пятьдесят, и пятьдесят пять лет... <...> О других стихах на новогодней встрече не упоминала»⁵⁷.*

⁵⁵ Как известно, данная формулировка дословно повторится более чем через десятилетие в статье (монографии) «О природе слова» (1920–1922) при характеристике двух вариантов истории литературы: *Подобно тому как существуют две геометрии – Эвклида и Лобачевского, возможны две истории литературы, написанные в двух ключах: одна – говорящая только о приобретениях, другая – только об утратах, и обе будут говорить об одном и том же (1, 219).*

⁵⁶ Любопытным и вряд ли случайным представляется тот факт, что «астрономическую» тематику сменяет в мандельштамовской характеристике образность, лежащая в сфере естествознания: *Биолог назвал бы чеховский принцип – экологическим. <...>. Никакого действия в его драмах нет <...>. Чехов забирает сачком пробу из человеческой «тины», которой никогда не бывало (3, 414).* Рассмотрение общей картины отношения О.М. к «Божественной комедии» в данной перспективе могло бы стать особенно интересным и результативным ввиду того особого места, которое занимает астрономическая образность в поэме Данте, где она использована и в свете достижений средневековой науки, и в более широком контексте моральной, философской и историко-культурной проблематики, а также темы поэтического творчества; см., напр.: *Cornish A. Reading Dante's Stars. – New Haven; London: Yale University Press, 2000.* – К сожалению, статья «Астрономия», безусловно актуальная при реконструкции и интерпретации как системы «космогонических» взглядов О.М., так и его художественной модели мира, для комментируемого издания подготовлена не была. (Как, впрочем, и материалы о намного более актуальной биологии и других науках.)

⁵⁷ *Сальман М.Г.* Недостижимый и непостижимый Осип Мандельштам. С. 269, стб. 1. – Попутно следует заметить, что в основном пристатейном списке литературы энциклопедической публикации вряд ли корректно было ссылаться на зарубежное и недоступное большей части читательской аудитории издание мемуаров Б.А. Бабиной (с. 100, стб. 1), российский «репринт» которого вышел в свет в 1990 году. Приходится признать, что данная специфическая особенность явно относится к числу главных «дифференциальных признаков» библиографического аппарата МЭ; на практике же это означает полное пренебрежение интересами абсолютного большинства читателей. (Сам автор этих строк до сих пор испытывает неловкость от того, что в силу обстоятельств вынужден был процитировать фрагмент мемуаров Н.Н. Берберовой по нью-йоркскому изданию, правда, в качестве «вспомогательного» источника.) А ввиду того, что время написания большинства статей МЭ пришлось на 2005–2008 годы, когда электронные оригиналы и копии научных публикаций еще не получили всестороннего распространения, число таких темных библиографических пятен слишком велико. Впрочем, не менее удивляют и единичные случаи проявления в подобных ситуациях лингвистической добросовестности, как например, во вступительной статье, где при всей ее библиографической пестроте можно встретиться

Лаконичная заметка «Балтрушайтис Ю.К.» (О.А. Лекманов), по сути, сведена к упоминанию двух фактов, к которым традиционно сводятся описания «диалога» двух поэтов – попытке Балтрушайтиса в самом начале 1920-х годов убедить О.М. в необходимости принять литовское подданство⁵⁸ и его безрезультатных усилиях добиться мандельштамовского освобождения после ареста в мае 1935 года⁵⁹. Подобная краткость во многом обусловлена реальными причинами – отсутствием прямых и косвенных свидетельств об общении современников, но в своих устных воспоминаниях Н.Я. Мандельштам утверждала, что поэт «хорошо знал Балтрушайтиса смолоду»⁶⁰. Однако прямые

с самыми неожиданными иноязычными источниками – от Данте и Петрарки до Канта и Шопенгауэра. Правда, не в прижизненных, а почему-то в современных изданиях...

Не менее удивительны и нередко встречающиеся в МЭ прямые ссылки на первые прижизненные издания сочинений мемуарного характера (включая и магистральные для «мандельштамоцентричной» перспективы «Полутороглазый стрелец» Лившица, «Встречи» Пяста и др.), тогда как в собственно научном обороте давно уже фигурируют более поздние и функционально более авторитетные варианты. Вот, например, как «правила поведения» в подобной ситуации были оговорены во вступительной заметке к, очевидно, самому профессиональному за последние десятилетия библиографическому указателю, посвященному русской литературе конца XIX – начала XX века (раздел «Общие принципы составления и оформления материала»): «В большинстве случаев учитывается только повторное издание следующих мемуаров: Белый А. Начало века / [Вступ. ст. Л. Каменева; предисл. авт.]; Обл. А. Радищева. – М.; Л.: ГИХЛ, 1933. – XVI, 503 с.; Белый А. Между двух революций / [Вступ. ст. Ц. Вольпе; предисл. авт.]. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. – 409 с.; Пяст В. Встречи. – М.: Федерация, 1929; Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. – М.: Федерация, 1930» (Русская литература конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Т. 1 (А – М). – М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 6). С другой стороны, нередки случаи, когда в ситуациях, требующих опоры на безусловно или гипотетически известные О.М. издания, авторы используют их современные «дубликаты». Самый яркий пример в этом отношении (и не столько для МЭ, сколько для всей мандельштамоведческой науки) – использование трудов А. Бергсона в вариантах, увидевших свет в 1990-е годы; к сожалению, такому правилу следует абсолютное большинство и биографов, и интерпретаторов.

⁵⁸ В комментируемой заметке об этом говорится так: «В начале 1921 года, будучи чрезвычайным посланником и полномочным представителем Литовской республики в РСФСР, “уговаривал О.М. принять литовское подданство. <...> О.М. даже собрал какие-то бумаги и снес показать их Балтрушайтису, но потом раздумал”» (с. 100, стб. 2). Иная, еще более абстрактная датировка была предложена П.М. Нерлером: «в 1922 году литовский посол в России и русский поэт Балтрушайтис предлагал Мандельштаму уехать, но тот остался» (*Нерлер П.* «Американ-бар»: Мандельштам и Америка, Америка и Мандельштам // *Нерлер П. Soratone: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 353).

⁵⁹ Атрибутировать авторство двух завершающих публикацию фрагментов воспоминаний Н.Я. Мандельштам читателям предстоит самостоятельно – никакими библиографическими ссылками они не снабжены; возможно, данное обстоятельство связано с затруднениями при «переводе» первоначальных источников цитат на собрание сочинений вдовы поэта.

⁶⁰ *Сергеева Л.* «Мы с тобой на кухне посидим...»: мое общение с Надеждой Яковлевной Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост.

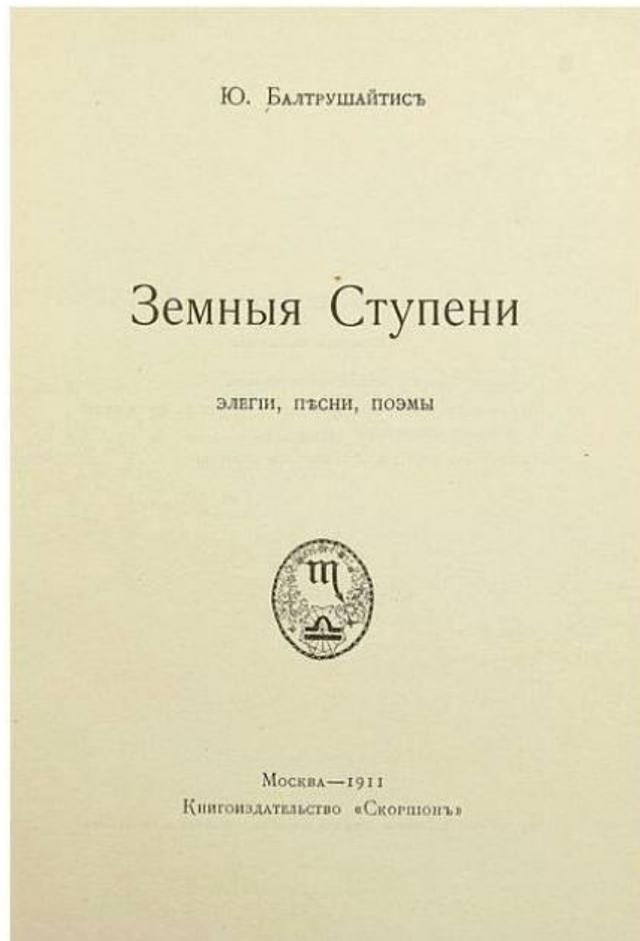
подтверждения этого в научном обороте отсутствуют, а имеющиеся носят лишь гипотетический характер⁶¹.

Так, в частности, трудно предположить, чтобы О.М. были неизвестны рецензии Н.С. Гумилева на оба поэтических сборника Балтрушайтиса – «Земные ступени: Элегии, песни, поэмы» (М.: Скорпион, 1911) и «Горная тропа: Вторая книга стихов» (М.: Скорпион, 1912). С присущей ему профессиональной чуткостью восприятия поэтического творчества будущий основоположник акмеизма явно ощущал периферийный статус Балтрушайтиса в художественном пространстве русского символизма. В кратком отклике на первую из книг (Аполлон. 1911. № 10. С. 74, стб. 1) он отметил главную особенность поэтики старшего поэта: «Балтрушайтис – символист, но я скорее назвал бы его “метафористом”, если бы этот неологизм не был так безобразен. В большинстве случаев его стихотворения только сравнения, употребляемые для характеристики переживания и не играющие своей, не служебной роли. Так и хочется перед ними видеть слово “как”, а потом лирическое волнение, эпический рассказ, внезапный прорыв в настоящую жизнь. Но густая кровь людей конца прошлого века мешает поэту вырваться из паутины метафор, и его стихи, бесконечно

П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 407. Вряд ли случайно или произвольно принадлежащее вдове поэта утверждение и о том, что «Балтрушайтис уже давно предчувствовал, какой конец ждет О.М. Еще в самом начале двадцатых годов (в 1921-м, до гибели Гумилева) он уговаривал О.М. принять литовское подданство» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 102).

⁶¹ Помимо объективных обстоятельств данная ситуация может иметь и другие причины: специфический ореол личности Балтрушайтиса и его поэтического творчества наглядно отражен в почти полном отсутствии внимания к нему со стороны исследователей и русского символизма, и истории культуры первой четверти XX века. Свидетельством этого может служить, например, список литературы о нем в энциклопедической статье уже 2000-х годов, обрывающийся на начале 1980-х и целиком состоящий из материалов биографического характера: *Гречишкин С.С.* Балтрушайтис Ю.К. // *Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. Т. 1: А – Ж.* – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 166, стб. 1. Едва ли не единственную попытку отчасти восполнить эту лакуну представляют собой публикации Н.А. Богомолова «На фоне эпохи: Юргис Балтрушайтис» (*Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 309–333) и «Кормчие звезды над горной тропой» (*Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010. С. 51–56). Здесь же можно назвать монументальный монографический труд одного из ведущих специалистов в области русского символизма О.А. Ханзен-Лёве, содержащий ряд фрагментарных обращений к художественному наследию Балтрушайтиса: *Ханзен-Лёве О.А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Академический проект, 2003. С. 741 (им. ук.). Надежным подспорьем в работе над данной темой теперь может стать содержательная библиографическая публикация: *Поберезкина П. Ю.* Балтрушайтис в печати Украины 1910–20-х гг. // *Rusistica Latviensis* 8. Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. – Riga: Latvijas Universitātes Akadēmiskais apgāds, 2019.

похожие один на другой, проходят перед читателем строгие, торжественные и ненужные»⁶².

Непосредственно в продолжение сказанного был охарактеризован и следующий поэтический сборник «метафориста» Балтрушайтиса (Гиперборей. 1912. № 1. С. 30⁶³), о

⁶² Гумилев Н.С. «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер при участии Р.Д. Тименчика, подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. – М.: Современник, 1990. С. 131; Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 107. – О том же, но с противоположной оценкой писал один из самых благожелательных критиков поэта Ю.И. Айхенвальд: «Отпечаток благородства и целомудренности лежит на строгом творчестве Балтрушайтиса. Оно не разнообразно в своих мотивах; его круг имеет определенный диаметр; но это – именно тот круг, в который замкнуты все религиозные темы человечества, все интересы наших печалей и утешающей мудрости» (Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 3: Новейшая литература / 4-е изд., перераб. – Берлин: Слово, 1923. С. 243; то же: Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Кн. II / Под ред. Л.М. Суриса. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 96).

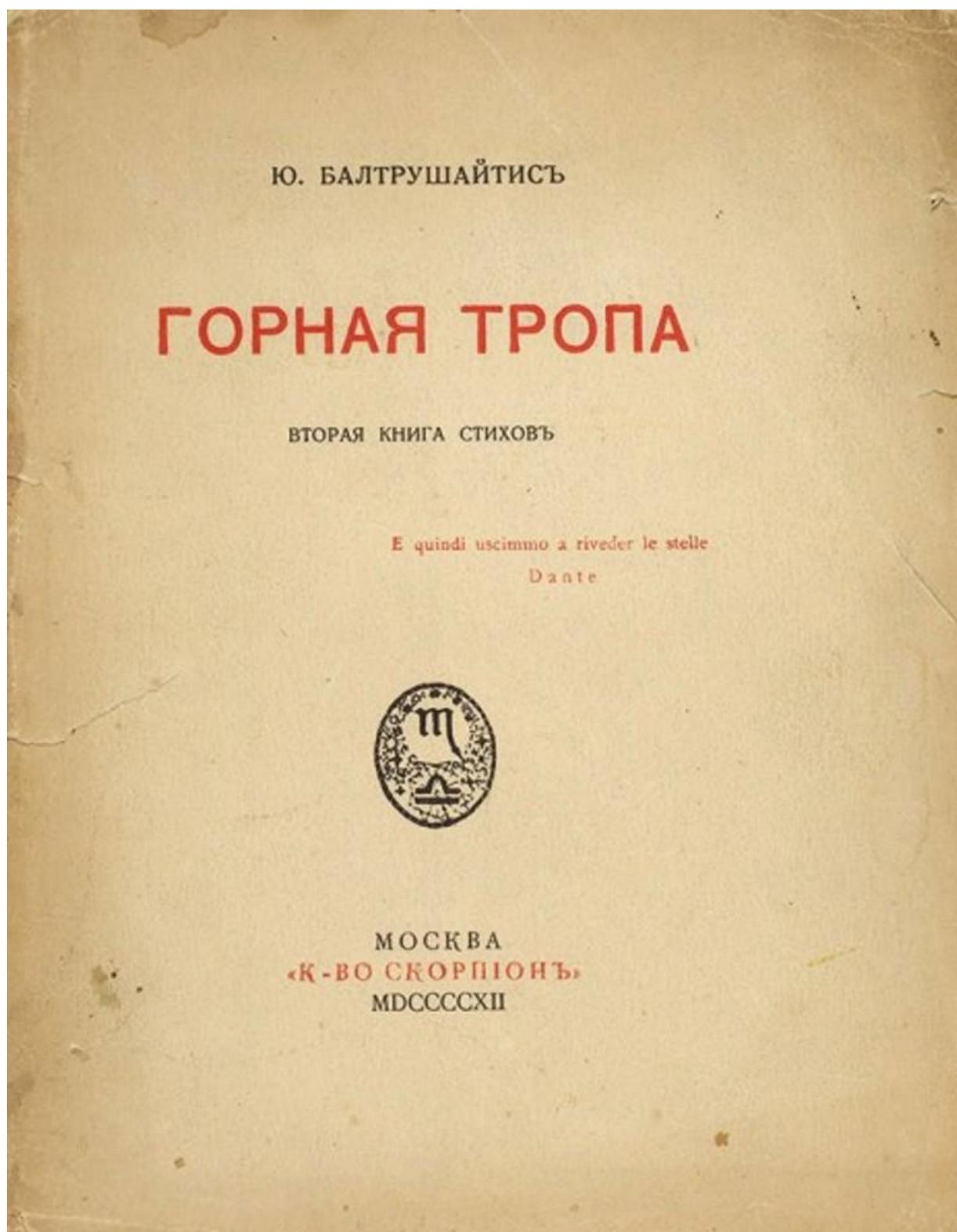
⁶³ Там же (с. 20–22) опубликованы четыре стихотворения О.М., каждое из которых по самым разным причинам сразу же вошло в активный читательский оборот: «Отчего душа – так певуча...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Сегодня дурной день...» и «Я вздрагиваю от холода...». С. Голдбергу принадлежит утверждение (впрочем, кажущееся

котором говорилось, что он «пишет и печатает уже давно, но первая его книга появилась лишь в прошлом году, а вторая последовала вслед за первой. Между ними почти нет разницы. – Все творчество поэта выдержано по своей равномерной, часто раздражающей отвлеченности. Он смотрит на мир глазами сомнамбулы, и все вещи проходят мимо него, не задевая его и не волнуя. Гораздо больше он любит отвлеченные понятия и часто находит для них эпитеты верные и певучие. Его стих, простой и точный, прекрасно передает холодное волнение поэта. Творчество Ю. Балтрушайтиса вряд ли характерно для поэзии наших дней, но, как одиночка, он ценен и интересен»⁶⁴. В рецензии (Аполлон. 1916. № 1. С. 28–29) на книгу стихов М.Л. Лозинского «Горный ключ» (Пг.: Альциона, 1916) Гумилев, в частности, отмечал ее удачное название, возможно, вызвавшее ассоциации с «Горной тропой» Балтрушайтиса: ««Горный ключ» – хорошее название для книги М. Лозинского, потому что она так же однородна, так же идет из глубины, но ничего об этой глубине не рассказывает». Вероятно, не принимая художественной позиции «младшего символиста» в целом, Гумилев все-таки испытывал к нему определенную, возможно, личную симпатию, иначе трудно объяснить сближение поэтического опыта Балтрушайтиса с творчеством столь близкого Гумилеву человека, каким был для него Лозинский. Косвенно это предположение находит свое подтверждение в продолжении рецензии: «мысль, что о таинственном надо говорить таинственно, о неведомом – в неведомых доселе сочетаниях слов, роднит М. Лозинского с некоторыми нашими поэтами-символистами: М. Волошиным, Ю. Балтрушайтисом, Вл.

преувеличением) о том, что образный строй этих текстов, совершенно явно ориентированных на символистскую традицию, «предвосхищен» во входившем в сборник «Горная тропа» Балтрушайтиса стихотворении «Карусель»: *Goldberg S. Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism*. – Columbus: The Ohio State University Press, 2013. P. 245, note 34; см.: *Балтрушайтис Ю.* Лилия и Серп: Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1989. С. 123.

⁶⁴ Гумилев Н.С. «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники. С. 157; Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С. 140–141. То, что пристрастный рецензент ощущает как «взгляд сомнамбулы на мир», сам автор афористически определил несколько иначе: «строго говоря, в моей жизни я все же знаю только одно-единственное замечательное событие: эту мою человеческую жизнь от колыбели до гроба, эту таинственную ткань из мыслей и страстей, из знания, веры и надежды, где было, есть и будет слишком много боли, где было, есть и будет слишком много радости...» (*Балтрушайтис Ю.* Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С.А. Венгерова [Т. 1–3, 1914–1918] / Послел., подгот. текста А.Н. Николокина. – М.: Республика, 2004. С. 372, стб 2). – Симптоматичным кажется тот факт, что, характеризуя художественную специфику творчества Балтрушайтиса, Н.А. Богомолов выбирает в качестве «термина сравнения» и О.М.: «Не будем специально говорить об особенностях построения и поэтики его сборников – это дело других специалистов, – но скажем, что в 1911 и 1912 годах они воспринимались как глубокие анахронизмы. Мандельштаму и Маяковскому, издавшим на будущий год свои первые книги, они были явно ни к чему. Балтрушайтис продолжал пребывать вне времени, вне русской литературы своей эпохи» (*Богомолов Н.А.* На фоне эпохи: Юргис Балтрушайтис С. 324).

Гиппиусом»⁶⁵.

⁶⁵ Гумилев Н.С. «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники. С. 199, 200; Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С.195, 196.

Ю. Балтрушайтисъ

Горная Тропа

Москва—1912
Книгоиздательство «Скорпионъ»

Предпосылки, с которыми кажется оправданным считаться, существуют для реконструкции и гипотетических личных связей двух современников, основывающихся на общности их интересов; в наборе возможных редуцированных историко-литературных и

биографических параллелей, вероятно, в первую очередь следовало бы назвать обоюдное внимание к личности и творчеству А.Н. Скрябина. Если для младшего из них они лежали в сфере собственно культурологической, то для старшего носили откровенно личный характер: «Художнические интересы Балтрушайтиса не замыкались в литературной сфере; он дружил с А.Н. Скрябиным (консультировал его по технике стихосложения, участвовал в его благотворительных концертах, после смерти музыканта стал одним из учредителей Скрябинского общества)»⁶⁶. В прижизненном энциклопедическом издании об этом (возможно, со слов самого Балтрушайтиса) говорилось: «Был связан дружбой с А.Н. Скрябиным, которому посвятил ряд вещей»⁶⁷. Характер взаимоотношений двух современников зафиксировал в своих воспоминаниях их общий знакомый: ««я часто виделся с Бальмонтом у Скрябина. Их познакомил Балтрушайтис. Бальмонт относился к “музыкальной” группе символистов, вместе с В. Ивановым и Балтрушайтисом <...>. Бальмонт все-таки не смог так акклиматизироваться в оранжерейной атмосфере скрябинского дома, как Вяч. Иванов и Балтрушайтис»⁶⁸. В свою очередь, эта дружба оказала существенное влияние на литературные интересы Скрябина; близко общавшийся с ним Л.Л. Сабанеев вспоминал о времени окончания работы композитора над симфонической поэмой «Прометей»: «В этот сезон Александр Николаевич начал изучать пристально и серьезно лирику русских символистов. Думаю, что знакомство с Балтрушайтисом было тому известным побудительным поводом. Вскоре рядом с маленькими партитурами “Моря”

⁶⁶ *Гречишкин С.С.* Балтрушайтис Ю.К. С. 147, стб 3. – В комментируемом издании об отношении О.М. к творчеству Скрябина говорится в одноименной статье автора этих строк, переработанной и расширенный вариант которой размещен в приложении к настоящей публикации.

⁶⁷ <Б.п.>Балтрушайтис К.Ю. // Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX в. Т. 1 / Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е изд. – М.: ДЭМ, 1991. С. 30). – Автором статьи, очевидно, является Д.С. Усов – зимой 1926 года он сообщал одному из своих корреспондентов: «Занимаюсь писанием биографий для Словаря. У меня вот кто: <...> И. Анненский, <...> А. Ахматова, Балтрушайтис, <...> Блок, <...> Черубина де Габриак (если позволит), Э. Голлербах, <...> А.С. Грин, Л.П. Гроссман, В. Жирмунский, А. Звенигородский, М. Зенкевич, В. Кривич, А. Лозина-Лозинский, М. Лозинский, О. Мандельштам, <...> И. Одоевцева, Б. Пастернак, <...> Л. Рейснер, <...> Вс. Рождественский, А.А. Смирнов (проф<ессор> зап<адной> литер<атуры>), К. Случевский, <...> И. Эренбург, М. Цветаева. – Это пока. Но придется взять и совсем не тех, кого хочешь... <...> – Это очень, очень приятная работа» (*Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...». [В 2 т.] Т. 2. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М: Эллис Лак, 2011. С. 372). Он же был автором включенной в этот словарь публикации об О.М., о чем говорится, в частности, в обстоятельной заметке «Усов Д.С.» Т.Ф. Нешумовой (с. 486, стб. 1).

⁶⁸ *Сабанеев Л.* Мои встречи. «Декаденты» // Воспоминания о серебряном веке / Сост. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 346–347.

Дебюсси и “Тайной доктриной” Блаватской я увидел у него в качестве настольной книги или руководства еще собрание сочинений Бальмонта, <...> Вяч. Иванова и стихи Ю. Балтрушайтиса, а также маленький учебник стихосложения». Ему же принадлежит и другое немаловажное в данном контексте свидетельство: «В это время <...> Балтрушайтис ввел в скрябинский круг еще <...> Вячеслава Иванова»⁶⁹.

Непосредственное личное общение литераторов, вероятнее всего, происходило в периоды мандельштамовского пребывания в Москве, в культурной жизни которой Балтрушайтис занимал заметное место. Первый из таких эпизодов мог относиться к апрелю 1918 – февралю 1919 года⁷⁰, когда О.М. переехал из Петрограда в новую столицу, очевидно, в попытке трудоустройства в Наркоминдел⁷¹. В данной связи необходимо учитывать тот факт, что события октября 1917 года были приняты Балтрушайтисом вполне лояльно, и это нашло свое проявление в активной общественной деятельности старшего поэта. Так, согласно версии, высказанной в предисловии к его последнему поэтическому сборнику, в 1918 году он «был избран председателем Всероссийского союза писателей»⁷², однако по современным данным указанная дата не соответствует реальности: «К моменту образования

⁶⁹ *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Скрябине. – М.: Классика-XXI, 2000. С. 173, 188. Принадлежащая композитору высокая оценка поэзии Балтрушайтиса была отражена при ее описании уже в первом «академическом» справочном издании второй половины 1910-х годов. В качестве возможного обоснования этого выступало определенное отъединение автора от некоторых главных ценностей христианского мировоззрения, что выступало одной из отличительных черт скрябинского творчества при его характеристике в мандельштамовской версии: «Ослабленное чувство зла в мире, с одной стороны, тайны плоти, с другой – несколько отдаляет это мирозерцание от чисто христианского и приближает к индийскому (быть может, одна из причин, почему лирика Балтрушайтиса была так дорога покойному А.Н. Скрябину)» (*Иванов Вяч.* Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // *Русская литература XX века. 1890–1910.* Под редакцией профессора С.А. Венгерова [Т. 1–3, 1914–1918] / Послел., подгот. текста А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. С. 379, стб. 1). – Из более редуцированных, но не менее значимых параллелей в мировоззрении старшего и младшего поэтов может быть указан обоюдный интерес к философскому наследию В.С. Соловьева; для первого из них см.: *Саушкин П.С.* О влиянии философии В.С. Соловьева на мировоззрение и творчество Ю.К. Балтрушайтиса // *Соловьёвские исследования.* 2016. Вып. 1 (49).

⁷⁰ См., напр.: *Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. – М.: Астрель, 2012. С. 78–110; *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 127, 138; *Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М.: АСТ, 2015. С. 124–127.

⁷¹ См.: *Шиндин С.* Обязательный постскрипtum и необязательные детали // *Новый Журнал.* 2016. Кн. 283. С. 358–361.

⁷² <Б.п.> Биография Ю.К. Балтрушайтиса // *Балтрушайтис Ю.* Лилия и серп: Третья книга стихов. – Paris: YMCA-Press, 1948. С. 10. В «параллель» этому О.М. в конце декабря 1918 года вступил в Московский профессиональный союз писателей; см.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 136.

Петроградского Союза в Москве уже действовал Союз писателей, созданный в 1918 г. под председательством М.О. Гершензона. Весной 1920 г. он был реорганизован, председателем избран Ю. Балтрушайтис»⁷³. Помимо этого, «Балтрушайтис работал в Театральном отделе учрежденного в 1918 году Наркомпроса, а позже был заведующим секцией Театра и музыки Московского Совета»⁷⁴. Работа в Наркомпросе предполагала постоянное активное взаимодействие с самыми разными представителями литературной среды: «В Театральном отделе было много подразделов, секций. Здесь работало немало людей, близких Ю. Балтрушайтису. Секцией истории театров руководил Вяч. Иванов, научно-теоретической – А. Белый. Ю. Балтрушайтис заведовал репертуарной секцией. Как видно по одному высказыванию Ю. Балтрушайтиса, главной своей задачей секция считала тщательный подбор репертуара»⁷⁵. Очевидно, с данным обстоятельством связан документ, предположительно датированный январем 1919 года: «Отношение (в бухгалтерию Наркомпроса?) с просьбой остановить выплату аванса на перевод “трагедий Геббеля и Клейста, заказанных поэту Мандельштаму”. Подписано зав. репетиционной секцией ТЕО Наркомпроса Ю. Балтрушайтисом <...>. С пометой неизвестного лица “январь 1919”»⁷⁶. С июня 1918 по февраль 1919 года О.М. занимал должность заведующего подотделом художественного развития (эстетического воспитания) учащихся при отделе реформ школы Наркомпроса⁷⁷; очевидно, с данным фактом опосредованно связан процитированный документ и более чем вероятное

⁷³ Кукушкина Т.А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 86. В заметке журнала «Дома искусств» об этом факте говорилось: «Весной 1920 г. по инициативе группы петербургских писателей организован петербургский отдел Всероссийского профессионального союза писателей, незадолго до того основанного в Москве» (<Б.п.> Союз писателей // Дом искусств. 1921. № 1. С. 73, стб. 1).

⁷⁴ Дауэтите В. Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк / Пер. с лит. Б. Балашевичуса. – Вильнюс: Vaga, 1983. С. 61; этот же факт указан и в прижизненной биографии поэта: «С 1918 года работал в Лито Наркомпроса» (<Усов Д.С.(?)> Балтрушайтис К.Ю. С. 30).

⁷⁵ Дауэтите В. Юргис Балтрушайтис: Монографический очерк. С. 61.

⁷⁶ Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 138; цитата «автоматически» воспроизведена безо всякого сопроводительного комментария с прямой ссылкой на издание: *Сеславинский М.В.* Мой друг Осип Мандельштам. – М.: Бослен, 2016. С. 265.

⁷⁷ См.: *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. №9. – Предполагавшаяся публикация о Народном комиссариате просвещения (см.: Словник (по состоянию на 31.12.2004) // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007. С. 18) в опубликованном варианте комментируемого проекта не появилась.

мандельштамовское общение с Балтрушайтисом. Еще одним местом встреч поэтов могли стать собрания уже упоминавшегося московского литературного общества «Литературный особняк»⁷⁸: в содержащейся в МЭ заметке Е.Д. Гринько о нем, в частности, говорится: «Первоначально в общество входили 47 человек, в том числе К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов, Ю.К. Балтрушайтис»⁷⁹, и далее автор конкретизирует: «Заседания “Литературного особняка” проходили каждую среду. На них, как правило, слушались доклады о современной поэзии и поэзии прошлых лет. На одном из заседаний “Литературного особняка” в апреле 1922 года выступал и О.М.; тема выступления неизвестна (см.: ГАРФ. Ф. А. 2306. Оп. 22. Д. 57. Л. 28 об.)» (с. 313, стб. 1).

Не оказалось в публикации упоминаний о совместном присутствии О.М. и Балтрушайтиса в печатных изданиях, в частности, в неоднократно упоминавшемся в данных комментариях коллективном сборнике «Весенний салон поэтов» (М.: Зерна, 1918), что, в частности, указано в одноименной заметке В.В. Калмыковой (с. 159, стб. 1). Не названо их соседство в издании: Из новых поэтов: Сборник стихов. – Берлин: Мысль, 1923, – где опубликованы стихотворения Балтрушайтиса «Родник» («Твой жребий – жить, служа сиротству...») и «Раздумие» («Все славе мира на послугу...»), а О.М. – «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...»); «На страшной высоте блуждающий огонь...» и «Исакий под фатой молочной белизны...»⁸⁰. В связи с опосредованными параллелями в творчестве двух поэтов может быть названо предположение Л.Ф. Кациса о том, что важное место в содержательном строе мандельштамовских «Стихов о неизвестном солдате» (1937) занимает «диалог» с поэмой Байрона «Видение суда» (1822), которая «на русский язык долго

⁷⁸ См.: Шиндин С. «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. С. 29.

⁷⁹ Указаний на источник такого утверждения нет ни в опубликованной редакции статьи, ни в первоначальном ее варианте; вполне вероятно, он присутствует в других работах автора, включенных в пристатейную библиографию.

⁸⁰ См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников: 1900–1937. – М.: Лантерна; Вита, 1994. С. 185. – Неоднократно предлагаемые автором этих строк подобные упоминания мотивированы не столько стремлением к обозначению отдельных «типологических» черт в историко-литературной части биографии О.М. и его современников, сколько большей степенью вероятности знакомства главного героя энциклопедии с конкретными художественными произведениями своих соседей по разного рода периодическим и разовым изданиям. Подобную информацию, разумеется, не следует относить к разряду актуальной, но она, тем не менее, хотя и периферийно, но также способствуют формированию исследовательского и читательского представления о том, что соответствует опоязовскому определению «литературного быта»: трудно представить себе автора, серьезно относящегося к своему поэтическому творчеству и совершенно равнодушному к тому контексту, в котором публикуются его произведения.

не переводилась и впервые появилась лишь в 1904 г. в полном собрании сочинений Байрона. Перевел поэму Ю. Балтрушайтис. При жизни Мандельштама других переводов не существовало»⁸¹.

И еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание: даже в печально традиционной сфере библиографических новаций, отличающих комментируемое издание, несколько удивляет то обстоятельство, что в публикации автор ссылается на реферат своей диссертации (Книга стихов как «большая форма» в русской поэтической культуре начала XX в.: О.Э. Мандельштам. «Камень» (1913) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995 (с. 100, стб. 2)), тогда как на момент составления первой и последней «буквицы» МЭ из печати уже вышло его монографическое исследование на эту тему *Лекманов О.А.* О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. – М.: Intrada, 2006. С. 73–115. Возможно, данная особенность мотивирована тем обстоятельством, что заметка представлена в редакции 2004 года.

В работе над материалами к статье «**Бабель И.Э.**» (Лоцилов И.Е., Фрейдин Г.), вероятно, полезным может оказаться обращение к изданию: *Vinokur V.* The Trace of Judaism: Dostoevsky, Babel, Mandelstam, Levinas. – Evanston: Northwestern University Press, 2008. «Семантический фон» статьи «**Бах И.С.**» (Г.Э. Киршбаум) мог бы быть расширен с учетом публикации: *Тименчик Р.* Баховская бразилиана Анны Ахматовой // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сб. ст. к 65-летию Бориса Ароновича Каца. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 581–593. В заметке «**Бетховен Л. ван**» (С.Г. Шиндин) неучтенным осталось пропущенное автором убедительное предположение О.А. Лекманова о том, что в стихотворении О.М. «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...», 16.4.1931) «почти наверняка идет речь об одном из двух концертов пианиста Генриха Нейгауза, так анонсировавшихся “Известиями”: “Государственный Академический Большой театр Союза ССР. 7 и 8 апреля, в 1 час дня, симфонические концерты. Дирижер Игнац Вагхальтер. Исполняют оркестр ГАБТ СССР и Г. Нейгауз. В программе: Бетховен 3-я симфония (героическая), 5-й концерт для фортепиано с оркестром, Брамс 1-я симфония”» (*Лекманов О.* Читатель газет: пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 510). Библиография, сопровождающая данную статью, могла бы быть

⁸¹ *Кацис Л.Ф.* Мандельштам и Байрон. К анализу «Стихов о неизвестном солдате» // *Кацис Л.Ф.* Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. – М.: РГГУ, 2012. С. 59.

дополнена еще одной публикацией: *Пронина Т.Д.* Перформативная стратегия «Оды Бетховену» О.Э. Мандельштама // *Новый филологический вестник*. 2014. № 3 (30).

В новой редакции заметки «**Бодлер III.**» (С.Г. Шиндин) целесообразно было бы учесть ряд интересных наблюдений, принадлежащих В.В. Мусатову (Лирика О. Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000 (по им. ук.)), а также возможные коннотации с «бодлеровской темой» в повести «Египетская марка» (1927), предложенные в издании: *Манделъштам О.* Египетская марка. Пояснения для читателей / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина и др. – М.: ОГИ, 2012. С. 49, 99, 346. Внимания заслуживает и сохранившийся фрагмент одного из писем Н.Я. Мандельштам конца 1935 – начала 1936 года из Москвы, адресованных О.М., где она передает «по-видимому, “воображаемый разговор” с Иваном Лупполом, директором ГИХЛа»: «у него <О.М. – С.Ш.> свой подход и он от него в переводе отказаться не может. И переводами он зарабатывать не может. Зарабатывать он может только своим литературным трудом: печатайте стихи, а не критикуйте переводы. Вообще переводчика Манд<ельштама> нет, а есть писатель М<андельштам>. <...> А переводческую склоку заводить глупо и мелко. Гораздо лучше признать, что ты плохой переводчик. Мне все предлагают то фунт Малларме, то кило Бодлера. Тут же у Луппола в кабинете предлагают. Я говорю: что вы! Мандельштам абсолютно не умеет переводить стихов. Он 3 сонета Петрарки делал 2 месяца – позаработал бы по 30 р. 50 к. в месяц. И вы бы забраковали за неточность. Где ему!»⁸². (Думается, данный факт мог бы стать немаловажным дополнением как к упоминавшейся статье «Малларме С.», так и к публикации «Петрарка Ф.».) Ввиду особого места французского поэта в художественном мировоззрении О.М и акмеистической системе ценностей, интерес может представлять первая публикация доклада С.Н. Дурылина, прочитанного в 1926 году в Государственной Академии художественных наук и подготовленного к печати в сборнике материалов Государственной Академии искусствознания «Русский символизм», предполагавшегося к изданию в конце 1920-х годов⁸³. Статья представляет собой едва ли не первую в

⁸² Цит. по: *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. № 47. С. 222. Негативное отношение вдовы поэта к его переводческой деятельности в поздний период хорошо известно; см., напр.: «В молчании Мандельштама большую, хотя и механическую, роль сыграли переводы. О нем начали писать, что он бросил поэзию и перешел на переводы, хотя ничего подобного еще не было, но потом добились своего – рот ему заткнули. Лишь после истории с Уленшпигелем Мандельштам бросил литературу, то есть переводы, и освободился от кабалы» (*Манделъштам Н.* Вторая книга. С. 279).

⁸³ См.: *Нефедьев Г.В.* К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»:

отечественной научной традиции попытку определить место и роль предшественника «новой поэзии» в теории и практике русского символизма, то есть, по словам ее автора, наметить «общие линии, по которым шло влияние Бодлера на русских поэтов-символистов, и влияние это рассматривается <...> не только как влияние формально-эстетическое, но и как влияние культурно-историческое [и действительно-жизненное] по преимуществу»⁸⁴.

В статью «**“Бродячая собака”**» (В.В. Калмыкова) вполне обоснованно могла бы быть включена довольно прозрачная характеристика определенного типа посетителей артистического кабаре, содержащаяся в первой части мандельштамовской заметки 1923 года «Армия поэтов» и интонационно напоминающая соответствующие фрагменты очерка «“Гротеск”»: *Лет десять назад, в эпоху снобизма «бродячих собак», юношеское стихописание носило совершенно другой характер. На почве безделья и обеспеченности молодые люди, не спешившие выбрать профессию, ленивые чиновники привилегированных учреждений, маменькины сынки охотно рядились в поэтов со всеми аксессуарами этой профессии: табачным дымом, красным вином, поздними возвращениями, рассеянной жизнью* (2, 336).

Под литерой «В»...

Статья «**Ваксель О.А.**» (А.С. Ласкин, С.Г. Шиндин) является самой наглядной иллюстрацией одного из механизмов формирования авторского коллектива МЭ и ее текстуального наполнения. Первоначальный вариант данной публикации был предложен пишущим эти строки в 2004 году и поступил на отзыв одному из коллег, после чего у текста оказалось два автора, а в новой редакции появились многочисленные совершенно неактуальные в контексте комментируемого проекта фактографические дополнения

История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. – М.: РГГУ, 2014. С. 255–258.

⁸⁴ Дурьлин С. Бодлер в русском символизме / Публ. и коммент. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусaget»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. – М.: РГГУ, 2014. С. 261. В связи с особым местом, занимаемым творчеством французского поэта в системе ценностей русской культуры начала XX века, в том числе и акмеизма, интерес представляет и относительно недавняя публикация ряда статей, составивших подборку «Шарль Бодлер в России: к 195-летию со дня рождения»: Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1 (49).

(изложение которых отличалось особой стилистической свободой) и многократно разросшиеся в тематике и объеме библиографические и справочные материалы – детальные перечни радио- и театральные постановки по повести о Ваксель одного из невольных соавторов, музыкальных произведений на ее стихи, художественных отражений ее образа и др. (об ошибках в описании составивших новый список литературы конкретных изданий, включая основной для данной ситуации том сочинений Ваксель, упоминать просто неловко). Не согласившийся с подобными нововведениями комментатор потребовал исключить его упоминание из числа авторов статьи, что и было сделано для первой и последней допечатной редакции энциклопедии 2008 года; это «единоначалие» сохранялось и в восстановленном весной 2015 года «словнике». Но в окончательном полиграфическом варианте текст неожиданно оказался снова подписан двумя «соавторами», вследствие чего кажется необходимым и оправданным в одном из ближайших выпусков комментария разместить в приложении его несколько переработанную исходную редакцию⁸⁵.

В публикации «**Вергилий**» (О.А. Лекманов, Г.С. Зобин), в целом соответствующей всем признакам аналогичных ей материалов МЭ об античных авторах, отсутствует указание на характерное для них «типологическое» сближение, а порой и метафорическое отождествление современниками поэзии О.М. с творчеством его далеких «предшественников» (Гомера, Овидия, Катулла). Среди пропущенных примеров этого – письмо С.Б. Рудакова 17.4.1935 жене, где он искренне поделился теми впечатлениями, которые остались у него после знакомства с поэтом: «в целом человек, которому можно ставить бронзовый монумент, и они оба будут равно неподвижны и почтенны. <...> – Близость М<андельштама> столько дает, что сейчас не учесть всего. Это тоже, что жить рядом с живым Вергилием или Пушкиным на худой конец (какой-нибудь Баратынский уже мало)». Через три дня, 20.4.1935, характеризуя глубоко личное самоощущение от общения с новым знакомым, он добавил в данный «типологический ряд» еще одно имя: «На расстоянии это несоизмеримо и нерассказуемо. Я стою перед работающим механизмом (может быть,

⁸⁵ Подобное «заочное» мультиплицирование «соавторов» осуществлялось в работе над МЭ неоднократно и нередко происходило по одному и тому же печальному сценарию, не предполагавшему участия реального создателя препарируемого текста. Пишущий эти строки сам оказался выступившим в роли невольного соучастника заметок «Судейкин С.Ю.» и «Татлин В.Е.»: данный статус «по решению редколлегии» был приобретен им после редакторской работы, но ни одна из не менее чем пяти попыток получить им на это формальное согласие реального автора данных текстов успеха не имела. Еще более сложным, в том числе и с этикетной точки зрения, оказался случай со статьями о старофранцузском эпосе, первоначальные варианты которых были написаны А.Д. Михайловым, позднее, насколько известно, вышедшим из числа авторов энциклопедии.

организмом – это то же) поэзии. <...> Больше нет человека – есть Микель Анджело»⁸⁶. При этом формирование своеобразного «треугольника» творческого изоморфизма, основанием для которого выступает метафорически осмысляемое живописное или, скорее всего, скульптурное начало в поэтическом искусстве, возможно, отчасти было «предвосхищено» самим поэтом – 6.4.1935 Рудаков сообщал: «Пишу сейчас у Мандельштама. Балконная дверь раскрыта, против нее стоит семафор (?). Осип Эмильевич говорит, что это ненаписанная картина Рафаэля – готов фон»⁸⁷. Вместе с тем, в собственно биографическом плане со стороны О.М. прослеживается некоторое небрежение римским поэтом, в частности, в мемуарах Н.Я. Мандельштам Вергилий не назван среди тех своих современников, чьи сочинения входили в личную библиотеку поэта: «Латинских поэтов накопилось довольно много – Овидий, Гораций, Тибулл, Катулл...»; более того, перечисляя книги, которые О.М. взял с собой в ссылку, она подчеркнула: «В Вор<онеже> были с собой <...> Овидий. Катул<л>. (Вергилия не хотел покупать, а тем более брать с собой)»⁸⁸.

Отчасти вследствие этого, а более – в силу объективных причин крайне неубедительным кажется предлагаемый в статье набор интертекстуальных переключек мандельштамовских текстов со стихами Вергилия, составленный из примеров, которые содержатся в исследованиях самых разных авторов (причем в печатном варианте хотя и выделенных кавычками, но оказавшихся без указаний на их библиографические источники, присутствовавшие в первоначальной редакции 2008 года). Так, совершенно неясной остается цитата из работы О. Ронена относительно того, что «вергилианский пласт у Мандельштама всегда специализирован. За исключением отдельных случаев перелицовки риторических приемов или простого каламбурного обыгрывания крылатых слов <...> он, в первую очередь,

⁸⁶ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца, коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тодеса, О.А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О.Э. Мандельштаме. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 43, 44. Первое из приведенных писем в публикации Герштейн датировано 18.4.1935: *Герштейн Э.Г.* Мемуары. С. 139. – Об особом ценностном статусе фигуры Микеланджело в художественном мире О.М. и специфике ее семантического ореола говорится, в частности, в заметке автора этих строк в комментируемом издании (с. 340–341).

⁸⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 34. Данный пассаж был прокомментирован публикаторами письма совершенно категорично (с. 35, прим. 2): «Эти впечатления воплотились несколько позднее в стихе: “И плывет углами неба восхитительная мощь...” (“Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста”, 1937)».

⁸⁸ *Мандельштам Н.*: Воспоминания. С. 329; <Мандельштам – читатель> / Реконст. и публ. А. Устинова // Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама: Филологический сборник. – Stanford: Aquilon Books, 2017. С. 22.

связан сюжетно с мотивом загробной памяти и нисхождения в царство теней, а в отношении выборочных деталей – с темой троянской войны» (с. 157)⁸⁹. Еще дальше уводит «безадресная» точка зрения Р. Пшыбыльского, согласно которой «образ “недоноска” из предпоследней строки стихотворения О.М. “Ни триумфа, ни войны...” (1914) есть пародия на “чудесного мальчика из IV ‘Эклоги’ Вергилия, маленького спасителя, который после всех возможных войн предназначен открыть эпоху мира и справедливости”» (здесь и далее – с. 157, стб. 2). Невозможно понять, кому принадлежит анонимное и не подкрепленное конкретными текстуальными примерами такое утверждение: «Начальная строка стихотворения О.М. “Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...” (1920) содержит реминисценцию из “Энеиды” Вергилия (VI. 638, 644) как и строка “Еще в древесину горящий топор не вгрызался” из стихотворения “За то, что я руки твои не сумел удержать...”». Более чем спорным представляется цитируемое авторами наблюдение К. Тарановского, согласно которому «“ночной табун” в еще одном “летейском” стихотворении О.М. “Я слово позабыл, что я хотел сказать...” (1920) – это “кони, пасущиеся в Аиде” (“Энеида”, VI, 652–655)». Явной натяжкой выглядит также оказавшееся без автора следующее утверждение: «Зачин строфы “Трижды блажен” из стихотворения О.М. “Нашедший подкову” (1923) “возможно, восходит к ‘Энеиде’ Вергилия (I, 94), которая входила в программное гимназическое чтение (отмечено М.Л. Гаспаровым». И вовсе загадочным для абсолютного большинства читателей останется простое перечисление возможных подтекстов в форме отчета: «Также указывалось на отсылки к Вергилию в стихотворениях О.М. “Грифельная ода” (1923), “1 января 1924” (1924) и “День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...” (1935)».

К сожалению, как и во многих других случаях, пристатейный список литературы обрывается на роковой дате «2008», иначе в публикации вполне могла бы использоваться самая разнообразная информация, содержащаяся в обстоятельном исследовании американского коллеги: *Torlone Z.M. Vergilin Russia: National Identity and Classical Reception.* – Oxford: Oxford University Press. 2014. Еще одну ее монографию (*Torlone Z.M. Russia and the Classics: Poetry's Foreign Muse.* – London: Duckworth, 2009; глава «Osip Mandelstam: “Yearning for World Culture”») целесообразно было бы учесть и в статье

⁸⁹ Ни здесь, ни далее пишущий эти строки без особой на то необходимости не станет брать на себя труд восстанавливать удаленные при печати указания на местоположение приводимых в публикации цитат из трудов старших коллег, оставив эту приятную и почетную миссию главным редакторам комментируемого издания.

«Античность», оставшейся безо всякой библиографической поддержки. Нелишним было бы на нее взглянуть и автору вступительной статьи.

Перечисляемые в статье «Верлен П.» (С.Г. Шиндин) интертекстуальные параллели, отмечавшиеся ранее, при желании можно дополнить довольно широким набором вариантов, предложенных С. Голдбергом; см.: *Goldberg S. Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism.* – Columbus: The Ohio State University Press, 2013 (по им. ук.)⁹⁰. Одновременно с этим хочется надеяться, что авторы любых будущих публикаций о творчестве О.М. и о том месте, которое занимает в его художественном мире один из представителей пантеона новой французской поэзии, не заметят парализующей своей парадоксальностью еще одной «интертекстуальной находки». Согласно ей обращение к адресату стихотворения 1931 года: *Я скажу тебе с последней / Прямой: / Всё лишь бредни,*

⁹⁰ Занятым книгоиздательским и библиографическим курьезом в «верленовской» перспективе творческой биографии О.М. видится факт публикации переводов стихотворений Верлена в коллективном сборнике с «овидиевским» и «мандельштамовским» названием: *Tristia. Из новейшей французской лирики: Сюлли-Прюдом, Верлен, Метерлинк, Роденбах, Анри де Ренье, Верхарн, Грег, Вьеле-Гриффен, Мореас / Пер. И.И. Тхоржевского.* – СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1906. – В упоминавшейся в предыдущей части настоящих заметок рецензии на комментируемое издание А.Г. Мец, в частности, отметил, что читателям этой статьи «были бы интересны воспоминания С. Риттенберга. В 1918 г. О.М. в Летнем саду, сидя на скамейке, читал ему вслух “тюремные стихи” Верлена (см. частично в изложении: Тименчик Р. Ахматова в 60-е. М.; Иерусалим, 2015. Т. 2. С. 281)» (*Мец А.Г.* [рец.] *Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia.* В двух томах. Гл. редакторы П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., 485 с. // *Литературный факт.* 2017. № 7. С. 396; при цитировании данного источника во всех случаях полностью сохраняется его издательский вариант). Очевидно, рецензент (в своем отклике, в частности, ратующий за чистоту библиографических описаний, имеющих прямое или косвенное отношение к нему самому) подразумевает (частично?) несколько отличающееся своими координатами издание: *Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расш.* – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014. Т. II: Сноски и выноски. С. 280–281. Также отличается от его версии изложения и вариант, представленный в указанной публикации: «Тема “Ахматова и Верлен” весьма существенна и обширна. “Все мы вышли из Верлена”, – сказала она Ондре Лысогорскому в Ташкенте <...>. Из того нового, что она могла узнать в 1960-е, отметим рассказ Сергея Риттенберга: “Последний раз я встретил Мандельштама в Летнем саду, это было перед самым моим отъездом в Финляндию, в 1918 году. Когда подошел к нему, он сидел на скамейке, откинув голову назад, и читал: ‘Le ciel est par-dessus le toit, si bleu, si calme, un arbre pardessus le toit berce sa palme’. “Знаете, что Верлен написал это в тюрьме?” – спросил Мандельштам” (*Rittenberg S. Minnen från Petersburg och dess poeter // Lyrikvännen.* 1972. № 5. S. 43)». Вряд ли формулировку: «Когда я подошел к нему, он сидел на скамейке, откинув голову назад, и читал <...>. “Знаете, что Верлен написал это в тюрьме?”», – можно интерпретировать как: «О.М. <...>, сидя на скамейке, читал ему вслух “тюремные стихи” Верлена», – поэтому вопрос о том, кому именно и какие стихи читал О.М. остается открытым. Впрочем, как и вопрос о том, известны ли другие случаи декламации им вслух поэтических произведений, пребывая в одиночестве в общественных местах. Столь же открытым остался бы для абсолютного большинства читателей вопрос о том, кем является автор данного мемуарного пассажа (кстати, ни разу не упоминаемый в многократно цитируемом здесь жизнеописании О.М., составленном А.Г. Мецем при участии и других коллег и вышедшем в свет в 2016 году) и какова его реальная роль в реальной биографии поэта.

шерри-бренди, / Ангел мой (3, 45), – характеризуется, да нет, просто расшифровывается и переводится на «поэтический язык» так: «Реминисценция из “Серенады” П. Верлена: “В конце про губы алые спую / Хрипло и глухо, / Про нежность истерзавшую твою, / Мой ангел и шлюха!” (пер. Г.А. Шенгели)»⁹¹. Ни одного обоснования для сказанного прозорливым «комментатором» нет, и можно лишь предположить, что интеллектуальным и информационным импульсом для такого отважного сопоставления послужил эпитафия из Верлена к этому тексту О.М. в первом полном собрании его стихотворений 1994 года: «*Ma voix aigre et fausse...*» (3, 45); вместе с тем, сам интерпретатор при публикации мандельштамовского стихотворения им не воспользовался⁹². Не было его и в первом «академическом» варианте издания О.М. на родине в 1990 году⁹³, но уже там в примечании приводилась реплика Н.Я. Мандельштам об этом тексте⁹⁴: «Если грубо раскрыть: Елена – это “нежные европейки”, “ангел Мэри” – я. (Пир во время чумы, а чума ощущалась полным ходом...)»⁹⁵. Вместе с тем, начальная фраза процитированного комментария вдовы поэта

⁹¹ Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 597–598.

⁹² См.: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 154. Нет его и комментария о нем в последнем «академическом» издании: Мандельштам О. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017. С. 187, 414.

⁹³ См.: Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы / Сост. С.С. Аверинцев и П.М. Нерлер, коммент. А.Д. Михайлов и П.М. Нерлер. – М.: Художественная литература, 1990. С. 170.

⁹⁴ См.: Михайлов А.Д., Нерлер П.М. Комментарии. С. 509.

⁹⁵ Мандельштам Н. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 712. – Этот же эпитафия послужил дополнительным основанием для другого интертекстуального эссе, только уже «зеркального», когда во вступительной статье к МЭ верленовская строка была инкорпорирана в удивительный ряд семантических взаимопроекции: «Известно, что эллинская античность вызвала у Чаадаева неприязнь и даже некоторое отвращение, как он писал, например, об Аристотеле. Даже в Гомере Чаадаев, следуя Платону, видел прельстителя, виновного в порче природы человеческой. Гомер своими очаровательными вымыслами запятнал священную традицию истины. <...> Мандельштам откликается на такую точку зрения, артистически цитируя в стихах мысль философа: – “Там, где эллину сияла / Красота, / Мне из черных дыр зияла / Срамота”. Эта вольная цитата соответствует эпитафии из Верлена: “мой голос едкий и неверный” – что дает поэту возможность дистанцироваться от высказанного» (с. 37). Читателю, пожелавшему не заблудиться в созданном автором предисловия столь смелом смысловом пространстве, предстоит самому найти для этого своего Вергилия; при этом только важно не забывать, что процитированный текст великого философа – один из фрагментов его «бриколажа» «Отрывки и разные мысли (1828–1850-е годы)».

парадоксальным образом присутствовала в другом авторитетном издании, в котором мандельштамовское стихотворение было опубликовано в сопровождении эпиграфа⁹⁶. От продолжения дальнейшего разговора на данную тему автор этих строк воздержится...

Публикация «**“Вестник Русского христианского движения”**» (П.М. Нерлер) представляет читателям одноименный «ежеквартальный печатный орган Русского студенческого христианского движения на русском языке», где «с 1962 года, когда в № 64 впервые увидели свет 5 неизданных стихотворений О.М., его творчество и судьба, а также творчество и судьба Н.Я. Мандельштам стали одной из сквозной» (с. 159). И хотя комментатор, как можно было уже не раз заметить, – активный сторонник самого осторожного отношения к «канонизации» сетевых источников, особенно в энциклопедических изданиях, именно в данном случае следовало бы, наверное, указать на полный комплект электронных копий всех номеров журнала с 1926 по 2004 год, размещенных на официальном сайте издательства «Русский путь»; URL: <http://www.rp-net.ru/book/vestnik>. Также можно было бы учесть и более раннюю «энциклопедическую» публикацию: *Казак В.* Вестник Русского Христианского Движения // *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. Содержательные материалы об одном из самых значительных философско-литературных начинаний в истории Русского Зарубежья присутствуют в новой редакции известных воспоминаний о «потерянном поколении» первой эмиграции: *Варшавский В.* Незамеченное поколение / Сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой, подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. – М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010. С. 113–144 (глава «Русское студенческое христианское движение (РСХД)»). Как сказано в посвященной газете «**Вечерняя звезда**» одноименной заметке (В.В. Калмыкова), полного комплекта выпусков этого периодического издания «нет ни в одном библиотечном или архивном хранилище России» (с. 160, стб. 1), вследствие чего, вероятно, бесполезным будет указать, что в номере от 1.3.1918 имя О.М. впервые появляется в списке его сотрудников⁹⁷.

⁹⁶ См.: *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 168, 649.

⁹⁷ См.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 126.

Конкретная часть лаконичной реплики «**Вишневский В.В.**» (Е.А. Яблоков) целиком сводится к следующей информации: «В письме к Н.Я. Мандельштам от 28.12.1935 О.М. просил передать Вишневскому привет. В последний год жизни в Воронеже О.М. и Н.Я. Мандельштам получали от Вишневского материальную помощь – 100 рублей в месяц. Н.Я. Мандельштам дружила с женой Вишневского – С.К. Вишневецкой» (с. 160, стб. 2). Конкретная причина мандельштамовской просьбы, переданной дословно: *Вишневскому привет (4, 168)*, – неизвестна; при этом неуказанным осталось продолжение данного эпизода. Упомянутое письмо относится к переписке конца 1935 – начала 1936 годов, когда Н.Я. Мандельштам приезжала из Воронежа в Москву, пытаясь устроить литературные дела О.М., который в тот момент находился в санатории в Тамбове. Вероятно, своеобразным ответом на просьбу поэта является исключительно оптимистическое свидетельство его спутницы жизни о встрече с Вишневским и его женой, содержащееся в ее письме 2.1.1936: «Такой богатой, мирной, спокойной и веселой Москвы я еще никогда не видела. Даже меня она заражает спокойствием. <...> Вчера видела Всеволода. Соня мне звонила 10 раз, пока я собралась зайти (вполне сознательно). Большое впечатление от стихов. Особенно: чернозем, день стоял о пяти головах, и венки. Цитируют. Вернее<,> он цитирует. Спрашивает, куда я сдала стихи». При этом актуальным оказывается не только сам факт знакомства младшего литератора с новыми стихами О.М., но и, как следует из письма Н.Я. Мандельштам, его искреннее стремление помочь ссыльному поэту: «Распрашивает. Волнуется, читая заявление. Он сейчас сильно у дел. Один из заправил. Я ничего его не просила. Наоборот, говорила, что хлопоты – нелепая и ненужная вещь. Он сам взялся выяснить, что могут сделать для тебя, вернее с тобой. Это очень показательно»⁹⁸. Очевидно, оказать реальную помощь в поиске

⁹⁸ Цит. по: *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. С. 223–224; входящие в состав статьи письма без каких-либо дополнительных комментариев воспроизведены в не снабженной прямым указанием на «авторство» публикации: Надежда Хазина и Надежда Мандельштам – Осипу Мандельштаму: Письма // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. – Позднее этот и другие свои приезды в столицу в поисках литературных заработков Н.Я. Мандельштам оценивала совершенно иначе, – так, например, 4.8.1936 в письме не попавшей в число «персонажей» рецензируемого издания Н.Н. Грин она сообщала: «Заработков нет никаких. Ося работу потерял, а мне работу не дают. Все поездки в Москву кончались ничем, и я перестала ездить» (РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 436). По-другому она отзывалась 29.1.1938 и об участии Вишневского в «издательской судьбе» мандельштамовских стихотворений в письме Б.С. Кузину (также не вошедшему в число «участников» комментируемого проекта): «Недавно в “Правде” было письмо, подписанное А. Толстым, Фадеевым, Катаевым и др. о Союзе Писателей. Сейчас ждут перемен в Союзе и некоторого оживления. Нас это может очень близко коснуться. Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи), которую всеми силами выдвигала писательская общественность» (*Мандельштам Н.Я.* 192 письма к Б.С. Кузину // Б.С.

переводческой работы Вишневному не удалось, следствием чего отчасти и явилась материальная поддержка Мандельштамов впоследствии. (Присутствовавшая в первоначальной редакции заметки Е.А. Яблокова ссылка на источник сообщения об этом – воспоминания вдовы поэта – при подготовке рецензируемого издания к печати по неизвестной причине была исключена.) Тематически и хронологически здесь нелишним оказалось бы упоминание дневниковой записи Вишневого от 7.8.1935, где, в частности, говорится: «Проверяю свой путь... – Думаю, в сущности, откуда взялась “Первая конная” – при тогдашнем полном незнании театра, его ремесла и пр. Из нутра – подлинного... В “Последнем решительном” – масса смелости, внутреннее братание с Маяковским, ибо мой пролог – развитие теа-пародии из “Бани” – я это знаю... – Когда писал, чувствовал это... – Затем там сложная прямота, грубость. О. Мандельштам хорошо тогда сказал: “музыкальная вещь, много злобы...”»⁹⁹.

От «тотальной» идеализации данного персонажа предостерегают опубликованные Р.Д. Тименчиком фрагменты его частного письма (видимо, начала осени 1948 года), которое содержит развернутый критический отзыв о поэзии русского модернизма и, в первую очередь, – акмеизма, а еще точнее – Гумилева, краткая версия чьей «биографии» изложена следующим образом: «Гумилев – организатор группы “акмеистов”. Путешественник – от Академии наук (?). <...>. В 1914 году, бросив университет, идет добровольцем в Лейб-гвардии Гусарский полк (стоял полк в Царском). Война, неудовлетворение. Вот Франция, французы, ах!.. Гумилев уходит с русским экспедиционным корпусом во Францию. В Париж к “мэтрам” – о, Бодлэр, Верлэн и пр. и пр. <...> Гумилев в 1918 г. возвращается в Сов<етскую> Россию. Готовый контр-революционер. Я думаю: французский агент. Предатель России, народа. Арестован. Расстрелян в Петрограде в 1921 г. <...> – Гумилев – тяжелая помесь. Это продукт “расцвета” Петербурга, поры балканских войн, канунов первой

Кузин: Воспоминания. Произведения. Переписка. Н.Я. Мандельштам: 192 письма к Б.С. Кузину. 1937–1947 / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 528); по предположению комментаторов (с. 748), «речь идет о подготовленном, но так и не увидевшем света, двухтомнике О.Э. Мандельштама».

⁹⁹ Цит. по: *Корниенко Н.* «Неужели судьба моя – вечно война, о войне...». О дневниках Вс. Вишневого и о нашем отношении к истории // Наш современник. 2015. № 12. С. 246. Согласно точке зрения Л.Ф. Кациса, «слова Мандельштама “много злобы” о «Первом решительном» заставляют вспомнить “Квартиру” 1933 года, до которой от “Первого решительного” еще полтора-два года. Впрочем, это если считать, что Мандельштам высказался о пьесе прямо в момент написания, в 1931 году, либо в момент постановки Мейерхольдом тогда же» (*Кацис Л.* Сизифу от «Камня» или новые «Тристии» (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О.Э. Мандельштама в 3-х т). С. 124).

великой войны – продукт символизма – чистейший. Поэт империализма, поэт жадности, крови, чувственности, конквистадорства, бальмонтизма, бодлэрианства, уайльдизма и пр. – Химический чистый враг наш». И в том же письме говорится: «В списках декадентов и “наследников” болтаются еще Пастернак, О. Мандельштам, Петников, Айхенвальд, Лифшиц Б., <так> Эльснер и пр. и пр. Не нужно останавливаться на этой публике, совсем скатившейся в индивидуализм, в черные провалы...»¹⁰⁰.

Одновременно с этим, в предшествующем материале «**Вишневецкая С.К.**» (П.М. Нерлер) ссылки отсутствуют и в самом тексте публикации, и в сопровождающем его списке литературы, найти мотивированное объяснение чему не представляется возможным. В частности, это относится к содержащемуся в дефиниции «определению» «подруга молодости Н.Я. Мандельштам» (с. 160, стб. 2), хронологические границы которого можно было бы расширить, – яркой иллюстрацией к отношениям, связывавшим двух киевлянок и сохранившимся на долгие годы, может служить фрагмент отправленного 15.7.1952 Н.Я. Мандельштам письма В.Г. Шкловской-Корди: «Что с Соней? Я <...> обещала ей написать, но не знаю ни номера квартиры, ни того – Вишневецкая она или Вишневская. Упростительно она для меня Сонька»¹⁰¹. «Мандельштамоцентрическая» характеристика героини публикации сведена лишь к указанию на следующее обстоятельство: «Вместе с мужем помогала О.М. материально во время воронежской ссылки», – дополненное лаконичной и кажущейся несколько двусмысленной информацией: «Упоминается во всех книгах Н.Я. Мандельштам как представительница писательской элиты и в то же время с симпатией» (с. 160, стб. 2). Там

¹⁰⁰ Цит. по: *Тименчик Р.* История культа Гумилева. – М.: Мосты культуры, 2018. С. 335–336, 361. Там же (с. 361–362, прим. 15) содержится лаконичная характеристика Вишневецкого в свете его «мандельштамоцентричности». К сказанному можно привести еще одно «энциклопедическое» описание: «В 17 лет примкнул к большевикам и принимал участие в восстании 1917 года в Петрограде. Во время гражданской войны Вишневецкий служил в Первой конной армии и был политработником и командиром на флоте. В 1921 году Вишневецкий занимался постановкой в Новороссийске одного из распространенных тогда массовых театрализованных действий под открытым небом; восемь часов длилось это представление о Кронштадтском восстании. Вишневецкий оставался политическим агитатором и как литературный функционер (поначалу в рамках РАПП), и как писатель. Он принадлежал к числу активных противников М. Булгакова, однако поддерживал деньгами О. Мандельштама в ссылке» (*Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. – М.: Культура, 1996. С. 79, стб.2).

¹⁰¹ Письма Н.Я. Мандельштам к В.Г. Шкловской-Корди 1952–54 гг. // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текст., сост. и коммент. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. – М.: Наталис, 2001. С. 313. В числе «опущенных звеньев» оказался и присутствующий там же более поздний комментарий Шкловской-Корди к процитированному фрагменту письма, исключительно близкий комментируемому тексту: «Софья Касьяновна Вишневецкая – первая жена Евгения Яковлевича Хазина, впоследствии жена и вдова Всеволода Вишневецкого, художница, подруга Елены Михайловны Фрадковой. Делали вместе театральные постановки. Кажется, они вместе учились у Экстер».

же о ней, в частности, сообщается: «С 1921 года в Москве, художник в Московском Камерном театре, где оформила несколько спектаклей вместе с Е.М. Фрадкиной», – но понять из текста, относится ли используемое наречие к участию в самих спектаклях или только к их художественному оформлению, к сожалению, невозможно¹⁰².

В связи со статьей «**Волынский А.Л.**» (В.В. Калмыкова) может быть дополнено и расширено изображение уже указывавшегося специфического «антиаполлоновского» ореола ее героя¹⁰³. Упомянутому эпизоду с его филиппикой по поводу выхода в свет первого номера «Аполлона» предшествовали и другие события, в частности, конфликт 5.8.1909 с И.Ф. Анненским на втором организационном заседании редакции. В письме другому активному участнику создания журнала А.Н. Бенуа 15.8.1909 С.К. Маковский отмечал: «Ак<им> Льв<ович> не любит соглашаться с мнением Анненского. Это его своеобразная ‘ревнивость’» (ГРМ, ф. 137, № 1182). Выступления Волынского на редакционных собраниях были направлены не только против Анненского, но и вообще против “декадентской порчи”, которой, по его мнению, были подвержены все сотрудники журнала. 2 октября 1909 г. Волынский писал Маковскому: “Что же касается вопроса о ближайшем моем участии в редактировании ‘Аполлона’, то я должен окончательно просить Вас не рассчитывать на меня в этом отношении. Мои впечатления последних дней, атмосфера, собравшаяся уже вокруг ‘Аполлона’, сама постановка всего дела, не совсем литературная, малоидейная и во всяком случае не гармонирующая с некоторыми моими заветными убеждениями, заставляют меня стать в выжидательное положение. Пока же я могу быть только Вашим случайным сотрудником и должен воздержаться от статьи принципиального характера, в особенности предназначенной служить выражением редакционного *professiondefoi*” (ГПБ, ф. 124, № 979). В конце 1909 г. Волынский покинул “Аполлон”, и это при том, что именно на него «первоначально возлагались надежды как на одного из “идеологов” “Аполлона”»¹⁰⁴. Прямым

¹⁰² Отрешившись от стилистической легкости и свободы изложения, краткое описание жизненного пути героини данной заметки можно найти в публикации: *Нерлер П.* Свидетельница поэзии (Надежда Мандельштам) // *Нерлер П. Сопатог: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 514; в именном указателе она совершенно неожиданно представлена как «Вишневецкая С.К. (Сонька)». – Сведения о героине комментируемой заметки были несколько расширены недавней публикацией: *Мец А.Г., Видгоф Л.М.* Заметки к биографии О. Мандельштама (по архиву С.К. Вишневецкой) // *TorontoSlavicQuarterly.* 2018. № 65.

¹⁰³ См.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А – М // *Toronto Slavic Quarterly.* 2018. № 65. С. 35, прим. 77.

¹⁰⁴ И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому / Публикация А.В.Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник

следствием этого стало то обстоятельство, что, словам Маковского, «первый выпуск “Аполлона” вышел в издательстве Ефронов – “Якорь”. Вследствие ухода А.Л. Волынского из сотрудников Аполлона Ефроны от дальнейшего издания отказались, я один продолжал дело»¹⁰⁵.

Не отраженные в рассматриваемой публикации данные о возможных встречах и гипотетическом общении О.М. со старшим современником могли бы быть предположительно отчасти восстановлены с учетом активной общественной позиции последнего после событий осени 1917 года: «К Октябрьской революции Волынский отнесся лояльно. В 1920–1926 годах он заведовал итальянским отделом издательства “Всемирная литература”. Был членом совета Дома искусств, председателем петроградского отделения Союза писателей»¹⁰⁶; с каждой из этих новообразованных организаций с различной степенью интенсивности и эффективности поддерживал отношения и О.М. В частности, Чуковский, изображая начальный этап истории «Дома искусств», отмечал: «Были комнатухи для прислуги и всякие другие помещения, в которых и расселились писатели: Александр Грин, Ольга Форш, Осип Манделштам, Аким Волынский, <...> Николай Гумилев, Владислав Ходасевич, Владимир Пяст, Виктор Шкловский»¹⁰⁷. Имена старшего и младшего современников упоминаются и в мемуарном очерке Анненкова среди тех обитателей «Дома искусств», кто выступал там «с докладами, с чтениями своих произведений, а также – в прениях»¹⁰⁸. А Н.А. Павлович вспоминала один из эпизодов этого места и времени следующим образом: «В кухне, единственном теплом месте этого фантастического дома, у

Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. – Л.: Наука, 1978. С. 227, прим. 20.

¹⁰⁵ *Маковский С.К.* Николай Гумилев (1882–1921) // *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряно века. – М.: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория. 2000. С. 208, прим. 1.

¹⁰⁶ *Иванова Е.В.* Волынский А.В. // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1: А – Г / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 481, стб. 1.

¹⁰⁷ *Чуковский К.* Зощенко // *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Современники. Приложение / Сост., коммент. Е. Чуковской / 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 391.

¹⁰⁸ *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. – М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 107. – С высокой долей вероятности можно предположить, что оба литератора посещали в «Доме искусств» одни и те же мероприятия, например, широко известные и популярные «киносеансы», устраиваемые «Серрапионовыми братьями»; во всяком случае, среди их почетных гостей-литераторов Е.Л. Шварц упоминает Волынского: *Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. – Л.: Советский писатель, 1990. С. 573.

плиты собрались Аким Волинский с философской книгой, повариха, гадающая на картах, Мандельштам, только что выменявший селедку пайка на пирожное с сахарином, и я, спасающаяся от стужи нашего “обезьянника”. По кафелю пола звонко цокает копытами выпущенный в этот вечерний час из-под стола поросенок, которого откармливают на кухне. Волинский начинает рассказывать об Афоне, в древних монастырских библиотеках которого он работал. Он имел грамоту константинопольского патриарха, разрешавшую это, и его, как патриаршего посланца, а верней эту грамоту, встречали колокольным звоном»¹⁰⁹.

«Картографическая лакуна» неоднократно упоминавшейся уже статьи «Воронеж» (П.М. Нерлер) была восполнена в публикации: Прогулка по мандельштамовскому Воронежу: Карта-экскурсия / Сост. и автор текста П. Нерлер; усл. обознач. П. Нерлер, Д. Льяков, картография А. Парамонов. – Воронеж, 2016. Сопровождает ее текст П.М. Нерлера, уникальным образом снабженный двумя заголовками «“У чужих людей мне плохо спится...”»: воронежские адреса Мандельштама» и «Окольцованный Мандельштам» и, по сути, представляющий собой явный вариант статьи в МЭ (что, к слову сказать, объясняет специфику ее стилистического строя). В таком контексте нетрудно с большой долей уверенности предсказать тональность будущей гипотетической статьи о С.Б. Рудакове в столь же гипотетическом втором издании МЭ¹¹⁰. Общая характеристика двух современников дана в такой тональности: «общение Рудакова с поэтом – весьма специфическое: его <sic. – С.Ш.> крайние эгоцентризм и неискренность ставили его <sic. – С.Ш.> не в положение преданного или хотя бы уважительного Эккермана, что было бы так естественно, а в положение аспиранта, варварски, хищнически, по-конквистадорски собирающего материал к “диссертации”, да еще и научающего свой предмет уму-разуму. Мандельштам интересовал Рудакова примерно так же, как физиолога мышка или таксидермиста тушка. Даже не догадываясь о таком омерзительном к себе отношении, Мандельштам интуитивно ему не поддавался. И чем ближе к отъезду Рудакова, тем менее информативны и интересны его свидетельства, хотя иное письмецо нет-нет да и “вспыхнет” заемными (у Осипа Эмильевича!)

¹⁰⁹ Павлович Н. Воспоминания // Осип Мандельштам и его время / Сост. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М.: L’Aged’Homme – Наш дом, 1995. С. 64. О пребывании на Афоне и некоторых связанных с этим фактом эпизодах биографии литератора идет речь в прижизненной «словарной» публикации: Венгеров С.А. А. Волинский // Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С.А. Венгерова [Т. 1–3, 1914–1918] / Послел., подгот. текста А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004.

¹¹⁰ Доведись таковой состояться, в ней теперь может появиться более конкретный рассказ о судьбе архива Рудакова, отраженной в недавней публикации К.М. Азадовского «Из архива Н. Гумилева» (Звезда. 2018. № 5).

искрами»¹¹¹. Явная неадекватность младшего современника, отчетливо прослеживающаяся в определенных аспектах его поведения, тем не менее, не дает несомненных «диагностических» оснований для однозначной негативной оценки его личности. Более того, с практической, фактографической стороны с эпистолярными свидетельствами погруженного в пространство культуры Рудакова о времени пребывания О.М. в Воронеже ни в какое сравнение не могут идти не только «номенклатурно-отчетные» воспоминания Н.Е. Штемпель, но и откровенно «мифотворческие» мемуары Н.Я. Мандельштам.

Публикация «**Всеукраинское фотокиноуправление (ВУФКУ)**» (С.Г. Шиндин) может быть дополнена недавно увидевшим свет, без преувеличения сказать, монументальным русскоязычным исследованием самых разных аспектов истории этой республиканской организации, ведавшей производством и прокатом фильмов на Украине в 1922–1930 годах, на сотрудничество с которой надеялся О.М.: *Миславский В.Н.* Фактографическая история кино в Украине. 1896–1930: Монография. – Харьков: Дім Реклами, 2017. Т. 3. Ч. 1. С. 296–677; Ч. 2. С. 4–527. Кроме того, можно учесть и тот факт, что ввиду публикации О.М. рецензии «Шпигун» на фильм «Знакомое лицо» его имя теперь непосредственно упоминается в связи с данным эпизодом истории украинского кино в «энциклопедическом контексте»: *Миславский В.Н.* Фактографическая история кино в Украине. 1896–1930. Т. 1: Фильмографический справочник / 2-изд., испр. и доп. – Харьков: Дім Реклами, 2016. С. 303.

Под литерой «Г»...

В заметке «**Гастев А.К.**» (С.Г. Шиндин), к сожалению, пропущенным оказался немаловажный биографический факт участия ее героя в «трудовой биографии» О.М. и, возможно, эпизодического общения двух поэтов в Харькове в феврале – апреле 1919 года.

¹¹¹ *Нерлер П.* «У чужих людей мне плохо спится...»: воронежские адреса Мандельштама. Окольцованный Мандельштам // Прогулка по мандельштамовскому Воронежу: Карта-экскурсия / Сост. и автор текста П. Нерлер; усл. обознач. П. Нерлер, Д. Льяков, картография А. Парамонов. – Воронеж, 2016 (без пагинации); предлагаемая «сетка координат» была отражена и в совпавшей по времени более обширной публикации: *Нерлер П.* Моцарт и Нарцисс. Рудаковский год в мандельштамовском Воронеже // Наше наследие. 2016. № 117. Подобная совершенно односторонняя максималистская оценка полностью остается на совести ее автора.

Позднее, в 1963 году, современник так вспоминал этот эпизод: «Зимой 1918 (декабрь месяц), когда наши красные войска освободили тогдашнюю столицу Украины рабочий Харьков, <...> при Наркомпросе <...> Рабоче-Крестьянского Правительства Украины был создан Всеукраинский Совет искусств – во главе с Ал. Кап. Гастевым (поэтом во всем), работавшим тогда зав[едующим] нормировочным бюро одно<го> из крупнейших харьк[овских] заводов, старым большевиком и профессиональным революционером <...>. – О.Э. жил тогда в Харькове. <...> Я предложил ему пойти работать в наш Лит[ературный] Комитет – заведовать секцией поэзии: пропагандировать новую рев[олюционную] поэзию, беседовать с молодежью, находить таланты, учить их мастерству, готовить матерьялы для сборника (“Ураган”); Гастев кандидатуру эту поддержал, хотя он, мне кажется, был знаком с поэзией М[андельштама] отчасти, но считал его мастером своего дела, кот[орый] может передать свой опыт другим... О.Э. охотно согласился и пошел работать в наш Лит[ературный] Комитет»¹¹². Дополнить публикацию автора этих строк могло бы указание на тот частный факт, что оба поэта публиковались в газете «Знамя труда»¹¹³; позднее, к пятой годовщине октябрьских событий 1917 года, оба автора были представлены в «эпохальном» издании с характерным названием «Сборник литературно-художественных революционных произведений» (М.: [б. и.], 1922): О.М. – стихотворением «Актер и рабочий» («Здесь на твердой площадке яхт-клуба...»), Гастев – стихотворениями «Я полюбил», «Мы растем из железа» и «Рельсы»¹¹⁴.

Мимоходом оброненная реплика «Гершензон М.О.» (Е.Ю. Литвин), уместившаяся в девять с половиной строк, сообщает читателям о таком факте: «Его книга “П.Я. Чаадаев: Жизнь и мышление” (1908), а также вышедшее под редакцией Гершензона в 1913–1914 годах собрание сочинений Чаадаева в двух томах повлияли на концепцию статьи О.М. “Петр

¹¹² Петников Г. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / Предисл., публ., примеч. П. Поберезкиной // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. С. 321–322. В развитие ситуации см.: Поберезкина П.Е. Литературные рекомендации Бюро украинской печати (1919 г.) // Поберезкина П. Вокруг Ахматовой. – М.: Азбуковник, 2015. С. 215–218. Эти данные, безусловно, будут учтены в будущей статье о Харькове, случись ей случиться во втором издании МЭ.

¹¹³ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 225 [запись за 6.7.1918]. Факт мандельштамовского сотрудничества с этим изданием в мае–июне 1918 года отражен в заметке В.В. Калмыковой «“Знамя труда”», где газета определена как «одно из основных изданий Партии социалистов-революционеров (эсеров), центральный орган, выражавший позицию левых эсеров» (с. 256).

¹¹⁴ См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. С. 174.

Чаадаев», писавшуюся осенью 1914 года, и на стихотворение О.М. «Посох» (1914)». По бездоказательному утверждению автора трудно судить, насколько публикации Гершензона «повлияли на концепцию статьи О.М.», хотя данный факт давно уже неоднократно отмечался и комментаторами, и исследователями мандельштамовского творчества¹¹⁵. Загадкой остается и то, как труды старшего современника «повлияли <...> на стихотворение О.М. «Посох»»¹¹⁶. Уже после его написания? В процессе бытования текста в культурной традиции? Здесь же следует добавить, что совершенно невозможно представить оставленное О.М. без внимания самое деятельное участие Гершензона в появлении на свет «революционного» сборника статей философов начала XX века о русской интеллигенции и ее роли в истории России «Вехи», а также его с Вяч.И. Ивановым известную «Переписку из двух углов».

Нельзя не остановиться и на следующем утверждении автора: «В своей программной статье “О природе слова” (1921–1922) О.М. называет имя Гершензона среди имен тех

¹¹⁵ См., напр.: *Нерлер П.* Примечания // *Мандельштам О.* Слово и культура. – М.: Советский писатель, 1987. С. 287, – и: *Toddес Е.* Поэтическая идеология // *Литературное обозрение.* 1991. № 3. С. 33; об этом же говорится и в вводной части статьи «Чаадаев П.Я.» (с. 525, стб.1). А вот первоначально составлявшая «список литературы» единственная позиция (*Кацис Л.Ф.* О. Мандельштам: Мускус иудейства. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2002) из окончательной редакции была исключена.

¹¹⁶ Это обстоятельство также указывалось неоднократно; ср. несколько странную формулировку примечания в последнем «академическом» издании: «В стихотворении отразилось увлечение Мандельштама идеями “католического универсализма” <...>, воспринятыми из сочинений П.Я. Чаадаева. Написанное от лица автора, стихотворение варьирует мысли близкой по времени статьи “Петр Чаадаев”» (*Мец А.Г.* Комментарии. С. 544). Трудно сказать, какой таинственный смысл вкладывал комментатор в свое утверждение о том, что текст написан «от лица автора»; в такой парадигме нелишним представляется напомнить вводные замечания Ю.И. Левина к предложенной им структурно-типологической коммуникативной модели лирических текстов: «в стихотворении очень часто имеется эксплицитное я и – чуть реже – эксплицитное ты. Последний персонаж – чаще всего близкое к я лицо, но это может быть и неодушевленный предмет, абстракция, любой человек или человечество в целом, наконец, собственно читатель <...>. В роли же эксплицитного я может выступать как собственно лирическое я (лицо, почти или полностью совпадающее с реальным автором, или же сконструированный образ “лирического героя”), так и лицо, заведомо отличное от реального автора (например, женщина, когда автор – мужчина), а также неодушевленный объект и т.д. – В результате может возникать сложная система взаимоотношений между эксплицитными и имплицитными персонажами (между теми и другими и среди тех и других), которая еще более осложняется их соотношением с персонажами реальными (например, сходством/различием “лирического героя” и реального автора), в частности, тем или иным характером прочтения текста реальным читателем (например, он может отождествлять себя с эксплицитным я или с эксплицитным ты, или, с другой стороны, отождествлять эксплицитное я с реальным автором текста и т.д.), не говоря уже о случаях наличия “посредников” типа актера или переводчика» (*Левин Ю.И.* Лирика с коммуникативной точки зрения // *Левин Ю.И.* Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. С. 465–466). Как известно, самые разнообразные конкретные примеры реализации подобных моделей в поэтических текстах рассматриваются в исследовании Ю.И. Левина далее.

русских мыслителей (Чаадаев, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов), которые не могли “жить без стен, без ‘акрополя’”» (с. 181, стб. 1). Этим, собственно говоря, весь текст Е.Ю. Литвина и исчерпывается, а потому интерпретация данного утверждения (производящего диагностическое впечатление во всех отношениях) остается на совести читателей, которым самим придется определять причины и характер культурологической агорафобии перечисленных лиц. Но при этом не следует упускать из виду то обстоятельство, что в реальности в полном варианте упоминаемый фрагмент выглядит несколько иначе, чем предложенный автором пересказ: *Мне кажется, Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры. Подобно некоторым другим русским мыслителям, вроде Чаадаева, Леонтьева, Гершензона, он не мог жить без стен, без акрополя. Всё кругом подается, всё рыхло, мягко и податливо. Но мы хотим жить исторически, в нас заложена неодолимая потребность найти твердый орешек Кремля, Акрополя, всё равно как бы ни называлось это ядро, – государством, обществом или церковью. Жажда орешка и какой бы то ни было символизирующей этот орешек стены определяет всю судьбу Розанова и окончательно снимает с него обвинение в беспринципности и анархичности (1, 222–223)*. А в предыдущем абзаце встречается прямое упоминание актуального в связи с фигурой Гершензона великого русского мыслителя: *Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, – именно: язык (1, 222)*. Более того, и открывающее мандельштамовское сочинение определение его темы: *Я хочу поставить один вопрос – именно: едина ли русская литература? (1, 217)*, – в более широком культурно-историческом контексте присутствовало в его статье «Петр Чаадаев» (1914): *На Западе есть единство! С тех пор, как эти слова вспыхнули в сознании Чаадаева, он уже не принадлежал себе и навеки оторвался от «домашних» людей и интересов. У него хватило мужества сказать России в глаза страшную правду, что она отрезана от всемирного единства, отлучена от истории, этого «воспитания народов Богом» (1, 196)*. Сам же образ «жилого помещения», так смутивший интерпретатора, как хорошо известно, является совершенно прозрачной обобщенной метафорой слова русского языка, что столь же прозрачно определено в той же самой мандельштамовской статье: *У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, освященная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории (1,*

225)¹¹⁷. Подводя итог сказанному (краткий, как само рассмотренное сочинение, оставшееся нетронутым автором с первой редакции 2008 года), нельзя не признаться, что при знакомстве с ним не оставляет ощущение того, что написано оно, как говорится, «на коленке», даже не в перерыве между университетскими лекциями, а во время пятиминутного перекура между первой и второй частями одной из них.

Тема обращения Гершензона к чаадаевскому наследию в самых разных его проявлениях может быть значительно дополнена и расширена интереснейшими материалами – недавно подготовленными к печати и опубликованными с обширными комментариями А.Л. Соболевым гершензоновскими письмами 1904–1917 годов А.В. Звенигородскому (*Slavica Revalensia*. 2018. Vol. V. С. 80–132). Их целесообразно было бы учесть и в посвященной адресату заметке «**Звенигородский А.В.**» (Т.Ф. Нешумова), о героине которой, частности, говорится: «В 1920-е годы занимался историко-литературными разысканьями (круг П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина и их эпоха)» (с. 252, стб. 2); как теперь можно сказать точнее, в круг научных интересов Звенигородского в большей степени входила фигура старшего брата философа – М.Я. Чаадаева. Согласно одному из мемуарных свидетельств, к исключительно скромным поэтическим опытам Звенигородского сочувственно относились яркие представители культурной среды начала прошлого века – он был «более известен в литературных кругах Москвы (В.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, М.О. Гершензон)»¹¹⁸. Давая общую оценку его восприятия современниками, А.Л. Соболев, частности, отмечает: «Звенигородский, будучи, прямо говоря, ходячим анахронизмом, представлял собой удивительный осколок утраченной дворянской России <...>. Череды мемуарных зарисовок (тон которых, по мере ожесточения окружающих нравов, менялся от изумленного к снисходительному) рисуют нам исключительный по своеобразию портрет князя»¹¹⁹. Образуют его, как правило, подчас весьма экзотические и даже экзальтированные характеристики, как, например, это отражено в воспоминаниях Е.А. Архипова: «Высокий,

¹¹⁷ Кроме того, вместо указанной автором прежней расплывчатой датировки мандельштамовского «манифеста» А.Г. Мецем давно был предложен более точный вариант: «Статья была написана в Харькове в феврале 1922 г.» (*Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лозста и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 502*).

¹¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. № 15. Л. 1; цит. по: *Богомолов Н.А. Звенигородский А.В. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г – К / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 333, стб. 1.*

¹¹⁹ Письма М.О. Гершензона к А.В. Звенигородскому / Подгот. А.Л. Соболев // *Slavica Revalensia*. 2018. Vol. V. С. 86.

худой, с несомненной печатью на лице высокого аристократизма. – Измученность – во всей фигуре, в наклоне головы: когда стоит, – чувствуется тяжелая покорность недугу. – Тяжко изуродована одна нога с детства, с 12 лет. – Перенес несколько ужасающих операций. Во время последней – молился и пел молитвы. При передвижении несколько волочит ногу. <..> – Лицо свежее, хранит печать румянца. Высокий, может быть, чрезмерно высокий и выпуклый лоб. Глаза спокойные, сильные, с серьезным полновесным взглядом, но вдруг смущающиеся и гаснущие под ударом судьбы. – Сердце имеет на правой стороне. Нежен, истов, крепок и прекрасен в дружбе. – Рыцарски чист и светел. Любит птицу киви. Слушает сов, как Шелли. – Сторонится О. Уайльда. Не любит Кузмина»¹²⁰.

Как сообщает Т.Ф. Нешумова, поэты познакомились «в начале 1930-х годов»; теперь можно говорить и о точной дате этого события, отраженного в ответах Звенигородского на откровенно любительскую, непрофессионально составленную «литературную анкету» «Вопросы о любви к поэтам и книгам», где об О.М. он говорит: «Очень талантливый и с большой эрудицией поэт. Полюбил его как человека. (На этих днях познакомился с г. М<андельштамом> у поэта Амира Саргиджана, 21 июня н<ового> с<тиля> 1932 г.)»¹²¹. 2.8.1932 Звенигородский в письме Архиппову сообщил о том, что в доме О.М. он «“познакомился с А.А. Ахматовой, она на несколько дней приезжала в Москву. Она выглядит еще достаточно бодро. На ее лице нет еще ничего угрожающего. Мне было радостно с ней встретиться” (Собрание Е.А. Калло)»¹²²; сам факт знакомства мог произойти ранее – еще 9.7.1932 Л.В. Горнунг в дневниковой записи о посещении О.М. отметил: «Когда я шел к нему, то уже знал от Андрея Владимировича Звенигородского, что застаю там Анну Ахматову»¹²³. Попутно приходится отметить оставляющее чувство некоторого недоумения присутствие в пристатейной библиографии ссылки на публикацию: «Подборка стихотворений и краткая биографическая справка на сайте “Поэзия Московского университета”:

¹²⁰ *Архиппов Е.А.* Рассыпанный стеклярус / Сост., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. Т. I: Стихотворения и проза. Т. II: Письма. – М.: Водолей, 2016. С. 199–200.

¹²¹ Цит. по: *Нешумова Т.Ф.* Комментарии // *Усов Д.С.* «Мы сведены почти на нет...». Т. 1: Стихи. Переводы. Статьи / Сост., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М.: Эллис Лак, 2011. С. 641–642. Там же (с. 638) содержится краткая информация публикатора об этом частном «документе».

¹²² *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 368.

¹²³ *Горнунг Л.В.* Записки об Анне Ахматовой // *Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных, коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова.* – М.: Советский писатель, 1991. С. 191.

<http://www.poesis.ru/poeti-poezia/zvenigorod/verses.htm#4>» (с. 253, стб. 2). Несмотря на то, что сам сайт своим статусом не вызывает недоверия ни в отношении размещенных на нем материалов, ни в показателе своей жизнеспособности, использовать его как источник несистематизированных художественных текстов главного героя энциклопедической статьи видится не совсем корректным. Упомянутую биографическую справку по указанному адресу найти не удалось.

Одним из многочисленных случаев безответственного заполнения пространства энциклопедии более чем необязательной информацией является еще одна реплика – «Гехт С.» (П.М. Нерлер), своим объемом превосходящая, например, публикацию об Э.Г. Герштейн, чья буквально телеграфная лаконичность не поддается никакой разумной мотивации. Непосредственно к О.М. в заметке относится совершенно безоценочно поданное единственное событие: «16.3.1933 Гехт опубликовал в “Вечерней Москве” отчет о вечере О.М. 14.3.1933 в Политехническом музее в Москве» (с. 184, стб. 1); предшествующее этому сообщение: «С О.М. познакомился в 1920-е гг.», – не имеет никакого конкретно обоснования и логического продолжения. Кроме того, ранее уже говорилось, что энциклопедическое отражение всех, кто имел какое-либо отношение к мероприятиям с участием О.М., потребовало бы отдельного издания. Касательно заметки «Герштейн Э.Г.» (П.М. Нерлер) приходится констатировать, что вся «мандельштамоцентрическая» часть повествования в ней содержится в дефиниции: «близкий друг О.М. и Н.Я. Мандельштам, с которыми познакомилась в октябре 1928 года в санатории “Узкое” (тогда под Москвой). Навещала их в мае 1936 года во время Воронежской ссылки поэта», – после чего следует дополнение более общего характера: «Автор публикаций и воспоминаний о О.М., Н.Я. Мандельштам, А.А. Ахматовой, Л.Н.Гумилеве, С.Б. Рудакове и др. Значительная часть этих воспоминаний представляет собой ответ Герштейн на оценки и обвинения в ее адрес, содержащиеся в мемуарах Н.Я. Мандельштам» (с. 182, стб. 1)¹²⁴. Согласиться с последним утверждением

¹²⁴ В более поздней публикации на эту тему автору рассматриваемого материала принадлежит и более жесткая характеристика: «Эмма Григорьевна Герштейн воспринимается сегодня читателями как едва ли не основной оппонент Н.Я. Мандельштам и разоблачительница ее книг. Выведенная уже в “Воспоминаниях” Н.Я. Мандельштам не в самом привлекательном виде, после “Второй книги” Эмма Герштейн ощутила себя не только обиженной, но и оклеветанной. На книги Н.Я. Мандельштам она отозвалась “Мемуарами” (первое издание вышло в 1986 году в Париже, второе – в 1998 году в Санкт-Петербурге), где <...> не только ответила на обвинения себе и другим (в частности, Б. Рудакову), но и сама выступила со встречными исками к своей обиднице. При этом она не щадила и Осипа Эмилевича, “вывода на чистую воду” и его. Ответы Эммы Григорьевны явно проигрывали текстам Надежды Яковлевны <Мандельштам>, а ее контроткровения <...> вызывали только улыбку <...>. Но, быть может, самое неприятное в мандельштамиане Э. Герштейн – это ее попытка

никак невозможно, как и принять подобный тон повествования¹²⁵. Очевидно, что комментировать недопустимость столь откровенно предвзятого отражения личности младшей современницы поэта в его биографии и посмертной судьбе не представляется необходимым ни для специалистов-филологов, ни для заинтересованных читателей: вряд ли следует напоминать о том, что жанр энциклопедической публикации не предполагает проявления личных авторских оценок в завуалированной и тем более прямой форме. Не только к этой публикации (как и к иным репликам ее автора), но и ко многим материалам некоторых участников рассматриваемого проекта вне всяких сомнений может быть применимо утверждение Ю.М. Лотмана из его упоминавшегося отклика на «Лермонтовскую энциклопедию»: «иногда авторы, стремясь дать любой ценой оригинальную трактовку и помещая в статье смелые, но спорные гипотезы или субъективные толкования, забывают, что энциклопедическая статья, в отличие от статьи в научном сборнике, ценится не новациями, а тем, что дает полный и объективный свод наиболее авторитетных научных мнений, уже

вывести стихи Мандельштама напрямую из того, что она только что разоблачила. Как аналитик мандельштамовской поэзии она потерпела полное фиаско». Но далее автор этой вступительной заметки отмечает: «Публикуемые <...> письма показывают совершенно иную фазу их отношений – фазу искренне дружескую, начавшуюся знакомством в 1928 году в академическом санатории “Узкое”. <...> – Публикуемые письма Эммы Герштейн напрямую свидетельствуют и вовсе о безоблачной дружеской атмосфере, царившей между адресатами в 1940-е годы». Более того, «в середине 1950-х годов Н.Я. Мандельштам ставила Эмму <Герштейн. – С.Ш.> в один ряд со своим возлюбленным братом и его женой» («Место в сердце», или «В чем секрет вечных дружб»: из писем Э.Г. Герштейн Н.Я. Мандельштам / Публ. и вст. заметка П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. Нерлера. – М.: АСТ, 2015. С. 84–85). Вместе с тем, за треть века до появления такой оценки личные впечатления автора от первой редакции этих воспоминаний несколько отличались – в его дневниковой записи за 22.1.1981 о них говорится так: «с полдевятого вечера до часу ночи – просидел у Э.Гр. Герштейн, слушал 60 страниц ее воспоминаний. Они начинаются 1-й встречей в Узком 29/X–28 г. и обрываются где-то накануне стихов о Сталине. Воспоминания замечательные – живописные, умные, точные (о последнем сужу по косвенным совпадениям с другими мемуаристами)» (*Нерлер П.М.* Из дневников и записных книжек // *Нерлер П.Согатогое: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 759).

¹²⁵ Одна из возможных причин подобного непростого отношения автора к своей старшей современнице раскрывается им самим в мемуарном очерке об истории Мандельштамовского общества, где рассказано об эпизоде, место которому вряд ли должно было найтись в публикации, близкой по своему статусу к научной: «Без удовольствия вспоминаю и мастер-класс “профессионализма”, который мне из симпатии преподнесла в 1981 году Эмма Григорьевна Герштейн. Наука ее сводилась к следующему: коллеги – это не коллеги, а конкуренты, желающие у тебя что-нибудь выманить и напечатать первыми, поэтому тот наилучший профессионал, кто делится с другими минимально, а выманивает у них максимально» (*Нерлер П.М.* Мандельштамовская комиссия и Мандельштамовское общество // *Нерлер П. Согатогое: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 35). – Реальный «конфликтный дискурс» был представлен, например, позднее в выдающихся справедливых замечаниях, высказанных Герштейн в адрес Штемпель по поводу ее воспоминаний об О.М.; см.: *Крюков А.С.* Затерявшееся письмо // *Университетская площадь.* 2011. № 4.

высказанных по данному вопросу. Обилие оценочных и эмоциональных эпитетов, появляющихся в статьях этого типа – явное несоблюдение жанровых законов справочного издания»¹²⁶. В противоположность подобному рода описанию заслуживающими внимания читателей могли бы стать некоторые аспекты данной темы, затронутые в исследовании В.В. Мусатова (Лирика О. Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000 (по им. ук.)) и историко-литературных комментариях Р.Д. Тименчика (Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расш. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014 (по им. ук.)).

В уже отмечавшейся в предыдущем «выпуске» данных комментариев рецензии А.Г. Меца на выход из печати МЭ, в частности, содержится такое замечание: «О том, что гл. редакторами том не был прочтен насквозь, свидетельствуют не устраненные ошибки, которые в противном случае должны были быть исправлены»; примером, призванным подтвердить это безусловно неоспоримое утверждение, служит, в частности, тот факт, что «в статье “Гюго” автор на с. 211 упоминает о неназванном в “Путешествии в Армению” и неустановленном “несчастном персонаже” из произведения Гюго. Между тем произведение и имя персонажа было установлено П. Нерлером и оглашено в его комментарии: ПССиП 2010. Т. 2. С. 587, это Пакетта Шантфлери, мать Эсмеральды, из романа “Собор Парижской Богоматери” (то же: ПССиП 2017. Т. 2. С. 606)»¹²⁷. Речь идет о следующем фрагменте заметки «**Гюго В.**», принадлежащей автору данных строк: «В “Путешествии в Армению” (1931–1932) упоминается герой, который “вмурован в плоскостенный дом свой, как несчастный персонаж в романе Виктора Гюго”, но с уверенностью сказать, о каком именно романе Гюго идет речь, не представляется возможным» (с. 211, стб. 1). Нетрудно заметить явные различия в энциклопедическом «претексте» и его вольном воспроизведении рецензентом, нередко прибегающим к подобному «художественному приему», причем в данном случае он использован дважды, поскольку по указанному А.Г. Мецем библиографическому адресу (*Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста, А.А. Добрицина, П.М. Нерлера, Л.Г. Степановой, Г.А. Левинтона. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 587) П.М. Нерлером не оглашено ничего: там располагается комментарий Л.Г. Степановой и Г.А.

¹²⁶ *Лотман Ю.М.* «Лермонтовская энциклопедия» и проблемы построения персональных литературных энциклопедий. С. 91.

¹²⁷ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия. С. 394. При цитировании данного текста во всех случаях полностью сохраняется издательский вариант публикации.

Левинтона к «Разговору о Данте». «На дикую, чужую мне подменили кровь»?.. Примечание, к которому апеллирует рецензент, завершает страницу 687 и выглядит следующим образом: «Пикетта <sic. – С.Ш.> Шампфлери <sic. – С.Ш.>, мать Эсмеральды из романа “Собор Парижской Богоматери”, заточившая себя на 20 лет в знак траура по погибшему в Крестовом походе отцу».

Однако существо ситуации заключается не в этом факте авторской небрежности или типографской опечатки, а во вновь появляющихся «опущенных звеньях», которые создают совершенно неразрешимые проблемы с пониманием текста рецензента, не имеющего прямого отношения к комментируемому изданию: предлагаемый читателям вариант «биографической канвы» матери Эсмеральды Пакетты Шантфлери (или сестры Гудулы) совершенно не соответствует реальному романному варианту, во всяком случае, каноническому¹²⁸. Но более актуально другое обстоятельство, а именно то, что смутивший рецензента фрагмент главы «Аштарак» «Путешествия в Армению» в контексте художественного мира О.М. соотносится, очевидно, не с совершенно периферийным персонажем романа XIX века, а с более сложными семантическими моделями. Эпизод пребывания в замкнутом домашнем пространстве непосредственно связан с эпизодическим героем – сельским учителем: *Учитель Ашот вмурован в плоскостенный дом свой, как несчастный персонаж в романе Виктора Гюго. <...> – В дупле комода хранился диплом университета, аттестат зрелости и водянистая папка с акварельными рисунками – невинная проба ума и таланта. В нем был гул несовершенного прошедшего. <...> – Еще не написана повесть о трагедии полубразования. – Мне кажется, биография сельского учителя может стать в наши дни настольной книгой, как некогда «Вертер» (3, 307).* Обращает на себя внимание специфика данного изображения: если в мандельштамовской модели мира замкнутое пространство чаще всего представляет собой отрицательное, нередко смертельно опасное начало, то в данном случае можно сделать вполне обоснованный вывод

¹²⁸ Поскольку комментирование упомянутого полного собрания сочинений О.М. не входит в цели этих заметок, читатель, заинтересованный конкретными отличиями процитированного примечания от сюжетного строя «Собора Парижской Богоматери», может обратиться к третьей главе «Рассказ о маисовой лепешке» шестой книги романа самостоятельно. Впрочем, есть все основания заметить очевидное уже на уровне здравого смысла противоречие: даже если считать самым последним крестовым походом не седьмой (экспедицию Людовика IX Святого в Египет в 1248–1254 годах, окончившуюся полным поражением), а последовавший за ним и прерванный из-за массовой эпидемии участников восьмой, он пришелся на 1270 год, тогда как события, изображаемые в упоминаемом сочинении Гюго, при самых смелых допущениях никак нельзя отнести к XIII веку.

о том, что речь в приведенном фрагменте идет непосредственно о положительной ипостаси образа дома, являющейся формой сохранения и отражения индивидуального личностного начала человека. Подобного рода описание содержится, например, в статье 1922 года «Гуманизм и современность»: *Как оградить человеческое жилье от грозных потрясений, где застраховать его стены от подземных толчков истории, кто осмелится сказать, что человеческое жилище, свободный дом человека не должен стоять на земле, как лучшее ее украшение и самое прочное из всего, что существует? (2, 287)*¹²⁹. Значительно важнее другой признак процитированной характеристики – ее опосредованная соотнесенность с миром культуры и творческим началом, что является своего рода смысловой проекцией более общих представлений О.М. об известном метафорическом изоморфизме образа дома русской культуре. Впервые эта тема в содержательно развернутой и мотивированной форме была манифестирована в упоминавшейся выше «программной» статье-монографии «О природе слова» (1920–1922), причем и тогда, и позднее ее текстуальное проведение осуществлялось с использованием образа стен: *У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен (1, 225)*; несколько подробнее об этом идет речь в статье автора данных строк «Дом» (с. 225, стб. 2).

Вместе с тем, в более широком контексте рассматриваемый фрагмент «Путешествия в Армению» соотносится с одним из аспектов историко-архитектурной темы, связанным с образом Айя-Софии в его «акмеистической» ипостаси. Используемая О.М. конкретная лексико-семантическая формулировка – *вмурован в плоскостенный дом свой (3, 307)* – не может не вызвать ассоциаций с широко представленной в самых разных архаических и более поздних традициях ритуальной практикой строительных жертвоприношений, направленных на обеспечение безопасного и благополучного пребывания в новом строении¹³⁰.

¹²⁹ В такой связи появляется еще один аргумент против безусловного и, главное, однозначного соположения мандельштамовского текста именно с «Собором Парижской Богоматери»: пристанище сестры Гудулы (келью в Роландовой башне на Гревской площади, именуемую парижанами «Крысиной норой») вряд ли можно назвать домом.

¹³⁰ Содержания и функции обряда «строительной жертвы» были хорошо известны современной О.М. науке; в отечественной фольклористике этот ритуально-мифологический комплекс был рассмотрен Д.К. Зелениным, в частности, отмечавшим: «Почти в каждом старом сборнике саг и других фольклорных материалов разных западноевропейских народов можно встретить рассказы о замуровывании, о заживо похороненных людях» (*Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 5 (Труды Института антропологии, археологии, этнографии. Т. XV. Вып. 2: Этнографическая серия. 5)*). Приводимые далее многочисленные европейские (в том числе славянские) примеры автор дополняет русскими и кавказскими (грузинскими) параллелями. – Любопытным видится упоминание данного обряда в совершенно иной (но также семантической) связи в исследовании В.В. Мусатова (О

Соответствующая образность содержится, в частности, в писавшейся Гумилевым с осени 1917 по лето 1918 года трагедии «Отравленная туника», дополнительную актуальность которой в рассматриваемой перспективе придает факт присутствия в ней мотива возведения Айя-Софии, в связи с чем появляется эпизод рассказа евнуха о посещении строящегося собора трапезондским царем: «Молчал он, только раз спросил меня, / Закопан ли, по скифскому преданью, / Под основаньем храма человек, / Чтобы незыблемо стояли стены»¹³¹.

фольклорном подтексте сталинской темы в воронежских стихах Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). – М.: РГГУ, 2001. С. 155), считавшего, что образ ‘большевика’ в стихотворении «Мир начинался страшен и велик...» (1935) «становится персонификацией подземных, горючих, “угольных” качеств. Сжигая себя, он отдает стране энергию своего “каменноугольного мозга”. Это – энергия самопожертвования, строящего новый мир и скрепляющего трудящихся в единое целое. Большевик, “дышащий в стене”, оказывается чем-то вроде строительной жертвы, положенной в основу Акрополя-Кремля, “орешка” новой истории».

¹³¹ Гумилев Н. Сочинения в трех томах. Т. 2: Драммы. Рассказы / Сост., подгот. текста, примеч. Р.Л. Щербакова. – М.: Художественная литература, 1991. С. 143. Несколько подробнее об этом контексте см.: Шиндин С.Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева: К рецепции образа Айя-Софии в культуре «серебряного века» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 197, 201. – Образующийся в рассмотренной ситуации семантический комплекс может иметь и другие интертекстуальные коннотации, предоставляющие возможность для дополнительных интерпретаций. Так, упоминание в мандельштамовском фрагменте главы «Аштарак» романа Гете «Страдания юного Вертера» неизбежно вызывает в памяти стихотворение Пастернака «Рояль дрожащий пену с губ оближет...» из цикла «Разрыв» 1919 года: «Уже написан Вертер, / А в наши дни и воздух пахнет смертью: / Открыть окно – что жилы отворить» (Пастернак Б. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. С. 186). Явным обоснованием для сопоставления является акцентирование О.М. в финальной части своего фрагмента метафорической ситуации еще не состоявшегося факта написания другого литературного произведения: *Еще не написана повесть о трагедии полубразования. – Мне кажется, биография сельского учителя может стать в наши дни настольной книгой, как некогда «Вертер» (3, 307)*. При этом семантические коннотации пастернаковского стихотворения, согласно точке зрения А.К. Жолковского (Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 441), носят глубоко личностный, «исповедальный» характер: «подобно Гёте, отстранившемуся от суицидальных устремлений, передав их своему персонажу, Пастернак поэтически и экзистенциально преодолевает соблазн самоубийства». (В связи с обращением О.М. к образу великого немецкого поэта в радиопостановке, названной им «Молодость Гёте», следует учитывать, что в практике переводов романа «Страдания юного Вертера» встречался и «альтернативный» вариант его заглавия – «Страдания молодого Вертера»; см., напр.: Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н.В. Гербеля. Том восьмой: Романы. – СПб.: Н.В. Гербель, 1879.) – Вместе с тем, присутствующий у Пастернака образ открываемого окна в более метафорической форме повторится в писавшемся уже после «Путешествия в Армению» стихотворении «Ариост» («В Европе холодно. В Италии темно...», 1933, 1935): *О, если б распахнуть, да как нельзя скорее, / На Адриатику широкое окно (3, 71)*, – тогда как герой другого варианта («Во всей Италии приятнейший, умнейший...», 1933) *вельможится все лучше, все хитрее / И улыбается в крылатое окно (3, 71)*, при том что употребляемый по отношению к окну эпитет ‘крылатый’ фонетически соотносим с ‘открытый’. – Особое смысловое наполнение данного образа в пастернаковской лирике было детально рассмотрено в исследовании А.К. Жолковского «Место окна в поэтическом мире Пастернака»: Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М.: Прогресс, 1996. О семантической специфике образа ‘окна’ в

В изображении сельского учителя речь, разумеется, о строительной жертве не идет, но косвенной мотивацией для появления данного образа могли служить, в частности, детские впечатления О.М., оставшиеся от посещений им родственников в Риге: следы возможных человеческих жертвоприношений такого типа были обнаружены там довольно давно и подкреплялись как городскими преданиями, так и несколькими реальными случаями добровольного замуровывания себя жителями в городские постройки уже в христианский период¹³².

Под литерой «Д»...

В заметке «Далькроз Ж.» (С.Г. Шиндин), увидевшей свет в окончательной редакции комментатора и полностью сохранившей исходный вариант библиографического оформления, с учетом новых данных может быть расширен «периферийный» контекст, дополнительно обнаруживающий прямые биографические и содержательные коннотации со статьями «Гиппиус Вл.В.» и «Акмеизм». В публикации отражен следующий факт: «Значение идей Далькроза, в культуре этого периода воспринимавшихся как яркое новаторское начало, отражено в глубоко эмоциональной дневниковой записи К.И. Чуковского 15.4.1914, где далькрозовская концепция парадоксальным образом сближается, в частности, с акмеизмом: “Завыть бы по-собачьи, завизжать. Исцарапать себе ногтями лицо, закричать: перестаньте, не надо, не так! Все это очень благополучно. Танцы Далькроза, Мейерхольд... Все ищут... Сатирикон выходит... Как же! Акмеизм в пустяке переделался, а в крупном такой же ужас” (Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11: Дневник 1901–1921 / Сост., подгот. текста и комм. Е. Чуковской. М., 2013. С. 191)» (с. 212, стб. 1). Годом раньше подобное «типологическое» соположение в сходной терминологии использовал Вл.В. Гиппиус: в отзыве о состоявшейся 20.2.1915 в Александринском театре премьеры постановки В.Э. Мейерхольда по пьесе З.Н. Гиппиус «Зеленое кольцо» в заметке «Спор поколений» (День. 1915. 22 февр.) он, в

самой широкой мифопоэтической перспективе см.: *Топоров В.Н.* К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. – М.: Наука, 1984.

¹³² См.: *Цауне А.В.* Рига под Ригой: Рассказ археолога об исчезнувших постройках древней Риги / Пер. с латыш А. Мартинсон. – Рига: Зинатне, 1989. С. 108–112; там же (с. 112–119) указаны многочисленные примеры безусловного жертвоприношения в подобных обстоятельствах животных.

частности, отмечал, что автор «написала пьесу “в похвалу молодежи”, доказывая, что “душа реакции” овладела не всеми, а лишь – “далькрозистами, акмеистами, аполлонистами, тангистами и пр. и пр.”»¹³³. Непростительным упущением автора данных строк является оставшаяся неучтенной в статье «Дом литераторов» монографическая публикация Т.А. Кукушкиной «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918–1922)¹³⁴.

Под литерой «З»...

¹³³ Цит. по: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 3 (1911 – октябрь 1917) / Под общ. ред. А.В. Лаврова. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 374. – Интерес к далькрозовской теории проявлял, в частности, Скрябин в период работы над сонатой для фортепиано № 9 (ор. 68), известной как «Черная месса»: «В это время появился на его горизонте князь С.М. Волконский, ранее директор казенных театров, изящный мужчина брюнетистого вида, который был поклонником учения Далькроза и Дельсарта, интересовался актерской техникой и проблемами речевого искусства. Скрябин и Татьяна Федоровна, которые всегда имели некоторую симпатию к аристократии и к хорошей породе, очень отметили Волконского как утонченного и аристократически изысканного, “интересного” человека. Он познакомил их с учением Далькроза, которому восторженно поклонялся. Скрябин учел нечто “социально значительное”, что связывало полупедагогические, полухудожественные теории и практику Далькроза с его собственными мечтаниями о Мистерии. Эти грандиозные симфонии телодвижений его как-то сразу зажгли, и первое время он возымел большой интерес к Далькрозу, хотя излагавшаяся Волконским его теория с ее примитивными параллелизмами скоро заставила его разочароваться» (Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 128). – Очевидно, для определенной части культурной среды обращение к далькрозовской практике и позднее являлось своеобразным показателем причастности некоему специфическому ценностному ряду. Так, например, мать Л.М. Рейснер 28.12.1922 сообщала ей в письме о жене одного из скрытых за литерой поэтов: «Сережа женился на мещанке, но, ткну ее осел, она, видишь ли, учится Делькроза <так!> и мизинец отставляет» (цит. по: Богомолов Н.А. К изучению литературной жизни 1920-х годов // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. – Рига; М. [б. и.], 1995–1996. С. 294).

¹³⁴ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Комментатор не исключает возможность в недалеком будущем разместить в гипотетическом продолжении настоящих заметок расширенные и отредактированные редакции статьей «“Дом искусств”» и «Дом литераторов». – В процессе работы над проектом автором этих строк был подготовлен материал о М.В. Добужинском, который по неизвестным ему причинам не был включен в рецензируемое издание, в силу чего он включен в приложении к данной публикации. Кроме него там же помещены материалы о двух других художниках, оформлявших детские книги О.М., – Н.Ф. Лапшине и Б.В. Эндере; первый из них так же не вошел в комментируемую публикацию. Первоначальные редакции последних двух текстов ранее были опубликованы в составе более общего исследования: Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I // TorontoSlavicQuarterly. 2016. № 55. С. 76, 84. В указателе статей МЭ неопубликованные материалы выделены курсивом.

Назвать причину, по которой в заметку «**Загоровский П.Н.**» (П.М. Нерлер) не попали некоторые биографические детали, зафиксированные со слов Н.Я. Штемпель в середине 1960-х годов, несложно, а потому пишущий эти строки ограничится только цитатой: «Н.Е. <Штемпель – С.Ш.> познакомила О.М. с П.Н. Загоровским, зам. директора Воронеж<ского> пед<агогического> института, человека, по ее словам, феноменальной эрудиции – философской, поэтической, и редкой культуры. О.Э. <Мандельштам – С.Ш.> его полюбил и называл “бархатным профессором” за его мягкие манеры. Разговоры их были всегда очень эмоциональны и интересны. Т<аким> о<бразом> Мандельштамы получили возможность общения, хотя и минимального, с людьми. Загоровский помогал им и материально, очень смущаясь при этом»¹³⁵. Данный пассаж не внес бы принципиальных изменений в опубликованный текст, но ссылка на него хотя бы вдвое увеличила раздел литературы в пристатейной библиографии (с. 252, стб. 1).

Публикацию «**Зенкевич Е.П.**» (П.М. Нерлер) не просто проблематично, а невозможно отнести к «мандельштамоцентричным» ни при каких условиях: ее героиня, родившаяся в 1919 году, оставила свой след в биографии О.М. только тем, что с 1946 года известна как «3-я жена Е.Э. Мандельштама» (с. 254, стб. 2). Дополняет данный факт следующее обстоятельство: «После смерти Е.Э. Мандельштама (1979) и выхода на пенсию (1985) Зенкевич разбирала семейный архив, готовила к печати хранившиеся в нем воспоминания мужа, письма и автографы О.М.» (с. 255, стб. 1). Ни одна публикация в тексте не указана, но мемуары героини упомянуты в сопровождающем его списке литературы. В издании, неограниченном в своем объеме и стремящемся к реальной, а не имитируемой тематической и содержательной полноте и к профессиональной, а не любительской подготовке, подобного рода материалы вряд ли показались бы лишними. Но когда в ходе реализации проекта создания МЭ неоднократно декларируется полиграфическая ограниченность готовящейся и вышедшей из печати книги, публикация в ней такого рода, равновеликая по размеру, например, заметке о Герштейн, представляется более чем только редакторским

¹³⁵ Лето 1967 года в Вере: Н.Я. Мандельштам в дневниковых записях Вадима Борисова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 499. Вдова поэта вспоминала об этих эпизодах так: «Подсчитав доходы за день, мы шли раздобывать у актеров, наборщиков, а изредка у профессоров – один из них был приятелем Наташи, другой литературоведом – на пачку чаю, кусок запрещенного хлеба и яичницу на обед. С нашими давальщиками мы обычно сговаривались о встрече на боковой безлюдной улице, где, соблюдая полную конспирацию, неторопливо проходили друг мимо друга, успев на ходу взять конверт с подаваемым» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 262).

расточительством. Одной из причин возникновения подобной ситуации может являться тот факт, что данная «реплика», прозвучавшая в 2008 году на этапе первоначальной подготовки энциклопедии, еще не была ограничена появившимся впоследствии прокрустовым ложем издательских масштабов, а позднее автором уже не редактировалась. Достоверным подтверждением этого служит начальная часть дефиниции, не нуждающаяся в настоящее время в комментариях, которые прозвучали бы теперь некорректно: «(родилась 9.8.1919, Херсон)» (с. 254, стб. 1), – ее жизненный путь оборвался в 2012 году¹³⁶. Но и при таком стечении обстоятельств удивительным кажется отсутствие в заметке П.М. Нерлера указаний на участие Е.П. Зенкевич в ряде вызвавших в свое время достойное внимание специалистов публикаций: Мандельштам О. Последние творческие годы / Публ. и коммент. Е.П. Зенкевич и П.М. Нерлера // Новый мир. 1987. № 10; Осип Мандельштам в переписке семьи (из архивов Е.Э. и А.Э. Мандельштамов) / Публ., предисл. и примеч. Е.П. Зенкевич, А.А. Мандельштама и П.М. Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1991; *Мандельштам Е.Э. Воспоминания* / Публ. Е.П. Зенкевич, примеч. А.Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. Без упоминания осталась и та часть архива Е.Э. Мандельштама, которая состоит из его переписки с женой в 1940–1970-х годах и содержит «около 200 рукописных и машинописных писем, телеграмм и конвертов, прошедших почту»¹³⁷.

¹³⁶ Сообщение об этом печальном событии содержалось, в частности, в информационном письме Мандельштамовского общества, распространенном в январе 2013 года и размещенном на его сайте; URL: https://rvb.ru/mandelstam/m_o/info/obyavlenie13-01.htm.

¹³⁷ Аукцион XLVIII. Аукцион «Литфонда» в Санкт-Петербурге: Редкие книги, автографы, фотографии и открытки. – М.: Аукционный дом и художественная галерея «Литфонд», 2017. С. 102. Там же содержится краткая, но емкая биографическая справка: «Евгений Эмильевич Мандельштам (1898–1979) – младший брат знаменитого поэта. Евгения Павловна Зенкевич (1919–2012) – его третья супруга. С ним она была знакома с детства; в 1946 году он начал ухаживать за ней и в 1963 году, оставив свою семью, он переехал из Ленинграда в Москву, где они жили вместе вплоть до его смерти в 1979 году. Общих детей у них не было. После выхода на пенсию в 1985 году Евгения Павловна занималась разбором и публикацией семейного архива Е.Э. Мандельштама, в том числе его воспоминаний, а также писем и автографов О. Мандельштама. – На более чем 200 исчерканных листах бумаги разворачивается история “запретной” любви, протяженностью в десятилетия. Любви, знавшей взлеты и падения, прошедшей через боль разлуки, расставания, недоверие и непонимание, и несмотря ни на что, находившей силы жить и давать жизнь двум людям. Людям, между которыми стояли расстояние, возраст, социальный статус, и которые нашли в себе силы быть вместе и пронесли свое чувство и заботу друг о друге до конца». Эти эпистолярные материалы выставлялись владельцем на аукционные торги 4.3.2017 (лот 219) в Санкт-Петербурге, но, насколько можно судить по их официальным итогам, проданы не были; URL: http://www.litfund.ru/export/auction_results/?auction_id=48. Ранее в печати упоминалось собрание Е.П. Зенкевич с уточнением: «нынешнее местонахождение собрания неизвестно» (*Нерлер П.М.* Лютик из заросничной страны (Ольга Ваксель) // *Нерлер П.Сог amore: Этюды о Мандельштаме*. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 608, прим. 2).; из списка сокращений,

Совершенно аналогична по своему статусу этой заметке и другая «семейная» реплика – «Гурвич Э.С.» (П.М. Нерлер), героиня которой («невестка О.М., художник-график, ученица художника К.Ф. Богаевского, М.А. Волошина, В.А.Фаворского и др.») «О.М. впервые увидела летом 1915, когда он читал стихи в Феодосии» (с. 210, стб. 2). Помимо семейных связей ее вклад в мандельштамовскую биографию обозначен таким образом: «В 1927 году вышла замуж за А.Э. Мандельштама. Их единственный сын – А.А. Мандельштам. Поселились в большой коммунальной квартире в Старосадском пер. (д. 10, кв. 3), где обыкновенно останавливался и О.М., наезжая из Ленинграда» (догадываться о том, что здесь, как и во всех случаях подобных описаний, речь идет о Москве, читателям придется самостоятельно). Еще один приведенный в публикации факт: «Семейный архив передан в Государственный литературный музей» (с. 210, стб. 2), – согласно устоявшейся научной традиции, предполагает указание точных архивных реквизитов (к слову сказать, таковые отсутствуют в МЭ во многих аналогичных ситуациях). И остается только строить самые смелые предположения о том, какое отношение имеет к мандельштамоведческой библиографии учтенное в публикации предисловие к каталогу выставки графических работ Э.С. Гурвич.

Под литерой «И»...

Отдельные неточности и незначительные упущения, к сожалению, встречаются в содержательной статье «**Иванов Вяч.И.**» (Е.В. Глухова, О.А. Лекманов), вошедшей в комментируемое издание в редакции 2008 года. Так, например, знакомство старшего и младшего поэтов представлено мемуарным свидетельством Е.К. Герцык, согласно которому «О.М. представила Вяч.И. Иванову бабушка (С.Г. Вербловская), с родственником которой – пушкинистом С.А. Венгеровым, хозяин “башни” был неплохо знаком: “Однажды бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама” (Герцык Е.К. Воспоминания. П., 1973. С. 60 <...>» (с.

используемых в МЭ, следует, что архив младшего брата поэта «в настоящее время находится в разных частных собраниях» (с. 5, стб. 1); единственное, кажется, его самое краткое описание относится к началу января 1981 года: *Нерлер П.М.* Из дневников и записных книжек. С. 753.

258, стб. 1)¹³⁸. Основой для столь популярной легенды о начале литературного пути О.М. (как и еще более известного рассказа о визите матери поэта в «Аполлон» к С.К. Маковскому), возможно, стало реальное событие, происшедшее 17.2.1907, – празднование дня рождения (тридцатилетия) И.А. Венгеровой, на котором состоялось мандельштамовское знакомство с М.А. Волошиным¹³⁹. Позднее в дневниковой записи от 18.4.1932 старший поэт так вспоминал об этом факте: «Помню эту встречу – это было у сестры Зинаид[ы] Венгеровой – Изабеллы Афанасьевны (певицы). Там было нечто вроде именинного приема – торты, пироги, люди в жакетах и смокингах. Сопровождая свою мать – толстую немолодую еврейку, там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии – вроде Поливановской – кажется, Тенишевской. Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось много застенчивости. “Вот растет будущий Брюсов”, – формулировал я кому-то <...> свое впечатление. Он читал тогда свои стихи»¹⁴⁰. Вполне вероятно, что рассказ об обстоятельствах этого знакомства, слышанный от одного или обоих его участников или от кого-то из свидетелей, и стал импульсом для появления «версий», изложенных в мемуарах Герцук и, возможно, в ориентированных на самую благожелательную интонацию воспоминаниях Маковского о

¹³⁸ Упомянутый авторами статьи в качестве дополнительного подтверждения сказанного фрагмент мемуаров вдовы поэта в реальности представляет собой лишь неопределенное свидетельство: «С Вячеславом Ивановым Мандельштама еще до отъезда за границу познакомила, вероятно, мать или Венгерова» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 55). Противоположная «хрестоматийная» версия представлена в мемуарах В. Пяста: «Много начинавших поэтов приходили на эти собрания. И вот, помню, однажды пришел <...> Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задиравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип Мандельштам» (*Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 100). На следующую страницу этого издания ссылаются и авторы рассматриваемой публикации в связи с реакцией Вяч.И. Иванова на стихи начинающего поэта.

¹³⁹ Как указывалось ранее в «трудах и днях» О.М., это было «установлено В.Н. Дранициным путем сопоставления даты, записи дневника М.А. Кузмина за это число <...> и воспоминаний М.А. Волошина» (*Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 25); теперь см.: *Драницин В.* Мандельштам и Волошин: два биографических сюжета // *Toronto Slavic Quarterly.* 2017. № 62. С. 1–2.

¹⁴⁰ *Волошин М.* Воспоминания // *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 7. Кн. 2: Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания / Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой при участии К.М. Азадовского, А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика. – М.: Эллис Лак, 2008. С. 422. Ранее, 31.7.1915 в письме Е.О. Кириенко-Волошиной, он признавался: «Мандельштама я очень люблю как поэта. И встречал его, когда он был еще совсем юным мальчиком» (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 10: Письма 1913–1917 / Сост. А.В. Лавров, подгот. текста, коммент. К.М. Азадовского, В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. – М.: Эллис Лак, 2011. С. 409).

«визите» к нему в редакцию «Аполлона» матери будущего поэта¹⁴¹.

В качестве одного из примеров «степени» дружеской близости старшего, уже признанного и начинающего поэтов авторы приводят следующий факт: «известно, что в сентябре 1909 года Вяч.И. Иванов искал комнату для О.М. в Санкт-Петербурге, о чем оставил запись в своем дневнике» (с. 258, стб. 1), – после чего следует прямая ссылка на источник: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 801–803. Впервые больше четверти века тому назад на это свидетельство обратил внимание А.Г. Мец: «В своем дневнике Вяч. Иванов записал: “Секретарь Маковского пишет <...>, что больной (Маковский. – А.М.) просит заехать к нему. Собираюсь завтра, чтобы передать стихи Бородаевского и устроить комнату для Мандельштама, о чем просил сегодня Ауслендер” (запись 5 сент. 1909 г.); “Был у больного Маковского <... > Устроено тотчас дело Мандельштама (он велел секретарю послать 25 р.)» (запись 6 сент. – *Иванов В.И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 801–803)». Далее следует «внетекстовый» комментарий этих записей: «Поскольку невозможно представить, чтобы Иванов мог обратиться с просьбой подобного рода о незнакомом Маковскому человеку, да еще и придя к больному, следует отнести знакомство Маковского с Мандельштамом ко времени мая–июня 1909 г.; при этом исходя из тех же записей в дневнике Иванова выводится предположение о том, что вряд ли не ему принадлежала инициатива в публикации стихов Мандельштама в “Аполлоне”; указанная в записи сумма денег – вероятно, гонорар за стихи»¹⁴². Именно введение в научную практику изучения мандельштамовской биографии данного пассажа и его расширенной интерпретации стало основанием для неоднократно встречающегося в историко-литературных описаниях «трудов и дней» О.М. утверждения о причастности старшего поэта к решению его жилищных проблем¹⁴³. Однако позднее тщательная расшифровка этого фрагмента ивановского дневника, предпринятая Н.А.

¹⁴¹ Краткий комментарий к этому эпизоду содержится в публикации: *Шиндин С.* Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // *Новый Журнал*. 2017. Кн. 288. С. 283–284.

¹⁴² *Мец А.Г.* Комментарий // *Мандельштам О.* Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 346.

¹⁴³ Упоминание данного события как имевшего место в реальности содержалось и в предшествовавшей комментируемой статье публикации, во многом ставшей ее основой (но при этом странным образом не попавшей в пристатейный список литературы): *Лекманов О.А., Глухова Е.В.* Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов // *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 174.

Богомоловым с привлечением дополнительных материалов и обращением к самому широкому историко-литературному контексту, заставила кардинальным образом пересмотреть существовавшую точку зрения и прийти к выводу о том, что в использованном источнике «фамилия Манделштама не может быть прочтена без весьма значительных натяжек»¹⁴⁴ и в тексте фигурирует другой современник, вероятнее всего, В.В. Линденбаум, помощь Вяч.И. Иванова которому и предназначалась¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Богомолов Н.А. Проблематизация текста как способ чтения трудных мест // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010. С. 15; о ситуации в целом см. с. 14–16. [Комментатор искренне признателен автору процитированной публикации, обратившему его внимание на изложенные в ней факты, которые внесли более чем существенные коррективы в широко распространенный вариант манделштамовской биографии. Столь же глубокую благодарность пишущий эти строки выражает всем тем коллегам, кто в той или иной форме оказал и оказывает моральную, эмоциональную и практическую поддержку данному комментарию: «Хотелось бы всех поименно назвать...». И, пользуясь случаем, автор должен признаться, что был бы несказанно благодарен тем коллегам, кто нашел бы желание и время указать на пропущенные здесь – прежде всего, их собственные – наблюдения и находки, касающиеся рассматриваемых материалов.] Там же (с. 15) содержится и дополнительный «экстратекстуальный» аргумент, представляющийся бесспорным: «Не лишне будет, как кажется, добавить и соображение *ad hominem*: проблема комнаты – явно не из тех, о решении которых даже такой человек, как О.Э. Манделштам мог бы без зазрения совести просить своего мэтра». К сказанному можно добавить и то, что специфическое отношение Вяч.И. Иванова к современникам (в том числе и к главному герою рассматриваемого в настоящих заметках издания) затрудняет возможность представить его занятым поисками квартиры для младшего поэта. – Вместе с тем, «квартирный вопрос» О.М. под другим углом зрения нашел свое отражение в «Петербургских зимах» Г.В. Иванова, где он описан в характерной для этого текста гротескной манере и относится, вероятно, к началу 1910-х годов: «Раз мы проходили по Сергиевской, мимо дома, где два года назад Манделштам, “временно” проклятый и изгнанный отцом (это случалось часто), жил у тетушки с дядюшкой. Я навещал его несколько раз в этом изгнании. Жилось Манделштаму там несравненно лучше, чем дома» (*Иванов Г. Петербургские зимы [1928] // Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда, коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1993. С. 86–87*). И хотя это «свидетельство» по своему стилистическому звучанию и функциональной направленности явно носит вымышленный характер, сам факт его появления в рассматриваемом контексте кажется небезынтересным.

¹⁴⁵ В другой связи, традиционно для подобных ситуаций в самой лаконичной форме, внимание на данный факт обратил рецензент МЭ, столь же традиционно ориентировав свою реплику на собственные публикации: *Мец А.Г.* [рец.] Манделштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 397. – В едва ли не единственном известном мемуарном упоминании Линденбаума одна из современниц охарактеризовала его так: «поэт и глубоко преданный литературе культурный юноша. К сожалению, он был болезненный и с сильным пристрастием к алкоголю, что его окончательно губило. <...> Больной издатель “Перевала” Линденбаум очень ласково относился ко мне. Он посвятил мне ряд стихов, все они были грустные и говорили о близкой смерти, которую он предчувствовал» (*Рындина Л. Ушедшее // Воспоминания о серебряном веке / Сост., коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 419–421*). Ситуация с научным освоением биографии этого периферийного участника литературного процесса первого десятилетия XX века складывается типичным для многих подобных представителей того периода образом: «Имя Владимира Васильевича Линденбаума, с одной стороны, связано с весьма значительным эпизодом из истории символистского литературного движения, поскольку он был меценатом и формальным редактором журнала “Перевал” <...>. С другой стороны, мы знаем о нем чрезвычайно мало, неизвестны даже

Ряд обнаруживаемых в комментируемой статье лакун относится к историко-литературной перспективе. Так, например, не упоминается в публикации участие поэтов в издательской практике журнала «Аполлон», как и те наиболее заметные в их литературных биографиях события, которые были связаны с деятельностью Поэтической академии («Про-Академии»), Общества ревнителей художественного слова (в чье именование в статье вкралась досадная опечатка: «“Общество любителей художественного слова” (ОРХС)» (с. 258, стб. 2)) и Общества поэтов. Касательно первой читателям становится известен только такой, возможно, немаловажный для кого-то факт: «В протоколе заседаний “Про-Академии” (его вела М.М. Замятнина, подруга покойной жены Вяч.И. Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал) при перечислении участников заседаний О.М. неоднократно упоминается как Мендельсон» (с. 258, стб. 1); применительно ко второму авторы ограничились простой констатацией: «Согласно записям дневника С.П. Каблукова (близкого приятеля обоих поэтов), в 1910 году на заседаниях ОРХС присутствовали как Вяч.И. Иванов, так и О.М.» (с. 259, стб. 2); относительно третьего речь не заходила вообще. Очевидно, здесь нелишним было бы отметить, что Поэтическая академия и сменившее ее Общество ревнителей художественного слова, сыгравшие более чем заметную роль в творческой и личной биографии начинающего поэта, возникли по инициативе Гумилева, взаимоотношения О.М. с которым складывались именно в этот период¹⁴⁶. По свидетельству Пяста, будущий основоположник акмеизма, а вместе с ним П.П. Потёмкин и А.Н. Толстой, «осознали себя недостаточно владеющими

годы жизни. Выйдя на литературную арену в 1906–1907 годах, далее он проваливается в безвестность» (*Богомолов Н.А.* Проблематизация текста как способ чтения трудных мест. С. 15). Об упоминаемом периодическом издании подробно говорится в публикациях: *Соболев А.Л.* Перевал: Журнал свободной мысли. 1906–1907: Аннотированный указатель содержания. – М.: Издание автора, 1997; *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. – М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 486–498. Один из современников охарактеризовал его мировоззренческие ориентиры следующим образом: «“Физиономия” этого журнала в том, что у него нет никакой физиономии. Идеиная мешанина по рецепту: “кто во что горазд”. Метафизическое кадетство, позитивное мещанство, салонный анархизм, индивидуализм, соборность, неприемлющие, отрешенные, преображенцы, мистики. Словом, безликость философская и социальная, но по-своему интересная. Характерная для наших дней, когда так много “направлений” и – ни одного пути» (Из переписки Н.И. Перовской / Публ. Р.Л. Щербакова и Е.А. Муравьевой // *Минувшее: Исторический альманах.* 14. – М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1993. С. 370).

¹⁴⁶ Время, место и обстоятельства начала общения двух будущих акмеистов, переросшего в дружбу на всю жизнь, теперь реконструированы в первом монографическом исследовании на данную тему: *Драницин В.* Осип Мандельштам и Николай Гумилев. К истории первых лет знакомства (1908–1912) // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – М.: АРМПОЛИГРАФ, 2016. – Публикации о деятельности этих союзов литераторов и филологов в комментируемом издании совершенно немотивированно и неоправданно отсутствуют.

своим ремеслом – и решили обратиться за наукою к старшим. <...> Они посетили следующих трех “мэтров”: Вячеслава Иванова, Максимилиана Волошина (еще далеко не признанного в ту пору!) и пожилого, но стоявшего вдалеке от широких литературных путей – И.Ф. Анненского. <...> Всех трех поэтов “молодые” попросили прочесть по циклу лекций на тему о поэзии; лекции последних двух почему-то не состоялись; зато Вяч. Иванов оказался, как говорят теперь, “выполнившим на 100% свое задание”. <...> – Из уст Вячеслава Иванова извергались светящимися потоками самоцветные мысли по вопросам поэтического мастерства»¹⁴⁷. Уже только поэтому О.М. не мог не стать активным участником деятельности нового литературно-филологического объединения. Авторы рассматриваемой публикации, очевидно, правы в своем утвердительном предположении о том, что «именно на этих занятиях О.М. познакомился с Вяч.И. Ивановым: его первое появление на “башне” может быть датировано 23.4.1909» (с. 258, стб. 1).

Основного внимания в таком «типологическом ряду», безусловно, заслуживает Общество ревнителей художественного слова (ОРХС), начавшее свою деятельность осенью 1909 года. Его история «тесно связана с “Аполлоном”»; одним из членов-учредителей общества был редактор и издатель “Аполлона” С.К. Маковский; сотрудники журнала составляли организационное ядро общества; местонахождением ОРХС и местом собраний являлись редакционные помещения “Аполлона” на Мойке. – К середине октября 1909 г. учреждение ОРХС завершилось. В состав правления общества входили первоначально Вяч.И. Иванов, И.Ф. Анненский, В.Я. Брюсов, М.А. Кузмин, А.А. Блок (лекторы), С.К. Маковский и Е.А. Зноско-Боровский (администраторы) <...>. – Заседания происходили сезонами, т.е. с осени по весну, с последующим летним перерывом до следующей осени. Деятельность ОРХС распадается на два периода, первый из которых продолжался три сезона (до весны 1912 г.)»¹⁴⁸. Судя по автобиографии, датированной началом 1917 года, сам Вяч.И. Иванов относил создание ОРХС к числу главных начинаний в своей общественной

¹⁴⁷ *Пяст Вл.* Встречи. С. 100, 102. Ему же принадлежит указание на использование не прижившегося «официального» названия нового объединения и его «кружкового» варианта, ставшего общеупотребительным (с. 99): «Первая моя “вылазка” состоялась на квартиру Вячеслава Иванова <...> на собрание “Про-Академии”. Так назывался нами впоследствии тот весенний курс лекций по стихосложению, который прочел Вячеслав Иванов у себя на квартире и который послужил началом вынесенной на большой простор с осени “Академии Художественного Слова”».

¹⁴⁸ *Шруба М.* Общество ревнителей художественного слова // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 157. (Данный факт также мог бы найти отражение в заметке «Маковский С.К.».) Некоторые аспекты деятельности ОРХС рассматриваются далее.

деятельности после возвращения в Россию из Швейцарии в 1905 году и явно отделял его от предшествующего «домашнего» периода «Поэтической академии»: «Я посвящал в последующие годы много усилий <...> делу Общества ревнителей художественного слова, основанного покойным Иннокентием Анненским, С.К. Маковским и мною»¹⁴⁹. А потому кажется вполне оправданным предположение о том, что О.М. могли более заинтересовать не столько тематические ориентиры нового объединения, сколько определявшие их фигуры старших поэтов, – характеризуя этот этап истории ОРЯС, Пяст отмечал: «Первые недели прошли чередуясь в повторении и развитии “Про-Академического” курса Вячеслава Иванова и связанных с ним общностью подхода, как и темы, лекций Иннокентия Федоровича Анненского. <...> В первых лекциях Вячеслава Иванова учение об инструментовке было представлено со значительными пробелами: кажется, именно их брался пополнить И.Ф. Анненский.»¹⁵⁰. В дальнейшем одним из безусловно главенствующих в работе ОРХС тематических направлений стали основные и периферийные аспекты стиховедческой науки, преимущественно на материале русской поэзии¹⁵¹. О том же начальном периоде деятельности общества Пяст вспоминал: «Помню <...> доклад Фаддея Францевича Зелинского о передаче русским стихом античных размеров и чтение его своих переводов Софокла, а также и опытов других размеров, например, ”голиямба” <...>. Потом начались вечера диспутов; оппонентами выступали и Анненский, и Вяч. Иванов. О природе русского спондея

¹⁴⁹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо С.А. Венгерову // Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С.А. Венгерова [Т. 1–3, 1914–1918] / Послесл., подгот. текста А.Н. Николокина. – М.: Республика, 2004. С. 460, стб. 2. Об этом же много позднее вспоминал и Маковский: «Собрания на “башне” прервались осенью 1909 года, когда Вячеслав Иванов отчасти перенес их, придав им характер более профессионально поэтический, в помещение редакции “Аполлона”, на заседания Общества ревнителей художественного слова. Прошение в градоначальство об учреждении этого Общества подписано мною, в качестве издателя-редактора “Аполлона”, и старшими членами редакции – Вячеславом Ивановым и Иннокентием Анненским». Впрочем, и в его мемуарах присутствовало свидетельство о «кулуарном» именовании ОРХС «Поэтической академией»: «“Душой” этих собраний, которые аполлоновцы называли “Поэтической академией”, Вячеслав Иванов оставался неизменно, несмотря на блистательные выступления Анненского (в течение двух первых месяцев) и на привлечение в качестве руководителей Общества Блока и Кузмина (из нас составилось правление)» (*Маковский С.* Вячеслав Иванов // *Маковский С.* Портреты современников. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 274–275).

¹⁵⁰ *Пяст Вл.* Встречи. С. 105.

¹⁵¹ О некоторых конкретных событиях в работе общества, в частности, в этой связи, идет речь далее в соответствующем разделе комментария к статье «Недоброво Н.В.». В целом к данной теме обращена публикация: *Кормилов С.И.* Вяч. Иванов и Н. Недоброво как стиховеды // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010.

говорилось много; слова Анненского, да и “практика его”, на мой, по крайней мере, взгляд, были наиболее мудрыми и верными. <...> Все трое диспутантов были великолепны и величавы, как старшины-архонты»¹⁵². Можно с уверенностью говорить о том, что уже только в силу своего совершенно особого статуса Вяч.И. Иванов принимал самое активное участие в обсуждении прозвучавших на заседании сообщений и тех точек зрения, которые высказывались присутствующими. О степени актуальности деятельности общества в биографии О.М. совершенно явно свидетельствует ироническое авторское обращение к главному герою повести «Египетская марка» (1927): *Дикая параболa соединяла Парнока с парадными анфиладами истории и музыки. – Выведут тебя когда-нибудь, Парнок, – со страшным скандалом, позорно выведут – возьмут под руки и фью-ить – из симфонического зала, из общества ревнителей и любителей последнего слова, из камерного кружка стрекозиной музыки, из салона мадам Переплетник – неизвестно откуда, – но выведут, ославят, осрамят... (2, 470–471).*

К первоначальному этапу существования ОРХС относится состоявшееся 26.3.1910 выступление одного из главных теоретиков «новой поэзии» с докладом, в котором «определялось состояние символизма к настоящему моменту и намечались пути и цели его последующего развития»¹⁵³; сообщение на ту же тему «предварительно» прозвучало 17.3.1910 в московском Обществе свободной эстетики¹⁵⁴. Произошло это в ситуации одного

¹⁵² Пяст Вл. Встречи. С. 105.

¹⁵³ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200, стб. 1.

¹⁵⁴ Данное объединение – своего рода предшественник и аналог петербургского ОРХС – было создано по инициативе В.Я. Брюсова и осуществляло свою деятельность в 1906–1917 годах. «Официально деятельность Общества свободной эстетики началась после утверждения устава 10 апреля 1907 г., а в октябре были избраны литературная, театральная, музыкальная и художественная комиссии; <...> за сезон состоялось от 13 до 19 собраний; на них читались доклады и литературные произведения, исполнялись концертные номера, проходили художественные выставки. <...> Доклад Вяч. Иванова “О новых литературных группировках”, прочитанный в Обществе свободной эстетики 17 марта 1910 г. <...> и повторенный им 26 марта в Обществе ревнителей художественного слова (напечатан под заглавием “Заветы символизма”; Аполлон. 1910. № 8), стал одной из вех в истории русских символистов» (*Шруба М.* Общество свободной эстетики // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 161). Далее необходимо учитывать более чем актуальный для комментируемого издания факт – «программирующий» характер этого события для реального литературного процесса: «Следствием этих выступлений и полемики вокруг них явилось, как известно, размежевание “старших” и “младших” символистов, они же послужили толчком для обоснования новой поэтической школой (чуть позже получившей название акмеистической) своей теоретической платформы» (*Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей

из самых напряженных моментов в истории русского символизма, причины которого, согласно точке зрения Н.А. Богомолова, далеко выходят за рамки традиционной «литературной жизни»: «Собственно художественные тенденции здесь должны быть поняты как результирующие теоретических построений, религиозных и квазирелигиозных исканий, журнальной борьбы, изменений на книжном рынке и рынке периодических изданий, личных амбиций и, вероятно, чего-либо еще»¹⁵⁵. В самых общих чертах современный исследователь реконструировал существо сказанного Вяч.И. Ивановым так: «Для того чтобы выявить причины кризисного состояния символизма (“и есть ли еще символизм”), докладчику потребовался экскурс в историю “разбираемой школы”. Эволюцию символизма он представил как поступательное движение и выделил в нем ряд последовательно сменивших друг друга “моментов” (“теза” и “антитеза”). Современное кризисное состояние он объяснил особенностями переходного периода: “антитеза” подходит к концу, а постулируемый грядущий “синтез”, призванный стать апогеем символизма, потребует от художника большого напряжения творческих сил (“подвига”). Именно с этим “желательным” символизмом и связана жизнетворческая программа Вяч. Иванова. В самых общих чертах обрисовывая художественные принципы обновленного символизма, докладчик предложил категорию канона как критерия художественной ценности и оговорил необходимость для завершающего этапа появления художественных полотен наподобие гетевского “Фауста” (“большой стиль”)¹⁵⁶. Данный эпизод, значение которого для истории русского символизма трудно переоценить, имел совершенно отчетливую «аполлоновскую» составляющую: «Дискуссия о “заветах символизма” началась весной 1910 г. докладами Вяч. Иванова и Блока в “Обществе ревнителей художественного слова” (опубликованными в VIII книжке журнала)

художественного слова». С. 200, стб. 1). Уже после появления в историко-литературном пространстве акмеизма «канонический манифест» Вяч.И. Иванова был опубликован в имевшем самый широкий читательский резонанс сборнике его статей: *Борозды и Межи: Опыт эстетические и критические*. – М.: Мусагет, 1916. Без реального сопроводительного комментария текст воспроизведен в публикации: *Иванов Вяч. Заветы символизма // Иванов Вяч. Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт*. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974.

¹⁵⁵ *Богомолов Н.А.* Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года // *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 84.

¹⁵⁶ *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 201. Развернутую запись об ивановском выступлении и некоторых репликах участников прений, последовавших после него, оставил Блок; см.: *Блок А.* Записные книжки 1901–1920 / Сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. – М.: Художественная литература, 1965. С. 167–170.

и продолжилась на его страницах выступлениями Брюсова и Белого (1910, IX и XI)»¹⁵⁷. В подробном обзоре этого события один из «внутрицеховых» движущих мотивов ивановской активности назван без оговорок: «Выступить с программной статьей, отстаивающей “заветы символизма”, Вяч. Иванова, помимо прочего, побудила обстановка, сложившаяся в начале 1910 года в редакции “Аполлона” и “Обществе ревнителей”. Авторитет его как метра и теоретика символизма был непререкаем, однако близкие к редакции молодые писатели и поэты шли своим путем и в их среде появлялись новые вожди, еще не всеми признанные в этом качестве, но уже имевшие свою аудиторию. Это хорошо чувствовал, например, К.А. Сюннерберг, кумиром которого продолжал оставаться Вяч. Иванов и который упорно не хотел признавать право Гумилева на лидерство»¹⁵⁸.

Примечание. Интересным и весьма симптоматичным в таком контексте представляется следующее стечение обстоятельств: в предыдущем перед публикацией «Заветов символизма» номере «Аполлона» была напечатана рецензия Вяч.И. Иванова на новый сборник стихотворений Гумилева «Жемчуга» (М.: Скорпион, 1910), вышедший в свет с посвящением Брюсову. Общая тональность и конкретное содержание текста (по жанру и по существу представляющего собой критическую заметку объемом почти на шесть журнальных полос) позволяют под определенным углом зрения рассматривать его как своего рода «пролог» к предстоящей публикации ивановской статьи. Явная направленность публикации совершенно отчетливо выражена уже в афористическом утверждении, открывающем рецензию: «Подражатель не нужен мастеру; его радует ученик. Независимого таланта требует от ученика большой мастер и на такой талант налагает послушание: в свободном послушании мужает сила». А следом столь же откровенно сформулировано утверждение о явной зависимости автора от символистской традиции: «Н. Гумилев не напрасно называет Валерия Брюсова своим учителем: он – ученик, какого мастер не признать не может, и он – еще ученик»¹⁵⁹. И хотя далее общий тон повествования можно назвать благожелательным, в целом он отражает именно взгляд «старшего по цеху» на автора, все еще пребывающего в статусе учащегося у поэтов-символистов; при этом книга Гумилева, в некотором смысле носившая для его творчества «этапный» характер, определена рецензентом как отражение «романтически-мечтательного периода ученичества». Если главный идеолог символизма преследовал цель прямо задеть младшего поэта и своего явного оппонента (а именно такое впечатление и складывается), им совершенно точно и верно был выбран не просто снисходительный, а откровенно уничижительный тон: «История взаимоотношений Брюсова и Гумилева довольно четко распадается на три периода. Первый из них длится до середины 1910 года. <...> Если в это время Брюсов играл роль щедрого и терпеливого учителя, а Гумилев

¹⁵⁷ *Корецкая И.В.* «Аполлон» // *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. – М.: Радикс, 1995. С. 338.

¹⁵⁸ *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 200, стб. 2. И там же идет речь о позиции Маковского, занятой в данной ситуации.

¹⁵⁹ Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 7. [Отдел «Хроника»]. С. 38, стб. 1.

находился в положении послушного и благодарного ученика, то на следующем этапе, длившемся до весны 1913 г., молодой поэт выступает уже как вполне самостоятельная литературная фигура»; более того: «Сборник Гумилева “Жемчуга” явился первой книгой, с которой началось его признание как крупного поэта. И число рецензий, и их тон, и уровень авторов, пожелавших высказаться по поводу этого сборника, – все говорило о том, что в русскую литературу пришел интересный мастер»¹⁶⁰. Вряд ли данный факт остался не понят Гумилевым, что никак не могло споспешествовать дальнейшему развитию добрых отношений двух поэтов¹⁶¹.

Особую значимость прозвучавшего в ОРХС выступления Вяч.И. Иванова для самых разных представителей культурной среды наглядно демонстрирует дискуссия вокруг него, вынесенная в состоявшееся 1.4.1910 отдельное заседание¹⁶². Собрание открыл С.Л. Рафалович, которого «насторожила попытка вождя символизма придать этому движению главенствующую роль в современном литературном процессе»¹⁶³. Затем выступил Гумилев,

¹⁶⁰ Тименчик Р.Д., Щербаков Р.Л. Вступ. ст. к публ.: Переписка [В.Я. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. ст. и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова, публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. – М.: Наука, 1994. С. 400–401, 404). Вместе с тем, нельзя сказать, чтобы всеми единомышленниками рецензия Вяч.И. Иванова была воспринята однозначно и оценена положительно; см.: Богомолов Н.А. Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года. С. 89–96; Баскер и др. Комментарии // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8: Письма / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2007. С. 461–462 и др.

¹⁶¹ Впрочем, 21.4.1910 в письме при отправке экземпляра своей книги Брюсову автор (трудно сказать, насколько искренне, а насколько следуя существующей традиции) не только прямо подчеркнул свой ученический статус, но и снабдил это признание характерной цитатой из стихотворения адресата: «Как надпись на Вашем экземпляре “Жемчугов”, я взял две строки из Вашего “Дедала и Икара”. Продолжая сравнение, я скажу, что исполняю завет Дедала, когда он говорит: “Мой сын, лети за мною следом / И верь в мой зрелый, зоркий ум...”». А перед этим, апеллируя к поэтическому опыту своего наставника, Гумилев в деликатной форме высказал сдержанные возражения рецензенту: «мне было бы очень важно услышать от Вас несколько напутственных слов, так как “Жемчугами” заканчивается большой цикл моих переживаний и теперь я весь устремлен к иному, новому. Какое будет это новое, мне пока не ясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович» (Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8: Письма / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2007. С. 146–147). Ответ Брюсова, по оценке Гумилева, был более чем доброжелательным, и он, во всяком случае, в эпистолярной форме, благодарил адресата за подтверждение своего ученического статуса.

¹⁶² Ввиду благоприятного стечения обстоятельств, «обсуждение можно реконструировать по записям, сделанным докладчиком. Они представляют собой три листа большого формата, на которых слева конспектировались выступления, а справа были набросаны ответы оппонентам [Обсуждение доклада Вяч. Иванова в “Обществе ревнителей художественного слова” 1 апреля 1910 г. // ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 141]. Необходимо помнить, что записи эти – не протокол и особое внимание докладчик уделял именно возражениям» (Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 202, стб. 1).

¹⁶³ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 202, стб. 2.

причем современный исследователь, основываясь на изъятой из дневниковой записи Блока фразе, охарактеризовала происшедшее таким образом: «Активно высказывать свои возражения докладчику он начал уже на предыдущем заседании»¹⁶⁴. Если следовать содержанию сохранившихся помет («возможно, что, опуская рассуждения, Вяч. Иванов фиксировал лишь выводы своего главного оппонента») и тому, как они переданы публикатором, то основополагающее положение в реплике будущего основателя акмеизма сводилось к следующему: «Предложенная докладчиком схема эволюции символизма, предполагавшая в будущем расцвет этой школы, не могла удовлетворить Гумилева, который видел уже новые силы, способные, как он считал, сменить символизм. В теоретических построениях Вяч. Иванова он попытался найти места, уязвимые прежде всего с точки зрения логики»¹⁶⁵. Сказанное поддержал еще один, в пястовской терминологии, «высказыватель» – не ставший к тому времени активным оппонентом Гумилева Недоброво, который, «также как и выступавший перед ним <...>, не увидел последовательности и закономерности в двух выделенных Ивановым “моментах” развития русского символизма. <...> Недоброво пошел дальше, чем Гумилев, вынеся приговор: “Символ(истская) школа уже победила, – но и кончилась”. <...> Выступивший затем А.А. Кондратьев также поддержал замечание Гумилева относительно исходного момента – “тезы”»¹⁶⁶. Взявший слово позднее Городецкий не просто «обрушился на доклад с резкой критикой – <...> – в своем ответе Городецкий также переходит на личности: “кризис”, по его мнению, “в том, что глава симв(олизма) В(ячеслав) И(ванов) переживает кризис, давит и раздавливает символизм. <...> Резкий тон выступления Городецкого оказался для многих неожиданностью»¹⁶⁷. В дискуссии также

¹⁶⁴ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 203, стб. 1. Полный ее вариант, как кажется, не дает оснований адресовать единственную упоминаемую реплику Гумилева именно Вяч.И. Иванову – в равной степени она могла предназначаться А.А. Кондратьеву: «Замечание Вяч. Иванова. Символизм хочет говорить правду, парнасизм – под знаком *legève*. – “А что такое правда?” – спросил Кондратьев. – И Гумилев делает замечание» (*Блок А. Записные книжки 1901–1920*. С. 170). При этом слово «замечание» может означать не только ‘возражение’, но и в равной, если не большей степени ‘сопроводительный (сопутствующий) комментарий’.

¹⁶⁵ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 203.

¹⁶⁶ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 204, стб. 1.

¹⁶⁷ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 205–206. В подтверждение сказанному публикатор там же приводит записанную Вяч.И. Ивановым реплику одного из присутствующих: «Вот друг-то Ваш? <...> Он говорит совсем как министр Коковцев». Данный факт позволяет сместить на

приняли участие К.А. Сюннерберг, Вас.В. Гиппиус, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Верховский, С.К.Маковский и др., высказавшие собственные соображения по различным аспектам затронутой в самом докладе и в ходе его обсуждения проблематики. Общий вывод едва ли не единственного исследования об этом событии таков: «Обсуждение в “Обществе ревнителей” продемонстрировало, что на поставленный Вяч. Ивановым вопрос: быть или не быть русскому символизму (разумеется в том новом качестве, о котором говорил докладчик), Гумилев, Городецкий и Недоброво ответили, что будущее не за символизмом. Другие члены “Общества ревнителей” если и поддержали отдельные положения доклада, в целом не вдохновились программой “планомерного искания внутреннего синтеза своего мирозерцания”. <...> – Состоявшаяся в “Обществе ревнителей” дискуссия явилась исходным пунктом дальнейшего размежевания литературных сил, в 1910 году еще собранных вокруг символизма. <...> – Для Гумилева и Городецкого выступление в “Обществе ревнителей” было пробным шагом в их борьбе с символизмом за новую поэтическую школу»¹⁶⁸. Невозможно представить, чтобы О.М., в этот период и оставшийся приверженцем символизма, и довольно близко общавшийся с одним из его главных представителей, начинавший сотрудничество с «Аполлоном», и выстраивающий свои будущие отношения с Гумилевым, был в стороне от всего происходящего вокруг столь

год назад гипотетическое время знакомства Гумилева и Городецкого: по осторожному предположению Р.Д. Тименчика, основанному на зафиксированном П.Н. Лукницким ахматовском свидетельстве, их «первая беседа <...> состоялась 13 мая 1911 в Обществе ревнителей художественного слова на докладе Городецкого о Никитине» (*Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Городецкие // Блоковский сборник. Вып. VIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. – Тарту: Тартуский университет, 2010. С. 34). Однако во фрагменте записи 29.1.1926, содержащем хронологизацию 1911 года, биограф ограничился только следующей констатацией: «АА и Николай Степанович на заседании О.Р.Х.С. в “Аполлоне”. Городецкий читал доклад о Никитине» (*Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997. С. 28). Как кажется, события, происшедшие 1.4.1910, в большей степени могли послужить веским основанием для личного знакомства поэтов и стать началом формирования их близких взаимоотношений именно в «антисимволистской» перспективе (если оно не состоялось ранее, например, осенью 1908 года, когда оба посещали возобновившиеся собрания на «Башне» Вяч.И. Иванова; см.: *Богомолов Н.А.* Из башенной жизни 1908–1910 годов // *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010. С. 71. В любом случае есть основания предполагать, что непосредственно после случившегося Городецкий стал восприниматься Гумилевым как последовательный и надежный союзник в будущей литературной борьбе.

¹⁶⁸ *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 207. Кажется вполне убедительным предположение о том, что именно тогда Гумилев мог увидеть в «системном», развернутом и последовательном противостоянии символизму главный движущий импульс к созданию нового независимого поэтического направления.

резонансного доклада Вяч.И. Иванова¹⁶⁹.

Возможно, что прямо или опосредованно это подразумевается в «программной» мандельштамовской статье (монографии) «О природе слова» при характеристике главного «дифференциального признака» акмеизма: *Литературные школы живут не идеями, а вкусами: принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов – значит не сделать новой школы, а лишь основать полемику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей. – Не идеи, а вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма. Идеи оказались отчасти перенятыми у символистов, и сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории (1, 229)*¹⁷⁰. А далее в качестве основополагающего механизма проявления *деятельной любви к литературе* назван теоретически и практически обоснованный подход акмеизма к художественному творчеству – *мужественная воля к поэзии и поэтике: Подъемная сила акмеизма в смысле деятельной любви к литературе, ее тяжести, ее грузу, необычайно велика, и рычагом этой деятельной любви и был именно новый вкус, мужественная воля к поэзии и поэтике, в центре которой*

¹⁶⁹ В «трудах и днях» О.М. данное событие осталось без какого-либо упоминания, и вряд ли эту может быть оправданием то обстоятельство, что в марте–июле 1910 года, вернувшись из Гейдельберга, О.М. «поселяется в Финляндии, в Талбачке под Гельсингфорсом (Хельсинки) и в Хангё (Ханко)» (*Нерлер П.М. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 10, стб. 2*). Впрочем, также трудно найти хотя бы одно логически приемлемое обоснование полного отсутствия в рецензируемом издании финских топонимов (кроме составившего счастливое исключение Выборга), тогда как исключительно глубокое значение темы страны-соседа в художественной модели мира О.М. явно отражено в «этнокультурной» главе «Финляндия» «Шума времени» (1923–1924): *Зимой, на Рождество, – Финляндия, Выборг, а дача – Териоки. <...> Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреду своем слушая бубенцы низкорослых финских лошадок. Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге (2, 358–359)*. – Тематическое и содержательное пространство диалога русской литературы и Финляндии как специфического этнокультурного феномена теперь может быть значительно расширено за счет исследования: *Nowakowski A. W Kraju Tysiącziejor: Obraz Finlandii w rosyjskiej literaturze podróżniczej (1809–1917)*. – Krosno: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im Stanisława Piłonia w Krośnie, 2018.

¹⁷⁰ Последняя по времени известная попытка истолкования этого афористического сообщения выглядит следующим образом: «Роль Вяч. Иванова в создании “акмеистической теории” (которая в действительности не была создана <...>) Мандельштамом преувеличена вследствие его пиететного отношения к Вяч. Иванову, содействовавшему М. <sic. – С.Ш.> в начале его поэтического пути и отчасти повлиявшему на его мировоззрение» (*Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 511*). В чем проявилось содействие старшего поэта младшему столь же загадочно, как и оказанное им конкретное влияние на (художественное?) мировоззрение того. Собственно говоря, в процитированном мандельштамовском утверждении один из столпов русского символизма менее всего видится в роли деятельного соучастника создания идущего ему на смену акмеизма.

стоит человек, не сплюснутый в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома, истинный символизм, окруженный символами(1, 230).

Возвращаясь к стиховедческой «перспективе» в деятельности ОРХС, следует сказать, что на заседании 11.3.1911 было представлено сообщение Зелинского «об особенностях античного стихосложения на примерах из “Героид” Овидия. – Русская художественная летопись. 1911. № 8. С. 124–125»¹⁷¹, а 26.3.1911 «состоялся доклад Н.В. Недоброво по вопросу о взаимоотношении ритма и метра в стихосложении. <...> Н.В. Недоброво усматривает в метре некий внешний канон, необходимый для осуществления той глубокой эстетической потребности, которая выражается в ритмических исканиях; но это соотношение часто принимает оттенок противоречивости. В построениях своих докладчик, однако, не заходит так далеко, как Андрей Белый; тем не менее докладчику возражал Вячеслав Иванов, который, как известно, более широко смотрит на задачи и возможности метра»¹⁷². 13.4.1911 Вяч.И. Иванов «сообщил Обществу свою оценку образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н.С. Гумилевым во время его недавнего африканского путешествия. В.И. Иванов сначала показал, что каждому искусству свойственна особая стихия, непрерывное соприкосновение с которой необходимо для полного и органичного его развития. Для словесного творчества такой стихией является народная поэзия. Затем В. И<ванов> подробно разобрал одну абиссинскую оду и показал, что она удовлетворяет основным требованиям в актуальности, реальности и прегнантности поэтического восприятия. – После доклада присутствовавшие поэты прочитали неизданные стихотворения. Н.С. Гумилев произнес циклическое произведение “Блудный сын” вызвавшее оживленные прения о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные темы. Вячеслав Иванов прочитал стихотворение в форме газзлы, на абиссинские мотивы, связанное с рассказами Н.С. Гумилева о вышеупомянутом путешествии; оно послужило поводом к обмену мыслей о пределах применения газзлы как национальной формы. Затем читали свои стихи М.А. Зенкевич и Ю.Н. Верховский»¹⁷³. Позднее Ахматова охарактеризовала эти

¹⁷¹ Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 36.

¹⁷² Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады) [Русская художественная летопись. 1911. № 9] // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 1: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин, коммент. Е.В. Глухова и др. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 268.

¹⁷³ Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады). С. 269. По поводу данного эпизода истории русской литературы начала XX века составители неоднократно упоминавшихся в настоящей публикации «трудов и дней» О.М.

«оживленные прения» иначе: «Когда Н<иколай> С<тепанович> читал в Академии стиха своего “Блудного сына”, В<ячеслав> обрушился на него с почти непристойной бранью. Я помню, как мы возвращались в Царское. Совершенно раздавленные происшедшим, и потом Н<иколай> С<тепанович> всегда смотрел на В<ячеслава> И<вановича> как на открытого врага»¹⁷⁴. Как известно, многими современниками (и основывающимися на их свидетельствах исследователями и биографами) именно данное столкновение и ивановское неприятие новой поэтики Гумилева было воспринято как импульс для формирования им теоретических и практических основ будущего акмеизма: «13 апреля 1911 года в Обществе ревнителей художественного слова Гумилев прочел стихотворение “Блудный сын” и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла “Блудного сына” акмеистической вещью Гумилева, а почти скандальное обсуждение в Академии Стиха считала первым толчком к разрыву Гумилева с “Башней” и к созданию Цеха поэтов»¹⁷⁵. Со слов Ахматовой передала рассказ о случившемся и Н.Я. Мандельштам (что, возможно, косвенно свидетельствует об отсутствии О.М. на этом заседании): «“Блудный сын” Гумилева (“Первая акмеистическая вещь Коли”, – говорила Ахматова) был прочитан в “Академии стиха”, где княжил Вячеслав Иванов, окруженный почтительными учениками. Вячеслав Иванов подверг “Блудного сына” настоящему разгрому. Выступление было настолько резкое и грубое (“никогда ничего подобного мы не слышали”), что друзья Гумилева покинули “Академию” и организовали “Цех поэтов” – в противовес ей»¹⁷⁶. Если эти

ограничились только кратким вольным изложением процитированной хроникальной заметки: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 38. О рецепции и ассимиляции этой стихотворной формы Вяч.И. Ивановым и его окружением в середине 1900-х годов идет речь в заметке: *Богомолов Н.А.* К истории русской газеллы // *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010.

¹⁷⁴ *Ахматова А.* Автобиографическая проза // *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / Пер. с англ. М. Тименчика, коммент. В. Черных, Э. Бабаева, Э. Герштейн. – М.: Радуга, 1991. С. 223–224.

¹⁷⁵ *Тименчик Р.* Анненский и Гумилев // *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017. С. 257. Там же автор подробно реконструирует интертекстуальный «ореол» этого события, в гумилевской поэзии связанный с именем Анненского.

¹⁷⁶ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 63. Исчерпывающий историко-литературный и «семантический» комментарий стихотворения Гумилева и ситуации вокруг него содержится в комментарии: *Баскер М. и др.* Примечания // *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы (1910–1913) / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 1998. С. 231–234. Как известно, окончание «формального» этапа создания «Цеха поэтов» относится к октябрю 1911 года.

«протоакмеистические» события и миновали О.М., то их последствия не оставили его в стороне.

Примечание. За границами комментария к рассматриваемому изданию необходимо отметить, что тема взаимоотношений главного идеолога символизма с будущим мэтром акмеизма настоятельно требует самой детальной реконструкции и глубокого анализа, в том числе и применительно к мандельштамоведческой науке. С некоторыми оговорками можно утверждать, что теоретический и творческий диалог Гумилева с Вяч.И. Ивановым для его художественного мировоззрения в определенном отношении оказался более значим и действенен, чем предшествовавшее ему поэтическое «наставничество» Брюсова. Столь же «формообразующим» явилось одностороннее общение с главным идеологом символизма на новом этапе его развития для О.М., причем «репликами» в нем для начинающего поэта стали самые разнообразные по виду и жанру произведения и публичные выступления его старшего современника. В «монографической» хроникальной записи Лукницкого от 29.1.1926 центральная ее часть вводится словами: «Много говорили о Вячеславе Иванове и истории его взаимоотношений с Николаем Степановичем», – и далее приводится ахматовское свидетельство о том, что Гумилев «постоянно говорил о Вяч. Иванове – его любимая тема такого разговора была – о том, что Вячеслав покровительствует бездарной молодежи <...>; что он хочет себе подчинить всех, что это невыносимо и мучительно»¹⁷⁷. Нетрудно заметить, что центральным моментом в данном фрагменте является именно эксплицитно выраженная тема наставничества, которая в данных обстоятельствах была актуальна и для О.М., в реальности не получившего никакой действенной поддержки от старшего «коллеги».

Следующее собрание ОРХС, состоявшееся 22.4.1911, «было посвящено чтению поэтами неизданных стихов и их обсуждению. В чтении приняли участие Скалдин, Волькенштейн, Владимир Пяст, М. Моравская, Анна Ахматова, Сергей Радлов»¹⁷⁸; о присутствии на нем О.М. ничего неизвестно, но, к слову сказать, среди названных выступавших только В.М. Волькенштейн впоследствии не являлся членом «Цеха поэтов». Отчасти сходным было и другое собрание того же года, прошедшее без участия Вяч.И. Иванова: «Заседание 12-го ноября (председатель – Ф.Ф. Зелинский) посвящено было обсуждению неизданных стихотворений, которые читали присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Зенкевич, Вас. Гиппиус, Вир)»¹⁷⁹, – причем за месяц до этого, 12.10.1911, Пяст в

¹⁷⁷ Лукницкий П.Н. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. С. 22, 23.

¹⁷⁸ Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады). С. 269.

¹⁷⁹ Чудовский В. Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова) [Русская художественная летопись. 1911. № 20] // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 1: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин, коммент. Е.В. Глухова, К.Г. Исупов, С.Д. Титаренко и др. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 271. Согласно точке зрения комментаторов этой публикации (с. 837, прим. 8), «Чудовский, вероятно,

письме обращался к Вяч.И. Иванову с такой просьбой: «Два молодых поэта – Б.Ф. Калупин (Кременчугов <...>) и Александр Вир (Весна) – просили меня порекомендовать их Поэтической Академии. Нельзя ли им присутствовать в субботу гостями? К моей рекомендации присоединяется Мандельштам»¹⁸⁰. Упоминание О.М. кажется неслучайным – именно на вторую половину осени этого года, очевидно, приходится его активное общение со старшим поэтом и регулярное посещение того. Так, например, в письме 4.11.1911 Г.И. Чулков сообщал своему корреспонденту: «Вчера вечером был я у Вяч. Иванова. Там был Пяст, поэт Мандельштам и больше никого не было»¹⁸¹, – а о вечере 28.11.1911 С.П. Каблуков записал в дневнике: «Вчера вечером был у Вяч. Иванова <...>. Я ушел <...> в 12 ч., к каковому времени приехали поэты Мандельштам и Нарбут. Они изучали только что вышедший альманах “Аполлона”. <...> В нем много хороших стихов, в том числе Мандельштама»¹⁸².

29.11.1911 на заседании ОРХС, прошедшем под председательством Вяч.И. Иванова, прозвучал «доклад Владимира Пяста “О каноне”, зародившийся как отзвук известного доклада Вячеслава Иванова “Заветы символизма” (“Аполлон”, 1910, июнь) и последовавшей в широкой печати полемики. <...> Ценное толкование своего учения дал по поводу этого доклада Вячеслав Иванов»¹⁸³. На следующий день Каблуков оставил в дневнике развернутую

ошибся с датировкой, т.к. и в дневнике М. Кузмина и в дневнике А. Блока это заседание помечено 11-м ноября».

¹⁸⁰ РНБ. Ф. 248. Ед. хр. 572; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 40–41.

¹⁸¹ ИМЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 30; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 40.

¹⁸² О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова / Подгот. текста и примеч. А.Г. Меца // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 246. С различением («Они получили только что вышедший альманах Аполлона») приведено в: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 43. 28.11.1911 Кузмин оставил такую дневниковую запись: «У Вячеслава был <...> Мандельштам, <...> беседовали некоторое время» (*Кузмин М. Дневник 1908–1915* / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 316). – В хроникальной записи Лукницкого 29.1.1926 лаконично сообщается еще о трех заседаниях ОРХС в 1911 году, на которых побывали Гумилев и Ахматова «5 мая. АА и Николай Степанович на заседании О.Р.Х.С. в редакции “Аполлона”. Верховский читал доклад о Дельвиге. – 13 мая. АА и Николай Степанович на заседании О.Р.Х.С. в “Аполлоне”. Городецкий читал доклад о Никитине. <...> – 15 октября. АА и Николай Степанович на заседании О.Р.Х.С. в редакции “Аполлона”. Чудовский читал доклад о пушкинской “Русалке»» (*Лукницкий П.Н. Асцитана: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. С. 28*). О присутствии на этих собраниях О.М. ничего не известно.

¹⁸³ *Чудовский В. Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова). С. 270. Ср.: «29 октября 1910 года Пяст выступил в “Обществе ревнителей” с сообщением “О каноне”, явившимся откликом на доклад Вяч. Иванова и*

запись о состоявшемся событии: «Вчера был на заседании “Общества ревнителей художественного слова” в “Аполлоне”. Оно было крайне немногочисленным. Кроме “Совета”, т.е. председателя Вяч. Иванова, Ал. Блока и М. Кузмина, были еще Анна Ахматова (жена Н. Гумилева), Серг. Городецкий, Е. Зноско-Боровский, Иосиф Мандельштам, Вл. Пяст, К. Сюннерберг, Вал. Чудовский и нек<оторые> другие. Пяст, опоздавший на целый час, прочел доклад “О каноне”, во введении этого доклада, вызванного статьями Иванова и Блока о значении символизма, Пяст пользовался уподоблениями из области математики и физики и, конечно, или неверными, или неудачными. <...> До доклада Пяста Вяч. Иванов объяснил, какое отношение к стилю имеет вопрос о “каноне”, иллюстрируя свою речь цитатами из “Ars poetica” Горация. – Первая же часть заседания, на которой члены читают свои стихи, не состоялась. – Я познакомился с Гумилевой, Городецким и Чудовским»¹⁸⁴. Вряд ли случайно на конец этого года приходится связанное с существованием ОРХС и появлением в качестве его независимого «оппонента» «Цеха поэтов» еще одно заметное событие – очередное собрание в доме Лозинского дружеского кружка «Транхопс», в число участников которого входили и некоторые члены нового литературного объединения¹⁸⁵. 20.12.1911, после состоявшегося заседания «Цеха поэтов», некоторые из присутствовавших на нем (Н.А. Бруни, Вас.В. Гиппиус, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, М.Л. Моравская, В.И. Нарбут, В. Пяст и сам хозяин дома) были заняты писанием сонетов-акростихов с ключевой фразой «Цех ест

полемику в печати (Русская художественная летопись. 1911. Апрель. № 20. С. 320). По материалам этого сообщения была написана статья “Нечто о каноне”» (*Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова». С. 201, стб. 2, прим. 13). О восприятии современниками ивановского выступления также см.: *Богомолов Н.А.* К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме // *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. – Томск: Водолей, 1999.

¹⁸⁴ О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 245. – Среди излагаемых Чудовским (Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова). С. 270) главных положений выступления Вяч.И. Иванова особого внимания в контексте настоящих заметок заслуживает следующий тезис: «Символизм эволюировал от множественной формулы Mallarmé к высшей syntesis tex correspondances, которые Бодлер положил в основу восприятия».

¹⁸⁵ О возникновении и первых «литературных» шагах нового неформального сообщества говорится в публикации: «Транхопс» и около (по архиву М.Л. Лозинского) / Публ. И. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А. Меца // *Natales grate numeras?* Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 247–253. К сожалению, информация об этом «сопутствующем явлении» не попала в МЭ ни в заметку «“Цех поэтов”» (О.А. Лекманов), ни в обстоятельную статью «Лозинский М.Л.» (Т.Ф. Нешумова). К слову сказать, во второй из них в связи с редактированием ее героем журнала «Гиперборей» перечислены все публикации О.М. в нем (с. 314, стб. 1), указанные и в материале В.В. Калмыковой об этом периодическом издании (с. 185, стб. 1), но списки появившихся в печати мандельштамовских стихотворений несколько разнятся. Некоторые из них ранее других?..

Академию»¹⁸⁶.

Исключительно актуально в рассматриваемой историко-литературной перспективе заседание ОРХС, состоявшееся 3.12.1911, которое «в первой части своей посвящено было памяти Иннокентия Анненского, бывшего члена Совета Общества, по случаю исполнившейся 30-го ноября годовщины смерти его. Председатель, Вячеслав Иванов, выявив особенности Анненского как “критика отражений”, указал на глубокую связь его с исконными преданиями русской словесности и особенно с Достоевским. Н.С. Гумилев и О. Манделштам высказывались о значении поэта для современной лирики. Последний определил Анненского “как поэта отливов дионисийского чувства”. – После перерыва Вячеслав Иванов докладом по “Морфологии стиха” ввел присутствовавших в совершенно не обследованные области философии формального творчества»¹⁸⁷. 18.1.1912, по словам выступившего автором хроникальной заметки Недоброво, «вечер был посвящен издали приехавшему в Петербург Ю.Н. Верховскому, и мы с радостью приняли одного из усерднейших наших сочленов. Сперва Ю.Н. Верховский прочел пять стихотворений из числа написанных в Тифлисе; они были приветствованы Обществом как свидетельство неустанного преуспеяния их автора на пути подлинной <...> лирики. – Затем Ю.Н. Верховский сделал сообщение об основных типах лирического творчества. Таких типов, по замечанию докладчика, три: пластический, музыкальный и синтетический. <...> – В прениях приняли участие В.Е. Аничков, В.И. Иванов, В.А. Пяст и пишущий эти строки»¹⁸⁸. Следующее собрание состоялось 28.1.1912, «накануне 75-летия смерти Пушкина. Открывая заседание В.И. Иванов помянул о печальной годовщине и слова его были приняты

¹⁸⁶ См.: «Транхопс» и около (по архиву М.Л. Лозинского). Часть II / Публ. И.В. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А.Г. Меца // Габриэлиада: К 65-летию Г.Г. Суперфина. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/545494.html>. Совершенно невозможно представить, что должно было послужить для комментатора этой публикации не только фактическим, но и логическим обоснованием следующего признания: «Когда и где были сказаны Вячеславом Ивановым слова, перифразированные в акrostихе, точно установить не удастся, по-видимому – в самые недавние дни, и вероятнее – дома, на “башне”, в один из “понедельников”».

¹⁸⁷ Чудовский В. Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова). С. 271–272.

¹⁸⁸ Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 23–24; на это событие также откликнулся Пяст, под псевдонимом «Rusticus» опубликовавший собственный вариант отчета о прошедшем собрании: Русская художественная летопись. 1912. № 3. С. 40–41; см.: Гельперин Ю.М. Верховский Ю.Н. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А – Г / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 432, стб. 2–3. Насколько можно судить по имеющимся материалам о деятельности ОРХС, это был, вероятно, уникальный случай, когда единственный выступавший представлял в своем лице и докладчика, и стихотворца.

Обществом с подобающим чувством». Далее в центре внимания снова оказалась тема ритмической организации поэтического текста: «выступил Б.Н. Бугаев (Андрей Белый), ознакомивший собрание с работами по исследованию пятистопного ямба, производимыми московским кружком, который по методу, изобретенному докладчиком и объясненному в книге его “Символизм”, изучает ритм русских поэтов»¹⁸⁹.

18.2.1912 заседание «было посвящено чтению и обсуждению докладов В.И. Иванова и В.Н. Бугаева о символизме. <...> В прениях приняли участие В.А. Пяст, В.А. Чудовский, Д.В. Кузьмин-Караваев, С.М. Городецкий и Н.С. Гумилев. Двое первые говорили как, в основном, единомышленники докладчиков, г-да же Кузьмин-Караваев, Городецкий и Гумилев выступили с возражениями»¹⁹⁰. Выступление в дискуссии после доклада Вяч.И. Иванова сразу трех «синдиков» «Цеха поэтов», а в самом ближайшем будущем – реального и номинального основателей акмеизма, никак нельзя назвать случайным совпадением. Демонстративный, «программный» характер этого демарша совершенно явно отражен в журнальной публикации Недоброво, не просто традиционно для автора передающей сказанное участниками дискуссии (в данном эпизоде – Гумилевым и Городецким), а воспроизводящей именно оценочные позиции оппонентов: «Д.В. Кузьмин-Караваев усматривал в мыслях докладчиков призыв поэзии к достижению несоответствующих ей

¹⁸⁹ *Недоброво Н.В.* Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 24–25. Упомянутый «московский кружок» – так называемый «ритмический кружок» («в оригинале» – Кружок экспериментальной эстетики), созданный при издательстве «Мусaget» по инициативе ряда сторонников стиховедческих штудий Белого под его началом в апреле 1910 года; см.: *Шруба М.* Ритмический кружок // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. О деятельности этого объединения он кратко рассказал в одноименной главе своих глубоко субъективных мемуаров, где, в частности, вспоминал: «Об итогах работы кружка по пятистопному ямбу позднее я доложил в Обществе ревнителей художественного слова в Петербурге, где <...> прочел два или три доклада, на которых присутствовали поэты и стиховеды (Вячеслав Иванов, Пяст, Недоброво, Зноско-Боровский, В. Чудовской и т.д. » (*Белый А.* Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. С. 353). Материалы о деятельности этого объединения представлены в обширной документальной публикации, сопровождаемой подробным фактографическим комментарием: *Протоколы заседаний Кружка экспериментальной эстетики при «Мусagetе» («Ритмического кружка») // Белый А.* Собрание сочинений. Т. XIV: Ритм как диалектика и «Медный всадник»: Исследование / Сост. и коммент. Д.О. Торшилова. – М.: Дмитрий Сечин, 2014.

¹⁹⁰ *Недоброво Н.В.* Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 26. – В «трудах и днях» еще одного акмеиста (и, вероятно, участника данного собрания) об этом событии сообщается: «Заседание Общества ревнителей художественного слова. Выступления Н. Гумилева и С. Городецкого с критикой символистических теорий» (*Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 45), – в доказательство чего безо всяких комментариев приведен процитированный выше фрагмент журнального отчета.

цепей, и, защищая чистое искусство, предостерегал поэзию от выхода на площадь и вмешательства в шумящую там жизнь. С.М. Городецкий протестовал против символизма во имя мифа и находил, что символисты самораспинаются в своем стремлении в запредельную даль. В конце своей речи С.М. Городецкий сказал слова, которых воспроизвести точно я не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма. Н.С. Гумилев также заявил о своем отрицательном отношении к символизму»¹⁹¹. Несколько провокационным накануне появления в художественной среде совершенно нового и откровенно оппозиционного по отношению к предшественникам и современникам литературного течения представляется следующее далее сообщение хроникера: «По поводу этих речей из среды собрания было замечено, что главное значение докладов В.И. Иванова и Б.Н. Бугаева заключается в большой отталкивательной их силе, вследствие которой они, быть может, помогут стоящей на очереди перегруппировке поэтических сил»¹⁹².

Во многом основываясь на данной полемике, современный исследователь посчитал необходимым «несколько скорректировать “ахматовскую” версию расхождения Гумилева и Вяч. Иванова, согласно которой “первотолчком” послужила резкая критика последним “поэмы” Гумилева “Блудный сын” на заседании “Общества ревнителей” 13 апреля 1911 года, что “побудило Гумилева основать собственное литературное объединение “Цех поэтов”» <...>. Расхождение по теоретическим вопросам началось в марте–апреле 1910 года. Следующий этап – заседание “Общества ревнителей” 18 января <февраля. – С.Ш.> 1912 года, когда Гумилев заявил “о своем отрицательном отношении к символизму”, а Вяч. Иванов признался, что “введение” им “отталкивательной силы” в некоторые положения доклада (имеется ввиду полемика с Гумилевым) “было произведено преднамеренно»¹⁹³. О том, что

¹⁹¹ Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 26–27.

¹⁹² Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 27. Кажется вполне вероятным, что автором этого анонимного утверждения мог стать кто-то из числа сторонников и даже единомышленников Гумилева и Городецкого.

¹⁹³ Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова. С. 203, стб. 1, прим. 235). Автор имеет ввиду следующий фрагмент журнального отчета: «Б.Н. Бугаев и В.И. Иванов выступили с краткими заявлениями, из которых стало видно, что никаких, по их мнению, гетерономных целей поэзия преследовать не должна, а что цели ее – поскольку они существуют – вне поля нынѣшних норм: они – метаномны. Что до площади, то оба докладчика заверили, что приглашения к выходу на нее они не имели ввиду делать. Кром того, В.И. Иванов в ответ С.М. Городецкому сказал, что мифотворчество есть по отношению к символизму частный случай, так как миф – это символ, но символ движущийся, или действующий. Наконец, по поводу отталкивательной силы некоторых положений, содержащихся в докладах, В.И. Иванов заявил, что введение этой силы в его

О.М. стал свидетелем происшедшего, можно только догадываться, но данный факт представляется более чем вероятным. И вряд ли он не знал, что это заседание ОРХС также нашло свое опосредованное «литературное отражение» на собрании кружка «Транхопс», прошедшем 1.4.1912, после того как доклады Вяч.И. Иванова и А. Белого и предшествовавшее им 29.11.1911 выступление Пяста «Нечто о каноне» «были напечатаны в номере первом журнала “Труды и дни”, в связи с выходом которого писались <...> “дуодецимы” (стихотворения в двенадцать строк) с акростихом “Труды и дни – гил[ь]. <...>Номер первый “Трудов и дней” вышел в двадцатых числах марта 1912 г.”»; авторами сохранившихся текстов были Вас.В. Гиппиус, Гумилев, Кузьмин-Караваев и Лозинский¹⁹⁴. Заставляет обратить на себя внимание то обстоятельство, что объектами иронических нападок участников нового литературного объединения становится не художественный опыт старших «собратьев по перу», как того можно было ожидать, а их деятельность в качестве представителей филологической науки, что не только еще раз подтверждает близкие ориентиры «Цеха поэтов», но и служит подтверждением предположения о близкой по своим целям и задачам направленности формирующейся у Гумилева концепции акмеизма, с которой позднее будет органично сочетаться его собственная «теория поэзии».

Осенью 1913 года, после «долгого, в целый сезон, перерыва, связанного с неоправдавшимся ожиданием, чтобы вернулся в Петербург главный руководитель общества Вячеслав Иванов, “Академия стиха” возобновила свои заседания, по-прежнему – в помещении редакции “Аполлона”. <...> – На втором заседании, 30 ноября, были, согласно повестке, произведены дополнительные выборы в совет общества <...>. К прежнему составу доизбранными оказались: Н. Гумилев, Н.В. Недоброво и Валериан Чудовский». На этих первых собраниях нового сезона (9 и 30 ноября и 8 декабря) «присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Н. Гумилев, гр. Вас. Комаровский, Валентин Кривич, А. Скалдин, О. Мандельштам, Ал. Вир и др.) читали свои стихи, которые подвергнуты были обсуждению»¹⁹⁵.

мысли было произведено преднамеренно» (*Недоброво Н.В.* Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 27).

¹⁹⁴ «Транхопс» и около (по архиву М.Л. Лозинского). Часть II. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/545494.html>.

¹⁹⁵ Z. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 135, стб. 1. – Хроникальные обзоры под этой литерой в «Аполлоне» о событиях, происходивших в ОРХС, сменяются публикациями под тем же «заголовком», в которых авторство Недоброво скрыто за именем «Litotes» (ср., напр.: Указатель имен // *Кузьмин М.А.* Дневник 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н.А. Богомоллова и С.В. Шумихина. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 835, стб. 1). С учетом определенных текстуальных параллелей между этими текстами кажется допустимым с известной осторожностью

Об одной из этих встреч существует лаконичное недатированное биографическое свидетельство: «Приветственная телеграмма Вяч. Иванову от участников подписана, среди прочих, Мандельштамом, Гумилевым, Ахматовой (Архив М.Л. Лозинского)»¹⁹⁶. 20.1.1914 «Общество ревнителей художественного слова <...> собралось по случаю приезда в Петербург Вячеслава Иванова, который прочитал недавно законченный им перевод эсхилова “Агамемнона” и объяснил во вступительном докладе те начала, которые положил он в основу предпринятого им полного перевода эсхилых трагедий. Председательствовавший проф. Ф.Ф. Зелинский отметил высокое достоинство перевода, в коем превосходно передан дух подлинника, и сделал ряд пояснительных критических замечаний. В прениях приняли затем участие профессора Е.В. Аничков, М.И. Ростовцев и члены совета Валериан Чудовский и Н. Гумилев. Последний, указав, что трудом Вячеслава Иванова закончится полный круг перевода на русский язык великих афинских трагиков, начатый Иннокентием Анненским, продолженный Ф.Ф. Зелинским, особую ценность положил на то обстоятельство, что переводчики эти в некотором смысле конгениальны каждый своему подлиннику: это является редчайшим и очень благоприятным совпадением»¹⁹⁷. На следующем заседании, дата которого в хроникальной заметке Недоброво не указана, «Н. Гумилев прочитал большую (960 строк) поэму свою “Мик и Луи”, а затем изложил свои взгляды на эпический род, к коему он причисляет свою поэму, и на современные его возможности. Основная мысль сводилась к утверждению, что единственной областью, в которой еще возможно большое эпическое творчество, есть поэзия “экзотическая”. <...> Во время прений большая часть высказавшихся, отдавая справедливость поэтическим достоинствам поэмы, оспаривала теоретические воззрения автора; общий вопрос о современной эпической поэзии остался открытым»¹⁹⁸. Посещение О.М. этого собрания столь же вероятно, как и других, на которых отдельной темой звучали поэтические произведения Гумилева. Так, например, оба акмеиста вместе со старшим поэтом выступали 12.12.1915 на заседании ОРХС, которое «в первой части своей было посвящено

предположить, что и за первым «иноязычным» псевдонимом (ориентированным на последнюю букву латинского алфавита, тогда как следующий – «Litotes» – на «минимализирующий» прием литоты) также скрывался Недоброво. Позднее под тем же заглавием выходили обзоры, подписанные уже его именем.

¹⁹⁶ Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 65.

¹⁹⁷ *Litotes* <Недоброво Н.В.>. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 5. С. 53–54.

¹⁹⁸ *Litotes* <Недоброво Н.В.>. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 5. С. 54.

<...> собеседованию по общей теории стихосложения». Прения на нем открылись выступлением Вяч.И. Иванова, который «основным явлением стихосложения считает “ритмические волны”, природа коих существенно музыкальна. <...> – Вторая часть вечера была, по обычаю “Академии стиха”, отдана слушанию <...> стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст»¹⁹⁹.

Вполне вероятной точкой еще одного соприкосновения биографий двух литераторов могла явиться деятельность Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге, самым активным участником которого был Вяч.И. Иванов²⁰⁰. Дополнительные основания для

¹⁹⁹ *Litotes <Недоброво Н.В.>*. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1916. № 2. С. 55. В «трудах и днях» О.М. данное заседание без указания конкретных причин определено как состоявшееся «по случаю приезда Вяч. Иванова» (Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 96).

²⁰⁰ В уже цитированной автобиографии, датированной началом 1917 года, работу в этом объединении он назвал первой среди главных моментов своей общественной активности после возвращения в Россию из Швейцарии в 1905 году: «Я посвящал в последующие годы много усилий делу петербургского Религиозно-философского общества» (*Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С.А. Венгеру*. С. 460, стб. 2); ср.: Именной указатель // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост., подгот. текста и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. – М.: Русский путь, 2009. С. 626, стб. 1. Из публикаций на эту тему следует назвать развернутый обзор: *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и петербургское Религиозно-философское общество (материалы к постановке темы) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016, – а также более локальное исследование: *Федотова С.В.* Выступление Вяч. Иванова в петербургском Религиозно-философском обществе по докладу Н.А. Бердяева о книге В.И. Несмелова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. В первом из их (с. 111) упоминание О.М. включено в набор имен тех близких Вяч.И. Иванову современников, чье участие в деятельности Религиозно-философского общества определялось их статусом действительных членов, однако единственное прямое мемуарное свидетельство о связях начинающего поэта с этим объединением – запись 18.8.1910 в дневнике Каблукова, который, характеризуя своего нового знакомого, в частности, отметил: «Бывал он <...> в Религиозно-Философском Обществе, членом-соревнователем которого числится и теперь» (Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова. С. 241). Данный статус был определен в уставе общества: «Членами-соревнователями могут быть все лица, желающие принять участие в деятельности общества. Их выбирают действительные члены закрытой баллотировкой большинством голосов» (Устав Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост., подгот. текста и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. – М.: Русский путь, 2009. С. 501). Кстати сказать, реальными действительными членами общества, кто прямо или косвенно оказывал дополнительное влияние на интерес О.М. к его деятельности, могли быть биографически близкие ему люди – Вл.Вас.Гиппиус и З.А. Венгерова; см.: Список действительных членов Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост., подгот. текста и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. – М.: Русский путь, 2009. С. 519. В связи с различными моментами личной биографии главного героя энциклопедии нелишним будет сказать, что «зимой (?) 1914–15

подобного утверждения возникают ввиду того, что с работой одной из секций общества О.М. мог быть знаком непосредственно по своим посещениям в конце 1900-х годов дома старшего современника: «Уже к 1909 г. возникла потребность помимо общих собраний проводить более узкие секционные заседания по конкретной тематике. 6 марта 1909 г. состоялось заседание Совета Религиозно-философского общества на “башне” у Вяч. Иванова, посвященное созданию секции по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства, в которую вошли 30 действительных членов и 54 члена-соревнователя, председателем стал С.А. Аскольдов, с 22 ноября 1909 г. – Вяч. Иванов, на квартире которого чаще всего и проходили ее собрания. – 6 декабря 1909 г. была основана вторая секция по изучению истории и философии религии под председательством С.П. Каблукова»²⁰¹. Еще одно «мемуарное свидетельство» на эту тему принадлежит Н.Я. Мандельштам, которая первоначально в своих воспоминаниях воспользовалась лишь обтекаемой констатацией: «Заседания этого общества О.М. изредка посещал», а затем конкретизировала это сообщение, назвав в данной связи «статью-доклад на смерть Скрябина, прочитанный в Религиозно-философском обществе»²⁰². Как известно, никаких прямых и косвенных подтверждений выступления О.М. и в этом объединении, и где-то еще с докладом, посвященном жизни и творчеству великого композитора, не обнаружено²⁰³.

по рекомендации А.В. Карташова действительным членом Религиозно-философского общества стал С.А. Венгеров», а с ноября 1914 года по той же рекомендации «членом-соревнователем <...> стал И.Б. Мандельштам» (Список новых членов Религиозно-философского общества в Петрограде, в хронологическом порядке // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост., подгот. текста и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. – М.: Русский путь, 2009. С. 526, 529).

²⁰¹ *Коростелев О.А., Ермишин О.Т.* Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 1: 1907–1909. / Сост., подгот. текста и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. – М.: Русский путь, 2009. С. 7–8. Ср. более общую «описательную» характеристику: «На Башне весна и начало лета 1909 г. были временем большой активности: действовала “Академия стиха”, где читались лекции об истории и каноне поэтических форм, зарождался проект журнала “Аполлон”, выступали со своими произведениями Хлебников, Мандельштам, Гумилев, Верховский. Кое-что из того, что происходило, продолжалось, подготавливало или просто комментировало темы Религиозно-философского общества. Здесь едва ли не главным источником <...> сведений оказывается Каблуков, чьи отношения с Ивановым стали значительно укрепляться» (*Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и петербургское Религиозно-философское общество (материалы к постановке темы). С. 126).

²⁰² *Мандельштам Н.*: Воспоминания. С. 254; Вторая книга. С. 127.

²⁰³ Несколько подробнее данный факт комментируется в новой редакции статьи автора этих строк «Скрябин А.Н.», открывающей раздел приложений к настоящей публикации.

Примечание. В таком контексте появляются косвенные основания для некоторых «маргинальных» (или типологических) сопоставлений. 21.11.1910 Каблуков оставил известную дневниковую запись, вторая часть которой многократно цитировалась биографами и исследователями творчества О.М.: «Сегодня вечером до 1 часу пополночи я был у Вяч.Ив. Иванова. Много говорили о завтрашнем заседании Общества, о значении неокантианства, о символизме. <...> Был разговор и о И.Э. Мандельштаме, которого В.И. ценит»²⁰⁴. На упоминаемом собрании в Религиозно-философском обществе 22.11.1910 состоялось выступление близкого знакомого Вяч.И. Иванова²⁰⁵ и, в частности, одного из нередких посетителей «Башни» В.Ф. Эрн²⁰⁶ «Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения»²⁰⁷. О присутствии О.М. на нем ничего не известно, но, насколько можно судить по опубликованной позднее версии доклада (одноименное введение к изданию: *Эрн В. Григорий Саввич Скворода: Жизнь и учение.* – М.: Путь, 1912. С. 1–28), его тема, отчетливо сформулированная и выраженная автором, прямо совпадает с важнейшей для О.М. начиная с середины 1910-х годов идеей самостоятельности и уникальности русской культурной традиции, проявляющейся прежде всего в целостности, единстве, которое является ее главным отличием от европейской культуры. Эрн уже в первых фразах своего сообщения так характеризует существующую в гуманитарной части общества зависимость от западной цивилизации: «Тип скитальца, чуждого родной стране, до сих пор жив в нашей крови. В огромной массе русской интеллигенции, поставляющей рядовых работников журналистики, науки и культуры вообще (а

²⁰⁴ О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 244. В свою очередь, творчество старшего поэта было предметом бесед О.М. с Каблуковым, который в записи от 3.12.1910 (там же) отмечал: «был у меня И.Э. Мандельштам. Говорили о стихах его и Анненского, о Вяч. Иванове и о “Серебряном голубе” Б. Бугаева».

²⁰⁵ История их взаимоотношений подробно восстанавливается в публикации: *Кейдан В.И.* «Друг другу в глаза мы глядим...»: хроника дружбы Вячеслава Иванова и Владимира Эрн // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016.

²⁰⁶ См., напр.: *Шруба М.* Иванова среды // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 60, 62. Если доверять воспоминаниям Пяста, в конце августа или в начале сентября 1905 года он «вместе с покойным теперь, молодым <...> философом В.Ф.Эрном был первым гостем на первой “среде”, начавшей <...> серию “исторических” “сред” Вячеслава Иванова на его “башне”. – <...> Помню, меня поразило, что с Эрном, совсем молодым человеком, Вячеслав Иванов был на “ты”. Чувствовалось: несмотря на разницу в возрасте, в области философии Эрн Вячеславу, если не “набольший”, то, по крайней мере, ровесник. Разговор лился двумя струями. Вячеслав раздвоился: с Эрном был философ, со мной – поэт. Кажется, гостей больше никого не было» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 46, 47). Об этом визите см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. С. 126–127; там же (с. 129) воспроизводится запись Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о собрании 21.9.1905 (условно считающемся третьем), где, в частности, говорится об Эрне и будущем председателе Религиозно-философского общества А.В. Карташове: «вчера была содержательная Середка: 12 чел<овек>. Мережковские, Сологуб, поэт молодой студент Пестовский – Пяст <...>, Ремизов, Чулков, Эрн (божественный), Карташев, проф<ессор> дух<овной> акад<емии>, молодой, писатель, горящий деятель, тонкий, симпат<ичный>».

²⁰⁷ См.: *Ермичев А.А.* Хронология заседаний Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде) // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. – М.: Русский путь, 2009. С. 556.

рядовое всегда количественно преобладает), живет постоянная, неискоренимая подозрительность ко всему своему. Двухвековое ученичество у Запада создало особую, глубоко залегшую складку в нашей общественной психологии. Мы заранее, так сказать априорно, до всякого фактического исследования, склонны отдавать предпочтение всему, что не наше, преклоняться восхищаться и увлекаться всем пришедшим издалека. У нас не хватает внимания к нежным, оригинальным и обильным всходам нашей собственной культуры, и можно смело сказать, нет другой культурной нации в мире, которая бы так мало сознавала свои духовные богатства, так мало ценила возможности, ей предстоящие, как Россия»²⁰⁸. Трудно не заметить в этих словах не просто смысловые переключки, а явные содержательные параллели сказанного уже упоминавшимся мандельштамовским статьям «Петр Чаадаев» и, в еще более глубокой форме, «О природе слова».

Опубликованный текст доклада содержит еще и объективно заданные историко-философскую и «биографическую» точки соприкосновения. В выступлении Эрна, в частности, говорилось: «Если, минуя детали, мы сосредоточимся на главных и основных тенденциях новой европейской философии, три характерных черты остановят наше внимание. Это рационализм, меонизм, имперсонализм»²⁰⁹. Для русской культуры начала XX века меонизм был непосредственно связан с именем Н.М. Минского²¹⁰, и О.М. прямо отстранялся от него в своем «программном» (и сдержанно-исповедальном) письме 14.4.1908 Вл.В. Гиппиусу, где после краткого рассказа об истории формирования его индивидуальных, лично окрашенных религиозных взглядов отказывает им в сравнении с меонизмом: *Я прошел 15<-ти> лет через очистительный огонь Ибсена – и хотя не удержался на «религии и воли», но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности. – Толстой и Гауптман – два величайших апостола любви к людям – воспринимались горячо, но отвлеченно, также как и «философия нормы». – Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна, и поклонение «Пану», т.е. несознанному Богу, и поныне является моей «религией». – (О, успокойтесь, это не «меонизм», и вообще с Минским я не имею ничего общего.) (4, 12)*²¹¹.

Неучтенным остался в рассматриваемой публикации немаловажный факт возможного

²⁰⁸ Эрн В.Ф. Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. Т. 2: 1909–1914. – М.: Русский путь, 2009. С. 172.

²⁰⁹ Эрн В.Ф. Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения. С. 177. Это фрагмент был довольно подробно изложен в воспроизведенном там же (с. 192) газетном отчете о прошедшем заседании.

²¹⁰ См. «энциклопедический» вариант такой трактовки: Полонский Г. Поэзия Минского // Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С.А. Венгерова [Т. 1–3, 1914–1918] / Послесл., подгот. текста А.Н. Николокина. – М.: Республика, 2004. С. 230–233 (раздел «“При свете совести” и учение о меонах»).

²¹¹ Там же О.М. признается своему адресату: *вы были для меня тем, что некоторые называют: «друго-врагом»... (4, 12)*, – в примечании к чему в последнем издании мандельштамовской эпистолярной переписки говорится: «Осознание в дружбе антагонистического начала, вражды, – факт эстетики русского символизма, отразился в текстах Мережковского, Вяч. Иванова, А. Блока» (Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 3: Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, подгот. текста, коммент. К.М. Азадовского и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 732).

посещения О.М. 23.1.1914 Общества поэтов (о котором несколько подробнее говорится далее в связи со статьей «Недоброво Н.В.»), где Вяч.И. Иванов прочел доклад об Алкее и Саффо и собственные переводы их стихотворений; провинциальное издание так отразило это событие: «Недавно, проездом из Москвы, Вячеслав Иванов, кроме своей официальной публичной лекции об “искусстве” сделал доклад в “Обществе поэтов”, так называемой “Физе”. <...> В состав общества входят: А. Блок, Анна Ахматова, Вл. Пяст, М. Долинов, Георгий Иванов, О. Мандельштам и др. В этом обществе Вяч. Иванов прочел доклад об Алкее и Саффо и читал сохранившиеся от них стихи в своих безукоризненных и певучих переводах»²¹². Как известно, стихотворение О.М. «Черепаха» («На каменных отрогах Пиэрии...», 1919) обнаруживает целый ряд содержательных параллелей переводам стихов Саффо, выполненным Вяч.И. Ивановым и составившим сборник: «Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки / Пер., вступ. ст. Вяч. Иванова» (М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1914), – что становилось предметом специальных исследований К. Тарановского, Г.А. Левинтона и др.; несколько подробнее об этом речь идет в статье О.А. Лекманова и С.Г. Шиндина «Саффо» в комментируемом издании (с. 429–430)²¹³.

²¹² Т. Ш<енфельд>. Письма из Петербурга. II // Музы [Киев]. 1914. № 4. 15 февр. С. 9; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 74; ср.: Шруба М. Общество поэтов (Новое общество поэтов, «Физа») // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 154.

²¹³ Самый широкий контекст восприятия ивановских переводов современниками рассмотрен в исследовании: Лапто-Данилевский К.Ю. «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда. – СПб.: Реноме, 2015. Появление книги Иванова автор определяет в таких координатах (с. 129): «Выход в 1914 году из печати “Алкея и Сафо” в переводе Вячеслава Иванова заслуженно расценивается исследователями и как важная веха творческого пути Вяч. Иванова, и как значительное событие в истории переводческого искусства в России».

АЛКЕЙ и САФО

СОБРАНИЕ

ПЪСЕНЪ и ЛИРИЧЕСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

РАЗМЪРАМИ ПОДЛИННИКОВЪ

ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ

ЕГО - ЖЕ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1914

Без точной датировки обошлось в публикации Е.В. Глухой и О.А. Лекманова упоминание еще одного заметного эпизода мандельштамовского жизнеописания: «Новый этап взаимоотношений О.М. с Вяч.И. Ивановым наметился осенью 1914 года, после начала 1-й мировой войны 1914–1918 годов. О.М. присутствовал при произнесении в зале Тенишевского училища исполненной “ура-патриотизма невысокого стиля” <...> речи Иванова, обличающей немецких завоевателей» Столь же неопределенно говорится еще об одном событии того же периода – посещении младшим поэтом старшего в Москве в начале 1916 года (куда он, как известно, впервые приехал для встречи с М.И. Цветаевой): «7.2.1916 Каблуков записал в дневнике, что О.М. вернулся из Москвы “после свидания с Вяч.

Ивановым, признавшим его ‘Камень’» (с. 259, стб. 1)²¹⁴. Кстати сказать, столь же аморфно данный эпизод отражен и во втором томе МЭ: «Около 17 января <...> уехал в Москву, где провел более двух недель и встретился с Вяч. Ивановым, одоббившим его новый “Камень”. <...> 2–18 февраля. Вторая поездка в Москву <...>. В этот приезд он вторично посетил Вяч. Иванова»²¹⁵. Вместе с тем, этот факт еще до выхода в свет рецензируемого издания получил не слишком содержательное, но фактографически обоснованное дополнение, позволяющее отнести первый из мандельштамовских визитов к промежутку между 20 и 26 января, о чем свидетельствует адресованное Волошину письмо: «Майя [Кювилье] <...> была недавно у Вячеслава [Иванова] и встретила там много молодых поэтов, очень непривлекательных по манере держать себя, между которыми выделялся гордой, полной достоинства осанкой – Мандельштам»²¹⁶.

В то же время, граница упоминаемого авторами нового этапа во взаимоотношениях двух поэтов гипотетически может быть отнесена к более раннему периоду, в том числе и по причине объективного обоснования – выхода в свет первого сборника мандельштамовских стихотворений «Камень», состоявшегося не позднее 30.3.1913²¹⁷. Уже в мае О.М. оставил дарственный инскрипт: «Вячеславу Иванову с радостным восхищением / Автор / 13 мая 1913», – который через полгода повторил на другом экземпляре своей книги: «Вячеславу Ивановичу Иванову / с глубокой признательностью / и настоящей любовью / Автор / 2 октября 1913 / Петербург»²¹⁸. Конкретные обстоятельства появления этих автографов, как и причина существования «дубликата» мандельштамовского инскрипта, остаются без какого-

²¹⁴ Как известно, вскоре после этого, 6.3.1916, Каблуков отправил Вяч.И. Иванову благодарственное письмо: «Рассказ Мандельштама о том, как Вы отнеслись к его поэтической работе, очень меня утешил. Я давно слежу за развитием его дарования, несомненно очень значительного, рост которого происходит на моих глазах и которое меня очень радует. Тем более я был счастлив узнать, что и Вы признали его стихи» (О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 253).

²¹⁵ *Нерлер П.М.* Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 13.

²¹⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 658. Л. 11–11 об.; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 99.

²¹⁷ Такой хронологический ориентир очевидно следует из даты надписания О.М. книги своих стихотворений Лозинскому; см.: *Мец А.Г.* «Камень» (к творческой истории книги) // *Мандельштам О.* Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 279; ср.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 58.

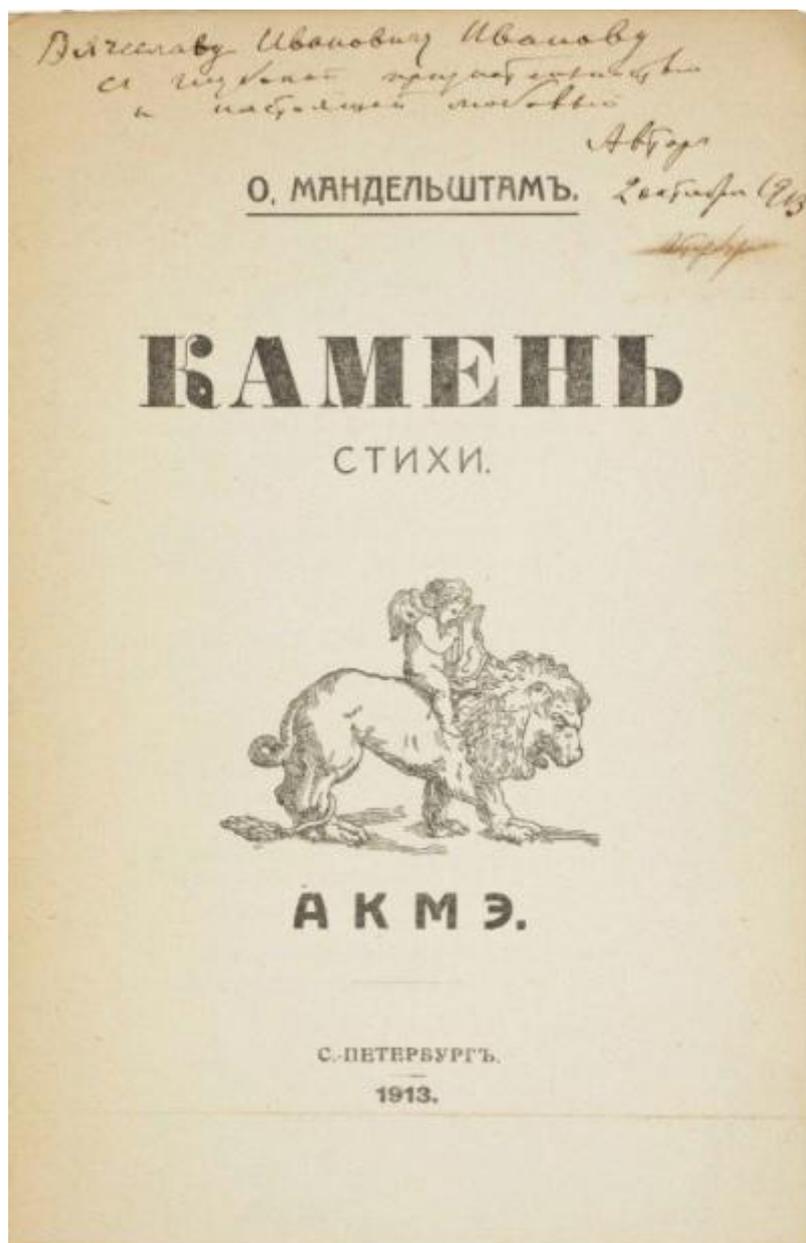
²¹⁸ См.: *Мец А.Г.* «Камень» (к творческой истории книги). С. 279.

либо комментария со стороны биографов²¹⁹, при этом в качестве местонахождения первого «варианта» указывался Эстонский семиотический фонд (Estonian Semiotics Repository Foundation, Таллинн), второго – собрание Л.М. Турчинского (Москва)²²⁰. Однако сравнительно недавно, 28.11.2018, «октябрьский» оригинал книги выставлялся на торгах аукциона «Кристи» в составе собрания русских литературных изданий и рукописей Р. Е. Мартина²²¹.

²¹⁹ См., напр.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 60, 63;

²²⁰ См.: *Василенко С.В., Нерлер П.М.* О.Э. Мандельштам. Инскрипты и маргиналии. С. 144, стб. 2.

²²¹ Подробнее об этом см.: https://www.christies.com/features/R-Eden-Martin-Collection-of-Russian-literature-9519-1.aspx?sc_lang=en. Данный факт был уставлен Л.Ф. Кацисом, любезно поделившимся информацией о нем с автором этих строк.

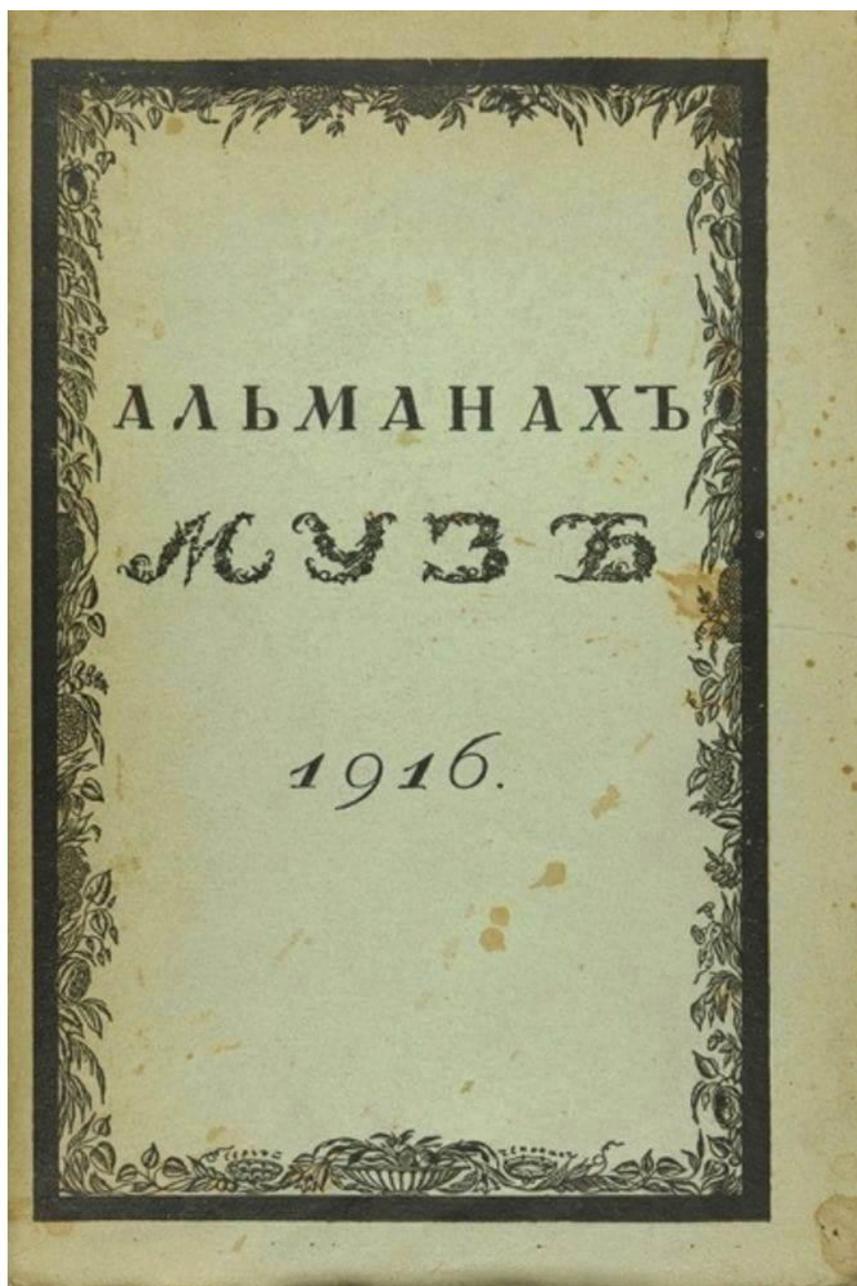

Пропущенным авторами рассматриваемой публикации оказалось и сопричастие поэтов в целом ряде наиболее известных поэтических альманахов и сборников – «Альманах муз» (Пг.: Фелана, 1916), «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус» (Пг.: Огни, 1917)²²², «Весенний салон поэтов» (М.: Зёрна, 1918)²²³, «Мир искусств в образах поэзии: Архитектура, скульптура, живопись, танец, музыка» (М.: Работник

²²² Обложка к данному изданию была выполнена «героем» одной из входящих в МЭ публикаций Д.И. Митрохиным (с. 343).

²²³ Автором известной обложки к этому альманаху был другой «герой» комментируемого издания – Г.Б. Якулов (с. 572–573).

просвещения, 1922), «Поэты наших дней» (М.: Всероссийский союз поэтов, 1924) и др.

АЛФАНАХСЪ

МУЗЕ

1916.

ПЕТРОГРАДЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ФЕЛАНА“

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ
❖ СОВРЕМЕННЫХ ❖
СТИХОТВОРЕНИИ

Д. И. Фокинъ 1917

ИЗД - ВО - ОГНИ - ПЕТРОГРАДЪ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ
СОВРЕМЕННЫХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ

ИЗБРАННЫХЪ
З.Н.ГИППІУСЪ

* * *

ИЗДА~ВО
~ОГНИ~
1 9 1 7

Г. Абрамович - Крестин

ВЕСЕННИЙ
САЛОНЪ
ПОЭТОВЪ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „Зерно“.
1918.

Книга отпечатана въ Москвѣ, въ
типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ.
Обложка — литографія въ пять
красокъ—работы Г. Якулова.
Складъ изданія при К-вѣ «Геликонъ»,
Пречистенка, Мансуровск. пер., д.
№ 6, кв. № 3. Телеф. 4-69-63.

С. Абрамовъ,
Г. Адаловичъ, Амари,
А. Ахматова, К. Арсеньева,
Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ,
А. Блокъ, С. Бобровъ, В. Брюсовъ, П. Бу-
нийъ, Д. Бурлюкъ, А. Бѣлый, М. Волошинъ,
А. Герцыкъ, Э. Гиппиусъ, А. Глоба, Н. Гумилевъ,
С. Есенинъ, В. Ивановъ, Г. Ивановъ, Р. Ивневъ, В. Инберъ,
В. Каменскій, Н. Клюевъ, Н. Крадѣвская, М. Кузминъ,
Е. Кузьмина-Караваева, К. Липскеровъ, О. Мандельштамъ,
В. Маяковский, В. Меркурьева, М. Мараская, С. Парнокъ,
Б. Пастернакъ, С. Рафаловичъ, Б. Савинковъ (Ро-
шинъ), С. Соловьевъ, Ф. Сологубъ, П. Сѣ-
ерянинъ, М. Тумовская, В. Ходасе-
вичъ, М. Цветаева, Т. Чурилинъ,
М. Шагинякъ, Н. Ша-
пиръ, В. Шилейко,
И. Эренбургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Весенній салонъ поэтовъ» — первый выпускъ задуманной серіи сборниковъ, цѣль которыхъ — отражать движеніе русской поэзіи.

Сборники будутъ помѣщать и новые стихи, и уже появившіеся въ печати. Этотъ первый сборникъ перепечатываетъ стихотворенія (независимо отъ времени ихъ написанія) за сравнительно долгій срокъ:—отъ 1914 года (приблизительно съ начала войны) до конца 1917 года. Въ дальнѣйшемъ они будутъ періодическими, выходя разъ или два въ годъ.

Новые стихи, благодаря теперешнимъ трудностямъ почтовыхъ сообщеній взяты только у поэтовъ, живущихъ въ Москвѣ.

Всякія указанія по поводу этого сборника, которыя будутъ приняты съ благодарностью, а также новые сборники стиховъ редакція проситъ направлять по адресу: Москва, Кречетниковскій пер., д. 8., кв. 1, Книгоиздательство «Зерна» .

Москва. Мартъ. 1918.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

Въ разногласиѣ дѣвическаго хора
Вѣсь церкви нѣжныя поютъ на голосъ свой,
И въ дугахъ каменныхъ Успенскаго собора
Мнѣ брови чудятся высокия, дугой.
И съ укрѣпленнаго архангелами вала
Я городъ озираю на чудной высотѣ.
Въ стѣнахъ зариюла печаль моя снѣдала
По русскому имени и русской красотѣ.
Не диво ль дивное, что вертоградъ намъ снится,
Гдѣ рѣють голуби въ горячей снѣгѣ,
Что православныя кроки поетъ черница,—
Успенье нѣжное, Флоренція въ Москвѣ!
И пятиглавыя московскія соборы,
Съ ихъ итальянскою и русскою душой,
Напоминаютъ мнѣ явленіе Авроры,
Но съ русскимъ именемъ и въ шубѣ мѣховой.

1916.

Образъ твой, мучительный и выскѣй,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!» сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

114

Боже имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди.
Впередъ густой туманъ клубится,
И пустая кѣтка позади...

ЕВРОПА.

Какъ средиземный крабъ или зѣзда морская,
Былъ выброшенъ водой послѣдній материкъ;
Къ широкой Азии, къ Америкѣ привыкъ,
Слабѣетъ оксагъ, Европу омывая.

Ирѣзаны съ живые берега
И полуострововъ воздушны изваянья;
Немного женственны заливы очертанья:
Бискайн, Генуи лѣнивая дуга.

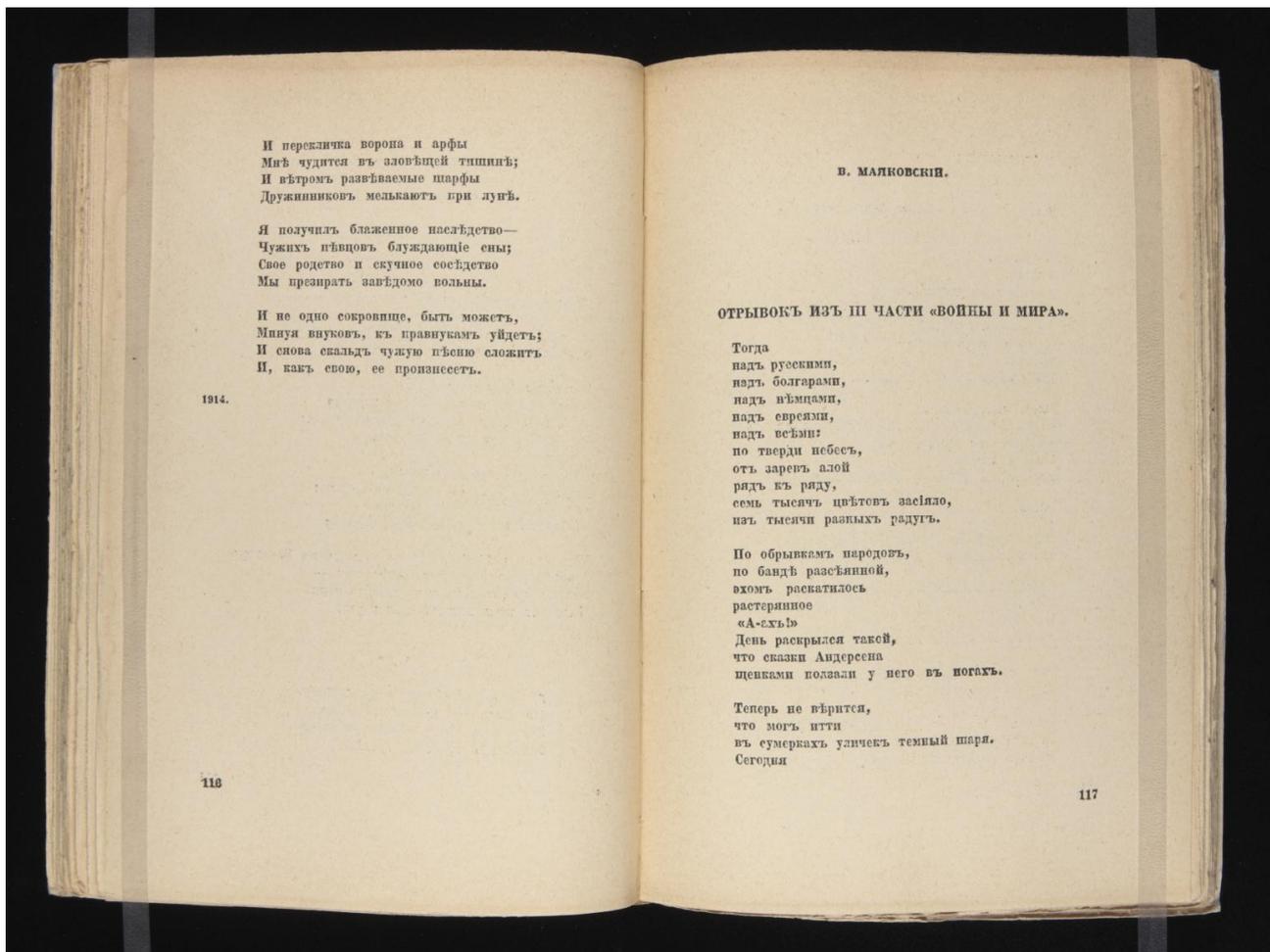
Завоевателей исконная земля,
Европа, въ рубицѣ священнаго союза;
Пята Испаніи, Итали Медуза
И Польша нѣжная, гдѣ нѣту короля;

Европа цезарей! Съ тѣхъ поръ, какъ въ Бонапарта
Гусиное перо направилъ Меттернихъ—
Впервые за сто лѣтъ и на глазахъ моихъ
Мѣняется твоя таинственная карта!

Я не слыхалъ рассказовъ Оссеана,
Не пробовалъ стариннаго вина;
Зачѣмъ же мнѣ мерещится поляна,
Шотландціи кровавая луна?

8*

115

И перекличка ворона и арфы
Мигъ чудится въ зловѣщей тишинѣ;
И вѣтромъ развѣваемые шарфы
Дружинниковъ мелькають при лунѣ.

И получилъ блаженное наслѣдство—
Чужихъ пѣвцовъ блаждающіе сны;
Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

И не одно сокровище, быть можетъ,
Минуя внуковъ, къ правнукамъ уйдетъ;
И снова скальдъ чужую пѣсню сложитъ
И, какъ свою, ее произнесетъ.

1914.

116

В. МАЯКОВСКІЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III ЧАСТИ «ВОЙНЫ И МИРА».

Тогда
надъ русскими,
надъ болгарами,
надъ вѣмиами,
надъ евреями,
надъ вѣбъи:
по тверди небесъ,
отъ зарей алой
рядъ къ ряду,
семь тысячъ цвѣтовъ засіяло,
изъ тысячи разныхъ радугъ.

По обрывкамъ пародовъ,
по бандѣ расѣянной,
эхомъ раскатилось
растерянное
«А-эхъ!»
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щелками ползали у него въ ногахъ.

Теперь не вѣрится,
что могъ идти
въ сумеркахъ уличекъ темный шаръ.
Сегодня

117

В дополнение к сказанному обращает на себя внимание содержащийся в тексте комментируемой статьи ряд необъяснимых упущений при библиографических описаниях. Например, в связи с одним из эпизодов мандельштамовской биографии, относящимся к середине 1910-х годов, в публикации говорится: «Возможно, что тогда же (1915, Петроград, или же 1916, Москва) О.М. слушал доклад Иванова “Взгляд Скрябина на искусство”» (с. 259, стб. 1), – после чего опять-таки следует прямая ссылка на тот же источник: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 3 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 175, – однако на указанной странице читатель не найдет никакого фактического комментария или иллюстрирующего сказанное текста – на ней содержится только часть упомянутого доклада, полностью размещенного на страницах 172–189. Конкретные обстоятельства, связанные с появлением данной публикации, изложены в примечании О. Дешарт на странице 736 указанного издания: «К статье этой, которая печатается по корректуре, исправленной самим Вячеславом Ивановым, он сделал примечание. “Читано на вечерах-концертах Скрябинского Общества в Петрограде, в декабре

1915 г., и в Москве, в январе 1916 г., а также в Киеве, в апреле 1916 г.”. На корректурах поставлена печать типографии “Воронова”... На мой вопрос, где статья была напечатана, Вячеслав Иванов ответил: “Она напечатана не была. Я хотел бы ее опубликовать”. Что это за корректура, он не стал объяснять».

Если от рассмотрения фактографической части статьи перейти к «интерпретационной», следует отметить присутствующий в ней ряд спорных положений. В частности, не кажется убедительным утверждение авторов о том, что «образ змея в поэтике раннего О.М. во многом восходит к статье Вяч.И. Иванова “Две стихии в современном символизме” <...>, представляя собой различные реализации космогонического мифа Иванова (см. стихи О.М. “Змей”, “В самом себе, как змей, таясь...”, “Когда мозаик никнут травы...”, все – 1910)» (с. 258, стб. 2). Основой упоминаемой статьи «послужила прочитанная Вячеславом Ивановым публичная лекция “Две стихии в современном символизме”, которая сначала была представлена публике в Петербурге, а затем последовали две лекции в Москве»²²⁴, после чего текст выступления был опубликован в журнале «Золотое руно» (1908. № 3–4, 5), а затем – в сборнике статей Вяч.И. Иванова «По звездам: Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909). Как известно, доклад вызвал самый широкий резонанс в литературной среде, затем сопровождавший и выход в свет сборника ивановских статей, о котором «13.8.1909, находясь в заграничном путешествии, О.М. отправил из Монтрё письмо Вяч.И. Иванову, в котором отзывался о сборнике Иванова “По звездам” (СПб., 1909) восхищенно» (с. 258, стб. 1)». Но данный факт не дает оснований для установления прямой смысловой зависимости мандельштамовской метафоры непосредственно от текста старшего современника, в частности, интерпретировавшего символично-мифологическое значение образа змеи так: «Символ есть знак, или означенное. То, что он означает, или знаменует, не есть какая-либо определенная идея. Нельзя сказать, что змея как символ значит только “мудрость”, а крест как символ только: “жертва искупительного страдания”. <...> В разных сферах сознания один и тот же символ приобретает разное значение. Так, змея имеет означенное отношение одновременно к земле и воплощению, полу и смерти, зрению и познанию, соблазну и освящению. – <...> В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе. Оттого змея в одном мифе представляет одну, в

²²⁴ Глухова Е.В. Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики: «Весы». – М.: Наука, 2007. С. 118.

другом – другую сущность. Но то, что связывает всю символику змеи, все значения змеино-го символа, есть великий космогонический миф, в котором каждый аспект змеи-символа находит свое место в иерархии планов божественного всеединства»²²⁵. Нетрудно заметить, что для Вяч.И. Иванова актуальны прежде всего те значения, которые присутствуют у образа змеи (змея) в культурной перспективе, тогда как его семантическое наполнение в собственно мифологической традиции несколько иное, и он фигурирует (и «функционирует») как «представленный почти во всех мифологиях символ, связываемый с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой»²²⁶.

Как кажется, вполне обоснованно может быть несколько расширено смысловое пространство еще одного сопоставления, присутствующего в комментируемом тексте. Речь идет о «заметке с “гумилёвским” заглавием “Письмо о русской поэзии” (1922)», в которой «О.М. высказался о Вяч.И. Иванове куда более иронично: “От космической поэзии Вячеслава Иванова, где ‘даже минерал произносит несколько слов’, осталась маленькая византийская часовенка, где собрано уцелевшее великолепие многих сгоревших храмов” <...>. Источник цитаты внутри этой характеристики <...> был впервые установлен С.В. Василенко и Ю.Л. Фрейдиным (см.: День поэзии. М., 1981. С. 194) – О.М. использовал издевательскую цитату из ‘Бесов’ Ф.М. Достоевского, пересказывающего сумбурную поэму Степана Верховенского [подробнее см.: Лекманов О.А. По поводу источника одной цитаты (к теме: “Мандельштам и Вячеслав Иванов”) // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск: Водолей, 2000. С. 561–564]» (с. 260, стб. 1)²²⁷. Как кажется, в данном случае речь может идти только о «типологическом» уподоблении, никак не отраженном текстуально, – ни прямо, ни косвенно одновременные упоминания Вяч.И. Иванова и героев Достоевского в мандельштамовском

²²⁵ *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. – Брюссель:FoyerOrientalChretien, 1974. С. 537.

²²⁶ *Иванов Вяч.Вс.* Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 2008 [эл. изд.]. С. 387, стб. 2.

²²⁷ В исследовании О.А. Лекманова вслед за принадлежащей С.С. Аверинцеву характеристикой присутствует только общая формулировка: «До мыслимого предела “верховенство” Вячеслава Иванова доведено во “Второй книге” Надежды Мандельштам. Говоря об образе Иванова в этих воспоминаниях, С.С. Аверинцев недаром уподобил поэтику “Второй книги” поэтике “Бесов” <...>, где очертания реальных персонажей порой карикатурно смещены» (*Лекманов О.А.* По поводу источника одной цитаты. К теме: «Мандельштам и Вячеслав Иванов» // *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: Водолей, 2000. С. 564).

мире кроме одного указанного случая больше не встречаются²²⁸. В то же время, фрагмент из которого почерпнут источник цитаты в мандельштамовской статье, открывает роман Достоевского и содержит подробную разностороннюю и глубокую характеристику одного из главных его героев, основанием для чего как раз и служит рассказ о поэме Степана Верховенского; именно в этом качестве упоминание о нем могло выступать для сравнения с ним Вяч.И. Иванова. Рассказчик горит о своем герое так: «Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, – так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог. Не то чтоб уж его приравнивал к актеру на театре: сохрани боже, тем более что сам его уважаю. Тут всё могло быть делом привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке». Оставить О.М. равнодушным могло и изображение «социального» статуса Верховенского-старшего: по словам рассказчика, «под конец его все и везде позабыли; но уже никак ведь нельзя сказать, что и прежде совсем не знали. Бесспорно, что и он некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и одно время, – впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, – его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена. Но деятельность Степана Трофимовича окончилась почти в ту же минуту, как и началась, – так сказать, от “вихря сошедшихся обстоятельств”. И что же? Не только “вихря”, но даже и “обстоятельств” совсем потом не оказалось, по крайней мере в этом случае». (Такие подробные и глубокие психолого-биографические характеристики с учетом определенных оговорок могут быть спроецированы на «семантический ореол» фигуры Вяч.И. Иванова для культурной среды начала XX века и широкой читательской аудитории²²⁹.) А далее следует

²²⁸ Вскользь упомянут этот персонаж в мемуарах вдовы поэта по поводу совершенно иного фрагмента литературного быта, безо всякого связи с Вяч.И. Ивановым и символистской традицией: «В двадцатых годах начисто исчезла шутка и в течение полувека использовалась только как хорошо оплачиваемый агитационный прием. Такая шуточка гнездилась в лефовских кругах, и ее родоначальником был Петенька Верховенский, первый русский футурист. Она предназначалась для того, чтобы огорошить и ошеломить, как Петенька ошеломил своего чувствительного папашу. “Леф” и “На посту” – два ведущих журнала начала новой эры, но лучше их не перелистывать, чтобы не задохнуться» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 146).

²²⁹ В качестве одного из примеров подобного восприятия можно привести ахматовскую запись, очевидно, середины августа 1962 года, где содержится характеристика современных читателей О.М.: «Он писал для своих правнуков. И вот эти правнуки, выросшие в крови, в грязи, в нужде, в неправде чистыми, умными и полными сил. Они пришли и сказали: “Вот он – не хотим никого другого”», – после чего следует ее оценка возможного «инспиратора» цитаты из романа

детальное описание «метафизической поэмы» героя Достоевского, соответственно, открывающаяся пересказом ее начальной части, удивительным образом напоминающей специфику структурно-семантического строя символистской поэзии: «Это какая-то аллегория, в лирико-драматической форме и напоминающая вторую часть “Фауста”. Сцена открывается хором женщин, потом хором мужчин, потом каких-то сил, и в конце всего хором душ, еще не живших, но которым очень бы хотелось пожить. Все эти хоры поют о чем-то очень неопределенном, большею частью о чьем-то проклятии, но с оттенком высшего юмора. Но сцена вдруг переменяется, и наступает какой-то “Праздник жизни”, на котором поют даже насекомые, является черепаха с какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если припомню, пропел о чем-то один минерал, то есть предмет уже вовсе неодушевленный. Вообще же все поют беспрерывно, а если разговаривают, то как-то неопределенно бранятся, но опять-таки с оттенком высшего значения»²³⁰.

Вместе с тем, в мандельштамовском обращении к образу Верховенского (которое, по сути, представлено в форме прямой цитаты) допустимым представляется увидеть еще и основывающуюся на фонетической близости осознанную или бессознательную ассоциативную связь с фигурой другого современника, совершенно неожиданно представленного в МЭ в краткой заметке «**Верховский Ю.Н.**» (В.В. Калмыкова): имя его отсутствовало как в таинственным образом исчезнувшем перечне потенциально возможных

Достоевского: «А были еще такие, как Вячеслав Иванов – великий мистификатор. Уехав за границу, он убедил и себя, и других, что был знаменитым на родине» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. – М.; Torino: GiulioEinauidieditori, 1996. С. 244). Определенные основания для аналогичного сопоставления имеет, например, развернутый «художественный» портрет Вяч.И. Иванова, оставленный Белым в первоначальном варианте мемуарной прозы начала 1920-х годов (так называемой «берлинской редакции») в главе с говорящим названием «“Башня”»; см.: *Белый А.* Начало века: Берлинская редакция (1923) / Сост., подгот. текста, примеч. А.В. Лаврова. – СПб.: Наука, 2014. С. 624–629 сл.

²³⁰ *Достоевский Ф.М.* Бесы. С. 7–9. – В качестве совершенно произвольной «типологической параллели» можно привести ироническое изображение застольных бесед на «Башне» Вяч.И. Иванова, оставленное в беллетризованных мемуарах Белого: «Все отдельные <...> рои высыпаются к чаю в огромную серо-бурявую пыльно-ковровую комнату; ставится монументальных размеров бутылка с легким белым вином; начинается спор; контрапункты воззрений, скрещаемых, – невероятны; хлысту доказывается Аристоксен; а случайно зашедшему сюда от сына редактору “Речи” внушается, что верчи дервишей, как хоровая оркестра, весьма оживили б кадетскую партию» (*Белый А.* Начало века. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 2 / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Художественная литература, 1990. С. 355). Число подобных примеров может быть легко умножено. – Вместе с тем, откровенно пародийный образ ‘поющего минерала’ опосредованно ассоциируется с соответствующей «кристаллографической» метафорикой самого О.М., имеющей совершенно явные метапоэтические коннотации, что, в частности, отчетливо проявляется в «Разговоре о Данте» (1933).

статей будущего издания начала 2007 года, так и в его трансформированном варианте, восстановленном весной 2015 года²³¹. Довольно известный поэт, переводчик, историк русской литературы XIX века, преподаватель, – Верховский, безусловно, был знаком О.М. еще с самого начала 1910-х годов (если не с конца 1900-х) и как автор двух поэтических сборников, на которые откликнулись рецензиями Гумилев и Городецкий, и как автор стихотворений и литературоведческих статей, регулярно публиковавшихся в «Аполлоне», и как постоянный посетитель «Башни»²³². Последний факт особенно вероятен, поскольку для

²³¹ К числу наиболее смелых наблюдений, содержащихся в этой труднообъяснимой для представленного варианта комментируемого издания версии, относится не вызвавшее сомнений главных редакторов традиционная для манеры автора безапелляционная констатация: «Круг знакомств в 1900–1910-е гг. (Вяч.И. Иванов, А.А. Ахматова, Блок, В.Я. Брюсов и др.) повлиял на появление сходных черт поэтики обоих авторов. Так, например, О.М. и Верховский используют один и тот же образ из поэзии Данте – любви, движущей всем в мире». Пропущенным ими осталось и следующее затем в доказательство сказанному такое утверждение, касающееся процитированного безо всяких текстуальных и хронологических координат прозаического фрагмента сочинения старшего поэта: «Здесь явная переключка с образным строем стихотворения О.М. “Бессонница. Гомер. Тугие паруса...: (1915).»; как уже говорилось в другой ситуации, именно в подобных случаях неизбежно вспоминается известный риторический вопрос профессора Преображенского: «Простите, кто на ком стоял?». И если безоговорочно постулируемый далее тезис: «Следует обратить внимание и на сам факт интереса О.М. и Верховского к поэзии Баратынского, а также А.А. Фета и Ф.И. Тютчева», – еще допустимо пропустить, то никак не представляется допустимым вызывающее некоторые сомнения абсолютно бездоказательное утверждение: «Можно также предположить, что произведения Верховского оказали влияние на “Стихи о русской поэзии” и на “[Восьмистишия]” О.М.» (с. 158, стб. 2).

²³² О его принадлежности к числу особо приближенных к хозяину «Башни» сидятелствуют, например, мемуары Белого о «четвергах» Вяч.И. Иванова: «Я описываю этот быт таким, каким уже позднее застал его (в 1909–1910 годах). <...> Чай подавался не ранее полночи; до – разговоры отдельные в “логовах” разъединенных; в оранжевой комнате у Вячеслава, бывало, совет Петербургского религиозно-философского общества; или отдельно заходят: Аггеев, Юрий Верховский, Д.В. Философов, С.П. Каблуков, полагавший (рассеян он был), что петух – не двухлапый, а четырехлапый, <...> или Юрий Верховский, входящий с написанным им сонетом с такой же железной необходимостью, как восходящее солнце: из дня в день» (*Белый А.* Начало века. С. 353–354). Не задаваясь вопросом о фактографической достоверности оставленного Е.К. Герцык злополучного свидетельства о первом визите О.М. на эти собрания, необходимо тем не менее обратить внимание на кажущееся симптоматичным соположение называемых ею имен их участников: «Ученики приходили к мэтру, подобие литературных семинаров произвольно возникало из просмотра нового стихотворного сборника, из обсуждения новой театральной постановки. Каждый вечер студенты Модест Гофман, Ивойлов, изредка Гумилев, Ахматова, совсем юные, ставшие впоследствии поэтами или так и не ставшие, а также и уже несомненные, как Верховский и другие» (*Герцык Е.* Воспоминания: Н. Бердяев. Л. Шестов. С. Булгаков. В. Иванов. М. Волошин. А. Герцык. – Paris: YMCA-Press, 1973. С. 60). Здесь же можно назвать появление имени Верховского в другом кратком списке участников «Академии стиха» («Поэтической академии»): *Харджиев Н.И.* Хлебников в «Академии стиха» // *Харджиев Н.И.* От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. – М.: Гилея, 2006. С. 312. Как известно, впечатления от посещения этих собраний нашли отражение в иронической поэме Хлебникова «Передо мной варился вар...» (1909), среди прямо названных и легко узнаваемых персонажей которой присутствует «толстяк сутулый» – «возможно, поэт Юрий Никандрович Верховский <...>, свой человек в доме Иванова, его здесь звали “Слон Слонович”» (*Арензон Е.Р., Дуганов Б.В.* Примечания // *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Поэмы 1905–1922 / Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р.Арензона и Б.В.Дуганова. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 429). – В первом варианте мемуарной прозы начала 1920-х годов

формирования поэтической биографии и «старшего поэта» большое значение имело близкое общение с Вяч. И. Ивановым: «Тесно связанный с кругом символистов, прежде всего с “башней” Вяч.И. Иванова (о многолетних тесных общениях Верховского с хозяином “башни” свидетельствует частый обмен стихотворными посланиями), <...> Верховский в эпоху кризиса символизма стал одним из основных представителей сложившегося в его недрах “неоклассицистического” “уклона”»²³³.

Имя Верховского было упомянуто и в уже приводившейся выше «историко-литературной» части ахматовских воспоминаний в записи Лукницкого от 29.1.1926 в связи с негативной характеристикой Гумилевым наставнической практики Вяч.И. Иванова и скрытой оценкой ее проекции (точнее сказать, неосуществления таковой) на участников «Цеха поэтов» прозвучало. Согласно этому источнику, очевидно, в начале 1910-х годов будущий основатель акмеизма «постоянно говорил о Вяч. Иванове – его любимая тема такого разговора была – о том, что Вячеслав покровительствует бездарной молодежи – Верховскому, Бородаевскому и другим»²³⁴. Непосредственно для О.М. данный аспект приобретал дополнительную актуальность ввиду его несостоявшейся переписки со старшим коллегой, тогда как из «программного» письма 13.8.1909 к тому явно следует, что начинающий поэт в его активно происходящем художественном и мировоззренческом становлении совершенно осознанно стремился видеть Вяч.И. Иванова одним из своих вожатых: *Каждый истинный поэт, если бы он мог писать книги на основании точных и непреложных законов своего творчества, – писал бы так, как вы (4, 14)*²³⁵. Вместе с тем, эти имена соединились в одном

Белый, перечисляя наиболее запомнившихся ему посетителей «Башни», отмечал, что туда «постоянно являлся с почтеннейшим видом массивный Ю.Н. Верховский, ужасно любивший Иванова, – читать антологии» (Белый А. Начало века: Берлинская редакция (1923). С. 624).

²³³ Гельперин Ю.М. Верховский Ю.Н. С. 432, стб. 2.

²³⁴ Лукницкий П.Н. Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. С. 23.

²³⁵ Об этом он прямо сообщал в также хорошо известном письме конца сентября – октября 1909 года Волошину, явно рассчитывая и на его соучастие в данном предприятии: *Оторванный от стихии русского языка – более, чем когда-либо, – я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне <...> милый Вячеслав Иванович, который при искреннем ко мне доброжелательстве не ответил мне на письмо, о котором просил однажды. – С Вами я только встретился. – Но почему-то я надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным (4, 16)*. Вероятно, эту же цель преследовала и отправленная незадолго до этого, 7.8.1909, Анненскому внешне только формальная записка О.М. с указанием его временного адреса *на случай, если он будет нужен редакции «Аполлона» (4, 16)*. Потребность (если не сказать необходимость) в таком «подчиненном» общении, судя по письмам О.М., сохранялась до конца «символистского» периода его творчества – 2.3.1911, даже при так и не состоявшейся

из самых знаменательных фактов ранней биографии О.М. – первом чтении своих стихов 14.3.1911 на «Башне» (а возможно, и первом публичном выступлении такого уровня). В известной дневниковой записи Ф.Ф. Фидлера об этом говорится так: «наконец началось чтение вполне осмысленных стихов. Читали авторы: [В.Н.] Княжнин, Юрий Верховский, [Г.И.] Чулков и еще ни разу не выступавшие в печати новички О. Мандельштам, Анна Ахматова (весьма пикантная супруга моего бывшего ленивого ученика Гумилева, который сейчас в Африке) и Мария Моравская»²³⁶.

Примечание. С упоминавшимся выше «неоклассицистическим уклоном» Верховского эпохи кризиса символизма, возможно, связано не поддающееся даже приблизительной датировке свидетельство Н.Я. Мандельштам о том, что «О.М. очень хотел признания символистов и лефовцев, главным образом Верховского и Кирсанова, но это ему не удалось... Оба держались стойко на своих позициях, и все друзья дразнили О.М. его полным фиаско...»²³⁷. Трудно представить, чтобы относительно старшего современника речь шла применительно к периоду 1910-х годов: действовавшая тогда система литературных ценностей О.М. строилась на совершенно иных и несопоставимых по своему значению именах из круга поэтов-символистов. Впрочем, и для начала 1920-х годов выбор Верховского в статусе «источника признания» представляется более чем странным – самое авторитетное справочное биографическое издание 1920-х годов вообще содержит совершенно уникальную картину его литературной карьеры: за исключением приставленного списка литературы, в ней больше нет абсолютно никаких сведений о его поэтическом творчестве не только символистского этапа, но и послеоктябрьского периода; статья, по сути, представляет собой только подробное изложение трудовой биографии ее «героя»²³⁸. Единственный слабый «поэтический» след в биографии бывшего символиста, который можно обнаружить для самого начала 1920-х годов, – его присутствие в литературной группе «Лирический круг», о которой в одноименной заметке В.В. Калмыковой в МЭ говорится, что в нее «входили В.Ф. Ходасевич,

переписке с Вяч.И. Ивановым, он в не слишком завуалированной форме обращался к старшему поэту как к своему «мэтру»: *Я уехал на несколько недель в Финляндию по причине болезненного состояния. Примите глубокий поклон и будьте очень строги, если станете меня читать в «Академии» (4, 20).* Трудно сказать, о каком именно чтении идет речь – насколько известно, практики заочных поэтических «выступлений» в ОРХС не существовало. В последних двух собраниях сочинений О.М. данный фрагмент остался непрокомментированным.

²³⁶ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 551–552.

²³⁷ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 234. В увидевшем свет собрании ее сочинений данный фрагмент остался без комментария.

²³⁸ См.: <Б. н.> Верховский Ю.Н. // Писатели современной эпохи: Био-библиграфический словарь русских писателей XX в. Т. 1 [1928] / Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е изд. – М.: ДЭМ, 1991. С. 70. Не более информативна в этом отношении современная версия: «После 1917 года продолжал преподавательскую деятельность, публиковал источниковедческие, историко-литературные работы, переводил поэтов Возрождения <...>, А. Мицкевича, грузинских поэтов и др.» (*Гельперин Ю.М.* Верховский Ю.Н. С. 432, стб. 3).

С.М. Соловьев, К.А. Липскеров, С.В. Шервинский, А.М. Эфрос, Ю.Н. Верховский, В.Г. Лидин, С.Я. Парнок и др.» (с. 312, стб. 2). В воспоминаниях спутницы жизни поэта отразилась относящаяся к 1922 году попытка привлечь О.М. к участию в этом объединении: «В двадцать втором году на Мандельштама был еще спрос. <...> Однажды Мандельштама звал к себе Абрам Эфрос – я была с ним – и предложил “союз”, нечто вроде “неоклассиков”. Все претенденты на “неоклассицизм” собрались у Эфроса – Липскеров, Софья Парнок, Сергей Соловьев да еще два-три человека, которых я не запомнила. <...> Мандельштам отказался наотрез»²³⁹. Тогда же под тем же названием был выпущен единственный номер литературного альманаха «Лирический круг: Сборник поэзии и критики» (М.: Северные дни, 1922), где «О.М. поместил <...> стихотворения “Умывался ночью на дворе...” и “Когда Психея-жизнь спускается к теням...” (С. 16–17)» (с. 312, стб. 2)²⁴⁰.

Таким образом, хотя к явным эпигонам Вяч.И. Иванова Верховского отнести нельзя, О.М., в начале 1920-х годов совершавший акмеистический «суд над поэзией», в статье того же 1922 года с не требующим комментария названием «Письмо о русской поэзии» мог провести повторяющиеся параллели с персонажем Достоевского: и явные – для первого из них как одного из столпов ушедшего в прошлое символизма, и скрытые, но совершенно прозрачные – для второго как одного из последних заметных «характерологических» примеров этого литературного направления, прекратившего свое существование. Возникающие в таком случае вполне очевидные снижающие иронические коннотации вполне оправданы реалиями литературного быта того периода истории отечественной

²³⁹ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 142. Там же (с. 653, прим. 278) комментаторы уточняют и дополняют приведенный список «Речь идет о группе “Лирический круг”, в которую, помимо перечисленных далее Н.Я. Мандельштам лиц, входили Н.Н. Бромлей, Ю.Н. Верховский, А.П. Глоба, В.Г. Лидин, С.В. Шервинский». 29.1.1922 ростовский еженедельник «Театральная жизнь» опубликовал сообщение «Лирический круг»: В Москве образовалась новая литературная группа <...> В. Ходасевич, С. Соловьев, Конст. Липскеров, С. Шервинский, Абрам Эфрос, Юр. Верховский, Леонид Гроссман, Вл. Лидин, Н. Бромлей, Андрей Глоба <...> и в нее же войдут Анна Ахматова и О. Мандельштам, по уклону своего творчества примыкающие к общей линии “Лирического круга”. Эта линия характеризуется двумя признаками: во-первых, тем, что участники группы чувствуют себя связанными с классической традицией русской поэзии, с поэтикой пушкинской плеяды» (текст обрывается) (Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 199). Поскольку О.М. в данный период находился в Ростове-на-Дону, есть все основания полагать, что публикация состоялась с его слов.

²⁴⁰ Об этом литературном событии Г.В. Иванов отозвался так: «В Москве эстеты объединились под знаменем классицизма. Часть имен знакомые: Липскеров, С. Парнок, С. Соловьев, часть неопиты. Вполне заслуженное чувство безнадежности, вызываемое первыми, распространяется и на последних, немедленно по прочтении их оеув’ов. Липскеров, Гроссман, Соловьев и Эфрос дали программные статьи. Они пошлы и беспомощны. Стихи не лучше. Порнография Эфроса, впрочем, как курьез, забавна. В статье он же говорит: “У порога стоит вестник классики и зовет ее в гармонический простор. Мы идем”. – Идите, пожалуйста. Зачем только убежище разных бывших и “никогда не бывших” “любителей изящного”, каким является ваш “Лирический круг”, выдавать за объединение на платформе классицизма? Вывод из прочтения книжки следующий: тупицы и бездарности в искусстве всегда одинаково противны, толкуют ли они о классицизме или выступают в роли потрясателей основ. Каким-то образом в альманах затесались А. Ахматова, Мандельштам и В. Ходасевич» (Иванов Г. Почтовый ящик // Цех поэтов. Кн. 4. – Берлин: Трирема, 1923. С. 68–69).

культуры.

К числу специфических проявлений мандельштамовского восприятия поэзии Вяч.И. Иванова относится парадоксальное «типологическое» сближение ее с художественным мировоззрением Хлебникова, эксплицированное в статье «Буря и натиск» (1923): *Вячеслав Иванов более народен и в будущем более доступен, чем все другие русские символисты. <...> Ни у одного символического поэта шум словаря, могучий гул наплывающего и ждущего своей очереди колокола народной речи, не звучит так явственно <...>. Ощущение прошлого как будущего роднит его с Хлебниковым. Архаика Вячеслава Иванова происходит не от выбора тем, а от неспособности к относительному мышлению, то есть сравнению времен (2, 292)²⁴¹. Имя Хлебникова в связи со «Словом о полку Игореве» как первым литературным памятником в русской культурной традиции появляется чуть ранее в «монографии» О.М. «О природе слова», как уже говорилось, во многом представляющей собой диалог с поэзией Вяч.И. Иванова: *Когда прозвучала живая и образная речь «Слова о полку Игореве» – насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, – началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература «Слова о полку Игореве» (1, 220). При всей очевидности для культуры второй половины 1910-х годов соединения художественных поисков поэта-футуриста с главным памятником древнерусской литературы, оно может иметь конкретные дополнительные смысловые коннотации, связанные с творчеством Н.Н. Асеева, в частности, в заметке «В.В. Хлебников» (Творчество (Владивосток). 1920. № 2 (июль). С. 26–29) отмечавшего: «В прозе Хлебников дал образцы русской речи, по величавости и насыщенности поднимающиеся до забытого “Слова о полку Игореве”». В свою очередь, подобная корреляция оказывается если не прямо зависима, то опосредованно связана с именем Вяч.И. Иванова, чьей оценкой хлебниковской личности открывается процитированная**

²⁴¹ Как известно, после своего приезда в Петербург, в мае 1909 года «Хлебников стал постоянным посетителем “башни” В. Иванова, где, кроме литературных собраний по средам, дважды в месяц собиралась так называемая “Академия стиха”» (*Харджиев Н.И.* Из комментария к поэме В. Хлебникова «Передо мной варился вар...» // *Харджиев Н.И.* От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. – М.: Гилея, 2006. С. 315). Сопоставлению столь разного творчества старшего и младшего поэтов и некоторым биографическим деталям посвящен обширный раздел публикации: *Шишкин А.Б.* Символисты на Башне // *Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин.* – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 324–338 (пункт «Хлебников на Башне. “Древний ужас” и “Тибель Атлантиды”»).

публикация: «Хлебников – уже сейчас полулегендарное имя, к которому без малейшей натяжки приложим эпитет “гений”. Таковым он признан даже его литературными противниками, с почтительной нежностью выделявшими его “вне протяжения” значительную фигуру из ненавистных им рядов новых пришельцев певучего мира. “Велемир, – говорит о нем Вячеслав Иванов, – безусловно гениален. Он подобен автору ‘Слова о полку Игореве’, чудом дожившему до нашего времени»²⁴².

Со старшим поэтом-символистом Асеев познакомился, очевидно, осенью–зимой 1914 года; об одном из первых своих визитов к нему он вспоминал: «У Вячеслава Иванова, кроме меня, был Г.А. Рачинский <...> и живший вместе с Ивановым ныне покойный философ В. Эрн. – За ужином разговор, конечно, зашел о футуризме. В. Иванов признавал, что творчество Хлебникова – творчество гения, но что пройдет не менее ста лет, пока чем человечество обратит на него внимание»²⁴³. Следует учитывать предположение А.Е. Парниса о том, что «именно в это время Асеев познакомился и сблизился с Хлебниковым», причем параллельно этому «в Москве Иванов ведет беседы с Асеевым на те же темы, которые он обсуждал в Петербурге на “башне” пять лет назад – в 1909–1910 гг. – с начинающим поэтом Виктором Хлебниковым. <...> Вот приблизительный круг идей и тем, которые интересовали мэтра символизма и начинающих, но в разные годы, поэтов – Хлебникова и Асеева: Древняя Русь и неославянофильство, “русская идея” и христианская соборность, “Слово о полку Игореве” и Новалис, старославянский язык и славянская мифология, ницшеанство и дионисийство. Но была еще одна важная, если не главная тема – это футуризм и его глава Хлебников. Во время этих московских встреч Хлебников присутствует, если так можно сказать, как третий, незримый их участник – и в тех случаях, когда он назван, и в подтексте бесед на другие темы»²⁴⁴. Одновременно с этим тема древнерусского литературного памятника присутствует в общении «младших» современников; так, в неизданном письме Хлебникову, вероятно, конца 1914 года, Асеев рассказывает о своих беседах со старшим поэтом и, в частности, «упоминает “Слово о полку Игореве”, о котором он не раз беседовал с

²⁴² Цит. по: Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) / Сост. Вяч.Вс. Иванов, З.С. Паперный, А.Е. Парнис. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 107, 103 (публ. А.Е. Парниса).

²⁴³ Асеев Ник. Московские записки / Подгот. текста и примеч. А.Е. Парниса // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. – М.: Наследие, 1996. С. 157.

²⁴⁴ Парнис А.Е. Вступит. заметка к публ.: Асеев Ник. Московские записки / Подгот. текста и примеч. А.Е. Парниса // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. – М.: Наследие, 1996. С. 152, 154.

Ивановым (этому памятнику Асеев в зрелые годы посвятил несколько статей)»²⁴⁵. А в мемуарных заметках им прямо отмечено особое «орудийное» ивановское отношение к этому тексту: «Автор “Кормчих звезд” особенно ценил в поэтах любовь к языку. “Человек, не любящий ‘Слова о полку Игореве’, не может быть поэтом”, – говаривал он не раз»²⁴⁶.

Время, место и обстоятельства знакомства Асеева и О.М. неизвестны, но, ориентировочно, оно могло происходить с середины 1922 года, в начале которого первый из поэтов возвратился с Дальнего Востока в Москву²⁴⁷, а второй в конце марта перебрался туда из Петрограда²⁴⁸. (Во всяком случае, следует учитывать такой факт: «В 1923 году московское издательство “Красная новь” выпустило сборник “авиа-стихов” <...> “Лёт”. В книге, вышедшей под редакцией Николая Асеева, представлены стихи двадцати восьми поэтов, в том числе самого редактора, В. Брюсова, С. Городецкого, В. Каменского, В. Кириллова, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Светлова, Н. Тихонова и др. <...> Четыре отдельных стихотворения Мандельштама, помещенные этой книге, позднее были объединены в одно целое под заголовком “А небо будущим беременно...”»²⁴⁹.) И в этот же год произошла

²⁴⁵ Парнис А.Е. Вступит. заметка к публ.: Асеев Ник. Московские записки. С. 153.

²⁴⁶ Асеев Ник. Московские записки. С. 158. В комментарии к данному утверждению (с. 165, прим. 38) содержится напоминание о том, что хлебниковский «манифест» «Зверинец» (1909, 1911) посвящен Вяч.И. Иванову и завершается следующим сравнением: «в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов “Слово о полку Игореве” во время пожара Москвы» (Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Стихотворения в прозе. Рассказы, повести, очерки. Сверхповести. 1904–1922 / Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р. Арэнзона и Р.В. Дуганова. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 46; там же в примечании (с. 393) воспроизведен «ивановский ореол» этого текста).

²⁴⁷ См.: <Б.п.>Асеев Н.Н. // Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь. Т. 2 / Изд. подгот. Н.А. Богомоловым. – М.: Русское библиографическое общество; Экспресс-ПРИНТ НВ, 1995. С. 33.

²⁴⁸ См.: Нерлер П.М. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 16, стб. 1. В заметке О.А. Лекманова и П.М.Нерлера «Асеев Н.Н.» говорится только : «Осенью 1923 оба поэта несколько раз участвовали в совместных мероприятиях» (с. 91, стб. 1). Годом ранее появляются первые мандельштамовские отклики о поэзии Асеева в статьях «Литературная Москва» (осень 1922 года) и «Бура и натиск» (начало 1923).

²⁴⁹ Видгоф Л. «Но люблю мою курву-Москву...». Осип Мандельштам: поэт и город. С. 155–156. В связи с необычным именованием издания как возможное косвенное указание на принадлежащее главному редактору его название ср.: «лефовцы в своей эстетической программе отводили Асееву роль первого лирического выразителя романтического “лёт” в будущее – то будущее, которое не знает прошлого» (Смола О.П. ЛЕФ и его поэты (Маяковский, Асеев, Третьяков, Кирсанов) // Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты поэтов. В 2 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1. С. 549). Нельзя исключать вероятность того, что и это событие подразумевала Н.Я. Мандельштам, когда утверждала о том, что «О.М. очень хотел признания символистов и лефовцев, главным образом Верховского и Кирсанова» (Мандельштам Н. Воспоминания. С. 234).

трагическая кончина Хлебникова, что предопределило неоднократное упоминание о нем в самых разнообразных периодических изданиях в публикациях самых разных авторов. Возможно, непосредственно в связи с данным обстоятельством каким-то образом для О.М. были соединены имена трех поэтов, представлявших три главных составляющих литературного процесса первой четверти века – символизм, футуризм и поэзию послеоктябрьского периода, что нашло своеобразное отражение в первой строке его таблицы о рангах и «гамбургского счета» одновременно – в статье 1924 года «Выпад»: *О, чудовищная неблагодарность: Кузмину, Маяковскому, Хлебникову, Асееву, Вячеславу Иванову, Сологубу, Ахматовой, Пастернаку, Гумилеву, Ходасевичу, Вагинову – <...> это все русские поэты не на вчера, не на сегодня, а навсегда (2, 490).*

К сказанному следует добавить, что в рассматриваемой публикации не упомянутым остался ряд положений принципиального характера, высказанных в статье С.А. Ошерова «“Tristia” Мандельштама и античная культура» (Античность в культуре и искусстве последующих веков. – М.: Наука, 1984), не всегда бесспорных, но, тем не менее, заслуживающих внимания. К числу главных из них может быть отнесено утверждение о том, что именно личность и творчество Иванова стали «формообразующим» началом античной темы в художественном мире О.М.: «сам поэт впервые приобщился к античности именно через посредство Вячеслава Иванова, и многое сказанное им и о поэзии, и об античности произнесено на языке наставника и вообще на языке эпохи. Однако значение античности в творчестве Мандельштама периода “Камня” и “Tristia” иное, нежели у Иванова, хотя и не меньшее». Согласно точке зрения исследователя, в настоящее время относящейся к общепринятым, уже в сборнике «Камень» «античность не просто одна из исторических культур, а исток магистральных тем и постоянных образов поэта», в подтверждение чему привлечено одно из ранних «программных» стихотворений О.М. – «Silentium» 1910 года, о котором С.А. Ошеров пишет: «Прежде всего необходимо выделить здесь стремление найти некую “связь всего живого”, слиться “с первоосновой жизни”. Поиски и нахождение этой связи и слияния, а потом трагическая их утрата – самый стержень поэзии Мандельштама. Но в этих ранних стихах говорит еще Мандельштам-символист, посетитель “башни” Вячеслава Иванова, во многом – пленник его концепций. Первооснова жизни здесь – дионисическая стихия музыки, средство слияния с ней – отказ от “ненужного «я»” (из стихов 1911 года)». И далее, в связи со «статьей» «Скрябин и христианство» автор отмечает, что актуальная для художественного сознания О.М. «идея возврата времени, обратного его течения взята у

Вячеслава Иванова»²⁵⁰, приводя в качестве косвенного подтверждения этого точку зрения С.С. Аверинцева: «Для поэзии Вячеслава Иванова неизбежен миф об антирройе, возвратном течении времени навстречу самому себе... Поэт силится угадать “антирройю” и в историческом времени»²⁵¹. В несколько ином контексте имена поэтов объединены в обошедшейся без единой библиографической ссылки статье «Античность и античные мотивы в творчестве О.Э. Мандельштама» (Г.Ч. Гусейнов), где, в частности, указаны свойственные поэтике О.М. «внутрицеховой диалог об античности, например с В.И. Ивановым, образы и мотивы, которые поэт наблюдал непосредственно и воспринимал как имеющие отношение не столько к древности – от Гомера до Данта, – сколько к постоянно присутствующему в самом русском языке “эллинизму”, или “эллинистичности”» (с. 81, стб. 2).

Список литературы в рассмотренной статье обрывается в 2003 году, иначе в нем, очевидно, можно было бы увидеть и другие работы, в частности, посвященные самой широкой теме взаимоотношений О.М. на первом этапе его творчества с мировоззрением и художественной практикой русского символизма; например, уже упоминавшуюся монографию: *Goldberg S. Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism*. – Columbus: The Ohio State University Press, 2013, – и: *Фролов Д.В.* О ранних стихах Осипа Мандельштама. – М.: Языки славянских культур, 2009; также вряд ли осталась бы без внимания обстоятельная публикация: *Орлицкий Ю.Б.* О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силлаботонический логэад Иванова и «пиндарический отрывок» Мандельштама «Нашедший подкову») // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016²⁵². Вполне логично дополнило бы библиографию рассматриваемой статьи и издание одного из ее авторов: *Лекманов О.*

²⁵⁰ *Ошеров С.А.* «Tristia» Мандельштама и античная культура // Мандельштам и античность / Сб. ст. под ред. О.А. Лекманова. – М.: Радикс, 1995. С. 188–189.

²⁵¹ *Аверинцев С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С.182 .

²⁵² Если применительно к библиографии снова зашла речь о том явлении, которое в рассматриваемой ситуации как нельзя более уместно определять популярным сегодня иноязычным термином «deadline» в его буквальном прочтении, следует сказать и другом очевидном парадоксе рецензируемого издания. Не перестает удивлять необъяснимая пассивность, если не сказать загадочная индифферентность, а то и таинственное безразличие абсолютного большинства авторов к судьбе своих материалов. Во время обсуждения в социальных сетях выхода в свет МЭ один из них, например, с доступным только ему чувством юмора подчеркивал то обстоятельство, что с 2008 года о собственной статье вообще не вспоминал ни разу, и в своей позиции явно не видел никакой вины.

Осип Манделъштам: ворованный воздух. – М.: АСТ, 2015. С. 41–45 сл.

Под определенным углом зрения безукоризненно образцовым следует назвать монографическое исследование «**Иванов Г.В.**» (А.Ю. Арьев): если материалы о его старшем однофамильце занимают пять с половиной столбцов, то младшему поэту отведено почти четырнадцать. Для сравнения: объем статьи «Ахматова А.А.» составляет двенадцать столбцов, «Гумилев Н.С.» – чуть менее одиннадцати с половиной, «Манделъштам Н.Я.» – девять с половиной, «Хлебников В.» – восемь с половиной, «Шкловский В.Б.» – неполных семь, «Яхонтов В.Н.» – два... Публикаций о С.П. Каблукове, Б.С. Кузине, Б.К. Лившице, С.Б. Рудакове, как уже неоднократно отмечалось, просто нет. Если полностью абстрагироваться от темы энциклопедии, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что, выбор фигуры О.М. для этой публикации совершенно непринципиален: биография Г.В. Иванова могла бы раскрываться на иллюстративном фоне жизненного пути и творчества самых разных современников поэта – И.Ф. Анненского или В.А. Комаровского, А.А. Блока или Б.Л. Пастернака, К.К. Олипова или И.В. Игнатъева и многих других, если не сказать всех. И это при том, что участие Г.В. Иванова в личной и литературной судьбе О.М. в 1910-е годы вследствие различного рода обстоятельств практически всегда оставалось отчасти периферийным, как бы оно не пыталось быть представлено им самим и его единомышленниками. Объяснить подобный режим максимального благоприятствования можно только особым расположением главных редакторов МЭ к этой достойной, но довольно противоречивой фигуре на Парнасе «Серебряного века» и, разумеется, к автору статьи о нем. Некоторые тексты равнее других?.. Но об этом речь пойдет в следующей части данных комментариев.

Заметка «**“Известия”**» (П.М. Нерлер), о которой уже шла речь ранее, может быть дополнена еще одним эпизодом, в котором газета выступила в функции актуального текстологического источника. 2.1.1936 в одном из упоминавшихся выше писем Н.Я. Манделъштам из Москвы в Тамбов находившемуся там О.М., содержится следующее сообщение: «Радуюсь, что не вижу Пастернака. – Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже взыграет, как ты после своей пятил<етки> молчания? Только непохоже»²⁵³. Пристатейный список литературы уже рассматривавшейся

²⁵³ Цит. по: *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Манделъштама. С. 224; там же – комментарий ситуации вокруг этих двух опубликованных пастернаковских текстов – «Я понял: всё в силе...» и «Мне по душе строптивый норв...»: «Н.Я. Манделъштам не уточняет, чему посвящены стихи в “Известиях” от 1 января 1936 г., – адресат должен был к моменту

заметки «ИМКА-пресс» (П.М. Нерлер) открывает ссылка, оформленная несколько неожиданно: А.В. Карташев – Н.А. Струве. 70 лет Издательства «УМСА-Press». 1920–1990. В оригинале название выглядит следующим образом: *Карташев А.В., Струве Н.А. 70 лет Издательства УМСА-Press. 1920–1990.* – [Б.м., б.г.]. Книга состоит из двух автономных частей, в первой из которых представлена републикация статьи А.В. Карташева «35 лет издательства “УМСА-Press”»; см.: Вестник русского студенческого христианского движения. 1955. № 37; позднее воспроизведена в: Литературная энциклопедия русского Зарубежья (1918–1946). Т. 2. Ч. 1 / Гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 294–299. Кроме того, библиография могла бы быть дополнена публикацией: *Вейдле В.* Издательство УМСА-Press // Русская мысль. 1976. 19 февр.

Под литерой «К»...

Обращаясь к публикации «**Катаев В.П.**» (О.А. Лекманов), необходимо учитывать, что, по сути, единственным на сегодняшний день «документальным» источником сведений о личных взаимоотношениях двух литераторов являются мемуары Н.Я. Мандельштам; можно сказать, что фактически Катаеву посвящена глава «Старое и новое» в ее «Воспоминаниях». Но принадлежащий ей мемуарный портрет никак нельзя назвать однозначным: вынужденная двойственность поведения Катаева, проявившаяся в общении с О.М. (а точнее сказать – вокруг него и, в первую очередь, в «публичной» форме, но, насколько можно судить, ни в коей мере не личного отношения к нему, всегда положительного), никак не отразилась на ее оценке литературного дарования своего земляка. Так, например, вспоминая о встрече с ним в июне (?) 1937 года, она, в частности, отмечала: «Катаев поделился с нами своим планом: “Сейчас надо писать Вальтер-Скотта...” Это был не самый легкий путь – для него требовались и трудоспособность, и талант <...>»²⁵⁴. И если Н.Я. Мандельштам не повторят прямо характеристики и оценки Катаева некоторыми его современниками, то во многом

получения письма прочесть их». Согласно точке зрения Г. Фрейдина, позднее эти стихи нашли свое отражение в поэзии О.М.; см.: *Freidin G. A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation.* – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1987. P. 264–266. – Письмо безо всяких сопроводительных примечаний воспроизведено в указанной ранее публикации: Надежда Хазина и Надежда Мандельштам – Осипу Мандельштаму: Письма. С. 50.

²⁵⁴ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 369.

следует им, причем как и в целом ряде других подобных ситуаций ориентируясь, в частности, и на более позднюю точку зрения Ахматовой²⁵⁵.

Без указания на библиографический источник основная часть публикации открывается следующим утверждением: «Познакомился с О.М. в 1922 году в Харькове» (с. 282, стб. 1); основанием для этого, вероятно послужили слова Н.Я. Мандельштам: «Мы впервые познакомились с Катаевым в Харькове в <19>22 году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успевший “влипнуть” и выкрутиться из очень серьезных неприятностей. Из Харькова он ехал в Москву, чтобы ее завоевать. Он приходил к нам в Москве с кучей шуток – фольклором Мыльникова переулка, ранней богемной квартиры одесситов»²⁵⁶. Вместе с тем, судя по некоторым косвенным и неподтверждаемым признакам, можно предположить, что существовала и иная версия этого события, и в реальности обстоятельства знакомства были другими²⁵⁷. К 1923 году относится воспоминание Н.Я. Мандельштам о том, как О.М. «позволил Катаеву утащить только что вышедшую “Сестру мою жизнь”. “Что мне надо, я помню, а ему нужнее?” – объяснил О.М.»²⁵⁸. 25.10.1928 поэт

²⁵⁵ В такой ситуации необходимо учитывать, что недобровольная «амбивалентность» Катаева еще в большей степени повторилась в ситуации с Ахматовой, в частности, во времена воплощения в жизнь советской литературой эпохального постановления ЦК ВКП(б) от 14.8.1946 о журналах «Звезда» и «Ленинград»; см.: *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расш. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014. Т. II: Сноски и выноски. С. 338–340, прим. 85.

²⁵⁶ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 370.

²⁵⁷ В параллель этому можно указать на тот факт, что позднее в статье-рецензии на первое собрание сочинений О.М., подготовленное Г.П. Струве и Б.А. Филипповым (Новый Журнал. 1955. № 43), Г.В. Иванов оставил относящуюся к периоду Первой мировой войны и последовавших за ней исторических катаклизмов характеристику подчеркнуто оценочного характера (которую традиционно нельзя принимать безоговорочно), где парадоксальным образом указал на опосредованное влияние Катаева на старшего современника: «Уже не Петербург, а Москва, Крым, Одесса, Грузия, Киев, перехлестывающие, захлестывающие волны всяких политических и литературных влияний и никакой опоры, никакой опеки. Среди этих влияний, в которые, как в океан, попадает Мандельштам, оказались и благотворные – так называемая “Южно-русская школа” – кружок преданных поэзии одаренных молодых людей: Ю. Олеша, В. Катаев, А. Фиолетов, Э. Багрицкий, еще некоторые. Потом Марина Цветаева и Макс Волошин в Крыму. Эти общения, я думаю, помогли Мандельштаму создать “Tristia” – прекрасный взлет перед падением, гибельным пожаром, катастрофой его таланта» (*Иванов Г.* Осип Мандельштам // *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда, коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1994. С. 619–620).

²⁵⁸ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 329; речь идет об издании: *Пастернак Б.* Сестра моя жизнь: Лето 1917 года / Порт. работы Ю. Анненкова. – Берлин; Пб.; М.: Издательство З.И. Гржебина, 1923. С определенным допущением данный факт может рассматриваться как неявная оценка пастернаковской поэзии этого периода со стороны О.М. – в другом месте вдова поэта так объяснила его отношение к некоторым экземплярам домашней библиотеки: «если с книгой не было

надписал младшему современнику отдельное издание «Египетской марки»: «Дорогому Валентину Петровичу Катаеву – / с любовью, любопытством / и ожиданием / О. Мандельштам»²⁵⁹. В заметке О.А. Лекманова, полностью построенной по хронологическому принципу изложения, в частности, говорится: «В 1929 году в статье “Веер герцогини” О.М. тепло отозвался о повести Катаева “Растратчики” (1926)» (с. 282, стб. 1); по предположению Л.М. Видгофа, именно она является одним из источников образа шерри-бренди в мандельштамовском стихотворении «Я скажу тебе с последней...» (1931): «В катаевской повести <...> выражение используется не раз и выступает в первую очередь в качестве обозначения “шикарной жизни”, то есть жизни красивой и замечательной и при этом утраченной, какой она представляется одному из героев книги»²⁶⁰. При этом «Катаев утверждал, что мотив “шерри-бренди” восходит к одной из реплик в его пьесе “Растратчики”, на премьере которой Мандельштам был в 1926 г.»²⁶¹. Не зная «интертекстуального диалекта» эпохи, трудно сказать, насколько использование такого «общелитературного» образа, как шерри-бренди, требовало дополнительных внешних мотиваций, но даже факт «типологической» близости повести Катаева и мандельштамовского стихотворения кажется заслуживающим внимания²⁶².

Далее в комментируемой заметке лаконично сообщается: «В 1929–1930 годах Катаев поддерживал О.М. в его конфликте с А.Г. Горнфельдом» (с. 282, стб. 1); в реальности,

активных отношений – она кому-нибудь отдавалась» (*Мандельштам Н.* <Мандельштам – читатель>. С. 23).

²⁵⁹ Инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама / Публ. С. Василенко и П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 1. – М.: РГГУ, 2011. С. 214; *Василенко С.В., Нерлер П.М.* О.Э. Мандельштам. Инскрипты и маргиналии // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 147, стб. 1. Местонахождение книги с инскриптом неизвестно.

²⁶⁰ *Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. С. 204; несколько подробнее об этом говорится в подглавке «“Шерри-бренди”, “Растратчики” и мужики-философы» статьи «“В кругу Москвы”» более поздней публикации: *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. – М.: Новый хронограф, 2015. С. 117–120. Очевидно, следует добавить, что повесть была издана в составе одноименного сборника произведений Катаева в 1927 году; тогда же она вышла в свет в Париже, а в следующем году – в Риге.

²⁶¹ *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии. С. 509.

²⁶² Ср.: «В пользу предположения о том, что “шерри-бренди” из мандельштамовского стихотворения может иметь определенную не внешнюю, а тематическую связь с катаевской повестью, говорит, как нам представляется, то, что в обоих сочинениях доминирует мотив “растраты”» (*Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. С. 205).

вероятно, речь идет об известном письме пятнадцати московских писателей в защиту О.М., опубликованном 10.5.1929 в «Литературной газете», среди подписавших которое был и Катаев. 21.5.1929 он был в числе шести писателей-«подписантов», присутствовавших на заседании исполнительного бюро Федерации объединений советских писателей, где рассматривалось существо данной конфликтной ситуации²⁶³. По устному свидетельству Катаева известен эпизод несохранившегося эпистолярного диалога литераторов, когда «отзываясь на выход <...> в 1936 году повести Катаева “Белеет парус одинокий”, О.М. сердито писал: “У вас разбойничий глаз... Второй раз не хочется перечитывать” (из интервью П.М. Нерлера с Катаевым 13.7.1980» (с. 282, стб. 2). Отчасти данный факт косвенно подтверждается Н.Я. Мандельштам, сообщавшей: «“Белеет парус <одинокий>” – прочел, хотя даже даренные книги никогда почти не читал»²⁶⁴. Вероятно, Катаев был одним из первых, кто встретился с О.М. в Москве после его возвращения в середине мая 1937 года из воронежской ссылки; у спутницы жизни поэта об этом событии остались такие воспоминания: «В один из первых дней после нашего приезда из Воронежа нас возил по Москве в своей новенькой, привезенной из Америки машине Валентин Катаев. Он влюбленными глазами смотрел на О.М. и говорил: “Я знаю, чего вам не хватает, – принудительного местожительства...” Вечером мы сидели в новом писательском доме <...>. В новой квартире у Катаева все было новое»²⁶⁵. Согласно ее же мемуарам, осенью того же

²⁶³ См.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 326.

²⁶⁴ Мандельштам Н. <Мандельштам – читатель>. С. 23.

²⁶⁵ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 368. «Неофициальные» характеристики мемуаристки были более однозначными и прямолинейными – в относящихся к зиме 1968 года воспоминаниях один из современников пишет: «запомнились ее хлесткие и обычно точные аттестации некоторых тогда еще живущих писателей. Оценка Н.Я. <Мандельштам> во многом определялась их отношением к Мандельштаму, но в общем-то совпадала с реальностью. “Катаев? Законченный приспособленец и циник. Помню, как он после ареста Осипа, завидев меня, перебежал на другую сторону улицы. Жена его, Эсфирь, навещала меня втайне от него”» (Григорьян Л. Неизвестное стихотворение О. Мандельштама / Публ. и примеч. Г. Кубатьяна // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 553).

Еще дальше пошел в этом направлении глобального мандельштамоцентричного изоморфизма автор вступительной статьи комментируемого издания В.Б. Микушевич, со свойственной ему интонацией безапелляционной констатации очевидного заявивший: «В целом ряде случаев есть основания принимать высказывания Н.Я. Мандельштам за высказывания самого Мандельштама, до такой степени они в его духе и соответствуют его идеям, известным нам по другим источникам. Среди этих источников книги Н.Я. Мандельштам, несомненно, заслуживают особого доверия. В эпоху, когда была опасна откровенность даже с близкими людьми, Мандельштам ни с кем не был так откровенен, как с ней, и без нее не сохранились бы не только его стихи, но и его идеи, а их значение мы только начинаем осознавать, и без этих идей нам уже

года «Катаев и Шкловский решили свести О.М. с Фадеевым, который у власти еще не был, но пользовался большим влиянием. <...> Встреча произошла, кажется, у Катаева. О.М. читал стихи. <...> – Меня при этой встрече не было – я отсиживалась несколькими этажами выше, у Шкловских. О.М. и Виктор пришли довольные. Они улизнули пораньше, чтобы дать возможность Катаеву с глазу на глаз обработать Фадеева»²⁶⁶. В связи с трагическим завершением жизненного пути О.М. в заметке О.А. Лекманова говорится: «В письме-доносе к Н.И. Ежову от 16.3.1938 В.П. Ставский назвал Катаева среди тех литераторов, которые “открыто выступали” “в защиту” О.М., “выступали остро” (см.: Поляновский Э.Л. Гибель О. Мандельштама. СПб.; Париж, 1993. С. 126) (с. 282, стб. 2). К настоящему времени письмо было неоднократно опубликовано полностью в более доступных самому широкому кругу читателей изданиях: *Шенталинский В.* Улица Мандельштама // *Огонек*. 1991. № 1. С. 20; *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. – М.: Петровский парк, 2010. С. 93; *Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. – М.: Астрель, 2012. С. 577–578.

Касаясь «содержательной» части комментируемых материалов, приходится отметить, что более чем странно даже для самого гипотетического варианта выглядит предлагаемая автором «зеркальная» интертекстуальная «находка» в мемуарной прозе Катаева: «Прозвище “колченогий”, под которым спрятан в книге “Алмазный мой венец” Нарбут, по-видимому, отсылает внимательного читателя к характеристике Кржижановского из “Египетской марки” О. М.: “колченогий ротмистр”» (с. 282, стб. 2). Если составить даже не конкорданс, а словарь «имен» героев катаевских «воспоминаний», а потом соотнести его с текстами О.М., подобного рода лексико-семантические «мотивации», безусловно, можно будет найти для многих, если не для всех его персонажей... разве что кроме эскесса.

Статья «**Клычков С.А.**» (автором которой, как указано в тексте, является «Мишель

трудно представить себе нашу духовную жизнь. Идеи Мандельштама в изложении Надежды Яковлевны несут явный отпечаток его личности и принадлежат ей лишь постольку, поскольку они принадлежат ему» (с. 14, стб. 2). Пишущему эти строки довелось быть свидетелем, возможно, прототекста такого утверждения, когда летом 1994 года в Воронеже на Третьих Мандельштамовских чтениях уважаемый поэт, прозаик, переводчик, религиозный философ, эзотерик и православный мистик во время напряженной и эмоциональной дискуссии после его выступления неожиданно для всех воскликнул: «Надежда растворилась в Осипе! Осип растворился в Надежде! И то, что говорит нам Надежда, – это говорит Осип!». Ни эта сентенция, ни само обсуждение доклада дальнейшего продолжения у присутствовавшей в зале аудитории не получили.

²⁶⁶ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 446.

Никё» (с. 291, стб. 2)) в допечатной редакции отсутствовала и появилась в МЭ уже в «окончательном» виде, причем сменив предполагавшегося автора. Пожалуй, ни с одной публикацией не возникает такого количества вопросов, как с этой, причем все они связаны с личностью ее персонажа и носят объективный характер, тогда как ответы на них возможны не в комментируемом, а в ином тематически специализированном издании.

Открывающая текст фраза гласит: «Клычков Сергей Антонович (24.6 или 5.7.1889, деревня Дубровка Калязинского уезда Тверской губернии – 8.10.1937, Москва)» (с. 290, стб. 2). В данной «дефиниции» не вызывают разногласий и противоречий имя и отчество и место рождения литератора, тогда как «номинация» его фамилии, а также даты рождения и, отчасти, смерти имеют несколько вариантов. Восстанавливать реальное положение дел, разумеется, не входило в число обязанностей автора статьи в энциклопедии, посвященной другому литератору, и, тем более, не является обязательным для ее рецензента, но не отметить данные обстоятельства нельзя. В имеющихся на сегодняшний день немногочисленных «академических» версиях жизнеописания мандельштамовского современника он именуется как «Клычков Сергей Антонович»²⁶⁷. Между тем, в известном прижизненном биографическом справочнике, вышедшем в свет под редакцией Б.П. Козмина в 1928 году и составлявшемся не без участия его персонажей, говорится: «Клычков Сергей – псевдоним Сергея Антоновича Лешенкова»²⁶⁸. Можно предположить, что словарем как фактографическим источником позднее воспользовался В. Казак, вероятно, первым из современных славистов увидевший в данном случае полное «замещение» фамилии литератора его псевдонимом, однако формулировка сообщения об этом носила обтекаемый характер: «Клычков (настоящая фамилия Лешёнков), Сергей Антонович, поэт, писатель»²⁶⁹.

²⁶⁷ См.: *Азадовский К.М.* Клычков С.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г – К / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 553, стб. 3; *Михайлов А.И.* Клычков С.А. // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: В 3 т. Т. 2: З – О / Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 203, стб. 1; в близкой по статусу «периферийной» публикации откровенно эссеистического характера он представлен как «С.А. Клычков»: *Солнцева Н.М.* Сергей Клычков // Русская литература 1920 – 1930-х годов. Портреты поэтов: В 2. т. Том 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 122.

²⁶⁸ <Б.п.> Клычков С. // Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX в. Т. 1 / Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е изд. – М.: ДЭМ, 1991. С. 147.

²⁶⁹ *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурхин. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. С. 360, стб. 2. Точно таким же примечанием, принадлежащим другому автору, чуть позже сопровождалось упоминание Клычкова в мемуарном очерке Г.В. Иванова «“Бродячая собака”»: «Клычков Сергей Антонович (настоящая фамилия Лешенков)» (*Крейд В.* Комментарии // Воспоминания о серебряном веке / Сост.,

Значительно позднее исследователь высказался более конкретно, но не намного определеннее: «Клычков (фамилия по бабушке, фамилия отца – Лешёнков), Сергей Антонович, поэт, прозаик»²⁷⁰. Трудно сказать, по какой конкретной причине в сложившейся ситуации неопределенности с именованьем героя комментируемой статьи не получили заслуживающие особого внимания биографов и исследователей воспоминания его товарища по обучению на филологическом факультете Московского университета и близкого друга, которые открывает фраза: «Впервые я познакомился с Клычковым в 1908 году», – и в относящемся к лету 1910 года фрагменте которых при описании поездки на родину поэта, в частности, говорится: «Отец выглядел сумрачно, был похож на цыгана. Подлинный “Лешенков” (их деревенское прозвище)!»²⁷¹. Дополнительную ценность этим словам придает тот факт, что мемуарист опирается на собственные реальные впечатления, а не выступает только в роли «ретранслятора» свидетельств и рассказов того, кому его воспоминания посвящены. Последняя в хронологическом плане и фактическом отношении реплика в этом скрытом «полилоге», не принявшим явной дискуссионной формы, принадлежит сыну поэта (кстати, лингвисту по образованию и роду своей деятельности): «Фамилия Клычков (в других деревнях бытует форма Клочков, от “клочок” – крестьянин с небольшим наделом) –

коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 540). Более того, аналогичное «определение» повторяется и в именном указателе относительно недавнего по сравнению с предыдущими «источниками» авторитетного и оправданно актуального, но в своей фактографической части далеко не всегда безукоризненного справочного издания: «Клычков (настоящая фамилия Лешенков) Сергей Антонович (1889–1937) – поэт, прозаик» (*Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. С. 397, стб. 2).

²⁷⁰ *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. – М.: Культура, 1996. С. 186, стб. 2.

²⁷¹ *Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971. № 2. С. 149, 150. Автор очерка – поэт, прозаик, литературовед, мемуарист; собиратель русской поэзии начала XX века; владелец обширного и разнообразного литературного архива; см., напр.: *Мисочник С.М.* Архив П.А. Журова как источник изучения литературы нач. XX в. / Автореферат дисс. ... канд. филологич. наук. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2002; URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/30400/734129.pdf>. В его собрание, хранящееся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в частности, входят рукописи статей и докладов «Поэзия Александра Блока» (1910), «Блок и Клычков» (1928), «Миф Блока», «Основной миф Клычкова» (1929), «Лесная тропа» (о С.А. Клычкове) [1920-е]; стихотворения и рассказы (1905–1972); его дневники и записные книжки (1903–1978); адресованные ему письма от В.Е. Беклемишевой [1941], С.М. Городецкого (1924), С.А.Клычкова (1910–1927), Г.Н. Петникова (1958–1970), Г.А.Санникова (1928–1929) и др.; рукописи, в частности, С.А. Клычкова, А.В. Звенигородского, Г.Н. Петникова; письма А.А. Блока – С.А. Клычкову (1914), Д.И. Менделеева – А.И. Менделеевой (1886–1902), Б.Н. Терновца (1927); фотографии, в том числе с дарственными надписями, В.Е. Беклемишевой (1930-е), А.В. Звенигородского (1931), Вяч.И. Иванова (1924, 1928), С.А. Клычкова (1913, [1910-е]), Г.Н. Петникова (1960), В.В.Розанова (1916) и др.; см.: URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=113616>.

подлинная, не псевдоним, – проходит по всем документам, включая военный билет – как советской, так и дореволюционной поры»²⁷².

Но если в вопросе о фамилии и псевдониме мандельштамовского современника можно проследить хотя бы слабые логические следы их существования и слабо выраженную последовательность изменения в историко-литературной перспективе, то существующие варианты хронологических границ его жизненного пути не позволяют сделать даже этого. И если разнящуюся в биографических описаниях дату смерти Клычкова можно объяснить ее трагической причиной, то найти мотивацию для отсутствия однозначной даты рождения не представляется возможным. Чтобы удостовериться в этом, достаточно привести соответствующие цитаты из изданий, по разным причинам имеющих основания претендовать на статус авторитетных: «родился 17 июня 1889 года»²⁷³, «(13.7.(1.7.)1889 <...> – 21.1.1940 в заключении)»²⁷⁴, «(13.7.(1.7.) или 6.7.(24.6) <...> – 8.10.1937 в заключении)»²⁷⁵, «(1889–1940)»²⁷⁶, «24.6(6.7).1889 <...> – 8.10.1937»²⁷⁷, «5(17).7.1889 <...> – 8.10.1937, Москва, Лефортовская тюрьма»²⁷⁸, «1889 – 17 июля (по новому стилю) родился <...> С.А. Клычков.

²⁷² Клычков Г. Медвяный источник // Наше наследие. 1989. № 5; печатный вариант публикации автору этих строк остался недоступен, цитата приведена по электронной копии; URL: <http://foliant.press/onepage/0001477>. О других вариантах фамилии и псевдонимах поэта не упоминается и в исключительно содержательных мемуарных заметках его жены с 1930 года: Горбачева В.Н. Записи разных лет / Публ. Н.В. Клычковой, подгот. текста и коммент. С.И. Субботиной // Новый мир. 1989. № 9. С. 209–224. В финальной части энциклопедического жизнеописания Клычкова, очевидно, включенной в текст статьи уже после типографского набора издания, К.М. Азадовский приводит еще одно свидетельство – брата литератора: «Дата рождения уточнена на основании материалов студенческого дела Клычкова, где указана также же и другая дата – 5 июля (ЦГИАМ, ф. 418, оп. 322, д. 796, л. 27). В автобиографии Клычков указывает, что фамилия отца была Лешенков, а “Клычков – фамилия по бабушке” (в кн.: Клычков С., Серый барин, Х., [1926], с. 17). Однако А.А. Сечинский уточняет, что Лешенков “было прозвище, данное Сергею в Дубровках... В 1919 году отец, мать, братья и сестры поэта-писателя (в том числе и я, Алексей) переменили свою фамилию на Сечинские (по рассказам отца, у его матери была эта фамилия), а брат Сергей остался при старой фамилии – Клычков Сергей” (А.А. Сечинский. О родных местах, природе и воспоминания о брате... Машинопись. 1974. – ИРЛИ, Р. I, оп. 25, д. 454, л. 106)» (Азадовский К.М. Клычков С.А. С. 555, стб. 1–2).

²⁷³ <Б.н.> Клычков С. С. 147.

²⁷⁴ Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. С. 360, стб. 2.

²⁷⁵ Казак В. Лексикон русской литературы XX века. С. 186, стб. 2.

²⁷⁶ Крейд В. Комментарии. С. 540.

²⁷⁷ Азадовский К.М. Клычков С.А. С. 553, стб. 3.

²⁷⁸ Михайлов А.И. Клычков С.А. С. 203, стб. 1.

<...> 1937 – 31 июля – арест. 8 октября – расстрел»²⁷⁹. Возможная дата трагической гибели литератора была установлена и обнародована его детьми; в письме в редакцию журнала «Новый мир» Е.С. Клычкова сообщала, что во второй половине 1956 года «отдел ЗАГС Киевского района города Москвы выдал сыну поэта Г.С. Клычкову справку о смерти отца. Указанная в ней дата смерти – 21 января 1940 года – вошла впоследствии в энциклопедии и разного рода справочные издания»²⁸⁰. В конце 1980-х годов она «обратилась в Военную коллегия Верховного суда СССР с просьбой сообщить о том, какова была подлинная дата гибели <...> отца, где он был похоронен и в чем же все-таки его обвиняли». В полученном ею ответе, в частности, сообщалось, что Клычков «был необоснованно осужден 8 октября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в том, что якобы с 1929 года являлся членом антисоветской организации “Трудовая крестьянская партия”, имел связь с Л.Б. Каменевым, проводил антисоветскую деятельность в идеологической области. Клычков С.А. был приговорен к расстрелу. Сведениями о точной дате исполнения приговора не располагаем, однако известно, что по существовавшему в то время положению такие приговоры исполнялись немедленно по вынесении. Места захоронения осужденных к расстрелу не фиксировались»²⁸¹. Соответственно, дочь поэта приходит к закономерному выводу: «датой гибели моего отца условно следует считать 8 октября 1937 года». Таким образом, встречающаяся во всех изданиях трех последних десятилетий дата окончания жизни Клычкова не является безусловно точной и основывается хотя и на приемлемом, но все-таки допущении²⁸².

Примечание. Касательно всех биографических разночтений объективного характера и субъективного

²⁷⁹ Солнцева Н.М. Сергей Клычков. С. 122, 127. – Неслучайно, видимо, оба этих обстоятельства остались незатронутыми в первой неподцензурной научной публикации о поэте и прозаике на родине: Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии / Публ. и сост. Н.В. Клычковой, вст. ст., подгот. текстов и коммент. С.И. Субботиной // Новый мир. 1989. № 9.

²⁸⁰ Клычкова Е.С. О дате гибели поэта Сергея Клычкова // Новый мир. 1988. № 11. С. 266. Далее все цитаты из данного письма приводятся в тексте по указанному источнику.

²⁸¹ В наиболее авторитетном жизнеописании поэта об данный факт утверждается безоговорочно: «В 1937 году был необоснованно репрессирован; приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян» (Азадовский К.М. Клычков С.А. С. 555, стб. 1).

²⁸² В продолжение трагической судьбы Клычкова современный биограф сообщает: «Только в 2000 г. стало известно, что прах поэта упокоился на кладбище при Донском монастыре в Москве в общей могиле № 1, где захоронены “невостребованные прахи” замученных и расстрелянных жертв политических репрессий» (Хлебьянкина Т.А. Прошлое и судьбы Клычковых и настоящее музея Сергея Клычкова // Культурное наследие России. 2015. № 1 (8). С. 50).

происхождения необходимо учитывать то обстоятельство, что в литературной среде 1910–1920-х годов, возможно, бытовал «мифологизированный» вариант жизнеописания Клычкова, представленный (вероятно, с его слов) и в «главном» биобиблиографическом «путеводителе» этой эпохи. Там о литераторе, в частности, говорилось: «родился <...> в полукрестьянской семье кустарей-сапожников. Родители Клычкова промышляли в городе, и детство его, по собственным его словам, “протекло с глазу на глаз с бабкой Авдотьей”; ей он “обязан своим языком”²⁸³. На одиннадцатом году отец, по совету сельского учителя, повез Клычкова в Москву, в реальное училище. Мальчик, растерявшись от непривычных городских впечатлений, провалился на экзамене. Отец грозил его отдать в сапожники – “варить концы”, но случайная встреча с директором училища И.И. Фидлером, который, заслушав горестные рыдания мальчика, подошел к ним в Александровском саду, иначе решила его судьбу. Клычков был обласкан Фидлером, на следующий день выдержал экзамен “на пятки” и был бесплатно принят в училище. Другая такая же встреча помогла Клычкову выйти на литературную дорогу. По окончании училища Клычков “от несчастной любви вздумал было наложить на себя руки”. Помог ему в эту трудную минуту М.И. Чайковский, брат композитора. М.И. <Чайковский> увез его в 1910 году в Италию; при его же участии была издана первая книжечка стихов Клычкова»²⁸⁴. «Мифогенный» характер ранних лет жизни

²⁸³ Источником такого утверждения, а возможно, и всего рассказа могла стать автобиография литератора, сопровождавшая публикацию сборника его прозаических произведений в 1927 году: *Клычков С. Серый барин*. – Харьков: Пролетарий, 1927. (При ссылках на это издание нередко встречается неверная дата его выхода в свет – 1926 год.) Впрочем, жена поэта В.Н. Горбачева оставила в описаниях его семьи «дополнительное» в данном контексте свидетельство: «Гением рода у Клычковых считается бабка Авдотья, высокая смуглая старуха; это она выводила в лунные туманные вечера маленького, тоже смуглого Сережку на крыльцо избы и заставляла молиться: мимо проходили лоси» (*Горбачева В.Н. Записи разных лет*. С. 214). На сходные обстоятельства указывал в откровенно беллетризованном и безусловно «компилятивном» рассказе о биографии поэта и его сын: «Детей, а потом внука поднимала бабка Авдотья, которая сыграла большую роль в становлении Сережи Клычкова. До десяти лет Сергей рос с ней один на один <...>. Лес с самого начала вошел в сознание маленького Сережи Клычкова. Изба стояла на опушке, из леса выходили лоси, – на них бабка Авдотья истово крестилась двуперстием. Рассказы бабушки населили лес и всё кругом живыми существами» (*Клычков Г. Медвяный источник*). Вероятно, именно такие события явились основой формирования духовного мировоззрения Клычкова, индивидуальность которого была так охарактеризована его женой: «религиозным в духе православия и христианства, по-моему, не был: “Молиться нужно не в церкви, а в лесу”» (*Горбачева В.Н. Записи разных лет*. С. 217).

²⁸⁴ <Б.н.> Клычков С.С. 147. – Не слишком искушенный современный биограф в не самом требовательном энциклопедическом издании, воспроизведя приведенную цитату, повествует далее о почти сказочном «чудесном рождении» будущего литератора: «Символично, что Клычков и родился в лесу (молодая мать, не уяснив по неопытности сроков, отправилась в день родов с лукошком в лес за малиной...)» (*Михайлов А.И. Клычков С.А.* С. 203, стб. 2). Источником такой версии, очевидно, послужила та часть «мемуаров» сына Клычкова, которая была составлена с чужих слов: «Первенца Сережу родила Феклуша в Дубровском лесу в малиннике, принесла домой крикуна в переднике и корзиночку с малиной не просыпала» (*Клычков Г. Медвяный источник*). Несколько иначе об обстоятельствах появления будущего поэта на свет сообщала в своих устных воспоминаниях его сестра В.А. Клычкова (Судник), записанных в середине 1980-х годов: «Сергей родился в деревянном доме, который потом сгорел» (цит. по: *Хлебянкина Т.А. Прошлое усадьбы Клычковых и настоящее музея Сергея Клычкова*. С. 51). Вместе с тем, вполне вероятные следы данного «мифа о чудесном рождении» поэта совершенно отчетливо прослеживаются в «зачине» посвященного Клычкову стихотворения С.М. Городецкого: «Родятся в комнатах иные, / А ты – в малиновых кустах», входившем в обширный цикл поэтических посвящений первой половины 1910-х годов «Друзьям», куда было включено и обращенное к О.М. хорошо известное «Он верит в вес, он чит

будущего литератора наглядно демонстрируют относящиеся к концу 1910-х годов воспоминания его близкого друга П.А. Журова, в которых, в частности, история поступления того в реальное училище изложена по-другому (что, разумеется, не исключает ошибки мемуариста): «Он много рассказывал о себе, – как по милости Модеста Ильича Чайковского поступил в реальное училище Фидлера, как на средства Чайковского ездил в Италию и по дороге, в Австрии, попал в австрийскую крепость. Тогда же я узнал о деревне Дубровки близ Талдома, и о славной реке Дубне, и об удивительной бабке Сергея»²⁸⁵. Подробнее и несколько иначе эти же события

пространство...» и который был опубликован в вышедшем из печати весной 1914 года шестом сборнике стихов Городецкого «Цветущий посох: Вереница восьмистиший» (СПб.: Грядущий день [б. г.]). О характере взаимоотношений Клычкова с одним из «синдиков» «Цеха поэтов» можно судить по его цитируемому далее «антиакмеистическому» письму близкому другу («Жалко мне, что Городецкий спутался с их дикой компанией»; цит. по: *Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым. С. 154), а также мемуарным свидетельствам жены; см.: *Горбачева В.Н.* Записи разных лет. С. 211–212; там же приводится оставленная ею дневниковая запись о чтении «Цветущего посоха», относящаяся, вероятно, к началу 1930-х годов.

Интересна в данной связи рецензия на эту книгу (по сути, представляющая собой небольшую аналитическую статью) К.И. Чуковского «Цветущий посох» (Журнал журналов. 1915. № 1) и его оценка посвященного Клычкову текста: «Новые стихи Городецкого – высшее торжество акмеизма. Разве мог бы прежний Городецкий создать этот восхитительный цикл “Друзьям”, которым, поистине, вправе гордиться его новая акмеистичная книжка. Ведь это не стихи, а медали, вычеканены раз навсегда. Поэта соблазнило изготовить из мраморных и бронзовых стихов портреты-медальоны своих близких. Каждый медальон – восемь строк, но какая виртуозность рисунка, какой упрямый неуклонный резец. Тесные, сгущенные строки, но в них – вся квинтэссенция личности. <...> – И можно ли полнее, лиричнее выразить самую *душу души* юного поэта Клычкова, чем в этой удивительной оде: “Родятся в комнатах иные, а ты – в малиновых кустах. Зато и губы наливные, и сладость алая в стихах. Сергунька, друг ты мой кудрявый, лентяй, красавец и певун! Люблю тебя, мой легконравый, перебиратель струнок-струн”. Кто и не знает Клычкова, чувствует, что это он несомненно, что сходство должно быть разительное» (*Чуковский К.* Цветущий посох // *Чуковский К.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7: Литературная критика. 1908–1915 / Сост., подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой, коммент. Е. Ивановой. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 602–603), – после чего сразу же следует лаконичный пассаж о соотношении музыкальной и литературной тематики в творчестве поэтов-акмеистов и, в частности, упоминается О.М. В целом можно сказать, что данная рецензия – один из многочисленных ярких примеров непростого и в целом противоречивого отношения старшего литератора к теории и практике акмеизма, которое, к сожалению, не нашло своего отражения ни в статье «Акмеизм», ни в заметке «Чуковский К.И.».

²⁸⁵ *Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым. С. 149. – Индивидуальную форму мифотворчества нового собеседника О.М. начала 1930-х годов внимательный и чуткий к его окружению Б.С. Кузин охарактеризовал с пониманием специфики ее происхождения: «Люди, вышедшие “из народа”, любят прикидываться перед ученой публикой мужиками. Не чужд был этой склонности и С.А. <Клычков.> Поэтому он после первого же знакомства решил задирать меня, вернее – оглушать чушью, в которую он сам будто бы верил. – “Вот ведь, по-вашему, никаких чудес на свете не бывает. А моя бабушка сама видела, как сухой куст калины на лесной поляне вдруг ни с того ни с сего сам собой загорелся”. Или еще рассказывал, что на какую-то девку из их деревни “находило”, что у нее изо рта начинали выпрыгивать лягушки и т.п. “Вот вы, небось, не верите этому, а чудеса-то бывают”» (*Кузин Б.С.* Об О.Э. Мандельштаме // Б.С. Кузин: Воспоминания. Произведения. Переписка. Н.Я. Мандельштам: 192 письма к Б.С. Кузину. 1937–1947 / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.. С. 173). Вполне возможно, что оторванный от реалий патриархального деревенского быта горожанин несколько преувеличил «провокационный» характер рассказов

оказались зафиксированы в записях В.Н. Горбачевой, версию которой, очевидно, и следует считать «инвариантом» индивидуального мифа поэта: «Отец из тщеславия решил сделать его “баринном”. История с экзаменом, поркой в Александровском саду – известна, о ней писал Клычков. Фидлер спас от экзекуции. Нужно же было Фидлеру проходить как раз в тот момент, когда Сереньку шпарил ремнем отец за двойку по закону Божьему, полученную на экзамене в реальное училище. “Роковые” и “чудесные” встречи изобилуют в жизни Сергея Антоновича. <...>– Встречи чудесные действительно были. Любимая девушка вышла замуж за богатея, сына московского городского головы. <...>– Переживания были мучительны, и в такие минуты юноши думают вожделенно о смерти. <...>– В фойе Художественного театра Сергей Антонович знакомится с Модестом Ильичем Чайковским, который сам подошел к молодому человеку с каким-то сочувственным вопросом. Сергей раскрыл душу незнакомому и, как рассказывал после, обрел себе второго отца, заботливого и нежного: “Я уезжаю в Италию. Поедте, я вас возьму с собой, вы развлечетесь и забудете горе”. Сергей Антонович едет в Италию. Чайковский выходил, выпестовал Сергея Антоновича»²⁸⁶.

Клычкова; в частности, об отношении родных поэта к сверхъестественному у его жены сложилось иное мнение: «Чудесное, сказочное считается в семье обыденным. – Умершая свекровь, жалея молодую невестку, приходила, бывало, с того света по утрам корову доить. Встанет Феклуша, а уж корова подоена, и ведро молоком пенится, чистым рушником закрыто. Фекла Алексеевна повествует мне об этом спокойно, простодушно, как о деле самом обыкновенном. Старики видели лешего в бору своими глазами. Они засмеют того, кто этому на поверит» (*Горбачева В.Н. Записи разных лет. С. 214*); ср. абстрактный вариант более общей формулировки: «Рассказы бабушки населили лес и всё кругом живыми существами <...>. В мире маленького Сережи Клычкова быть и небыть, реальность и миф соединялись. В самой семье жили свои мифы» (*Клычков Г. Медвяный источник*).

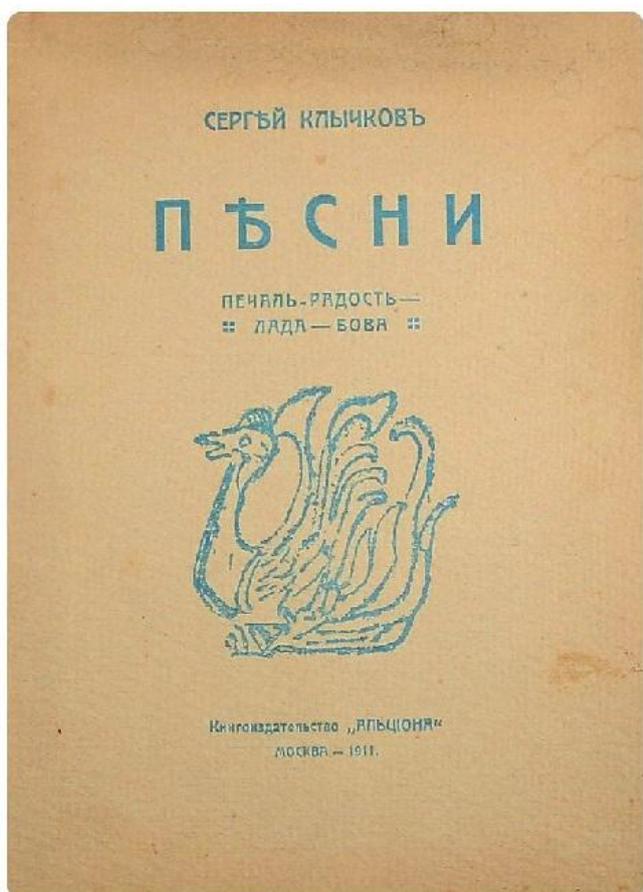
Таким образом, есть все основания предполагать, что фольклорно-мифологическая образность, присутствующая в третьем из «Стихов о русской поэзии» О.М, связана не только и, возможно, не столько с поэзией его «адресата», как о том утверждают практически все комментаторы этого текста, сколько с рассказами Клычкова о неотъемлемых магических составляющих самой обыденной крестьянской жизни. Более того, и для характеристики существа поэтического искусства и его «экзистенциальных» отношений с внеположной реальностью Клычков прибегал к собственно фольклорной образности. В письме близкому другу, предположительно датированном осенью 1912 года, он, например, писал: «Ты, друг, никогда не чуял... обреченности! Поэт живет почти как наш добрый Миша-бычок: ест дуранду в охотку, а инстинктом чувствует, что долго ли, коротко придет Нил-пастух и ткнет ему в глотку ножиком! А дуранду все-таки есть надо – хозяева добрым словом помянут: экий был солоший бычок! (“То-то был поэт!” Пушкин! А?) Конечно, это грубо, но может и... верно? А? Ну так вот: сказка про белого бычка, который стишки писал!» (цит. по: *Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым. С. 153*). Характерен в такой «мировоззренческой перспективе» эпизод, относящийся к детству поэта и рассказанный им в его разрозненных записях: «В училище Фидлера на уроке естественной истории во время объяснения учителем Кречетовичем классификации животных я со всей детской серьезностью спросил: к какому классу относится леший? Кречетович обомлел и не сразу ответил: дурак!» (*Клычков С. Неспешные записи // Публ. Н.В. Клычковой, подгот. текста и коммент. С.И. Субботиной // Новый мир. 1989. № 9. С. 201*). Там же (с.203) публикатор приводит такой комментарий: «Скорее всего, именно этот эпизод имел ввиду поэт, когда писал в автобиографии 1926 года: “...еще в сельской школе я уже пописывал стишки, больше про домовых и про леших, которые после одной истории в школе Фидлера тайно сжег в лежанке, о ем сейчас очень жалею, потому что теперь так не написать”».

²⁸⁶ *Горбачева В.Н. Записи разных лет. С. 215.*

О литературном дебюте Клычкова в статье М. Никё говорится: «первый поэтический сборник “Песни: Печаль-Радость, Лада, Бова” в конце 1910 года (на титуле – 1911) в издательстве “Альциона”. В. Брюсов, М. Волошин, С. Городецкий, Н. Гумилев, Вл. Волькенштейн, А. Золотарев отметили появление нового поэта» (с. 290, стб. 2). Действительно, в одном из «Писем о русской поэзии» Гумилев, рецензируя «двадцать книг стихов, почти все – молодых или, по крайней мере, неизвестных поэтов», отметил нового коллегу по цеху такой характеристикой: «В “Песнях” Сергея Клычкова трудно разобрать, что принадлежит самому поэту, а что Бальмонту и Городецкому. Кажется, только случайно наткнулся он на тему языческой Руси и слишком поспешно принялся за обработку ее; ни удали русской, ни русской печали, ни того странного перекрещивания культур византийской, финской, колдовской и индийской, в атмосфере которого рождалась Русь, – одна сладкая водица, славянская Аркадия с неизменными Ладами и Лелями, царевичами и невестами. Ритмические утонченности, обилие ассонансов, столь ценимые в русских песнях, в его книге заменились метрически-гладкими строчками и скучными рифмами. Прямо пояснительный текст к картинкам г-жи Бем. <...> Если Сергей Клычков не позаботится, как можно скорее, расширить свой поэтический горизонт, он – на опасном пути»²⁸⁷. В рецензии на вышедшую через год безымянную «Антологию» (М.: Мусaget, 1911) Гумилев (возможно, стремясь продемонстрировать действенность своих предыдущих критических замечаний) более чем сдержанно констатировал: «Сергей Клычков сделал успехи со времени выхода своей книги. Хорош его “Пастух”, слышен морской запах в его “Рыбачке”»²⁸⁸.

²⁸⁷ Гумилев Н.С. «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридлиндер при участии Р.Д. Тименчика, подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. – М.: Современник, 1990. С. 114, 119; Гумилев Н.С. «Передо мной двадцать книг стихов...» // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 81, 87–88.

²⁸⁸ Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. С. 127; Гумилев Н.С. Антология. К-во Мусaget. 1911 г. М. !ена 2 руб. // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 96. Сам автор относился к этой публикации более благожелательно – в недатированном письме осени 1912 года (?) он признавался своему близкому другу «Мне жалко, что ты не читал Антологии, и потому я тебе прилагаю мои стихи оттуда при этом письме, – я тебе советую ее прочесть все <sic. – С.Ш.> – хорошие Блок, Белый, Иванов. Из молодых я не знаю – разве Рубанович?!» (цит. по: Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым. С. 153). Общая характеристика антологии содержится в комментариях: Баскер М. и др. Примечания // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 384. – Вероятно, прямым следствием некоторого изменения гумилевской оценки стал следующий факт литературной биографии начинающего поэта: «В изданном в 1911 г. издательством “Аполлон”

Время, место и обстоятельства знакомства поэтов неизвестны, но в середине 1910-х годов они могли встречаться в «Бродячей собаке», где оба бывали и в числе постоянных посетителей которой Клычков назван среди «близких в той или иной мере и в разное время к акмеистам»²⁸⁹. Вместе с тем, по формулировке Р.Д. Тименчика, «Клычков отрицательно

“Литературном альманахе”, составителем которого фактически был Гумилев, было помещено стихотворение Клыčkова “Бова на рассвете”» (*Тименчик Р.Д. Комментарии // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер при участии Р.Д. Тименчика, подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. – М.: Современник, 1990. С. 311*). – Об известном оппонировании «младосимволистского» издательства «Мусагет» позиции журнала «Аполлон» см.: *Баскер М. и др. Примечания // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 384*. – Литературная судьба Клыčkова нашла свое отражение, в частности, в мемуарной прозе Дона Аминадо: «в “Золотом руне”, в “Аполлоне”, в “Весех”, в альманахах “Шиповника” и в иных бесконечных журналах и сборниках, отмеченных штампом крайнего модернизма и украшенных концовками Судейкина и Сапунова, печатали <...> даже таких давно и, вероятно, навсегда забытых молодых поэтов, как Яков Годин, Эдуард Багрицкий, Дмитрий Цензор, Сергей Клычков, Семен Рубанович и иных, и прочих, имя им легион. – Ни в хрестоматию, ни в антологию они не вошли, а такого литературного департамента, в который можно было бы подать жалобу о несправедливом забвении, даже и в советской республике не придумали» (*Аминадо Д. Поезд на третьем пути // Воспоминания о серебряном веке / Сост., коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 403–404*).

²⁸⁹ См.: *Тименчик Р.Д. Комментарии // Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р.*

отнесся к акмеистическим манифестам»²⁹⁰; текстуально это отношение, изложенное в недатированном письме начала 1914 года (?), выглядело более чем эмоционально и касалось в первую очередь «адамистической» составляющей нового направления: «В наше же время если какой писатель и любит жизнь, так уж непременно с высоты какого-либо умозрения. Адамизм – вот тебе наиболее яркий пример. “Мы, – пишет, – небоскреб акмеизма, все мы немного лесные звери” и не замечает того, свинья, что просто все очень даже много дураки!!! Жалко мне, что Городецкий спутался с их дикой компанией. Все они очень культурные люди – но вот, мой друг, пример еще того, что и культура изощренная иногда куда хуже открытого варварства. Господи помилуй, недавно узнал, что и Клюев там, куда этого-то нелегкая несет? Я счастлив, что я до сих пор в стороне от этой литературной возни и маскарада культурных зверей. Бог с ней, с известностью, если она в зависимости от этого пройдет мимо моего окошка. Черт с ней!»²⁹¹. Такая оценка, тем не менее, не дает оснований не учитывать единственное, кажется, упоминание Клычкова среди участников «Цеха поэтов» в первом варианте списка этого литературного объединения, составленном Ахматовой (очевидно, весной 1964 года), где имя Клычкова непосредственно соседствует с именем Клюева²⁹². Насколько можно судить по имеющимся истоико-литературным данным, личные и

Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 363; ср.: *Шруба М.* «Бродячая собака» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 32. В мемуарном очерке «Бродячая собака» Г.В. Иванов так описывает одно из совместных ночных возвращений из артистического кабаре: «Столкновения с властями вообще происходили не раз при возвращении из “Собаки”. Однажды кто-то, кажется, Сергей Клычков, похвастался, что влезет на чугунного коня на Аничковом мосту. И влез. Разумеется, появился городовой. Выручил всех Цыбульский. Приняв грозный вид, он стал вдруг наступать на городского. “Да ты знаешь, с кем ты имеешь дело, да ты понимаешь ли... Как смеешь дерзить обер-офицерским детям!”, – вдруг заорал он на весь Невский. Страж закона струсил и отступил от “обер-офицерских детей”» (*Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда, коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1993. С. 343).

²⁹⁰ *Тименчик Р.* Комментарии. С. 311.

²⁹¹ Цит. по: *Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым. С. 154. – Непосредственно об «акмеистическом ореоле» Городецкого см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Городецкие // Блоковский сборник. Вып. XVIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 32–50. Без упоминания этой публикации осталась в комментируемом издании заметка О.А. Лекманова «Городецкий С.М.» (попавшая к читателю в редакции 2008 года, почти не тронутой автором позднее), герой которой в дефиниции удивительным образом поименован не только как, по сути, единоличный «синдик первого “Цеха поэтов”», но и как «лидер акмеизма» (с. 198, стб. 2).

²⁹² См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 447. В заметно отличающейся окончательной редакции этого перечня упоминание Клычкова отсутствует; см.: *Ахматова А.* Листки из дневника // *Ахматова А.* Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, примеч. Н. Крайневой. – М.: Русский путь, 2005. С. 106. Не назван он ни в первой научной «реконструкции» состава «Цеха поэтов» Р.Д. Тименчика

«художественные» взаимоотношения Клычкова и Городецкого носили откровенно дружеский, но не совсем ровный характер; вряд ли свидетельство Ахматовой, оставленное Лукницким в дневниковой записи 8.7.1925, отражало только ее точку зрения: «Протеже Городецкого были Верхоустицкий, Клычков»²⁹³. При этом современниками их имена устойчиво сопоставлялись при перечислении типичных представителей «народнической», «русской» поэзии, что, в частности, нашло свое «художественное» продолжение много лет спустя в одной из редакций самого начала 1960-х годов ахматовского либретто балета по «Поэме без героя» в эпизоде, из которого «видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”»²⁹⁴. В варианте, оставленном в записях, вероятно, весны 1964 года, данному фрагменту непосредственно предшествует упоминание имени О.М.: «В окна “Бюро Добычиной” смотрят, ненавязчиво мелькая, ожившие портреты: <...> Саломея <нрзб>, Ахматова Альтмана, Лурье Митурича, Кузмин, Мандельштам Митурича, Гумилев Гончаровой, Блок Сомова», – а буквально перед этим среди откликов на «Поэму без героя» встречается такое свидетельство: «Пастернак сравнивал мои стихи с “Русской” – (Ах, вы сени, мои сени). – а) лирика: с платочком, отступая и как бы прячась за него – в) Триптих: вперед, раскинув руки»²⁹⁵.

С большой долей вероятности можно предположить, что О.М. было известно о возможном участии Клычкова в литературном объединении «Краса», основанном Городецким весной 1915 года после прекращения активной литературной деятельности группы акмеистов и ориентированным на народную культуру и, в частности, фольклорное поэтическое творчество, рассматриваемых в качестве «первостепенного источника эстетических и этических ценностей»²⁹⁶. В этот же период имена Городецкого и Клычкова

(Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. С. 35–38), ни в воспроизведенном на ее основе перечне участников этого объединения в справочной публикации М. Шрубы «“Цех поэтов”» (*Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 256–257), ни в одноименной тематической заметке О.А. Лекманова в комментируемом издании (с. 522, стб. 2).

²⁹³ Лукницкий П.Н. *Acumiana*: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–1925. С. 194.

²⁹⁴ Чуть ранее, во второй редакции либретто 1959 года, «Клюев и Есенин пляшут дикую, почти хлыстовскую, русскую» (*Ахматова А.* Наброски балетного либретто по «Поэме без Героя» // *Ахматова А.* Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории/ Изд. подгот. Н.И. Крайнева; под ред. Н.И. Крайневой, А.Я. Ляпидус, Ю.В. Тамонцевой и О.Д. Филатовой. – СПб: Мирь, 2009. С. 1293, 1283).

²⁹⁵ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 174, 173.

²⁹⁶ *Шруба М.* «Краса» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 75; там же воспроизведена афиша прошедшего 25.10.1915 в концертном зале Тенишевского училища вечера «Краса», одним из участников которого был Клычков; см.: *Летопись литературных событий России конца XIX – начала XX века (1891 – октябрь 1917)*. Вып. 3. 1911 – октябрь 1917. С. 416. Трудно предположить, чтобы

вместе с упоминанием О.М. были представлены в предисловии к очередному тому антологии «Избранные стихи русских поэтов»: «Новая поэзия так разветвилась и усложнилась, что для расположения новых поэтов в каком бы то ни было порядке необходимо требуется определенная их группировка, известная классификация. Мы не можем здесь не дать хотя бы самые краткие и общие указания о руководящих началах такой усвоенной нами группировки. – Укажем прежде всего, что принятое нами расположение поэтов исходит в общем не из содержания, а из формы. Но именно поэтому оно тесно связано и с содержанием: ибо содержанием обуславливается и форма. Так, напр, С. Городецкий, Ал.Н. Толстой, С. Клычков и др., подходя к природе и к народу через миф, именно как “народники” и “природники”, вырабатывают особые поэтические формы». Далее следует довольно условно изложенная «типологическая модель» – «определенная смена течений: сначала стилизаторы и символисты-идеалисты, потом конкретно-символисты и нео-реалисты», которую завершает седьмая из предлагаемых групп: «С. Городецкий, М. Зенкевич, О. Мандельштам, Л. Столица, П. Радимов, А.Н. Толстой, Н. Клюев, С. Клычков, М. Шагинян – неореалисты-“природники” и “народники”»²⁹⁷.

Конкретную «биографическую» часть публикации М. Никё открывает следующая информация: «Поселившиеся в Доме Герцена Клычков (с начала 1921 года) и О.М. (с апреля 1922 года по август 1923 и в 1931) стали часто общаться: “Из соседей-писателей к Мандельштаму заходил один Клычков, живший в другом корпусе Дома Герцена” (Герштейн. С. 29). Б. Кузин <sic. – С.Ш.> вспоминает: “С явной симпатией, может быть, правильнее было бы даже сказать – с любовью, относился О.Э. к своему соседу по квартире в доме Герцена С.А. Клычкову”» (с. 290, стб. 2). Некоторая аморфность формулировки придает

о появлении этого объединения О.М. было неизвестно, в том числе и после публикации в первом номере журнала «Рудин» за 1915 год памфлета «“Краса”», авторство которого, принадлежащее Рейснер, скрыто за псевдонимом; см.: *Рейснер Л.* Автобиографический роман / Вступит. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской, примеч. Н.А. Такташевой// Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. С. 227.

²⁹⁷<Б.н.> Предисловие // Избранные стихи русских поэтов: Серия сборников по периодам. Период третий: Выпуск I (К. Фофанов – В. Брюсов). – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1914. С. III, V, VI. – 27.9.1962 Ахматова оставила подробную запись об этой вступительной заметке к «анонимной антологии», согласно ее точке зрения, «составленной или анонимно подсказанной» Городецким (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 245). Внимание на данный факт было обращено в упоминавшейся публикации Р.Д. Тименчика «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой.Городецкие», где текст предисловия был воспроизведен полностью (с. 37–39; в библиографическую ссылку вкралась досадная опечатка: указанный там второй выпуск серии антологии в реальности является первым).

процитированному автором сообщению статус распространяющегося на все указанные периоды времени, однако в расширенном виде оно выглядит таким образом, что его можно отнести только к 1931 году: «В узкой комнате на Тверском бульваре я помню мало посетителей. Из соседей-писателей к Мандельштаму заходил один Клычков, живший в другом корпусе Дома Герцена. Как-то при мне пришел Шенгели, которому Осип Эмильевич давал читать свою “Четвертую прозу”»²⁹⁸. Для подобного бесспорного утверждения существуют, по меньшей мере, два самых веских основания: во-первых, знакомство О.М. с Гершштейн состоялось в санатории «Узкое»²⁹⁹, где Мандельштамы отдыхали во второй половине октября – середине ноября 1928 года³⁰⁰, и, во-вторых, как известно, «Четвертая проза» была написана в 1930 году. То же самое можно сказать и о хронологических координатах воспоминаний Кузина, с которым О.М., как известно, познакомился летом того же 1930 года в Армении³⁰¹. Вместе с тем, в «первый герценовский период» оба опубликовали свои стихи во втором выпуске художественного альманаха «Наши дни» (М.: Государственное издательство, 1922): О.М. – «Зверинец» («Отверженное слово “мир”...»), «Золотистого меду струя из бутылки текла...» и «Когда на площадях и в тишине келейной...», Клычков – «На селе не поют петухи на повети...». И тогда же они были представлены в «эпохальном» издании «Сборник литературно-художественных революционных произведений» (М.: [б. и.], 1922): О.М. – стихотворением «Актер и рабочий» («Здесь на твердой площадке яхт-клуба...»), Клычков – стихотворениями «Прощание» («Прощай, родимая сторонка ...») и «Сидни» («Ой вы, сидни, старцы-старичи ...»)³⁰². Не говорится в

²⁹⁸ Герштейн Э.Г. Мемуары. С. 29.

²⁹⁹ См.: Герштейн Э.Г. Мемуары. С. 7–8.

³⁰⁰ См.: Нерлер П.М. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 18, стб. 1.

³⁰¹ См.: Кузин Б.С. Об О.Э. Мандельштаме. С. 157–159. – Неожиданная датировка начала близких взаимоотношений поэтов принадлежит автору, вероятно, первой научной публикации об их личных и творческих связях (к сожалению, не попавшей в список литературы комментируемой статьи): «Очевидно, дружеские отношения у Мандельштама и Клычкова сложились с 1928 г., когда Осип Эмильевич приезжал из Ленинграда в Москву»; далее, правда, следует: «Но наиболее тесными стали взаимосвязи с того момента, когда семьи Клычкова и Мандельштама получили жилье в “Доме Герцена” (Тверской бульвар, 25): Клычковы – в 1930 г., Мандельштамы – в 1931 г.» (Мекхи Э.Б. О. Мандельштам и С. Клычков // О Мандельштаме. – Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1991. С. 24).

³⁰² См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. – М.: Lanterna; Вита, 1994. С. 170, 174. – В вошедшей в состав МЭ статье «“Наши дни”» (В.В. Калмыкова) в качестве единственного редактора первого из изданий, являвшихся проектом «артели советских писателей» «Круг», указан В.В. Вересаев (с. 363, стб. 2), тогда как в этом качестве он выступал первоначально, а затем его сменил организатор этого

рассматриваемой статье о том, что Клычков мог иметь некоторое касательство к выходу в свет сборника стихотворений своего соседа по «Дому Герцена» «Вторая книга», выпущенной в 1923 году издательством «Круг», – один из его самых деятельных участников Б.А. Пильняк 30.10.1922 в письме председателю правления А.К. Воронскому подчеркивал: «Стихов у нас много набрано. Большаков идет, М. Зенкевич – а это не первый сорт, хоть я и рад им. Идет ли у нас книжка Мандельштама? Я считаю его лучшим из современных потов, книжку он давал, а в объявлениях ее нету. Почему? Обязательно надо ее издать!», – и далее обращался к Н.Н. Асееву: «Возьми, Николаша, у него. Он живет в Союзе писателей (Тверской бульвар, 25), пошли Сережку к нему»³⁰³; согласно точке зрения комментатора, речь идет о Клычковой, который сам в этот период числился среди штатных сотрудников редакции «Круга»³⁰⁴. А незадолго до этого имена обоих литераторов в статусе авторов «книг стихов» присутствовали в перечне предполагаемых членов «артели писателей» «Круг», составленном Воронским и утвержденном на заседании организационного комитета 19.7.1922 с участием заместителя председателя Совнаркома Л.Б. Каменева. О.М. был представлен в первой безымянной части списка в группе «(классиков) “старых” писателей», Клычков – во второй части среди «крестьянских писателей и поэтов»³⁰⁵. Свою задачу и ее обоснование новообразуемая организация определила уже постфактум, значительно позднее, но совершенно однозначно: «Для русских писателей, соединенных в артель “Круг”, идеологически разделяющих основы проводимой Советами революционной работы, <...>

альманаха А.К. Воронский.

³⁰³ А.К. Воронский. Из переписки с советскими писателями / Вступ. ст. и публ. Е.А. Динерштейна // Литературное наследство. Том 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. С. 570. В «трудах и днях» готовившегося к изданию сборника данное письмо упомянуто, но процитировано с труднообъяснимыми купюрами: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 217. – Публикация о Пильняке в комментируемом издании МЭ только предполагалась, но даже предварительный ее вариант подготовлен не был; хочется надеяться, что в гипотетическом втором издании МЭ она все-таки появится, а письмо будет учтено в полном варианте. Вместе с тем, данный факт следовало бы учесть и в заметке «“Круг”» (В.В. Калмыкова), и в гипотетической, но неизбежной будущей статье о «Второй книге».

³⁰⁴ См.: Динерштейн Е.А. Примечания к публ.: А.К. Воронский. Из переписки с советскими писателями / Вступ. ст. и публ. Е.А. Динерштейна // Литературное наследство. Том 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. С. 570.

³⁰⁵ См.: К истории «артели» писателей «Круг» / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. К.М. Поливанова // De Visu. 1993. № 10. С. 10, 12. По высказанному там же предположению публикатора (с. 19, прим. 35), имевшаяся «градация» потенциальных участников на три составных части не носила идеологического или «художественного» характера: «в основе разделения на группы лежала предварительная соотнесенность с принадлежностью к соответствующим категориям на получение “академического пайка”».

вытекает общая литературно-общественная задача их объединения. Она состоит в отображении нового быта Советской России и тех социальных, психологических и идейных явлений, которые обусловили собой зарождение новых форм общественных отношений, т.е. русского быта вообще»³⁰⁶.

Соседями поэты были и позже, в знаменитом «писательском доме» в Нащокинском переулке: «С переезда О.М. в Москву в начале 1931 года возобновляется общение с Клычковым, переходящее в настоящую дружбу. С октября 1933 года О.М. с женой живет в том же писательском доме в Нащокинском пер. (ул. Фурманова), что и Клычков (с октября 1932): О.М. на пятом, Клычков на первом этаже» (с. 290, стб. 2)³⁰⁷. В подтверждение сказанному в статье приведены свидетельства спутниц жизни обоих поэтов о близком и искреннем характере их дружеских отношений³⁰⁸, что может быть дополнительно проиллюстрировано и живописными рассказами других современников. Так, например, в воспоминаниях Герштейн отражен эпизод, наглядно отражающий специфику их дружеского общения: «“Дело Саргиджана” не выходило из головы Осипа Эмильевича. Однажды он лежал на кровати, а рядом сидел Клычков, и в который раз с неотразимым красноречием и пылом Осип Эмильевич описывал ему эту прошлогоднюю историю. Клычков слушал, слушал и спокойно заметил: “Конечно, он был неправ. Надо было сначала деньги отдать, а потом бить”. Осип Эмильевич не сразу понял, о чем говорит Клычков, настолько небрежная

³⁰⁶ Опубликовано в справочном издании: Каталог издательства «Круг». – М.: Школа ФЗУ при 1-й Образцовой типографии Госиздата, 1927. С. 6–7; цит. по републикации: Декларация издательства артели писателей «Круг» // Литературные манифесты: От символизма к Октябрю / Сост. Н.Д. Бродский, В.Л. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. – М.: Федерация, 1929. С. 283. Среди подписавших этот документ был и Клычков. – К предыстории артели и идеологически ориентированных истоках и механизмах ее создания вполне откровенно говорится в публикации: *Динерштейн Е.А.* Вступит. ст. к публ.: А.К. Воронский. Из переписки с советскими писателями. С. 534–536 сл.

³⁰⁷ Трудно представить себе читателя, который избежал бы желания увидеть библиографические ссылки на источники таких немаловажных сведений о конкретных фактах мандельштамовской биографии. Одним из них может выступать уже упоминавшееся монографическое исследование Л.М. Видгофа («Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. С. 476): «Мандельштамы поселились на улице Фурманова, очевидно, не позднее 18 октября 1933 года. <...> – Квартира 26 находилась на пятом этаже. Внизу, на первом этаже, в этом же подъезде жил <...> хороший знакомый Мандельштама еще с начала 1920-х годов по левому флигелю Дома Герцена поэт Сергей Антонович Клычков».

³⁰⁸ Некоторые мелкие опечатки вкрались в цитату из мемуарной записи жены Клычкова начала 1963 года; в оригинале данный фрагмент выглядит следующим образом: «Меня радовала дружба Сергея Антоновича с Осипом Мандельштамом. Оба вспыльчивые, горячие, они за восемь лет ни разу не поссорились. Беседы их были изумительны. Высокий строй души, чистота, поэтическая настроенность объединяли их» (*Горбачева В.Н.* Записи разных лет. С. 222, прим. 29).

интонация не соответствовала убийственному содержанию реплики. Но через мгновение он вздрогнул и завопил: “Наденька, выгоним его!” Я в этот момент уходила в ларек за папиросами. У двери на лестницу меня обогнал Клычков, высокий, длинноволосый – “лесовик”, – и, побряхтывая и усмехаясь, вышел вон. Я скоро вернулась с опаской, рассчитывая встретить бурю негодования. Смотрю: в первой комнате Надя сидит спокойно и рассеянно смотрит куда-то в пространство своим загадочным скромно-лукавым глазом. Заглядываю в комнату к Осипу Эмильевичу, и что же? Он все так же лежит, а на его постели сидит... Клычков, и они обнимаются, целуются. Помирились»³⁰⁹.

Более чем вероятным представляется, что Клычков входил в число тех ближайших знакомых О.М., кому он читал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933). Строго говоря, и с этим печальным «списком посвященных» ситуация непроста. Первый его относительно полный вариант был представлен в эссе А.С. Кушера в 2005 году: согласно библиографически ничем не подкрепляемой версии автора, стихотворение было прочитано поэтом «жене Надежде Яковлевне, но также ее брату Евгению Хазину, своему брату Александру, Б. Кузину, Э. Герштейн, В. Нарбуту, Ахматовой, ее сыну Гумилеву, Пастернаку, В. Шкловскому, С. Липкину, Нине Грин, Г. Шенгели, С. Клычкову, Н. Харджиеву, А. Тышлеру, А. Осмеркину, М. Петровых»³¹⁰. Несколько позднее П.М. Нерлер высказал уверенность в том, что данный перечень должен быть расширен: «Сюда надо добавить еще как минимум пятерых: Л. Длигача (ему О.М. прочел стихи вместе с Тышлером) и двух жен – Василису Шкловскую и Н. Манухину-Шенгели в Москве, а также ближайших питерских друзей – В. Стенича и Б. Лившица, упоминавших об эпиграмме О.М. на собственных допросах»³¹¹. В первых трех случаях биограф основывался на мемуарных свидетельствах (причем «периферийного» происхождения), для последних двух независимые источники не

³⁰⁹ Герштейн Э.Г. Мемуары. С. 45.

³¹⁰ Кушнер А. «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. 2005. № 7. С. 132. Там же автором сделана соответствующая упредительная оговорка: «Здесь перечислены 18 человек, среди них замечательные поэты, художники, любимые нами, ученые, писатели, вообще люди искусства <...>. А кроме того, наверное, Мандельштам читал эти стихи еще кому-то, кто здесь не назван». Еще осторожнее, если не сказать предусмотрительнее, поступил автор примечаний в последнем полном собрании сочинений О.М., ограничившись совершенно аморфной фразой: «Поэт читал стихотворение друзьям и знакомым» (*Мец А.Г.* Комментарии. С. 617). (Откровенно сказать, хотелось бы узнать хотя бы одно поэтическое произведение О.М., не прочитанное им своим друзьям или не услышанное его знакомыми.)

³¹¹ Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. – М.: Петровский парк, 2010. С. 31, стб. 2.

названы, а насколько достоверными и соответствующими действительности могут являться показания, данные на допросах в НКВД (и уже отнюдь не в относительно «вегетарианский» период, как это было в случае с О.М.) остается только предполагать. Возможно, именно в силу подобного рода сомнений в последнее монографическое издание биографии поэта, подготовленное О.А. Лекмановым, вошел первый, «художественный» вариант, причем не только без ссылки на его первоисточник (повторенный в том же неалфавитном и «неиерархическом» порядке), но и вообще без каких-либо библиографических оснований: «Доподлинно известно, что кроме, разумеется, Надежды Яковлевны, Мандельштам читал свою эпиграмму на Сталина родному брату жены Евгению Хазину, своему брату Александру Мандельштаму, Борису Кузину, Эмме Герштейн, Владимиру Нарбуту, Анне Ахматовой и ее сыну Льву Гумилеву, Борису Пастернаку, Виктору Шкловскому, Семену Липкину, Нине Грин, Георгию Шенгели, Сергею Клычкову, Николаю Харджиеву, Александру Тышлеру, Александру Осмеркину. Также текст антисталинской эпиграммы был известен поэтессе и переводчице Марии Сергеевне Петровых»³¹². К числу безусловных слушателей мандельштамовского стихотворения относил Клычкова Кузин, так вспоминая конкретные обстоятельства этого эпизода: «Однажды утром О.Э. <Мандельштам> прибежал ко мне один (без Н.Я. <Мандельштам>), в сильном возбуждении, но веселый. Я понял, что он написал что-то новое, чем было необходимо немедленно поделиться. Этим новым оказалось стихотворение о Сталине. Я был потрясен им, и этого не требовалось выражать словами. После паузы остолбенения я спросил О.Э. <Мандельштама>, читал ли он это еще кому-нибудь. – “Никому. Вам первому. Ну, конечно, Наденька...” Я в полном смысле умолял О.Э. <Мандельштама> обещать, что Н.Я. <Мандельштам> и я останемся единственными, кто знает об этих стихах. В ответ последовал очень веселый и довольный смех, но все же обещание никому больше эти стихи не читать О.Э. <Мандельштам> мне дал. Когда он ушел, я сразу же подумал, что немыслимо, чтобы стихи остались неизвестными по крайней мере Евг<ению> Як<овлевичу> (брату Н.Я. <Мандельштам>) и Анне Андреевне Ахматовой> при первой же ее встрече с О.Э. <Мандельштамом>. А Клычкову? – Нет, не сдержит он своего обещания»³¹³. И тем не менее присутствующая в комментируемом тексте авторская

³¹² Лекманов О. Осип Мандельштам: ворованный воздух. С. 313–314.

³¹³ Кузин Б.С. Об О.Э. Мандельштаме. С. 176. Еще пессимистичнее в этом отношении выглядят воспоминания Герштейн, относящиеся к ранней весне 1934 года: «Мандельштам продолжал бесноваться. Куда он убегал из дому, и кого встречал, и с кем разговаривал – я тогда не знала. Впоследствии выяснилось, что он <...> читал почти “направо и налево” свои стихи о Сталине» (Герштейн Э.Г. Мемуары. С. 53).

констатация: «Клычков был одним из слушателей эпиграммы о Сталине» (с. 291, стб. 2), – формально выглядит необоснованной³¹⁴.

В опубликованной 11.5.1933 в «Литературной газете» пародии на «диспут о поэзии (проходивший в рамках дискуссий перед организационным съездом Союза писателей)» содержалось «выступление» И.Л. Сельвинского, в котором имена обоих поэтов неожиданно соединены в качестве негативного примера издательской деятельности «главного» литературного журнала страны: «мы видим, что в “Новом мире” / Печатаются Мандельштам и Клычков, / Но, с другой стороны, нет там Асеева, / Мы не видим Багрицкого < ...>. / Это наводит на грустные размышления»³¹⁵. 18.10.1933 М.В. Талов оставил дневниковую запись, свидетельствующую о «литературном» разговоре с О.М.: «мы были у Мандельштама. Он меня огорошил новостью, которая уже перестала ею быть. Оказывается, месяц-полтора тому назад в “Правде” была опубликована статья, шельмующая его, Мандельштама, как “классового врага”. В “классовые враги” с ним попали Клычков, Клюев, Ахматова и еще какой-то ленинградский поэт»³¹⁶. Очевидно, 10.1.1934 оба присутствовали на похоронах А. Белого; если для биографии О.М. данный факт хорошо известен, то косвенным свидетельством относительно Клычкова может служить оставленная двумя днями позже его женой такая запись: «10 января хоронили Андрея Белого. Мир без Белого, по крайней мере, литературный мир, опустел. <...> Изю всех речей, произнесенных у гроба, лучшая – Пастернака»³¹⁷. Во время воронежской ссылки О.М. среди тех, кто слушал чтение его новых стихов приезжавшей в Москву Н.Я. Мандельштам, был Клычков; например, 23.12.1935 в первом из писем О.М. в Тамбов она сообщала: «Стихи видели Сергей Ант<о>нович Клычков»

³¹⁴ К слову сказать, как и предшествующее утверждение: «В своих показаниях О.М. (май 1934) и Клычков (август 1937) не оговорили друг друга и даже не упоминали о своей связи» (с. 291, стб. 2). При этом не слишком осведомленному читателю останется совершенно непонятно о каких показаниях и о какой «эпиграмме» на Сталина идет речь.

³¹⁵ Цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 383. Несколько иначе подан данный эпизод в комментируемой публикации: «Критика ставила О.М. в один ряд с “кулацкими” поэтами. По словам А. Архангельского, И. Сельвинский жаловался на то, что “в ‘Новый мир’ проникают Мандельштам и Клычков. – Это наводит на грустные мысли” (Литературная газета. 1933. 11 мая)» (с. 291, стб. 1).

³¹⁶ Мандельштамовские материалы в архиве М. Талова / Публ. М. Таловой при участии А. Чулковой, коммент. Л. Видгофа // *Вопросы литературы*. 2007. № 6. С. 338. Установить, о какой именно статье идет речь, оказалось невозможно, но подобного рода публикации на сходную тему в «главной» газете страны в данный период неизвестны; вероятнее всего, в мандельштамовском утверждении содержится фактографическая ошибка.

³¹⁷ *Горбачева В.Н.* Записи разных лет. С. 213.

и Викт<ор> Бор<исович Шкловский>. Оба захлебываются»³¹⁸. Сохранилось и свидетельство Герштейн об одном из таких эпизодов: «Как ни любил Клычков Мандельштама, но он неприязненно усмехнулся, когда Надя привезла стихотворение “Это какая улица? – Улица Мандельштама”. Эти стихи казались ему нескромными. Он считал, что Мандельштам преувеличивает свое значение»³¹⁹.

Серьезные сомнения вызывает ряд содержащихся в публикации интертекстуальных сопоставлений, принадлежащих как ее автору, так и другим исследователям. Например, относительно одного из «главных» поэтических произведений О.М. говорится: «В концовке стихотворения “За гремучую доблесть грядущих веков...” (“Волк” <sic. – С.Ш.>, 17–28.3.1931) О.М., по замечанию О. Ронена, “вторит замечательным строкам Клычкова, уверившегося, ‘что человек страшней / И злей любого зверя’ (‘Меня раздели донага...’, 1929), и все-таки пообещавшего: ‘Средь человечья стада / Умру, как человек’ (‘Должно быть, я калека...’, 1929)”» (с. 291, стб. 1); речь идет о двух последних строках мандельштамовского стихотворения: *Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет (3, 47)*³²⁰. Совершенно невозможно понять, что именно подразумевает цитируемый исследователь под новаторским термином «вторит»: стилистическое подражание или осознанную имитацию, явный повтор или бессознательный подтекст? Собственно говоря, точно также невозможно понять, о чем конкретно идет в данном постулате речь и что именно удалось увидеть в нем автору комментируемой публикации. По поводу третьего из входящих в «Стихи о русской поэзии» мандельштамовских текстов («Полюбил я лес прекрасный...», 1932), посвященного «герою» публикации, М. Никё, ссылаясь на исследование своего российского коллеги, сообщает, что в «выражении» «хвой павлинья кутерьма» тот «усматривает намек на Клычкова, поскольку в стихотворении “Клеветникам искусства” (1-ая половина 1932 года) Клюев соотносил стихи Клычкова с еловыми шишками» (с. 291, стб. 1). Речь идет о второй строке четвертой строфы: *Там щавель, там вымя птичьё, / Хвой павлинья кутерьма, / Ротозейство и величье / И скорлупчатая тьма (3, 68)*. Вряд ли даже самый беспристрастный

³¹⁸ Цит. по: *Тименчик Р.* Об одном эпизоде биографии Мандельштама. С. 220; безо всяких сопроводительных примечаний письмо воспроизведено в публикации: Надежда Хазина и Надежда Мандельштам – Осипу Мандельштаму: Письма. С. 46.

³¹⁹ *Герштейн Э.Г.* Мемуары. С. 60–61.

³²⁰ См.: *Ронен О.* О «русском голосе» Осипа Мандельштама // *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. – СПб.: Гиперион, 2002. С. 56.

читатель не согласится с тем, что налицо – не просто попытка «интеллектуальной игры» с подтекстами, а типичная профанация злосчастного и, одновременно, совершенно беззащитного метода интертекстуального анализа. И если в противоречии со здравым смыслом все-таки принять отождествление образов ‘хвои’ и ‘шишек’ (заимствуемое из «вторичного» источника), невозможно согласиться с убеждением, что их появление в поэтическом тексте обязательно требует какого-либо стороннего литературного импульса, тем более что присущие им «праздничные» ассоциации (‘павлинья кутерьма’) устойчиво связаны с традиционной рождественской и новогодней символикой. Упоминаемый автором комментируемой статьи образ ‘хвои’, который навел его российского коллегу на ассоциации с образом ‘шишек’, позднее повторится в одном из самых «темных» поздних стихотворений О.М. второй половины 1930-х годов «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935, 1936), причем дважды в одной строфе, но без каких-либо коннотаций с «шишечной» и «павлиньей» символикой, а как реальный элемент похоронных венков: *Возгласы темно-зеленой хвои, / С глубиной колодезной венки / Тянут жизнь и время дорогое, / Опершись на смертные станки – / Обручи краснознаменной хвои, / Азбучные, крупные венки!* (3, 89). В развитие принимаемой без оговорок «находки» российского первопроходца автор комментируемой публикации задается вопросом: «Слышал ли О.М. о замысле поэмы Клычкова “Китежский павлин”?» (с. 291, стб. 1), – что, вероятно, служит довольно прозрачным намеком на вторичность происхождения «павлиньей символики» в художественном мире О.М. Однако образ ‘павлина’ был использован им в относительно близком по времени написания, но с еще большим трудом поддающемся интерпретации стихотворении «Внутри горы бездействует кумир...» (1936), где данный семантический элемент выступает как один из «дифференциальных признаков» беззаботного и счастливого детства его таинственного героя: *Когда он мальчик был и с ним играл павлин, / Его индийской радугой кормили* (3, 101)³²¹. Более того, образ ‘павлина’ относится к числу наиболее ярких детских впечатлений поэта, совершенно отчетливо связываемых с культурно-историческим топосом Петербурга, что нашло свое отражение в стихотворении «Концерт на вокзале» («Нельзя дышать, и твердь кишит червями...», 1921): *Павлиний крик и рокот фортепьянный. / Я опоздал. Мне страшно. Это – сон* (2, 26)³²². Данный текст, как известно, дополняется мандельштамовским

³²¹ Применительно к этому образу комментаторы последнего издания полного корпуса мандельштамовских текстов указывают, что «павлин – один из символов Будды» (*Лекманов О.А. и др.* Комментарий. С. 456).

³²² В полном издании стихотворений О.М. об этом образе говорится, что он «основан на реалиях: в Павловске был павильон с павлиньим вольером (наблюдение Б. Бухштаба, см.: Баевский В. Я не был лишним // *Russian studies*. 1996. Vol. II.

автокомментарием, содержащимся в первой главе «Шума времени» «Музыка в Павловске»: *Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь: последнее убежище умирающего века. За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то “Крейцеровой сонате” и смену дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала, казавшуюся мне сменой династий. <...> В двух словах – в чем девяностые годы. – Буфы дамских рукавов и музыка в Павловске; шары дамских буфов и всё прочее вращаются вокруг стеклянного Павловского вокзала, и дирижер Галкин – в центре мира (2, 347).* Думается, при подобных биографических коннотациях образ ‘павлина’, как и ‘хвой’, в художественном мире О.М. не нуждался ни в каких дополнительных внешних источниках своего появления во вполне определенных контекстах³²³.

То же самое можно сказать и об образе ‘шишек’, который в мандельштамовских стихах не встречается ни разу, но обнаруживается в прозе и в «экзистенциальном» семантическом ореоле именно воспоминаний об иерархии детских ценностей, предвосхищающей будущие приоритеты «взрослой» ценностной шкалы: *В детстве из глупого самолюбия, из ложной гордыни никто никогда не ходил по ягоды и не нагибался за грибами. Больше грибов мне нравились готические хвойные шишки и лицемерные желуди в монашеских шапочках. Я гладил шишки. Они топорщились. Они убеждали меня. В их скорлупчатой нежности, в их геометрическом ротозействе я чувствовал начатки архитектуры, демон которой сопровождал меня всю жизнь (3, 180–181).* Представляется совсем не случайным, что процитированный фрагмент содержится в «Путешествии в Армению» (1931–1932) в главе «Москва», содержательную и художественную специфику которой полностью определяет повествование о *Б.С. Кузине, хорошо образованном молодом зоологе (3, 189)*, знакомство с которым, сразу перешедшее в искренние дружеские отношения, состоялось летом 1930 года в Армении. В связи со сказанным выше о формировании новых дружеских отношений О.М. на границе 1920–1930-х

№ 1. С. 399» (*Мец А.Г.* Комментарий. С. 577); ср. неясную несколько абстрактную формулировку: «Павлиний крик – павлиний вольер в Павловске, находившийся рядом с вокзалом» (*Лекманов О.А. и др.* Комментарий. С. 392)..

³²³ Например, с иной, негативной оценочностью, но также в статусе «характерологического» признака уходящего мира эпитет ‘павлиний’ в составе распространенного речевого клише был использован О.М. в его переводе пьесы Э. Толлера «Человек-масса» (М.; Пг.: Государственное издательство, 1923) в реплике анонимного действующего лица: *Нам нужен опыт твой, а не павлиньи перья геройства, / Носит каждый наследственности сумрачной зерно, / И у тебя недуг буржуазии: / Самообман и слабость (4, 355).*

годов можно отметить далее глубоко ассоциативное «появление» фигуры Герштейн, с кем он познакомился в конце 1928 года в подмосковном санатории «Узкое»: *А на подмосковных дачах мне почти не приходилось бывать. Ведь не считать же автомобильные поездки в Узкое по Смоленскому шоссе, мимо толстобрюхих бревенчатых изб (3, 191)*³²⁴. В свою очередь, в продолжении этого фрагмента, вероятно, глубоко опосредованно, посредством военной и живописной метафоры, имплицирована параллель со стихотворением «Заблудившийся трамвай» Гумилева (1919³²⁵): *автомобильные поездки <...> мимо толстобрюхих бревенчатых изб, где капустные заготовки огородников как ядра с зелеными фитилями. Эти бледно-зеленые капустные бомбы, нагроможденные в безбожном изобилии, отдаленно мне напоминали пирамиду черепов на скучной картине Верещагина (3, 191)*; ср.: «Вывеска... кровью налитые буквы / Гласят: “Зеленная”, – знаю, тут / Вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают»³²⁶. Здесь же может быть названа заметка Хлебникова «Письмо двум японцам» (1916): «Когда даяк, охотник за черепами, прибьет к хижине открытку Верещагина “Похвала войне”, он присоединится к нам»³²⁷. В таком случае

³²⁴ В последнем издании этой глубоко биографической прозы О.М. один из комментаторов довольствовался таким примечанием к данному топониму: «Узкое. Там находился дом отдыха ЦЕКУБУ (расположен по Калужскому шоссе, ныне в черте Москвы)» (*Мец А.Г.* Комментарии. С. 678).

³²⁵ Новая датировка вместо широко распространенной традиционной – 1921 год – была предложена М. Баскером в кажущейся убедительной публикации: *Basker M.NikolaiGumilevandEngineerKrestin // Rusistika. 1995. № 12. P. 12–21.*

³²⁶ *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921) / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2001. С. 82.

³²⁷ *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 1: Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления: 1904–1922 / Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р. Арэнзона и Р.В. Дуганова – М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 255. Там же в комментарии Е.Р. Арэнзона и Р.В. Дуганова указан экстратекстуальный источник упоминания верещагинской картины – письмо одного из японских студентов, ставшее основанием для хлебниковской «реплики». Несколько шире данный контекст был рассмотрен в работе автора этих строк: Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // *Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.)*. – М.: РГГУ, 2001. С. 265–266, прим. 17; также он упомянут в «неаутентичной» статье «Живопись» в комментируемом издании (с. 247, стб. 2). С определенными оговорками подобного рода предрасположенность поэта к поиску «интернациональных» друзей может быть сопоставлена с мандельштамовской характеристикой Кузина, который *был довольно опытным путешественником в масштабе СССР. И в Бухаре, и в Ташкенте мелькала его лагерная гимнастерка и раздавался заразительный военный смех. Повсюду он селл друзей (3, 189)*. Одновременно с этим, наделяя образ своего нового друга «военной» символикой, О.М. в известном смысле предвосхищает ее употребление в посвященном ему послании «К немецкой речи» («Себя губя, себе противореча...», 8–12.8.1932) и одновременно писавшемся с ним и непосредственно связанным стихотворением «Христиан Клейст» («Есть между нами похвала без лест...», 8.8.1932), – притом что она же активно использовалась О.М. ранее при создании поэтического портрета Гумилева; см., напр.: *Шиндин С.Г.* Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы // *Н. Гумилев и русский*

более понятным становится эмоциональный диссонанс между началом данного пассажа и его «итоговой» финальной фразой: *А на подмосковных дачах мне почти не приходилось бывать. <...> Теперь не то, но перелом пришел, пожалуй, слишком поздно (3, 191)*

Оставив в стороне текстообразующую функцию образа ‘шишек’, тем не менее, можно обнаружить дополнительные семантические сдвиги, возникающие в реконструируемом смысловом пространстве. В главе «Москва» появление Кузина мотивировано вполне реальными обстоятельствами научной биографии молодого современника О.М., в связи с чем в повествовании возникает образ ‘кошенили’: *В этом году правление Центросоюза обратилось в Московский университет с просьбой рекомендовать им человека для посылки в Эривань. Имелось ввиду наблюдение за выходом кошенили – мало кому известной насекомой твари. Из кошенили получается отличная карминная краска, если ее высушить и растереть в порошок (3, 189)³²⁸. И об этом же «прагматическом» аспекте, положившим начало дружеских отношений с О.М., пишет в самом начале мемуарной части своих воспоминаний Кузин³²⁹. В то же время, образ ‘кошенили’ оказывается прямо соотнесен с образом ‘павлина’ – оба они присутствуют в стихотворении «Внутри горы бездействует кумир...» (причем оба – единственный для мандельштамовской поэзии раз) в одном и том же перечислении упоминаемых там действий по отношению к главному герою во времена его детства: *Когда он мальчик был и с ним играл павлин, / Его индийской радугой кормили, / Давали молока из розоватых глин / И не жалели кошенили (3, 101)*. Никаких явных оснований для предположения о соотнесенности данного текста с личностью Кузина нет, но редуцированные ассоциативные связи такого рода гипотетически могут в нем присутствовать.*

Завершая разговор об уязвимости предложенных в рассматриваемой публикации интертекстуальных моделей, придется указать на не вызывающее уверенности авторское утверждение о том, что в «эпиграмме о Сталине» «строка “Что ни казнь у него – то малина” перекликается с образом Рысачихи, помещицы-палача из романа Клычкова “Князь мира” (1928), прозванной “калиной-малиной”» (с. 291, стб. 2). Как известно, «Калинка» или, в другом варианте, «Калинка-малинка» – песня, написанная композитором, фольклористом и

Парнас: Материалы научной конференции. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1992.

³²⁸ Относительно приведенного фрагмента автор последних примечаний к данному тексту сообщает только, что кошениль – это «красноцветный червец, сырье для получения красной (карминной) краски» (*Мец А.Г.* Комментарии. С. 676).

³²⁹ См.: Кузин Б.С. Об О.Э. Мандельштаме. С. 156–157, 162.

литератором И.П. Ларионовым (1830–1889) в конце 1860 года для спектакля любительского театра в Саратове, вскоре попавшая в репертуар известных исполнителей и ставшая популярной во всей России и за рубежом³³⁰, но вряд ли она, как и героиня клычковского романа, имеет какое-то прямое касательство к мандельштамовскому тексту. Относительно образа ‘малины’ в художественном мире О.М. следует сказать, что в самых разных его ипостасях он неоднократно рассматривался Л.М. Видгофом, в частности, отметившим: «Встречаем мы “малину” с ее многозначным смыслом (“сладкая ягода”, “удовольствие” и “бандитское логово”) и в стихотворении о “кремлевском горце” 1933 г. (“Мы живем, под собою не чуя страны...”)³³¹. К слову сказать, не только в комментируемой статье, но и в других публикациях удивляет то обстоятельство, что при выявлении возможных текстуальных параллелей художественных миров двух литераторов практически все исследователи оставляют без внимания прозаические произведения Клычкова, к началу периода наиболее интенсивного общения с О.М. – 1931 году – полностью издавшего основной их корпус: сборники «Двенадцатая рота» (М.: Недра, 1925; составлен из глав будущего романа) и «Серый барин» (Харьков: Пролетарий, 1926), романы «Сахарный немец» (М.: Современные проблемы, 1925; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Федерация; Круг, 1929; 3-е изд. – М.: Советская литература, 1934), «Чертухинский балакирь» (М.; Л.: Госиздат, 1926; 2-е изд. – М.: Круг, 1928), «Последний Лель» (Харьков: Пролетарий, 1927), «Князь мира» (М.: Федерация, 1928) и др. Вряд ли такой широкий и разнообразный корпус текстов целесообразно игнорировать даже при немотивированном биографически обращении к интертекстуальным штудиям.

Традиционно загадочным для комментируемого издания выглядит список литературы, сопутствующий статье М. Никё (с. 291, стб. 2), – трудно заранее сказать, какие сведения непосредственно о взаимоотношениях двух поэтов могут содержать публикации (столь же традиционно приводимые без указания конкретных страниц) мемуаров «русского Родена» С.Т. Конёнкова или С.И. Липкина³³². Еще труднее представить, чтобы почти 30 страниц было

³³⁰ См.: *Хованский Н.Ф.* Очеркипо истории г. Саратова и Саратовской губернии. Вып. 1. –Саратов: Типография Ищенко и К°, 1884.

³³¹ *Видгоф Л.М.* О «начальнике евреев» и «малиновой ласке» (Два шага на пути к пониманию «Канцонь» О. Мандельштама) // *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. – М.: Новый хронограф, 2015. С. 42.

³³² Последний представлен в тексте в наборе имен других коллег по цеху, оставшихся без второго инициала: «В начале июля 1932 года в квартире Клычкова произошла встреча четырех поэтов: О.М., П. Васильева, С. Липкина, Н. Клюева» (с. 291, стб. 1); при этом цитата из мемуарного очерка младшего современника об О.М. дана по предпоследнему,

посвящено обоим одновременно в библиографическом указателе «Русские советские писатели. Поэты. Т. 11. М. 1988. С. 4–31», и тем более невозможно предугадать, какие сведения об О.М. присутствуют в монографии: «Кравченко Т., Михайлов А. Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М; Томск, 2006». Одновременно с этим в список не попали мемуары Н.Я. Мандельштам, где имя Клычкова встречается неоднократно; точно также не упомянуты актуальные для данного издания воспоминания вдовы младшего поэта, а также ближайшего друга О.М., первая, вероятно, «исследовательская» работа – краткая статья Э.Б. Мекша «О. Мандельштам и С. Клычков» (Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1991) и ряд других публикаций. Но и вошедшие в список литературы позиции не всегда несут в себе реальную вспомогательную функцию, что объективно невыполнимо в тексте, лишенном прямых библиографических ссылок. Как можно, например, атрибутировать источник цитаты во фразе: «Их [О.М. и Клычкова] роднило отношение к фольклору <...> и пантеистическое, священное отношение к природе» (Солнцева. С. 79)», – если под указанной фамилией автора в списке литературы значатся две ее публикации, да еще разделенные во времени пятнадцатью годами (с. 291)? А продолжение приведенной фразы в статье, представляющее собой прямую цитату мандельштамовского высказывания, выглядит просто голословным: «“Вашей судьбе завидую”, – говорил О.М. Клычкову» (с. 291, стб. 1), – хотя очевидно, что в тексте дословно воспроизведен фрагмент дневниковых записей жены поэта: «“Вашей судьбе завидую”, – говорил Сергею Антоновичу»³³³.

В качестве вынужденного постскриптума к сказанному выше приходится добавить, что в комментируемой статье М. Никё читатель обнаружит совершенно невероятную по своей тематической принадлежности информацию, беспрецедентную даже для МЭ, в некоторых моментах склонной к почти безграничной толерантности и самым неожиданным экскурсам. Речь идет о следующей информации: «в “Красной ниве” (1923. № 4. 28 янв.) стихотворение Клычкова “Пылает за окном звезда...” (1-я публикация: Известия ВЦИК. 1922. 23 сент.) напечатано за ошибочной подписью “О. Мандельштам”. Оно <...> было взято (как стихотворение О.М.) группой “Черный кофе” и в исполнении Д. Варшавского вошло в

теперь не самому авторитетному изданию.

³³³ Горбачева В.Н. Записи разных лет. С. 210. – Точно также приходится гадать и о местонахождении другой цитаты: «Готовя 3-й пленум Правления Союза писателей А. Сурков предлагал классификацию поэтов, в которой Клюев, Клычков и О. М. значились советскими “только по паспорту, а не по духу” (письмо Горькому от 28.11.1935)» (с. 291, стб. 1).

альбом “Переступи порог”» (с. 290, стб. 2). И если автору публикации, объективно оторванному от реальной шкалы степени актуальности тех или иных событий в культурной жизни современной России и от адекватного понимания их значения для филологической науки, это еще простительно, то главные редакторы были просто обязаны внести ясность в данную ситуацию, тем самым не допуская компрометации ни персонажей данной статьи, ни иностранного коллеги, ни всего издания³³⁴. Трудно поверить, чтобы издательством «РОССПЭН» и РГГУ, а затем ВШЭ (как и некоторыми участниками редакционной коллегии, и тем более – реальными научными редакторами энциклопедии) в их совместном проекте предполагался явный промоушн в академической среде одного из первопроходцев *heavy metal* в российской рок-музыке³³⁵.

Публикация «Коваленков А.А.» (П.М. Нерлер) своей обстоятельностью совершенно очевидно превосходит все разумные энциклопедические пределы – ее масштаб составляет более двух столбцов (приблизительно таковы по объему предшествующие ей статьи о Клычкове и Клюеве), что является прямым следствием включения в текст вовсе необязательных цитат. Сведения о взаимоотношениях двух поэтов-современников ограничиваются следующим сообщением: «Встречался с О.М. в начале 1930-х годов. О.М. был внутренним рецензентом первого поэтического сборника Коваленкова “Зеленый берег”», – после чего автор сообщает: «В 1957 году Коваленков выступил в журнале “Знамя” со статьей “Письмо старому другу”, содержащей, наряду с выдержками из этого отзыва О.М. и искаженными цитатами из его неопубликованных стихотворений 1931 года <...>, ложные и оскорбительные упоминания о нем» (с. 293, стб. 1). Информация о посмертной публикации сопровождается цитатой из указанного вполне доступного издания, составляющей 17 строк, что, в условиях неоднократно декларируемых ограничений объема издания представляется

³³⁴ Впрочем, вполне возможно, что прямым источником информации послужило примечание, содержащееся в первом полном собрании мандельштамовских произведений на родине, где о данном издательском казусе сообщается: «В качестве курьеза упомянем песню на слова этого стихотворения, включенную в репертуар рок-группы “Черный кофе” (также под именем Мандельштама – см. грампластинку этой группы “Переступи порог”. М.: Мелодия, 1988, С6026139006)» (Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 407).

³³⁵ Случись такому иметь место в реальности, справедливости ради начинать следовало бы с рассказа об исполнении песен, написанных еще в советское время, в самом начале 1980-х годов, по мотивам взятых за основу стихов О.М. («Жил Александр Герцевич...» и «Петербург»): данный факт, несомненно, сегодня неизвестен значительной части аудитории МЭ. Но в этом случае еще большего внимания заслуживала бы выдающаяся польская певица Э. Демарчик, в 1970-е годы исполнявшая песни «Цыганка» и «Скрипач» на стихи О.М. в переводе Е. Помяновского.

более чем неоправданным, особенно в сравнении с лаконичными, условно говоря, «публикациями» самой разной тематики (например, уже упоминавшаяся «реплика» того же автора о П.Д. Яшвили ограничилась четырьмя с третьей строками, о Ялте – менее, чем четырьмя). Аналогичными обстоятельными цитатами, не имеющими никакого отношения к теме энциклопедии, проиллюстрировано и сообщение о том, что «столь же уничижительно Коваленков отозвался и об А.А. Ахматовой <...>, сумев при этом противопоставить ее поэзию творчеству О.М.» (всего – 11 строк).

Но на этом автор публикации не останавливается и, упомянув о том, что «Н.Я. Мандельштам обратилась с негодующим письмом в Союз писателей СССР», очевидно, приводит это письмо целиком по архивному источнику (РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Д. 721), что обходится изданию еще в 32 <sic! – С.Ш.> строки³³⁶. Свое продолжение эта ситуация находит в письме Н.Я. Мандельштам Ахматовой, развернутая цитата из которого (еще 25 строк) начинается таким образом: «Кстати, по поводу “Знамени”. Он хотел написать от имени комиссии письмо (открытое) с протестом в “Знамя”» (с. 293, стб. 2). Определить наверняка, что за местоимением единственного числа третьего лица скрывается А.А. Сурков, невозможно без обращения или к указанному в заметке первоисточнику, содержащемуся в первом номере журнала «Литературное обозрение» за 1991 год, или к более поздней публикации данного письма, таинственным образом автором не учтенной: *Мандельштам Н. Об Ахматовой / Сост. П. Нерлера, подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой.* – М.: Новое издательство, 2007. С. 245–246 (то есть на момент составления первой редакции комментируемого текста, в какой он и размещен в МЭ, данное издание уже вышло в свет). С грустью приходится признать, что в описанной ситуации читатели вынужденно имеют дело с сознательно увеличенным объемом публикации, констатация чего

³³⁶ Дважды оказывается доведено до сведения читателей и то, что, по версии совершенно маргинального для мандельштамоведения (если не для всей русской литературы) персонажа, «Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что». Данный эпизод «внутрилитературной жизни» хорошо известен по мемуарным свидетельствам; из последних см., напр.: «Когда в 1957 году в журнале “Знамя” А.А. Коваленков упомянул о мифической драке Мандельштама с Есениным, Н.Я. Мандельштам моментально написала письмо-опровержение в Союз писателей, требуя снятия главного редактора издания В.М. Кожевникова. Она опасалась, что такие публикации могут помешать скорейшей литературной реабилитации Мандельштама, на что она <...> очень надеялась» (*Нечипорук Д.* «Переоценка ценностей»: Надежда Мандельштам как политический комментатор послесталинской эпохи // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 691).

еще в 2009 году осталась научными редакторами проигнорирована³³⁷. Но вряд ли это способствовало тому, чтобы «поэт, преподаватель Литературного института им. А.М. Горького. Автор 35 книг, в том числе 24 поэтических» (с. 293, стб. 1) в реальности попал в анналы жизнеописания своего великого современника. Кроме того, читатель оказывается лишен адекватной «библиографической» поддержки – в пристатейном списке литературы ссылка на мандельштамовскую рецензию дана по первой публикации (Вопросы литературы. 1981. № 3), тогда как она входила, в частности, и в собрание сочинений О.М., послужившее текстологической основой абсолютно для всех материалов МЭ³³⁸. И как бы не относиться к герою заметки, вряд ли оправданным можно назвать пропущенное упоминание о нем в качестве источника отмеченного в статье О.А. Лекманова «Ильф И. и Петров Е.» известного сообщения о том, что О.М. принадлежит «авторство в изобретении “Гаврилады”, литературной игры в “Гаврилу”, образчики которой были использованы И. Ильфом и Е. Петровым в “Двенадцати стульях” (Коваленков А. Хорошие, разные... М., 1966. С. 10)» (с. 272, стб. 1)³³⁹.

В заметке «**“Ковчег”**» (Е.М. Голубовский) удивляет отсутствие точного библиографического указания на описываемое издание: Ковчег: Альманах поэтов. – Феодосия: Издание группы поэтов, 1920; автор ограничивается лишь «повествовательной» формулировкой «“альманах поэтов”, вышедший в Феодосии весной 1920 года» (с. 294, стб. 1). Трудно сказать, почему перечисление всех участников этого сборника не сопровождается ссылкой на доступное читателю воспроизведение его содержания в публикации: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900–1937. – М.: Лантерна; Вита, 1994. С. 109–110³⁴⁰. И в этой связи возникает,

³³⁷ Более того, текст в значительной своей части повторяет столь же общедоступный источник – комментарии его автора в издании: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 3: Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Мец, подгот. текста, коммент. К.М. Азадовский и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 673–674.

³³⁸ См.: *Мандельштам О.* <А. Коваленков. «Зеленый берег»> // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994.

³³⁹ В первом томе последнего полного издания произведений О.М. упоминание данного утверждения отсутствует: *Мец А.Г.* Комментарии. С. 721–722. – В более широком и разнообразном контексте об А.А. Коваленкове см., напр.: *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы / 2-е изд., испр. и расш. – М.: Мосты культуры; Гешарим, 2014. Т. I. С. 93–94; Т. II. С. 147–149.

³⁴⁰ Данное справочное издание уже упоминалось ввиду обнаруживающихся в нем и в комментируемой заметке расхождений в перечне напечатанных в альманахе стихотворений О.М.; см.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К

например, принципиальное несоответствие, касающиеся состава поэтов и их произведений, присутствующих в альманахе: называемого Н.А. Богомоловым стихотворения Блока «Инок шел и нес святые знаки...», как и его имени, в публикации Е.М. Голубовского нет. Установить, как обстояло дело в реальности, остается за пределами возможностей комментатора.

Лаконичная «помета на полях» «**Комаровский В.А.**» (А.М. Галашина, О.А. Лекманов), опубликованная в неизменном после редакторского вмешательства варианте 2004 года, в «мандельштамоцентричной» части дефиниции обходится следующим сообщением: «По мнению М.Л. Гаспарова, “позднейшая поэтика (не только “царскосельская”) Гумилева, Ахматовой и Мандельштама”, вопреки прочно устоявшемуся мнению, “гораздо больше опирается на Комаровского, чем на Анненского” (Русская поэзия серебряного века: Антология. М., 1993. С. 687)» (с. 295, стб. 1). Вероятно, во вводной части публикации уместнее было бы учесть более конкретное и глубокое утверждение В.Н. Топорова: «С течением времени обнаружилось, что акмеизм усвоил ряд важных уроков Комаровского; у Ахматовой и О.Э. Мандельштама обнаруживаются несомненные связи с его стихами – вплоть до текстуальных переключек. <...> То, что именно акмеисты оказались наиболее чутки к поэзии Комаровского (Н.С. Гумилев был чуть ли не первым ее пропагандистом), отчасти было подготовлено знакомством с поэзией И.Ф. Анненского, с которой у Комаровского немало общего, но отчасти обуславливалось и тем, что для акмеизма в его отталкивании от поэтики символизма был важен опыт Комаровского, который не прошел мимо символизма, но, усвоив ряд его черт, ввел их в новый поэтический контекст, оказавшийся привлекательным для акмеистов»³⁴¹. Возможно, авторам публикации следовало бы отметить общий для старшего и младшего поэтов интерес к поэзии французского символизма, актуальный для становления художественного мировоззрения обоих (как,

выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А – М // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 65. С. 32–33, прим. 74.

³⁴¹ Топоров В.Н. Комаровский В.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3: К – М / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1994. С. 44, стб. 1; ср. во вступительной заметке того же автора к публикации: Три письма В.А. Комаровского к Н.О. Лернеру / Публ. В.Н. Топорова // Серебряный век в России: Избранные страницы. – М.: Радикс, 1993. С. 156. Там же (с. 155) приводится относящееся, очевидно, к середине 1910-х годов контекстуально близкое позднее мемуарное свидетельство Адамовича (1971): «Гумилев заговорил об Анненском и сказал, что изменил свое мнение о нем. <...> Единственный подлинный поэт среди символистов – Комаровский. Теперь, наконец, он это понял и хочет написать о Комаровском большую статью. Помню, что Ахматова высоко ценила его <...>, что о нем говорили всегда почтительно, как о чрезвычайном даровании».

впрочем, во многом и для акмеизма в целом): «В формировании Комаровского как поэта значительную роль сыграло и его знакомство с новой французской поэзией – Ш. Бодлером, Ж. де Нервалем, С. Малларме и особенно А. де Ренье»³⁴².

Совершенно невозможно угадать, почему пропущенной авторами оказалась «рецензия» Гумилева на дебютный и оставшийся единственным поэтический сборник Комаровского «Первая пристань» (СПб., 1913), наверняка не пропущенная О.М., поскольку в очередном «Письме о русской поэзии» ей предшествовал отзыв о вышедшем из печати первом издании его «Камня» (Аполлон. 1914. № 1–2. С. 126–128)³⁴³. Публикация открывается в целом доброжелательными по своей тональности словами рецензента, наделяющего автора статусом «несомненного поэта»: «О “Первой пристани”, книге стихов гр. Василия Комаровского, вышедшей в начале этой осени, до сих пор я нашел только одну рецензию, поверхностную и недоброжелательную. Книга, очевидно, не имела успеха, и это возбуждает горькие мысли. Как наша критика, столь снисходительная ко всем без разбору, торжествующая все юбилеи, поощряющая все новшества, так дружно отвернулась от этой книги не обещаний (их появилось так много неисполненных), а достижений десятилетней творческой работы несомненного поэта?»³⁴⁴. Вероятно, оправданным будет отметить в

³⁴² *Топоров В.Н.* Комаровский В.А. С. 44, стб. 2.

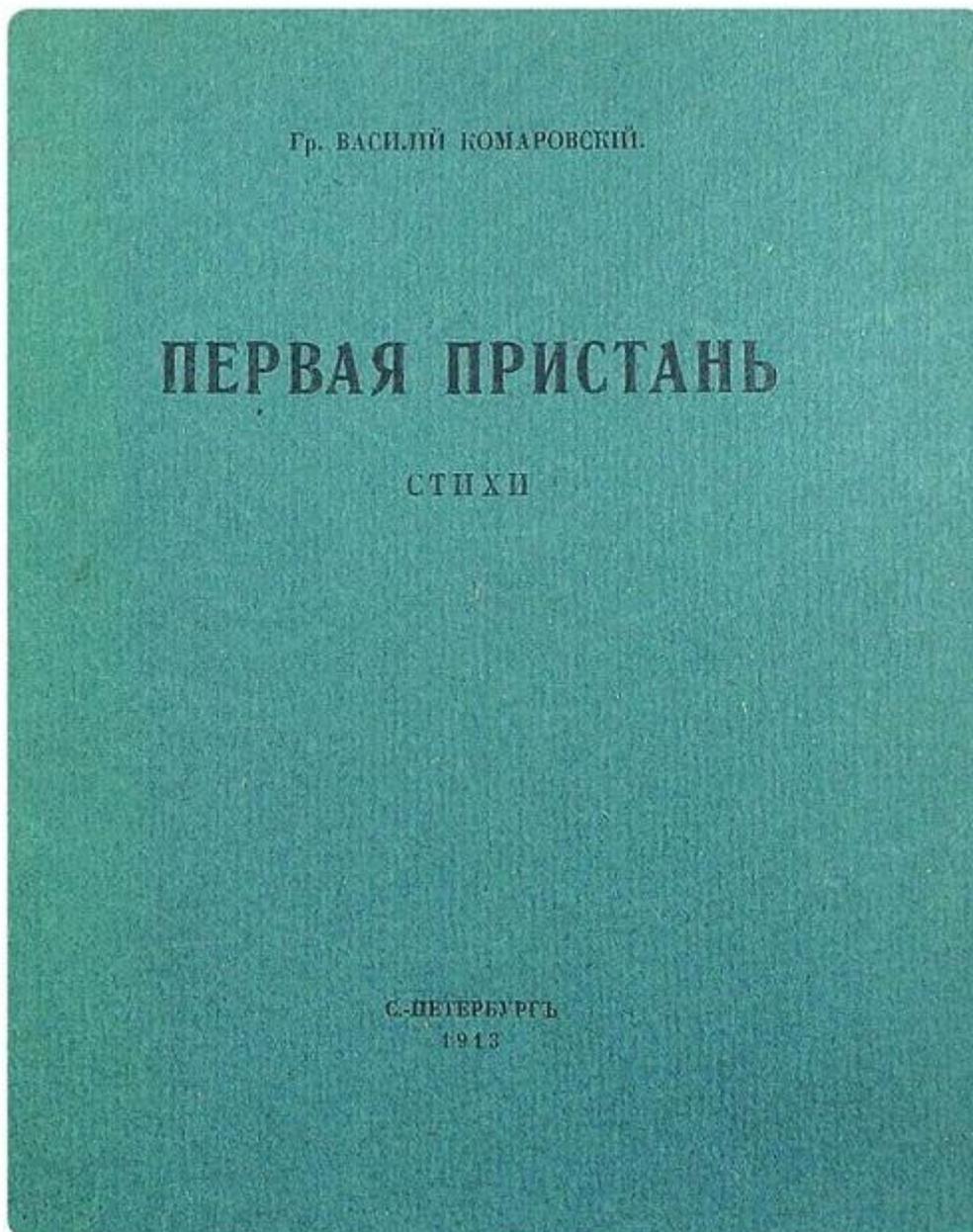
³⁴³ Строго говоря, эта обзорная «рецензия» никак не могла быть не замечена любителями современной поэзии, поскольку содержала еще отклики Гумилева на «Стихи Нелли. С посвящением Валерия Брюсова» (М.: Скорпион, 1913), «Громокипящий кубок» Северянина (М.: Гриф, 1913), разрозненные произведения Хлебникова, посмертное издание вакхическую драму «Фамира-кифаред» Анненского (М.: Издание В.П. Португалова, 1913) и очередной, тринадцатый том полного собрания сочинений Сологуба (СПб: Сирин, 1913). Дополнительную актуальность для читателей представляло специфическое «происхождение» этой публикации: «С апреля по сентябрь 1913 г. Гумилев находился в Абиссинии <...>. Очевидно, что данное “Письмо о русской поэзии” изначально мыслилось, как некий большой ретроспективный очерк “пропущенного” критиком “Аполлона” “литературного года” – по образцу двух “Писем” 1911 г., следовавших за вторым абиссинским путешествием <...>. Однако в силу каких-то причин реализовать этот замысел до конца не удалось и в январском № “Аполлона” за 1914 г. появился некий “жанровый гибрид”: статья построенная по образцу предыдущих “писем”, но лишенная традиционного для них заголовка-“шапки”, резко превосходящая их по общему объему и содержащая, помимо собственно рецензий на книги Брюсова, Мандельштама, Комаровского, Анненского, Сологуба, – очерк творчества Игоря-Северянина, оформленный как рецензия на “Громокипящий кубок”, и очерк творчества Хлебникова, не связанный с каким-либо отдельным изданием (таковых у него на тот момент не было). О причинах этой эклектики мы можем только гадать: возможно, на это повлияла “злейшая аграфия”, владевшая поэтом в этот период жизни <...>. Не исключено, что в состав этого “Письма о русской поэзии” Гумилев включил материалы так и не написанной им статьи о футуристах» (*Баскер М. и др.* Примечания. С. 486); в цитате сохранена орфография и пунктуация источника.

³⁴⁴ *Гумилев Н.С.* «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники // *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер при участии Р.Д. Тименчика, подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. – М.:

отклике Гумилева, возможно, неосознанное им самим, редуцированное оппонирование личности рецензируемого автора фигуре Анненского (имя которого появится сразу после цитируемого фрагмента о «новом» поэте): «Все стихи с 1909 года – уже стихи мастера, хотя отнюдь не учителя. Учителем гр. Комаровский, по всей вероятности, не будет никогда, самый характер его творчества, одинокого и скупого, помешает ему в этом»³⁴⁵.

Современник, 1990. С. 175; *Гумилев Н.С.* «В книгоиздательстве “Скорпион” вышла ... » // *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 166.

³⁴⁵ *Гумилев Н.С.* «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники. С. 176; *Гумилев Н.С.* «В книгоиздательстве “Скорпион” вышла ... ». С. 166. Более того, в определенном смысле можно говорить о том, что Гумилев, для которого, как известно, тема поэтического наставничества в обоих ее направлениях – ученика и учителя – была весьма актуальна и в личном отношении, наделял Комаровского статусом «учащегося». (Показательно, что перед этим Гумилев, характеризуя «фонетическое словообразование» Хлебникова, кратко излагает его статью с характерным в реконструируемом контексте названием «Учитель и ученик. О словах, городах и народах»; см.: *Тименчик Р.Д.* Комментарии. С. 329.) По воспоминаниям Д.П. Святополк-Мирского, оставленным в заметке «Памяти гр. В.А. Комаровского» (Звено. 1924. 22 сент. № 86. С. 2), «именно в кружке Гумилева только и сумели хоть немного оценить Комаровского. Но Гумилев, вождь и учитель, имел неискоренимую потребность всех рассаживать по полочкам, и для Комаровского никакой полочки не прибрать было. Помню, Комаровский мне рассказывал, как Гумилев приставал к нему: “Да к чьей же, наконец, школе вы принадлежите, к моей или Бунина?” К школе Анненского, мог бы ответить Комаровский, если ответить было бы делом жизни и смерти. Анненского он высоко ценил и, хотя почти не встречался с ним (несмотря на то что оба в одно время жили в Царском), хранил благоговейное воспоминание о его личности» (цит. по: Воспоминания о серебряном веке / Сост., коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 261). К слову сказать, подобное отношение к личности и творчеству Анненского (одновременного «учителя» и «ученика» поэтов-акмеистов) – один из художественных ориентиров, сближающих Комаровского и О.М. Среди более частных параллелей можно отметить тему Византии; у старшего поэта Гумилев выделил ее еще в процессе формирования: «в его стихах сильна хотя и мало еще проявившаяся, но уже обладающая властью зачаровывать любовь к Византии или, вернее, к византийской идее» (*Гумилев Н.С.* «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники. С. 176; *Гумилев Н.С.* «В книгоиздательстве “Скорпион” вышла ... ». С. 167), – в мандельштамовском мире она отчетливо проявилась в начале 1920-х годов. Но еще в большей степени объединяет авторов самое широкое и разнообразное отражение в их поэзии античной тематики, причем в сравнении с опытами О.М. самого начала 1910-х годов у Комаровского она явно преобладает.

К числу явных погрешностей А.М. Галашиной и О.А. Лекманова приходится отнести целый ряд необъяснимых лакун в биографической части их «пометы на полях», в первую очередь – оставшееся не указанным отчасти эфемерное, но имевшее место соприкосновение Комаровского с «Цехом поэтов», среди участников которого позднее он был назван Ахматовой³⁴⁶. Неупомянутым оказалось размещенное в том же номере «Аполлона», где было

³⁴⁶ См.: *Ахматова А.* Листки из дневника // *Ахматова А.* Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, примеч. Н. Крайневой. – М.: Русский путь, 2005. С. 106; ср.: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // *Russian Literature.* 1974. № 7/8. С. 38, – а также беглую заметку О.А. Лекманова «Цех поэтов» в комментируемом издании (с. 522, стб. 2).

опубликовано цитировавшееся «Письмо о русской поэзии» Гумилева, сообщение относительно того, что в конце 1913 года (9, 30 ноября или 8 декабря) оба поэта, вероятно, одновременно выступали в редакции журнала на одном из первых после «долгого, в целый сезон, перерыва» заседаний ОРХС, где «присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Н. Гумилев, гр. Вас. Комаровский, Валентин Кривич, А. Скалдин, О. Мандельштам, Ал. Вир и др.) читали свои стихи, которые подвергнуты были обсуждению»³⁴⁷. Трудно сказать, по какой причине из поля зрения авторов выпало мемуарное свидетельство спутницы жизни поэта, содержащее «обобщенную» мандельштамовскую характеристику поэтического наследия старшего современника, относящуюся к 1923 году: «Случилось так, что два молодых человека решили попробовать, каково быть частными издателями, и заказали О.М. антологию русской поэзии от символистов до “сегодняшнего дня”. Антология открывалась Коневским и Добролюбовым, а кончалась Борисом Лапиным. О.М., как обычно, искал у поэтов удач: <...> у Комаровского “На площадях одно лишь слово – даки”»³⁴⁸. Речь идет о сонете «Toga virilis» («На площадях одно лишь слово – “Даки”...», 1911), впервые увидевшем свет под псевдонимом «Incitatus» в итоговом за 1911 год издании редакции «Аполлона» «Литературный альманах» (СПб.: Аполлон, 1912. С. 43), где также публиковался О.М.³⁴⁹; затем оно вошло в поэтический сборник старшего современника³⁵⁰.

³⁴⁷ Z. Общество ревнителей художественного слова. С. 135, стб. 1. – Попутно следует указать на вызывающее полное недоумение отнесение Комаровского к числу «ближайших сотрудников» «Аполлона» в одноименной статье В.В. Калмыковой (с. 82, стб. 2. Оставляя на совести автора употребление подобной штатной единицы как таковой, необходимо отметить, что вряд ли поэт может выступать в статусе сотрудника: его только неформальные отношения с участниками издания нашли свое выражение в участии в так называемой «молодой редакции “Аполлона”»; см., напр.: *Шруба М.* «Аполлона» кружок (молодая редакция «Аполлона») // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 22–23.

³⁴⁸ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 326; данный эпизод датируется по содержащемуся там же косвенному комментарию (с. 549, прим. 386), не проясняющему ситуации в целом. Отсутствует какой-либо комментарий и при традиционно развернутой цитате из мемуаров вдовы поэта в описании его биографии: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 233.

³⁴⁹ В отличие от публикации О.М., стихам Комаровского в рецензии на это издание довольно высокую оценку дал один из самых пристрастных читателей «новой поэзии» середины 1910-х годов: «В сборнике много стихов, и некоторые из поэтов (Incitatus, М. Зенкович <sic. – С.Ш.>, Николай Клюев, Бенедикт Лившиц, М. Моравская, О. Мандельштам) не встречались в “Антологии” и в альманахе “Северные цветы”. <...> – Стильные стихи Incitatus’a “Август”, в особенности “Возрождение”. Здесь читателя захватывает искусство перевоплощения. На миг даже оживает далекая эпоха и “монастырь странноприимного Франциска”. Другие стихотворения автора воспринимаются с трудом благодаря излишнему щеголянью эрудицией» (*Львов-Рогачевский В.* [рец.] Литературный альманах. Изд. «Аполлона». СПб., 1912] // *Современный мир.* 1912. № 1. С. 342, стб. 1).

И, видимо, в целях экономии издательского пространства из пристатейного списка литературы было исключено указание на публикацию: *Топоров В.Н.* Две главы из истории русской поэзии начала века: В.А. Комаровский. В.К. Шилейко (К соотношению символизма и акмеизма) // *Russian Literature*. 1979. Vol. VII. № 3. Вместе с тем, кажется, что библиографию целесообразно было бы дополнить еще одной ссылкой: *Устинов А.Б.* Поэтические прогулки Василия Комаровского, или Частный случай «антиномичности поэтики русского модернизма» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. – М.: ИМЛИ РАН, 2004³⁵¹.

Под литерой «М»...

В заметке «**Магазинер А.Г.**» (П.М. Нерлер) перед читателем предстает «областной партийный и профсоюзный деятель во время пребывания О.М. в ссылке», чье участие в живой истории русской литературы XX века проявилось в том, что «14.4.1936 Н.Я. Мандельштам обращалась к Магазинеру и Генкину за помощью в организации освидетельствования и лечения О.М.» (с. 321, стб. 1)³⁵². К несчастью, вновь возникает ощущение того, что тщательное и бережное описание воронежского партийно-административного ареопага второй половины 1930-х годов стало одной из главных целей «персонального» энциклопедического издания, где не нашлось места как для большинства родных и друзей главного героя, так и для многих самых ярких его современников. Зато по страницам книги за авангардом провинциальной большевистской элиты уверенно шествуют

³⁵⁰ См.: *Комаровский В.* Первая пристань: Стихи. СПб.: [б. и.], 1913. С. 43, – а также: *Комаровский В.* Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. С. 49. – Автор глубоко признателен А.Б. Устинову за библиографические консультации в связи с данной ситуацией.

³⁵¹ Без всякой мотивации со стороны главных редакторов МЭ не увидела свет под данной литерой заметка автора этих строк «Короленко В.Г.», также помещенная в приложение. В дополнение к ней теперь может быть приведена публикация: *Кацис Л.* Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (а, б). Гибель «от попугая» и гибель «от велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама // *История*. OSTKRAFT. 2018. № 6. С. 132–135.

³⁵² В который раз с грустью вспоминается уже цитировавшееся утверждение из редакционной вступительной заметки: «Многие статьи МЭ основываются на специальных разысканиях и поэтому поистине уникальны. Все статьи подчеркнута “мандельштамоцентричны”: тот или иной персонаж, та или иная организация интересуют редколлегию не сами по себе, а постольку, поскольку их творчество или деятельность пересеклись с творчеством и судьбой великого поэта» (с. 4, стб. 2)».

ряды верных представителей административно-хозяйственного актива и передовой отряд местных литераторов, более чем доброжелательно сопровождаемые периферийным чекистским бомондом, положившим все силы на борьбу с собственным народом. Интуиция подсказывает, что до окончания комментируемых литер подобного рода «историко-литературные» прорывы появятся еще не раз, и на память невольно приходят слова одного из булгаковских героев: «Кальсонера атакуем, да он сам в наступление перешел...».

В предыдущих дополнениях к статье «**Мандельштам Н.Я.**» (Ю.Л. Фрейдин) пропущенным автором данных строке оказалось еще одно исследование: *Кацис Л.* Русский еврей Осип Мандельштам и еврейский Киев: взгляд Н.Я. Мандельштам (из комментариев к киевским текстам О. Мандельштама и «Второй книге» Н.Я. Мандельштам) // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2: Памяти Рашида Мурадовича Капланова. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2008. В новой редакция статьи, очевидно, будут учтены и публикации из сборника «Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.)» (М.: РГГУ, 2001) – «К столетию со дня рождения Н.Я. Мандельштам» Ю. Табака и «Памяти Надежды Мандельштам» Ж. ван дер Энг-Лидмейер. Здесь же следует назвать статью Б.Я. Фрезинского «Мандельштамы и Эренбурги» в издании «Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве» (В 2 ч. / Сост. П.М. Нерлер, А. Поморский, И.З. Сурат. М.: РГГУ, 2015). Лаконичное название публикации полностью отражает как ее тематику, так и несколько неожиданный взгляд на биографические параллели четверых столь неординарных представителей русской литературы, перипетии в судьбах которых отразили едва ли не все испытания, выпавшие на долю их поколения³⁵³. Согласно точки зрения автора, «после гибели Мандельштама дружба Эренбургов с Надеждой Яковлевной была немаловажным фактором борьбы за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР». Биографические эпизоды, которые уже нельзя назвать просто параллелями, настолько тесно переплетаются они в судьбах персонажей этой публикации, восстановлены автором с исключительной тщательностью и убедительной достоверностью. И, несомненно, статья о спутнице жизни поэта будет расширена за счет недавно вышедшего из печати еще одного фрагмента ее эпистолярии: «Никушка, дружок!»

³⁵³ Подобное «перекрестное» сопоставление возможно, пожалуй, только еще в одном случае – когда «собеседниками» Мандельштамов в таком диалоге станут Виктор и Василиса Шкловские.

Письма Н.Я. Мандельштам к Н.Н. Глен (1959–1966) / Вст. ст., подгот. текста и коммент. О.Е. Рубинчик // Русская литература. 2018. № 3. Одновременно с этим, в связи с упоминавшейся публикацией переписки с Гинзбург (Переписка Н.Я. Мандельштам с Л.Я. Гинзбург (1959–1968) / Подгот. текста, предисл. и коммент. О.Е. Рубинчик // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64) необходимо не забывать о корректирующей ее краткой, но емкой заметке Н.А. Богомолова (Добавления к комментарию // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 65).

Пожалуй, на звание самой трогательной публикации в рецензируемом издании без всякого опасения в неудаче вполне может претендовать **«Мандельштамовская премия»** (М.А. Амелин), где рассказывается о стипендии «имени О.М. за поэзию» <sic... – С.Ш.> и сообщается: «Вручалась в 1991–1992 годах в Литературном институте по итогам конкурса, в жюри которого входили руководители поэтических семинаров <...> и студенты». Кроме этой, безусловно, заслуживающей самого пристального внимания современного российского и зарубежного мандельштамоведения информации читателю становятся известны и более конкретные факты: «Лауреаты: Виталий Пуханов (1991), Максим Амелин (1992)» (с. 331, стб. 2). В предварительном списке будущих статей МЭ («словнике») и ее первоначальной редакции («буквице») данная «публикация» парадоксальным образом отсутствовала...

Точно также там отсутствовали, но теперь точно также будут радовать читателей **«Мандельштамовские дни»**, правда, как и многое другое, с глубоко имплицированной, если не сказать законспирированной мотивацией их выбора в качестве единственной и, следовательно, главной формы общественной репрезентации. При всем многообразии имеющихся возможностей выбраны были только два события, жанровую принадлежность освещения которых в наши динамичные во всех отношениях и подвижные во всех направлениях времена определить довольно проблематично. В целом тексты напоминают нечто среднее между отчетом одного из подразделений мэрии о проделанной работе и имитацией составленного на основе пресс-релиза репортажа в невзыскательном сетевом электронном издании. Но если рассматривать их по прямому функциональному назначению – как основательный балласт для заполнения внутреннего пространства издания, – то можно с уверенностью сказать, что старомодный пилот девятнадцатого века Санотос Дюмон ему непременно позавидовал бы. Нетрудно предсказать, что, случись случиться второму изданию МЭ, в него войдет немало аналогичных сведений, в том числе, конечно, и самая подробная информация обо всех мероприятиях юбилейного 2016 года. А перспективы в данном направлении у последующих изданий поистине безграничны – сколько еще предстоит

юбилеев. Даже не обладающему разносторонне развитым воображением читателю нетрудно будет представить себе список «профильных мероприятий», например, в Дантовской энциклопедии, и если спроецировать его на энциклопедию мандельштамовскую...

В гипотетической новой редакции сообщения «**Миндлин Э.Л.**» (С.Ф. Данилова) теперь могут быть использованы фрагменты дневниковых записей ее героя, введенные в научный оборот Л.М. Видгофом³⁵⁴. Это же распространяется и на относящуюся, очевидно, ко второй половине 1960-х годов оценку его мемуаров, принадлежащую Н.Я. Мандельштам и зафиксированную К. Брауном: «Миндлин – человек неумный, знавший Мандельштама очень мало, в какой-то короткий период его жизни. Однажды мне прислали мемуары Миндлина, от которых я пришла в ужас, потому что там целые страницы прямой речи Мандельштама, и он якобы говорил дикие глупости, которые ему несвойственны были... <...> Мандельштам никогда для него понятен не был, и он его строит по образу своему и подобию. <...> Всё это безумно наивно и никому не нужно»³⁵⁵. Отношение Н.Я. Мандельштам к большинству мемуаристов и оставленным ими свидетельствам хорошо известно. Так, например, одна из вспоминающих общение с вдовой поэта в 1960-е годы свидетельствует: «Помню, что в разговорах особенно от нее доставалось разным “мемуаристам” – И.Г. Эренбургу, Георгию Иванову, Ирине Одоевцевой, которые прежде всего запомнили в Мандельштаме небольшой рост, щуплую фигуру, вздорный характер, его пристрастие к пирожным. Или “привычку” не отдавать долги, забывая о той беспросветной нищете, в которой маялись Мандельштамы. <...> Н.Я. <Мандельштам> и не думала скрывать свою установку не на пресловутую “объективность”, а на пристрастность. И ей была чужда боязнь кого-то оттолкнуть, задеть. Она была готова и к обидам, и к разрывам, зная, что они в какой-то мере могут быть ею спровоцированы»³⁵⁶.

³⁵⁴ См.: *Видгоф Л.М.* Дневник Эмилия Миндлина // *Видгоф Л.* Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М.: Новый хронограф, 2018. Случись автору комментируемого текста работать над ним в процессе подготовки его к печати, вполне мог бы быть учтен первоначальный вариант указанной публикации: *Видгоф Л.* Вокруг поэта: Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 54. С. 174–178.

³⁵⁵ Кларенс Браун: Воспоминания о Н.Я. Мандельштам и беседы с ней / Пер. с англ. В. Литвинова, коммент. В. Литвинова и П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С.446–447

³⁵⁶ *Мурина Е.* О том, что помню про Н.Я. Мандельштам. С. 361. – То, как строился односторонний «диалог» спутницы жизни поэта с его современниками, вспоминавшими о нем, наглядно демонстрируют ее пометы на полях первого

Отредактированный вариант «реплики» автора этих строк **«Митрохин Д.И.»** был опубликован до того, как увидело свет рецензируемое издание³⁵⁷. В заметке **«Московский лингвистический кружок»** (С.Г. Шиндин) пропущенной оказалась краткая «энциклопедическая» заметка: *Шруба М.* Московский лингвистический кружок // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 129–130, – где О.М. назван среди поэтов, принимавших участие в работе этого научного объединения. Реплика на эту же тему теперь присутствует в публикации В.В. Мерлина «Разговор глухонемых под аркой Главного штаба: лингвистический подтекст “Египетской марки”» (Осип Манделъштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – М.: АРМПОЛИГРАФ, 2016. С. 186, прим. 2). Общая характеристика объединения содержится в недавно увидевших свет материалах: *Пильщиков И.* Заседание Московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves.* 2017. Vol. LXXXVIII. № 1/2, – где (с. 154) определена, вероятно, важнейшая из «фундаментальных научных проблем, поставленных сотрудниками Московского лингвистического кружка в конце 1910-х годов и сохранивших свою актуальность поныне, – это создание единой непротиворечивой теории языка литературы, включающей в качестве своих составляющих теорию общенационального (стандартного) литературного языка, теорию поэтического языка (лингвистическую поэтику) и теорию стиха». Более конкретна как вспомогательный материал для комментируемого контекста другая разносторонняя содержательная публикация – только что вышедший из печати «монографический» цикл из четырех статей И.А. Пильщикова и А.Б. Устинова о деятельности В.Б. Шкловского в «Московском лингвистическом кружке». Статья **«Музеи»** (С.Г. Шиндин) в переработанном и расширенном варианте была опубликована до выхода энциклопедии в свет³⁵⁸.

посмертного издания О.М., касающиеся упоминаемых там источников биографических сведений о нем; см.: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н.Я. Манделъштам на полях американского «Собрания сочинений» Манделъштама / Подгот. текста и публ. Т.М. Левиной, примеч. Т.М. Левиной и А.Т.Никитаева // *Philologica.* 1997. № 4. С. 188.

³⁵⁷ См.: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Манделъштама. I. С. 76–77.

³⁵⁸ См.: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Манделъштама. III // *Toronto Slavic Quarterly.* 2017. № 59. С. 59–70.

Под литерой «Н»...

Статья «**Набоков В.В.**» (Ф.В. Дзядко, Г.М. Утгоф) вместе с публикациями «Бродский И.А.» и «Солженцын А.И.», безусловно, должна быть включена в число тех «мемориальных» материалов МЭ, объем и содержание которых определяют не биография и творчество О.М., а историко-литературный масштаб и социально-политический статус их главных «персонажей». Соответственно, при всей безукоризненности текста, его логичнее было бы увидеть не тем и там, кто и где он есть, а, скажем, статьей «Мандельштам О.Э.» в Набоковской энциклопедии (в том случае, разумеется, если у ее составителей вызовет доверие весь тот интертекстуальный пласт, который предложен авторами).

Еще весной 2009 года пишущий данные строки с тревогой обращал внимание редакционной коллегии на ситуацию, присутствующую в статье «**Наполеон I**» (А.И. Бузылева), на содержащиеся в которой ошибки уже приходилось указывать ранее³⁵⁹. Кроме этого, открывающая «мандельштамоцентричную» часть публикации датировка «Шума времени» – 1923 год (с. 361, стб. 1) – неверна, поскольку традиционно временем написания этого произведения считаются 1923–1924 годы. В целом можно сказать, что приводимые автором статьи контексты более напоминают позицию конкорданса, чем набор иллюстраций, раскрывающих смысловую наполненность образа Наполеона в художественном мире О.М.; собственно говоря, не исключено, что основой для «реконструкции» этого набора послужил автоматически воспроизведенный именной указатель. Соответственно, примеры из мандельштамовских произведений, данные не в перспективе развития его художественного мира и рассматриваемой темы в нем, а в просто перечисленные в хронологическом порядке, не выполняют никаких интерпретационных функций.

Так, автор сообщает: «В стихотворении О.М. “В изголовье черное распятье...” (1910) присутствует, раскрытая самим автором в подстрочном примечании, реминисценция из стихотворения Ф.И. Тютчева “Наполеон”» (с.361, стб. 1), – однако в мандельштамовском тексте содержится прямая цитата: *Страшен мне «подводный камень веры» (I, 60)*, – и примечание к ней: «*Тютчев», – тогда как название тютчевского текста во всех случаях

³⁵⁹ См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д // TorontoSlavicQuarterly. 2018. № 64. С. 29.

раскрывают комментаторы³⁶⁰. Какое отношение к «наполеоновской топике» имеет эта ситуация, остается совершенно непонятным. Близкая по своей природе «импликация», но уже относящаяся не к литературной традиции, а к миру исторических реалий, «эксплицируется» далее в целом ряде мандельштамовских текстов, когда авторские ремарки, по сути, становятся прямым повторением хорошо известных комментариев. О стихотворении августа 1914 года «Европа» («Как средиземный краб или звезда морская...») справедливо отмечено, что в нем «затронуту сразу несколько исторических пластов. Здесь имя Наполеона связано с военной темой, причем он предстает “отрицательным” героем, противостоящим Священному Союзу» (с. 361, стб. 1), – но данная констатация никоим образом не отражает отношения поэта к самому персонажу³⁶¹. Не вызывает сомнений сообщение, следующее далее: «В стихотворении этого же года “Polacy!”» («Поляки! Я не вижу смысла...») «название и 1-я строфа связаны с известным историческим фактом – призывом генерала Я.Г. Домбровского, обращенным к польским легионерам, прикрывавшим неудачный переход Наполеона через реку Березину» (с. 361, стб. 1)³⁶². О «стихотворном наброске О.М. “Какая вещая Кассандра...” (1915)» вполне оправданно говорится, что в нем «упоминается “Рукопожатье роковое // На шатком неманском плоту”. Подразумевается встреча императоров Александра I и Наполеона 25.6.1807 на специально сооруженному устойчивому плоту посредине Немана, которая закончилась подписанием мирного соглашения, а после тильзитских переговоров – союзом с Францией» (с. 361, стб. 1). Правда, как уже приходилось отмечать автору данных строк в 2009 году, приведенный фрагмент, никак не обозначенный в

³⁶⁰ См.: *Мец А.Г.* Комментарий // *Мандельштам О.* Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 322; *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии. С. 281 и др.

³⁶¹ В крайне негативном обзоре «Литературная неделя. Стихи о войне (в “Аполлоне”» (Речь. 1914. 3 нояб. № 297. С. 3) Городецкий иронически отметил присутствующее в этом стихотворении невольное сближение автора, в частности, с фигурой французского императора: «есть в нем тот комический эффект, который трагически преследует поэтов “Аполлона”. Описывая перемену карты Европы, Мандельштам подчеркнул личное местоимение первого лица, вынеся его на рифмованное место, тотчас за упоминанием Людовика XIV, Наполеона и Меттерниха. Не будь этой блестящей компании и не будь тут рифмы, оно проскользнуло бы. Но блестящая компания и рифма тут как тут, и читатель опять принужден улыбнуться»; (Цит. по: Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 398).

³⁶² Безуспешно пытался в 2009 году редактор этих строк довести до сведения автора заслуживающий внимания комментарий к двум упоминаемым «военным» стихотворениям О.М., содержащийся в публикации: *Левинтон Г.А.* Романия и романистика у Мандельштама // *Res philologica–2: Сборник статей памяти академика Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1989).* – СПб.: Петрополис, 2001.

публикации в качестве самостоятельной цитаты, практически дословно воспроизводит формулировку первого комментатора этого текста: «Подразумевается встреча Александра I и Наполеона 25 июня 1807 г. на специально сооруженном устойчивом плоту посредине Немана, которая закончилась мирным соглашением, а после тильзитских переговоров – и союзом с Францией»³⁶³.

Не столь проста ситуация со следующим бескомпромиссным утверждением автора статьи: «Один из вариантов 4-й строфы стихотворения О.М. “Собирались эллины войною...” (1916) читался: “На священной памяти народа // Англичанин другом не слышет, // Развенчать хотела их свобода // Бонапарта за великий год”» (с. 361, стб. 1)³⁶⁴. И далее вновь без библиографической ссылки точно воспроизводится примечание А.Г. Меца, сопровождающее публикацию приведенного варианта: «В этих стихах могут подразумеваться военные столкновения с англичанами во время Египетского похода Бонапарта» (с. 361, стб. 1). В реальности текст несколько отличается от того, что автор пытается представить прямой цитатой, и не дает никаких оснований для столь смелых его интерпретаций: «Первоначальная редакция ст. 3–4 этой строфы: / Развалить хотела их свобода // Бонапарта <?> за великий год /. <sic. – С.Ш. ³⁶⁵> Если чтение отмеченного слова верно, то в этих стихах могут подразумеваться военные столкновения с англичанами во время египетского похода Бонапарта»³⁶⁶. При этом данная текстологическая гипотеза позднее не только не указывалась ни в одном из авторитетных собраний мандельштамовских стихотворений, но и не была

³⁶³ Мец А.Г. Комментарий. С. 330.

³⁶⁴ Если то обстоятельство, что две косые линии, традиционно используемые при строчном цитировании поэтических текстов для обозначения границы между строфами, в предыдущей цитате оказались между строками из стихотворения «Какая вещая Кассандра...» можно было бы посчитать простой опечаткой, то последний пример не оставляет для этого никаких оснований. Более того, приходится признать, что подобное «ненормативное» употребление такого знака в рецензируемом издании встречается неоднократно.

³⁶⁵ Задолго до этого Н.И. Харджиевым была предложена другая редакция: «Развалит Европу их свобода, / Альбиона каменный приход» (*Харджиев Н.И.* Примечания. С. 273).

³⁶⁶ Мец А.Г. Комментарий. С. 314. Совершенно иная интерпретация данной строфы была предложена Н.И. Харджиевым (Примечания. С. 273), считавшим, что речь в стихотворении идет об известном эпизоде Первой мировой войны: «Написано в связи с прибытием в Россию английских кораблей с военным снаряжением», – что вполне подтверждается текстуально: *А теперь друзья-островитяне / Снаряжают наши корабли – <...> / Нам подарков с острова не надо – / Целый лес незваных кораблей* (126). По-другому комментируется текст и в последнем его издании: «Мандельштам подразумевает высадку англо-французских войск в Пирее и обстрел Акрополя в ноябре 1916 года» (*Лекманов О.А., Глуховская Е.А., Чабан А.А.* Комментарий. С. 369).

упомянута самим ее автором в последнем «академическом» издании³⁶⁷. Соответственно, применительно к комментируемому фрагменту заметки А.И. Бузылевой речь должна идти уже не об авторских описках или типографских опечатках, а о вполне сознательном искажении представляемых в печать материалов. В подобной ситуации именно самоустранение издателей МЭ от редактирования будущей публикации как раз и способствовало выходу в свет данного «новодела».

Завершает рассмотрение образа Наполеона в мандельштамовской поэзии дооктябрьского периода краткая, но безапелляционная констатация: «Реалии антинаполеоновского европейского похода русской армии 1812 года воссоздает “Декабрист” (1917)» (с. 361, стб. 1). Данное утверждение, не содержащее ни в первоначальной, ни в идентичной ей окончательной редакциях ссылок на какие-либо источники, дает все основания считать его собственной точкой зрения автора, не подкрепляемой прямо ни одним из существующих комментариев к этому тексту³⁶⁸. Вместе с тем, В.М. Жирмунский писал об этом стихотворении (Вестник литературы. 1921. № 4/5. С. 4): «какие характерные детали воссоздают настроение освободительной войны против Наполеона и зарождающегося русского либерализма: “черные” квадриги нового Цезаря, дубовые рощи просыпающейся Германии, “голубой” пунш в стаканах молодых мечтателей, “вольнлюбивая гитара” – воспоминание рейнского похода»³⁶⁹. Более редуцировано данный мотив представлен в последних комментариях к стихотворению О.М., где говорится о том, что в его отдельных образах («подруга рейнская» и «вольнлюбивая гитара») «подразумевается европейский освободительный поход русской армии против Наполеона», но там же подчеркивается, что «некоторые реалии для своего стихотворения (чубук, игра в шахматы) Мандельштам взял с акварели Н. Репина “Декабристы в камере Читинского острога”»³⁷⁰. Из неучтенных в

³⁶⁷ См.: Другие редакции // *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 452.

³⁶⁸ См., напр.: *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии. С. 478.

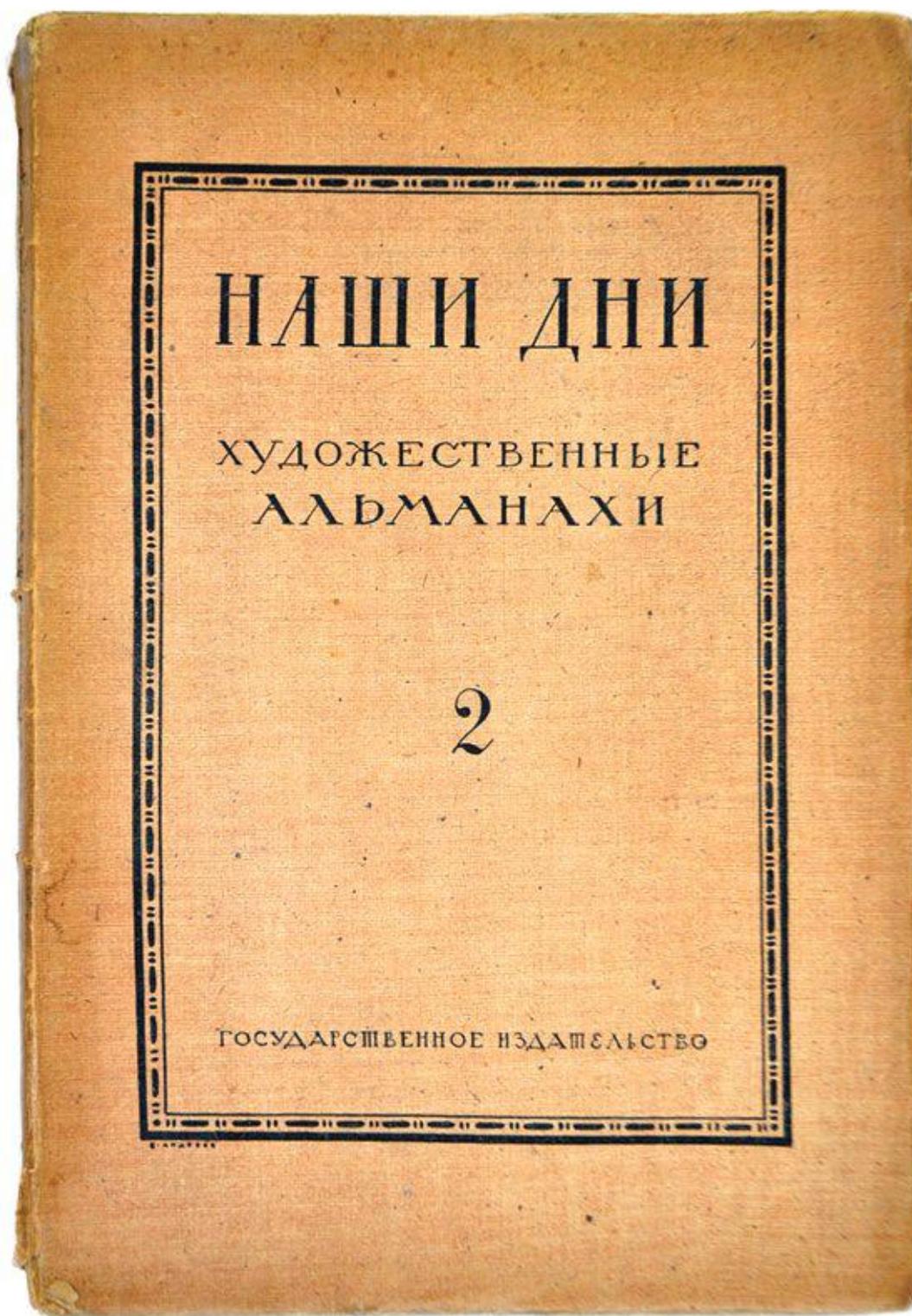
³⁶⁹ Цит. по: *Мец А.Г.* Комментарии. С. 558.

³⁷⁰ *Лекманов О.А., Глуховская Е.А., Чабан А.А.* Комментарий. С. 371. Впервые на возможность существования такого «претекста» обратил внимание Н.И. Харджиев (Примечания. С. 273). В другой связи автор этих строк высказывал предположение о биографической и интертекстуальной связи данного стихотворения с личностью Гумилева; см.: *Шиндин С.Г.* Стихотворение Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...»: опыт «культурологической» интерпретации // *Натура и культура: Славянский мир.* – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 153, 155.

библиографическом списке публикаций, безусловно, необходимо учитывать: *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000.

Как бы ни относились читатели комментируемого издания к событиям 1917 года, перенаправившим ход России с исторического пути на одно из тупиковых направлений, неизбежно приходится признавать, что таковых поворотных моментов было два, а потому присутствующий в «реплике» «**“Наши дни”**» (В.В. Калмыкова) хронологический ориентир существования одноименного непериодического художественного альманаха – «своеобразное продолжение одноименного издания, вышедшего в Петрограде до революции 1917 года» (с. 363, стб. 2) – безусловно требует сезонной конкретизации: ни один читатель не сможет самостоятельно установить, идет ли речь о феврале или октябре этого рокового года (тем более, что определение «октябрьский переворот» в общественном сознании так и не пришло на смену традиционному эвфемизму). Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что во втором издании МЭ будет учтена опечатка, закрывшаяся в заметку, где в перечне авторов, принимавших участие в описываемом издании, оказалось несогласованно упоминание М.А. Волошина (с. 363, стб. 2). Там же среди вполне обоснованного присутствия имен М.М. Зощенко, В.И. Иванова, С.А. Клычкова, Б.Л. Пастернака, А.П. Платонова, Н.С. Тихонова, В.Ф. Ходасевича и др. не совсем уместным представляется упоминание В.В. Казина³⁷¹.

³⁷¹ Ср. столь же «разностороннее» наполнение аналогичного списка в заметке «“Смехач”» того же автора: «Среди сотрудников – В.В. Маяковский, А.И. Безыменский, В.И. Лебедев-Кумач, М.А. Черемных, А.А. Радаков и др.» (с. 444, стб. 1); ему же принадлежит еще более толерантный перечень авторов журнала «Новый Робинзон»: «Среди сотрудников – В.В. Бианки, Б.С. Житков, О.И. Капица, Е.П. Привалова и др. члены кружка детских писателей, образовавшегося в 1922 году при петроградской библиотеке детской литературы Педагогического института дошкольного образования» (с. 372, стб. 2). – Попутно необходимо отметить содержащуюся в последнем материале особенность некоторых «реплик» об относящейся к мандельштамовской библиографии периодике – отсутствие точного указания на время его прижизненных публикаций; ср.: «О.М. опубликовал в “Новом Робинзоне” стихотворение “Одеяльная страна. Из Стивенсона”» (с. 372, стб. 2). В отличие от этого, прямые ссылки на публикации, «возвращающие» читателю и творчество О.М., и его исследовательские характеристики, присутствуют, практически, всегда, как, например, в заметках В.В. Калмыковой «“Даугава”», «“Литературная Армения”», «“Литературная Грузия”», Е.М. Голубовского «“Комсомольская искра”» и др. А вот актуальные материалы о «Подъеме» в МЭ отсутствуют, хотя их вполне аутентичный «претекст» для этого имеется; см.: *Нерлер П.М.* «Публикация чудесная...» (к истории публикации «Воронежских стихов» О. Мандельштама в журнале «Подъем» в 1965–1966 году) // Университетская площадь. 2011. № 4.

В публикации «**“Невский альманах. Писатели, художники, артисты: жертвам войны”**» (В.В. Калмыкова) содержится утверждение: «Среди участников и организаторов – Л.Н. Андреев, С.Н. Дурьлин, А.И. Куприн, О.М., И. Северянины др.» (с. 363, стб. 2).

Включение имени О.М. в число организаторов этого издания несомненно требует обязательной библиографической ссылки на конкретный источник такого утверждения, если оно имеет под собой реальные основания. В реплике **«Нейгауз Г.Г.»** (С.Г. Шиндин) неучтенным осталось убедительное предположение О.А. Лекманова о том, что в стихотворения О.М. «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...», 16.4.1931) «почти наверняка идет речь об одном из двух концертов пианиста Генриха Нейгауза, так анонсировавшихся “Известиями”: “Госуд<арственный> Академич<еский> Большой театр Союза ССР. 7 и 8 апреля, в 1 час дня, симфонические концерты. Дириж<ер> Игнац Вагхальтер. Исп<олняют> оркестр ГАБТ СССР и Г. Нейгауз. В progr<амме>: Бетховен 3-я симф<ония> (героическая), 5-й конц<ерт> для ф<орте>п<иано> с орк<естром>, Брамс 1-я симфония”» (Лекманов О. Читатель газет: пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 510; то же – в монографии: Лекманов О. Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М.: АСТ, 2015. С 261–262). Кроме того, теперь должно учитываться исследование содержательного строя и семантического ореола этого текста, представленное в публикации: Фэвр Дюпэгр А., Фрейдин Ю. О мандельштамовском инструментари: стихотворение «Рояль» // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – Москва: АРМПОЛИГРАФ, 2016.

Краткая, но емкая публикация **«Недоброво Н.В.»** (Е.И. Орлова) представляет собой один из немногих случаев, когда скромные наблюдения одного из редакторов комментируемого издания над первоначальным вариантом текста 2004 года нашли и самого автора, и его понимание соображений частного характера, высказанных в связи с этими предварительными материалами. В результате заметка в незначительно переработанном виде была представлена в «препринтном» сборнике 2007 года, а затем в таком же виде воспроизведена в окончательной редакции энциклопедии³⁷². Внесенные изменения, в основном, мотивировались необходимостью соответствовать строгим требованиям издательства «РОССПЭН» о разумной краткости публикуемых статей, на этапе *sturmunddrang* последовательно, но деликатно проводимым на практике И.С. Ряховской.

Требующей корректировки в публикации Е.И. Орловой оказалась ситуация, связанная

³⁷² См.: Орлова Е.И. Недоброво Н.В. // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007.

со смертью Недоброво, что в первую очередь относится к ее датировке. В тексте фигурирует общепринятое 3 декабря 1919 года³⁷³, тогда как к моменту подготовки комментируемого издания к печати дата смерти Недоброво была уточнена находкой ялтинского историка и краеведа З.Г. Левицкой: «Запись в метрической книге свидетельствует, что “потомственный дворянин Николай Владимиров Недоброво”, 35 лет от роду, умер 2 декабря и был погребен 5 декабря 1919 года на Аутском кладбище. В графе “От чего умер” указано: “Туберкулез легких”. Обряд погребения совершили протоиерей Свято-Успенской церкви Сергей Щукин и диакон Тимофей Изотов. Запись сделана в церковной метрической книге, следовательно, даты указаны по старому стилю. По новому стилю Н.В. Недоброво умер 15-го и погребен 18 декабря»³⁷⁴. Непосредственно со смертью Недоброво связана и вторая неточность, содержащаяся в комментируемой заметке, автор которой пишет об одном из хорошо известных эпизодов мандельштамовской биографии: «О.М. был первым, кто разыскал в 1920 могилу Недоброво на старом Аутском кладбище в Ялте (до наших дней не сохранилась) и сообщил об этом Ахматовой» (с. 364, стб. 2). В указанное время О.М. в Ялте не был, о чем прямо говорится в одноименной публикации в комментируемом издании³⁷⁵, он проживал там «в ноябре 1925 – январе 1926 года и в июне–октябре 1928» (с. 573, стб. 1); видимо, в данном случае совместились два эпизода – по поводу названной даты Ахматова вспоминала: «В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила. <...> Тогда же он сообщил мне, что в декабре <19>19 года умер Н.В. Н<едоброво>»³⁷⁶. Соответственно, Н.Я. Мандельштам в связи с одним из стихотворений Ахматовой определяет 1928 год как «тот год, когда О.М., вернувшись из Ялты, рассказал ей, что нашел там могилу Недоброво»³⁷⁷. Иную датировку предлагают авторы последней публикации на данную тему: «О.Э.Мандельштам в августе–сентябре 1923 года (уточнение года подсказано нам З.Г. Ливицкой), отдыхая в Гаспре,

³⁷³ Ср., напр.: *Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Н.В. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М – П / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1999. С. 261, стб. 2.

³⁷⁴ *Казарин В.П., Новикова М.А.* «Не бойся; подойди...» (Установлена и документирована дата смерти Н.В. Недоброво) // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Седьмых Герцыковских чтений в г. Судак (7–11 июня 2011 года). – М.; Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2013. С. 117.

³⁷⁵ Ср.: *Нерлер П.М.* Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 14–15.

³⁷⁶ *Ахматова А.* Листки из дневника <О Мандельштаме>. С. 109.

³⁷⁷ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 633. Публикаторами данный факт никак не прокомментирован.

разыскал могилу Н.В. Недоброво»³⁷⁸. В комментируемом издании в статьях «Ялта» и «Гаспра» данный эпизод вообще не упоминается; более того, расширяя границы фактографического поиска, нельзя не заметить отсутствие сведений о нем ни в кратких хрониках трудов и дней поэта, ни в научном издании его биографии, ни в неоднократно упоминавшейся «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама». С учетом отсутствия иных источников информации об этом факте подобное обстоятельство невольно вызывает вопрос о степени своей точности и даже достоверности, но поиск ответа на него требует самостоятельных и не связанных с настоящей публикацией усилий.

В тематических рамках комментируемого издания может быть значительно расширена фактографическая часть рассматриваемой публикации. Прямые документальные и мемуарные свидетельства о знакомстве двух литераторов и фактах их непосредственного общения неизвестны, но обстоятельства и время более чем вероятных встреч может быть установлено с высокой степенью достоверности на основании документальных и мемуарных свидетельств³⁷⁹. Наибольшего внимания в этой связи заслуживает факт их обоюдного участия

³⁷⁸ Казарин В.П., Новикова М.А. «Не бойся; подойди...» (Установлена и документирована дата смерти Н.В. Недоброво). С. 119. Там же (с. 119–120) содержится детальный краеведческий комментарий этой ситуации.

³⁷⁹ На «теневой» характер взаимоотношений О.М. с Недоброво косвенно указывают мемуары вдовы поэта: последний представлен в них довольно специфически, а точнее сказать – односторонне, причем в версии Ахматовой, что можно объяснить отсутствием его имени в воспроизводимых мандельштамовских рассказах о 1910-х годах. Одновременно с этим для объективного понимания ситуации в целом необходимо учитывать ту «формообразующую» роль, которую начиная с 1940-х годов сыграла старшая современница в создании «концепции Серебряного века» Н.Я. Мандельштам. Глубоко оригинальный поэт и литературовед опосредованно представлен в ее воспоминаниях об Ахматовой следующим образом: «Первые свои уроки, как должна себя вести женщина, Анна Андреевна получила от Недоброво. “Какая у него была жена?” – спрашивала я; оказалось, что его жена очень выдержанная дама из лучшего общества. Сам Недоброво тоже был из “лучшего общества”, и его влияние здорово сказалось на некоторых жизненных установках Анны Андреевны. А сам Недоброво, влияя и сглаживая неистовый нрав своей подруги, вероятно, все же ценил ее необузданность и дикость. “Аничка всем хороша, – говорил он, – только вот этот жест”, – и Анна Андреевна показала мне этот жест: она ударила рукой по колену, а затем, изогнув кисть, молниеносно подняла руку ладонью вверх и сунула ее мне почти в нос. Жест приморской девчонки, хулиганки и озорницы. Под легким покровом дамы, иногда, естественно, любезной, а чаще немного смешноватой, жила вот эта самая безобразница, под ногами которой действительно горела земля». Вполне вероятно, что в данном пассаже присутствует вполне прозрачная автопроекция, которая должна оправдать специфическое «происхождение» мемуаристики и определяемые им особенности ее «культурного кода» самом широком проявлении такового. А далее указанный специфический жест становится чуть не главным «дифференциальным признаком» Ахматовой, транспонируемым из набора бытовых деталей и индивидуальных привычек в сферу поэтического творчества: «я люблю ее неистовый голос: “Не лирою влюбленного <...>...” Я думаю, что за эти стихи сам Недоброво простил бы Аничке ее манеру при споре хлопнуть себя рукой по коленке» (*Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии*

в одном из самых значительных литературных объединений середины 1910-х годов – Обществе ревнителей художественного слова (а возможно, и его предшественника – Поэтической академии), которое, как уже говорилось, по инициативе Гумилева сформировалось «вокруг Вяч.И. Иванова при журнале “Аполлон” осенью 1909 г. в Петербурге» и «являлось в известной степени продолжением литературных вечеров на квартире Иванова»³⁸⁰. Выше было сказано и о том, что по целому ряду причин О.М. не мог не проявлять интереса к деятельности этого литературно-филологического объединения, самую активную роль в работе которого играл Недоброво, вместе с Гумилевым и Волошиным названный информированным мемуаристом в числе единственных представителей «младшего поколения» ОРХС, постоянно участвовавших в обсуждении прозвучавших докладов: «Молодежь играла роль хора, вопреки обычаю греческих трагедий, безмолвного и безгласного. Это спустя уже так с год, Н.В. Недоброво, Н.С. Гумилев да еще живший в ту пору некоторое количество лет или месяцев в Петербурге Максимилиан Волошин <...>, только эти трое из более молодых принимали участие в диспутах не только в качестве “вопрошателей”, но и “высказывателей”»³⁸¹. Так, например, 1.4.1910 Недоброво поделился своими соображениями на состоявшемся в ОРХС обсуждении доклада Вяч.И. Иванова, прочитанного 26.3.1910, из чего следует, что он присутствовал и на том заседании. Главным среди прозвучавшего сам автор выступления, за которым последовало это собрание, посчитал то, что оппонент «не увидел последовательности и закономерности в двух выделенных Ивановым “моментах” развития русского символизма. <...> Недоброво пошел дальше, чем Гумилев, вынеся приговор: “Символ(истская) школа уже победила, – но и кончилась”. Вяч. Иванов никак не мог согласиться с подобным рассуждением, весь пафос его выступления состоял как раз в том, что кончился не символизм, а определенный этап в становлении символизма»³⁸². Также выше отмечалось, что О.М., в этот период

П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 695, 697). Там же в предисловии (с. 6) содержится более чем показательное для данного контекста замечание составителей о том, что «текст “Об Ахматовой” является, по сути, первой редакцией “Второй книги”». В единственном собрании мемуарных свидетельств о спутнице жизни О.М. имя Недоброво не упоминается ни разу; см.: Именной указатель. С. 724.

³⁸⁰ *Шруба М.* Общество ревнителей художественного слова. С. 156. – В силу объективных причин нижеследующий фрагмент в той или иной форме повторяет (но не дублирует) некоторые сведения, изложенные при рассмотрении статьи «Иванов Вяч.И.».

³⁸¹ *Пяст Вл.* Встречи. С. 105; ср.: *Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Н.В. С. 261, стб. 3.

³⁸² *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова».

отсутствовавший в Петербурге, вряд ли посещал оба эти собрания, но трудно представить, чтобы ему было неизвестно о происходившем на них.

Первое самостоятельное тематическое выступление Недоброво в ОРХС, возможно, состоялось 26.3.1911, когда прозвучало его сообщение «по вопросу о взаимоотношении ритма и метра в стихосложении. Доклад этот занимает место среди попыток, столь умножающихся в последнее время, разобраться в почти необозримо сложном строе русского стиха, который тщетно стараются школьные учебники свести к простым формам ямба, хорей и т. п. Докладчик привел из собранного им материала значительное число примеров таких стихов, где отступления от строгого метра представляются высокими ритмическими достижениями. Н.В. Недоброво усматривает в метре некий внешний канон, необходимый для осуществления той глубокой эстетической потребности, которая выражается в ритмических исканиях; но это соотношение часто принимает оттенок противоречивости. В построениях своих докладчик, однако, не заходит так далеко, как Андрей Белый; тем не менее докладчику возражал Вячеслав Иванов, который, как известно, более широко смотрит на задачи и возможности метра. Он предостерегал от того притупления к восприятию размеренной речи, которым угрожает лишком свободное отношение к метру; ритмика, независимая от метрики, ведет к смешению стиха с неразмеченным словом»³⁸³. Присутствовал ли О.М. на данном выступлении, неизвестно, но рассматривавшаяся на нем тема (к которой сам Недоброво позднее обращался неоднократно³⁸⁴) была актуальна для него на протяжении всего творческого пути в самых разных ее аспектах³⁸⁵.

По косвенному свидетельству известно о посещении Недоброво другого собрания того же года: «Заседание 12-го ноября (председатель – Ф.Ф. Зелинский) посвящено было

С. 204, стб. 1.

³⁸³ Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады). С. 142. Позднее текст выступления был опубликован: Недоброво Н.В. Ритм, метр и их взаимоотношение // Труды и дни. 1912. № 2, – в непосредственном соседстве с его же аналитическим отчетом о деятельности ОРХС в январе–феврале 1912 года.

³⁸⁴ Его изысканиям в сфере стиховедения и их значении для современной науки посвящены разделенные во времени исследования: Гаспаров М.Л. «Ритм и метр» Н.В. Недоброво в историческом контексте // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалов для обсуждения. – Рига; М. [б. и.], 1992, – и: Кормилов С.И. Вяч. Иванов и Н. Недоброво как стиховеды.

³⁸⁵ См., напр.: Шиндин С. Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011.

обсуждению неизданных стихотворений, которые читали присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Зенкевич, Вас. Гиппиус, Вир)»³⁸⁶. 12.11.1911 Кузмин оставил в дневнике следующую запись: «Был на “Академии” <...>. Так как Вячеслав остался дома с флюсом, то Зелинский лекции не читал, а занимались стихами, и я удивился, почему так горячо восприняли мои стихи Пяст, Недоброво и др.»³⁸⁷. 18.1.1912, по словам выступившего автором хроникальной заметки Недоброво, «вечер был посвящен издали приехавшему в Петербург Ю.Н. Верховскому, и мы с радостью приняли одного из усерднейших наших сочленов. Сперва Ю.Н. Верховский прочел пять стихотворений из числа написанных в Тифлисе; они были приветствованы Обществом как свидетельство неустанного преуспевания их автора на пути подлинной <...> лирики. – Затем Ю.Н. Верховский сделал сообщение об основных типах лирического творчества. <...> – В прениях приняли участие В.Е. Аничков, В.И. Иванов, В.А. Пяст и пишущий эти строки»³⁸⁸. Следующее собрание, участником которого был Недоброво, состоялось 28.1.1912, «накануне 75-летия смерти Пушкина. Открывая заседание В.И. Иванов помянул о печальной годовщине и слова его были приняты Обществом с подобающим чувством». Далее в центре внимания снова оказалась тема ритмической организации поэтического текста, актуальная для хроникера, а потому получившая подробное освещение: «выступил Б.Н. Бугаев (Андрей Белый), ознакомивший собрание с работами по исследованию пятистопного ямба, производимыми московским кружком, который по методу, изобретенному докладчиком и объясненному в книге его “Символизм”, изучает ритм русских поэтов»³⁸⁹. Упоминается в хронике Недоброво «эпохальное» собрание 18.2.1912, которое «было посвящено чтению и обсуждению докладов В.И. Иванова и В.Н. Бугаева о символизме. <...> В прениях приняли участие В.А. Пяст, В.А. Чудовский, Д.В. Кузьмин-Караваев, С.М. Городецкий и Н.С. Гумилев»³⁹⁰. Как было подробнее сказано выше, с учетом особой роли этого события для истории «Цеха поэтов» и формирующегося акмеизма

³⁸⁶ Чудовский В. Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова). С. 271. Как уже отмечалось выше, согласно точке зрения комментаторов этой публикации (с. 837), «Чудовский, вероятно, ошибся с датировкой, т.к. и в дневнике М. Кузмина и в дневнике А. Блока это заседание помечено 11-м ноября».

³⁸⁷ Кузмин М. Дневник 1908–1915. С. 312.

³⁸⁸ Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 23–24.

³⁸⁹ Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 24–25. Далее в отчете следует самое подробное изложение доклада и полемики автора с некоторыми его положениями.

³⁹⁰ Недоброво Н.В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 26.

более чем вероятным представляется мандельштамовское присутствие на нем. 12.5.1912 Недоброво, выступал в ОРХС с докладом, по одной версии, «О темах»³⁹¹, по другой – «о задачах русской поэтики»³⁹².

Осенью 1913 года, после «долгого, в целый сезон, перерыва, связанного с неоправдавшимся ожиданием, чтобы вернулся в Петербург главный руководитель общества Вячеслав Иванов, “Академия стиха” возобновила свои заседания, по-прежнему – в помещении редакции “Аполлона”. <...> – На втором заседании, 30 ноября, были, согласно повестке, произведены дополнительные выборы в совет общества <...>. К прежнему составу доизбранными оказались: Н. Гумилев, Н.В. Недоброво и Валериан Чудовский»³⁹³. На этих

³⁹¹ РГАЛИ. Ф. 1811. Оп. 1. № 15; см.: *Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Н.В. С. 262, стб. 1.

³⁹² Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 47. Что могло представлять собой сообщение на одну из указанных тем, предполагать довольно проблематично.

³⁹³ Z. Общество ревнителей художественного слова. С. 135, стб. 1. Об этом факте Недоброво вскользь сообщил в письме Б.В. Анрепу, упомянув «возродившееся недавно “Общество Ревнителей”, в состав совета которого я на днях избран» (К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol.V–VI. С. 460), – но в публикации оно датировано 16 ноября. Если в данном случае не произошло совмещение датировки по старому и новому стилю, то речь может идти о первом заседании, состоявшемся 9.11.1913, и о неточности в датировке хроникером «Аполлона». – В единственном до сих пор энциклопедическом описании биографии Недоброво, в частности, говорится: «В 1910–1916 годах <...> принимал активное участие в деятельности общества и как докладчик, и как оппонент <...>, позднее вошел в президиум и “великолепно заменял Вячеслава Иванова в дни его отсутствия или его докладов” (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 188)» (*Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Н.В. С. 261, стб. 3). [Кроме того, что определить в процитированном фрагменте время упоминаемого события невозможно, на указанной авторами публикации странице воспоминаний Пяста приведенная характеристика Недоброво отсутствует. В реальности она содержится на странице 130 и относится, очевидно, к 1910 году: «С нового сезона “Академия” при “Аполлоне”, по-видимому, “легализовалась”. “Обросла” пышным именем “Общества ревнителей художественного слова”. Н.В. Недоброво, к этому времени окончивший университет, поступивший в канцелярию Государственной думы и, сколько помнится, женившийся, вошел в президиум этого общества и великолепно заменял Вячеслава Иванова в дни его отсутствия или его докладов» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 130).] Именно вследствие направляющей деятельности Недоброво в ОРХС в роли преемника Вяч.И. Иванова акмеисты «в пору становления своей программы числили его среди главных оппонентов» (*Тименчик Р.Д.* Н.В.Н. // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалов для обсуждения. – Рига; М. [б. и.], 1992. С. 82). Прямое подтверждение этому находится в программной статье, открывающей альманах второго «Цеха поэтов»: «Первый цех поэтов был основан в 1911 г. <...> Цех ставил своей задачей лишь совместную работу поэтов разных направлений над усовершенствованием стиха. – Но уже в течение полугодовой работы Цеха ясно определилась в нем группа, вкусы и устремления которой явились естественной реакцией против Академии Стиха Н.В. Недоброво и Вяч. Иванова. Слово “символизм” потеряло для этой группы свою магическую власть, послышались разговоры о “честности” в поэзии и о “линии наибольшего сопротивления”. – Так образовалось ядро цеха – акмеисты и примыкавшие к ним» (Цех поэтов. I. – Берлин: Издательство С. Ефрон, 1922. С. 7).

первых собраниях нового сезона (9 и 30 ноября и 8 декабря) «присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Н. Гумилев, гр. Вас. Комаровский, Валентин Кривич, А. Скалдин, О. Мандельштам, Ал. Вир и др.) читали свои стихи, которые подвергнуты были обсуждению»³⁹⁴. Об одной из этих встреч существует лаконичное недатированное биографическое свидетельство: «Приветственная телеграмма Вяч. Иванову от участников подписана, среди прочих, Мандельштамом, Гумилевым, Ахматовой (Архив М.Л. Лозинского)»³⁹⁵. Присутствие среди подписавших телеграмму нового участника совета ОРХС представляется несомненным.

В подробном описании заседания 12.12.1915 сообщается, что оно «в первой части своей было посвящено (под председательством Н.В. Недоброво) собеседованию по общей теории стихосложения»; при этом председательствующий обратился к присутствующим со вступительным и заключительным словом. Прения открылись выступлением Вяч.И. Иванова, а после прозвучавших затем выступлений Зелинского и Аничкова Недоброво «сделал критическую сводку высказанных мнений: защищая принцип свободы поэтического творчества, он осудил теоретические попытки свести теорию к слишком простым утверждениям, не покрывающим богатства поэзии. – Вторая часть вечера была, по обычаю “Академии Стиха”, отдана слушанию <...> стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст»³⁹⁶. Неформальным продолжением этого события стало состоявшееся 20.12.1915 дружеское собрание некоторых участников «Цеха поэтов», на котором «писался сонет на заданные рифмы: “Федор Сологуб”, “Вячеслав Иванов”, “Иосиф Мандельштам”, “Гумилев”. <...> Темой было прошедшее 12 декабря заседание Общества ревнителей художественного слова, первая часть которого была посвящена “собеседованию” по общей теории стихосложения (под председательством Н.В. Недоброво)»³⁹⁷.

28.1.1916 в ОРХС «был заслушан обширный и обстоятельный доклад Б.В. Томашевского о стихосложении пушкинских “Песен западных славян” <...>. – В

³⁹⁴ Z. Общество ревнителей художественного слова. 135, стб. 1.

³⁹⁵ Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 65.

³⁹⁶ *Litotes* <Недоброво Н.В.>. Общество ревнителей художественного слова. С. 55.

³⁹⁷ «Транхопс» и около (по архиву М.Л. Лозинского). Часть III / Публ. И.В. Платоновой-Лозинской, сопровод. текст, подгот. и примеч. А.Г. Меца // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 41. С. 135.

последовавших затем прениях Н.В. Недоброво применил к разбираемым “Песням” свою, отчасти уже им изложенную, отчасти ныне разрабатываемую теорию о силлабо-тонической природе русского стиха; он считает, что в стихи “Песен” входят силлабические отрезки. Основной заботой Пушкина он признает соблюдение постоянного разнообразия в ритме, почему поэт, как высчитал докладчик, и избегает столь тщательно повторения подряд одинаковых строк»³⁹⁸. К этому же заседанию относится и дневниковая запись П.Н. Лукницкого (22.12.1926), содержащая свидетельство Ахматовой: «Январь 1916. АА присутствовала в Обществе ревнителей художественного слова в тот день, когда Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский и другие читали там свои стихи, а Б. Томашевский – доклад о стихосложении пушкинских “Песен западных славян”»³⁹⁹. На заседании 19.3.1916 «Н. Гумилев читал новое свое драматическое произведение “Дитя Аллаха”», при активном дискуссионном обсуждении которого, в частности, «Н.В. Недоброво подверг разбор построение действия»⁴⁰⁰. Трудно сказать, присутствовал ли О.М. на этом собрании; возможно, он в данный момент находился в Москве, где регулярно бывал с середины января до июня 1916 года⁴⁰¹. 5.4.1916 заседание было посвящено «вопросу о применении в русском стихосложении античных метров. <...> Прения несколько неожиданно приняли односторонний характер: почти все ораторы, а именно Сергей Маковский, Н.В. Недоброво, Б.В. Томашевский, Валериан Чудовский и В.К. Шилейко решительно ополчились против античных метров, доказывая стеснительность их, эстетическую неоправданность и даже принципиальную невозможность в условиях русского языка»⁴⁰².

³⁹⁸ *Litotes <Недоброво Н.>*. Общество ревнителей художественного слова. С. 55–56.

³⁹⁹ *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. С. 229.

⁴⁰⁰ *Litotes <Недоброво Н.В.>*. Общества и собрания // Аполлон. 1916. № 4–5. С. 86, стб. 2. Там же (с. 87, стб. 1).

⁴⁰¹ См.: *Нерлер П.М.* Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 13. По той же самой причине он мог пропустить упоминаемое далее Недоброво следующее заседание 24.3.1916, на котором «В.К. Шилейко прочитал свой перевод ассирийского “Хождения Иштар”, предпослав чтению вступительный доклад», и наверняка отсутствовал на собрании 10.4.1916, когда, по словам хроникера, «только что вернувшийся из Франции Максимилиан Волошин сообщил свои наблюдения о художественной и литературной жизни наших союзников за время войны» (*Litotes <Недоброво Н.>*. Общества и собрания. С. 86–87) – в этот день О.М. находился в Москве: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 103.

⁴⁰² *Litotes <Недоброво Н.>*. Общества и собрания. С. 86. В нарушение традиционного хронологического порядка изложения состоявшихся собраний информация об этом событии открывает публикацию Недоброво.

Опосредованно с историей существования ОРХС в биографиях обоих поэтов связан и другой значительный историко-литературный эпизод – участие в деятельности Общества поэтов («Нового общества поэтов, «Физы»)⁴⁰³. В публикации Е.И. Орловой в связи с этим литературно-художественным объединением о Недоброво говорится: «В 1911–1916 годах активный участник Общества ревнителей художественного слова, один из основателей Общества поэтов [Санкт-Петербург (Петроград), 1913–1915; был товарищем (заместителем) председателя Общества Е.Г. Лисенкова)]» (с. 364, стб. 1). Источник приведенной информации не назван, но фактографическая характеристика данного эпизода принадлежит Г.П. Струве, отмечавшему, что в Обществе поэтов «Недоброво с самого начала играл руководящую роль»⁴⁰⁴. Собрания, как правило, завершались чтением стихов кем-то из присутствовавших и

⁴⁰³ На предварительном этапе работы без отклика редколлегии осталось высказанное автором этих строк предложение о включении в состав готовящегося издания статьи об этом – и не только – сообществе литераторов; ср.: «в МЭ не найти публикаций о “цехах поэтов” – как втором и третьем, так и о тифлисском и московском, об Обществе ревнителей художественного слова (“Поэтической Академии”) и Обществе поэтов (“Физа”), о кубофутуризме и имажинизме, о “Звучащей раковине” и “Литературном звене”...» (*Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63. С. 32). – В связи с появлением в комментарии нового литературного объединения необходимо упомянуть «типологическую параллель», содержащуюся в финальной части предыдущего обзора, где сообщалось: «Несколько лиц (С.С. Лукьянов, В.Н. Недоброво, А.Д. и С.Э. Радловы, В.А. Чудовский) основали общество для всестороннего изучения риторики как искусства». Какое именно сообщество подразумевает хроникер и какова была дальнейшая судьба этого начинания установить не удалось; в частности, под тем же названием и с указанием того же источника оно упоминается в справочном издании (*Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 144), после чего следует лаконичное извещение: «Сведений о деятельности общества нет».

⁴⁰⁴ *Струве Г.П.* [Коммент. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol.V–VI. С. 439; см. также: *Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Н.В. С. 262, стб. 1; *Шруба М.* Общество поэтов // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 153. Сам он об этом факте вскользь упомянул позднее в уже цитировавшемся письме Анрепу 16.11.1913: «Я, за последнее время, чувствую себя как будто лучше, хотя и дорогою ценой. Я окружаю себя людьми, в обществе которых трачу время до такой степени щедро, что его вовсе на себя не остается <...>, целое “Общество Поэтов”, возродившееся недавно “Общество Ревнителей”, <...> все это мелькает передо мной, возбуждая мои чувства и давая мне передышки в том глубоком унынии, которое совершенно затопляло меня прежде» (К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу. С. 460). 21.6.1913 А.А. Кондратьев в письме Б.А. Садовскому сообщал: «Вы спрашиваете, что это за Новое Общество Поэтов? Во главе – имена малоизвестные, или известные только в кружках. Председатель – Лисенков (служащий в канцелярии Гос<ударственного> Совета; член кружка любителей изящных изданий; знаток итальянского искусства эпохи Возрождения; хорошо знаком со старой русской поэзией; сам пишет стихи, но их не печатает). Главную же роль играет некто Н.В. Недоброво» (А.А. Кондратьев. Письма Б.А. Садовскому / Публ., подгот. текста С.В. Шумихина, предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // *De Visu*. 1994. № 1/2. С. 10). Данную автором письма характеристику Недоброво отчасти объясняет относящееся к самому началу 1910-х годов признание Пяста: «Недоброво почему-то считался человеком чрезвычайно поверхностным; мы готовы были объявить

последующим их обсуждением, активное участие в которых, судя по всему, принимал Недоброво. Создание этого объединения стало противодействием нарастающему влиянию «Цеха поэтов» (точнее – Гумилева) и, в известном смысле, возникновению акмеизма: «Проект создания собственного литературного кружка Недоброво и Лисенков разрабатывали еще в начале 1912 г. <...>. Замысел осуществился лишь год спустя как попытка замещения Общества ревнителей художественного слова, временно прекратившего весной 1912 г. свою деятельность после того, как часть “ревнителей” примкнула к “Цеху поэтов”, остальные, не желавшие подчиняться “синдикам” “Цеха” Н.С. Гумилеву и С.М. Городецкому или относившиеся враждебно к провозглашаемому ими акмеизму <...>, нуждались в другом месте для чтений и выступлений»⁴⁰⁵. Позднее Пяст – один из активных участников нового литературного образования – вспоминал: «Надо заметить, что почти все члены Цеха Поэтов <...> бывали на собраниях “Физы”», – и он же свидетельствовал: «Товарищ председателя, Н.В. Недоброво, говорил о том, что в лице его осуществляется “личная уния” Общества Поэтов с Обществом ревнителей художественного слова (“Физы” с Академией)»⁴⁰⁶. Особый интерес О.М. к деятельности нового объединению близких ему литераторов представляется очевидным⁴⁰⁷.

Именно вследствие упомянутого выше чрезмерного стремления к краткости представленных в издании материалов совершенно неоправданное сокращение было внесено в отражение эпизода, связанного с прочитанным О.М. 30.3.1914 в Обществе поэтов докладом

его прямо-таки “несуществующим”» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 126). – А.А. Кондратьев – литератор и коллега Недоброво по работе в Государственной думе; см.: *Струве Г.П.* [Коммент. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу. С. 426). [В связи с «чиновничьем локусом» можно напомнить характеристику Недоброво, содержащуюся в уникальном для О.М. авторском примечании в «Шуме времени» (1923–1924): *Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символических салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну* (2, 390).] Строго говоря, в по-настоящему полном энциклопедическом издании, посвященном О.М., этот его современник заслуживал бы отдельной «реплики»; ср.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 71.

⁴⁰⁵ *Шруба М.* Общество поэтов. С. 153 (в процитированном фрагменте исправлены все опечатки).

⁴⁰⁶ *Пяст Вл.* Встречи. С. 144.

⁴⁰⁷ Показательно, что имена обоих поэтов прямо соединил Б.М. Зубакин, которому принадлежит «стиховой мемуар об Обществе поэтов (опубликовано впервые С.В. Шумихины): Туда, как будто бы для танцев – / Салонные съезжались львы, – / Недоброво забыли ль Вы? / И Пяста, призрака испанцев? / А Мандельштамский завиток, / Что вился прядью в потолок?» (*Тименчик Р.* Комментарии. С. 345)

«Несколько слов о гражданской поэзии». Впечатления Недоброво от услышанного один из присутствовавших передал так: «Недоброво очень интересно выступал по поводу доклада Иоссея Мандельштама “О гражданской поэзии”. Я давно не получал такого удовольствия. С помощью блестящих парадоксов и с большой эрудицией Недоброво доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она – консервативного направления»⁴⁰⁸. Если следовать повестке Общества поэтов, 4 и 27 апреля 1913 года самим Недоброво мог быть прочитан доклад «О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием», а 1.11.1913 прозвучало его сообщение «о книге кн. С.М. Волконского “Выразительный человек”»⁴⁰⁹. С уверенностью можно утверждать, что 3.12.1913 оба прослушали выступление Моравской «О частушке» и состоявшиеся после него поэтические чтения: согласно дневниковой записи современника, на заседании общества присутствовали «А. Кондратьев, В[ас.] Гиппиус, О. Мандельштам, Скалдин, Рюрик Ивнев, Чеботаревская, Недоброво, М. Моравская <...>. Гиппиус и Вир читали стихи, обсуждали Недоброво и Скалдин»⁴¹⁰. 11.12.1913 в Обществе поэтов был прослушан доклад Пяста о Тирсо де-Молина и его

⁴⁰⁸ Цит. по: *Тименчик Р.Д.* Н. В. Н. // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. – Рига; М.: [б. и.], 1992. С. 83. Отсутствующий в данной публикации точный архивный «адрес» процитированного документа (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 2–2 об.), тем не менее, со ссылкой на нее парадоксальным образом указан в: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 77.* И там же дано неверное библиографическое описание этого первоисточника: «Тименчик Р.Д. Из поздней переписки Н.В. Недоброво // Шестые тыняновские <sic. – С.Ш.> чтения. Рига; М., 1992. С. 83», – тогда как в реальности фрагмент письма Кондратьева воспроизведен в размещенной там же заметке «Н. В. Н.» и именно на странице 83, а указанная публикация располагается на страницах 150–152. Кроме того, в «повторной» цитате обнаруживается ошибка в передаче имени О.М. – «Иосель» вместо присутствующего в источнике «Иоссель». Вместе с тем, библиографическая неточность отличает и комментируемую статью Е.И. Орловой: названный автором «источник» («Тименчик Р.Д. Из поздней переписки Н.В. Недоброво: Биография и филологическая деятельность Н.В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М. [б. и.], 1992» (с. 364, стб. 2)) странным образом объединяет заглавие одной из публикаций («Из поздней переписки Н.В. Недоброво») с названием раздела содержащего ее издания («Биография и филологическая деятельность Н.В. Недоброво»). – В другой связи пишущему эти строки уже приходилось констатировать совершенно катастрофическую ситуацию, отличающую современную практику изучения творчества О.М.: «Шишига его смутил...» [рец. на:] Мандельштам О.Э. *Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, предисл. О.А. Лекманова, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан.* – М.: Рутения, 2017. – 560 с., ил. // *Волга.* 2018. № 1–2. С. 228–232.

⁴⁰⁹ См.: *Тименчик Р.* Комментарии. С. 346; программа воспроизведена по первой публикации: *Письма Александра Блока / Со вступ. ст. и примеч. С.М. Соловьева и др.* – Л.: Колос, 1925. С. 212–213.

⁴¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 69 об.; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 67–68.*

комедии «Осужденный за маловерие»⁴¹¹; один из присутствовавших записал в своем дневнике об этом вечере: «Среди публики были – А. Ахматова, М. Моравская, Скалдина, Г. Иванов, О. Мандельштам, Вл. Соловьев, Скалдин, Недоброво <...> и еще много, которых я не знаю в лицо»⁴¹².

7.12.1913 оба литератора присутствовали в Тенишевском училище на лекции Пяста «Поэзия вне групп», своей проакмеистической направленностью вызвавшей самый широкий общественный резонанс: «наиболее неожиданным для современников и действительно ценным в выступлении оказывается мнение автора об акмеизме. Вопреки общей тенденции символистского лагеря, поддержавшего футуристов, В. Пяст сделал основную ставку именно на акмеистов, в частности, на Ахматову и Мандельштама. <...> Симпатии Пяста по отношению к акмеистам были замечены окружающими»⁴¹³. Один из присутствовавших на выступлении оставил такую дневниковую запись об этом событии: «На лекции заметил Недоброво с женой, В. Гиппиуса, М. Долинова, Грека, Чеботаревскую, Маяковского, Вира и других. <...> После лекции все поэты пошли на диспут в “Бродячую собаку”»⁴¹⁴. Там же в этот же период поэты могли встречаться регулярно; если для О.М. привязанность к этому артистическому кабаре хорошо известна, то касательно его современника существует свидетельство о том, что «Недоброво <...> не гнушался посещать и “Собаку”, в которой были непринужденные “филиалы” всех трех существующих обществ уже в ночные часы»⁴¹⁵; мемуарист подразумевает Общество поэтов, ОРХС и «Цех поэтов».

Традиционно приходится отметить пропущенную совместную публикацию двух поэтов в многократно упоминавшемся «Альманахе муз» и, очевидно, их возможное общение вокруг выпустившего его в свет издательства «Фелана». Вынужденным является и замечание о том, что хотя имена Тютчева и Фета, а также Ахматовой в публикации появляются, их

⁴¹¹ См.: *Тименчик Р.* Комментарии. С. 346.

⁴¹² РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 85; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 71.

⁴¹³ *Чабан А. Н.* Гумилев и В. Пяст на пути к преодолению символизма // *Русская филология.* 24: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2013 [эл. изд.]. С. 113–114.

⁴¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 74–76; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 69. Вряд ли ориентированный на символистскую традицию Недоброво мог легко согласиться с главными положениями выступления Пяста.

⁴¹⁵ *Пяст Вл.* Встречи. С. 144.

«семантический ореол» остается в границах специфической индивидуально окрашенной декламационной манеры Недоброво, тогда как здесь могли бы быть проведены и содержательные параллели с мандельштамовским творчеством, в том числе в связи с именем Бергсона. Не оправдавшее себя в границах всего издания стремление к сокращению формального объема комментируемой публикации также стало причиной отсутствия в ней более общих характеристик Недоброво, например, принадлежащей Кондратьеву (Волынское слово (Ровно). 1921. 22 окт.) и содержащей прямое указание на его «программирующую» роль для младших современников: «Незаметно для других этот человек был законодателем вкусов и вдохновенным словом своим заставлял окружающих его молодых писателей воспринимать тот или иной взгляд на искусство, историю и литературу»⁴¹⁶. Показательна в этом отношении сделанная Лукницким 4.12.1925 запись разговора с Ахматовой: «После смерти Недоброво его друзья хотели издать сборник памяти Недоброво, в котором были бы собраны их статьи и воспоминания. Тогда из этой попытки ничего не вышло. Я говорю о статье Недоброво “О метре и ритме” и говорю, что если бы заменить ее терминологию современной, то всякий формалист почел бы ее за статью такого же и очень умного формалиста. АА отвечает, что все наши формалисты так или иначе учились у Недоброво»⁴¹⁷. Чуть позже В.М. Жирмунский, вспоминая о времени пребывания в середине 1910-х годов на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, расширил данный «контекст», включив в него упоминание об акмеистах: «Для меня лично особенно важное значение имело общение с кружком молодых филологов, к которому тогда принадлежали А.А. Смирнов, К.В. Мочульский, Н.В. Недоброво (†) <...>, а также – Б.М. Эйхенбаум (впоследствии примкнувший к В. Шкловскому); примыкали к этому кружку также и некоторые поэты из группы “акмеистов”, интересовавшиеся вопросами поэтической

⁴¹⁶ Цит. по: *Тименчик Р.Д., Лавров А.В.* Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. – Л.: Наука, 1976. С. 62. Там же содержится и другое немаловажное свидетельство: «На суд Недоброво доверчиво несли свои произведения молодые поэты, а его приговоры и мигания быстро воспринимались и усваивались многочисленными слушателями».

⁴¹⁷ *Лукницкий П.Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1: 1924–25 гг. С. 294–295. Речь идет об упоминавшемся публикации выступления Недоброво в ОРХС «Ритм, метр и их взаимоотношение», ставшей «откликом на “Символизм” А. Белого, изданный весной 1910 г., – на его вторую часть со статьями, впервые в русской науке разделившими понятия “метрики” и “ритмики” и выдвинувшими вторую в противоположность первой» (*Гаспаров М.Л.* «Ритм и метр» Н.В. Недоброво. С. 142; там же (с. 143–146) см. общую характеристику предложенной концепции).

техники»⁴¹⁸.

В заметке «**Нейштадт В.И.**» (В.В. Калмыкова) кроме нарушения установленных в комментируемом издании хронологических границ описания («В 1937–1941 годах опубликовал ряд работ о мировом значении русской литературы (“Пушкин в мировой литературе”, 1938; “Лермонтов на Западе”, 1939; и др.). В 1950 осуществил издание сочинений А.С. Пушкина на немецком языке» (с. 365, стб. 1)) обращает на себя внимание немотивированная торопливость или сознательная небрежность автора. Вряд ли можно избежать указания мемуарных или фактографических источников такого утверждения: «По устному свидетельству И.Р. Фальк, дочери Нейштадта, О.М. с женой бывали в доме Нейштадта» (с. 365, стб. 2)⁴¹⁹. Несколько странным представляется оформление ссылки на мандельштамовский текст: «О.М. считал Нейштадта. одним из лучших переводчиков (см. письмо Н.Я. Мандельштам и О.М. к А.А. Ахматовой от 11.6.1929: 4. С. 120–121)». И, безусловно, многим читателям МЭ останется неясным, о каком именно событии и о какой комиссии идет речь в сообщении: «В конфликтной ситуации конца 1920-х гг. Нейштадт встал на сторону О.М., активно выступил на Конфликтной комиссии против травли О.М.»⁴²⁰.

В статье «**“Новый Журнал”**» (П.М. Нерлер) неизбежно обращает на себя внимание расплывчатость формулировки об официальном появлении издания на «исторической родине»: «В 1990-е годы журнал начал легально распространяться в России» (с. 371, стб. 2);

⁴¹⁸ Жирмунский В. Вопросы теории литературы. – Л.: Academia, 1928. С. 8. Об этом эпизоде мандельштамовской биографии и его историко-культурном ореоле несколько подробнее говорится в публикации: Шиндин С. Габриэль Гершенкрюйн. Штрихи к портрету. Часть I // Новый Журнал. 2016. Кн. 284. С. 210–212, 229–230. Здесь же можно отметить одновременно и «биографическую», и «историческую» параллель: одна из современниц, вспоминая ушедшего из жизни Недоброво, отмечала, что к его образу «добавлялось ощущение несовременности: ”у него лицо Чаадаева”, ”он совсем из сороковых годов”» (Сазнова-Слонимская Ю.Л. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета // Русская мысль (Берлин; Прага). 1923. Кн. VI–VIII; цит. по: [Струве Г.П. Предисл. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // Slavica Hierosolymitana. 1981. Vol.V–VI. С. 427). В свою очередь, Лившиц в обобщенной характеристике О.М. вспоминал, как «автор тоненького зеленого “Камня”, вскидывая кверху зародыши бакенбардов, дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым, предлагал “поговорить о Риме” и “послушать апостольское credo” (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. С. 521). – Несколько подробнее о взаимоотношениях двух современников речь идет в публикации автора этих строк «Из “теневого окружения” Мандельштама: Николай Недоброво» (в печати).

⁴¹⁹ Со ссылкой на свидетельство В.В. Калмыковой, но также без указания источника данный факт упоминается в публикации: Видгоф Л. «Но люблю мою куру-Москву...». Осип Мандельштам: поэт и город. С. 613, п. 67.

⁴²⁰ Если следовать оригиналу, то в цитате должна фигурировать «Конфликтная Комиссия»

данный факт не может не иметь конкретной даты. Специфической отличительной чертой художественной стороны публикации, безусловно, является глубоко индивидуальная манера повествования ее автора – балансирование между научно-популярным, публицистическим и разговорным стилями, бессистемное соединение которых закономерно создает эффект общей стилистической неряшливости. Вот, например, как описана первая публикация, посвященная главному герою комментируемого издания: «Материалы об О.М. в “Новом Журнале” впервые появляются в 1955–1956 годах<? – С.Ш.> в связи с выходом в 1955 году в Издательстве им. Чехова однотомного собрания сочинений О.М. – первого книжного издания поэта после его смерти. В своем пространном отзыве Г.В. Иванов (№ 43) обрушился на редакторов (Г.П.Струве и Б.А.Филиппова) за те текстологические и биографические оплошности, которые они, по его мнению, допустили. Редакторы ему отвечали на каждый пункт, он отвечал им (№ 45). Эта полемика <...> подвигла Карповича (в ту пору главного редактора “Нового Журнала”) написать собственные воспоминания об О.М.» (с. 371, стб. 2)⁴²¹.

Подробно восстановив еще один «всплеск публикаций об О.М.», автор совершенно неожиданно меняет «главного героя» своего повествования – без какого-либо предупреждения и просто логической связи им становится спутница жизни поэта: «Интересный случай являет собой псевдорцензия Н.Я. Мандельштам на книгу Т.С. Элиота “К определению понятия культуры”, вышедшую на русском языке в 1968 году (1973, № 111; фактически это фрагмент ее “Второй книги”» (с. 372, стб. 1). Тем читателям, кого заинтересует такая информация и кого не смутит ее более чем специфическая «мандельштамоцентричность», придется разбираться в данной ситуации самостоятельно. Смена ориентира публикации П.М. Нерлера единичным фактом не ограничивается – далее читателям становится известно о месте и роли «Нового Журнала» в одной из книгоиздательских полемик: «В 1981 году, уже после смерти Н.Я. Мандельштам, в издательстве “Серебряный век” вышла ее книга “Мое завещание”: Г. Поляк, ее составитель и владелец издательства, ответил на реплику Н.А. Струве по поводу ее выхода (Русская мысль. 1986. 11 апр.) на страницах “Нового Журнала” (1986, № 165). По его мнению, дух Н.Я. Мандельштам противостоит любой литературной монополии» (с. 372, стб. 1). Сказать что-

⁴²¹ Рассказ о публикации Ю.П. Иваска несомненно заслуживает внимания (тем более с учетом ее взвешенного и более чем положительного звучания), однако место для этого видится не в статье, посвященной изданию, в котором она была размещена, а в «персональной» заметке об авторе, где прямое ее упоминание присутствует только в пристатейном списке литературы.

либо конкретно по поводу духа вдовы поэта пишущий эти строки не может...

Несмотря на то, что далее рассказ возвращается к О.М. (в частности, автор указывает «отдельные трудно находимые <? – С.Ш.> упоминания О.М. в публикациях “Нового Журнала”» (с. 372, стб. 1)), в целом текст оставляет ощущение незаконченности, информационной неполноты. В части, касающейся места и роли одного из важнейших периодических изданий Русского Зарубежья в его социо-культурном пространстве, рассматриваемая заметка могла бы быть дополнена библиографическими ссылками на материалы о его истории, чему посвящена содержательная публикация: Творчество диаспоры и «Новый Журнал» / Под ред. М. Адамович и В. Крейда, вст. ст. В. Крейда. – New York: New Review, 2003, – а также электронная справка В. Крейда «“Новый Журнал” (Нью-Йорк, основан в 1942 г.)», опубликованная на сайте «Вторая литература»; URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/krejd_novuj_zhurnal_spravka_2003.pdf. Теперь в этом ряду может учитываться и только что увидевшая свет в России статья Р. Гуля «Двадцать пять лет “Нового Журнала”» 1970 года: Гуль Р.Б. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 157–180. Следовало бы упомянуть на страницах энциклопедии и о сайте журнала и главных направлениях его сегодняшней деятельности.

А вот публикации о «Новом журнале для всех» и о проходивших в 1915–1916 годах при его редакции литературных «средах», в которых, очевидно, принимал участие и О.М., как уже было сказано выше, в посвященной ему энциклопедии не оказалось...

Под литерой «О»...

Среди современников О.М., чей жизненный путь не получил своего описания в комментируемом проекте, должна быть названа и Ю.Л. Оболенская (1889–1945) – художник, ученица К.С. Петрова-Водкина, близкая знакомая М.А. Волошина, В.Ф. Ходасевича и др. Издание, основанное на ее автобиографических материалах, увидело свет относительно недавно: *Алексеева Л.* Цвет винограда: Юлия Оболенская и Константин Кандауров. – М.: АСТ, 2017; среди иллюстраций к нему – дружеский шарж 1916 года «Поэты. О. Мандельштам. В. Ходасевич. М. Волошин» (бумага, акварель)⁴²².

⁴²² Автор благодарен Л.Ф. Кацису, обратившему его внимание на данное издание.

Несмотря на некоторую сюжетно-повествовательную неорганизованность, статья «**Овидий**» (О.А. Лекманов, при участии Г.С. Зобина) объективно оказывается одной из попыток хотя бы частично компенсировать одну из главных содержательных лакун МЭ – оставшуюся без всестороннего и подробного рассмотрения тему античности во всем многообразии ее традиционных проявлений в русской культуре и конкретно – в биографии и художественном мире О.М. Несмотря на логически обусловленное отсутствие имени античного поэта в наборе «краеугольных камней акмеизма», современники отмечали его особое положение в системе акмеистических ценностей: «какое общее место водружается новыми поэтами как знамя! В какой же век и какой поэт не служил этой задаче наивысшего

восприятия жизни! Гомер и Овидий не были ли акмеистами, до которых не дотянуть всем современным, хотя бы они вылезли из кожи! <...> Группе поэтов опротивели смерть, уныние, неврастения и больничное всхлипывание. Они хотят быть молодыми и счастливыми, как птицы, как Гомер и Овидий. В добрый час»⁴²³. Как справедливо отмечают авторы статьи, «судьбу самого О.М. с судьбой Овидия сопоставляли К.В. Мочульский <...>, С.Б. Рудаков <...> и С.И. Липкин <...>. Известна также фраза А.А. Ахматовой, обращенная к О.М.: “Никто не жалуется – только вы и Овидий жалуетесь”» (с. 373–374); к сожалению, сказанное не подкреплено в публикации более чем актуальными при подобном «цитировании» библиографическими ссылками⁴²⁴. Очевидно, не без влияния этой широко распространенной «типологической модели» аналогичным сближением двух поэтов воспользовался в 1960-е годы Миндлин, оставивший в подготовительных материалах будущей книги воспоминаний такое афористическое определение О.М.: «Овидиевый наследник, чьи стихотворные строки <...> вырезаны из звучащего мрамора...»⁴²⁵. А уже в окончательном тексте своих мемуаров он перевел данную тему в откровенно ироническую плоскость: «Мандельштам, читая стихи, скандировал. Он их пел, задирая голову выше обычного, пел, иногда даже закрывая глаза. <...> И не всегда можно было отличить, читает ли он стихи – все равно чьи: свои, Овидия, Кузмина или Тютчева, или просто говорит о том, что блины без масла не годятся»⁴²⁶. В

⁴²³ *Измайлов А.* Литературное обозрение // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1913. 8 авг. № 13689. С. 2; цит. по: Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 292.

⁴²⁴ Подобное ролевое «отождествление», вероятно, носило в культуре 1910-х годов довольно распространенный характер; так, например, Вяч.И. Иванов, на границе 1904–1905 годов стремящийся вернуться из Женевы в Москву, в частности, писал 4.2.1905 Брюсову: «Я душою с тобою и скоро-скоро надеюсь увидеть моего одинокого Овидия»; см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. С. 115–116.

⁴²⁵ Цит. по: *Видгоф Л.* Дневник Эмилия Миндлина // *Видгоф Л.* Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М.: Новый хронограф, 2018. С. 44.

⁴²⁶ *Миндлин Э.Л.* Осип Мандельштам // *Миндлин Э.М.* Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. – М.: Советский писатель, 1968. С. 79. – Приведенная в финальной части цитаты «паремия» могла иметь далеко выходящие за границы обыденной бытовой реальности коннотации: точно в такой же «терминологии» О.М. охарактеризовал неудачную попытку Клычкова осенью 1933 года опубликовать в газете «Известия» очерк «Зажиток» об успехах колхозного строительства в СССР – 28.10.1933 В.Н. Горбачева записала: «Сегодня отнес Сергей статью в “Известия” о колхозе и мужицкой зажиточности, и – мучается, и – не понимает, верен ли этот шаг (для души и для его неподкупной незапятнанности). С одной стороны, он видит и видел в колхозе множество действительно хорошего, с другой стороны, сытая Русь еще только сказка <...> и писать о колхозной сытости не есть ли измена?». А в следующей записи вдова поэта сообщает: «Мандельштам сказал: “Сергей Антонович истратил всё свое масло из закрытого распределителя <...> на колхозные блины”» (*Горбачева В.Н.* Записи разных лет. С. 213). Очерк, не опубликованный в газете, позднее вышел отдельным совместным изданием: *Клычков С., Попов В.* Зажиток. – М.: Советская литература, 1934.

реконструируемом наборе примеров мандельштамовского обращения к творчеству древнеримского поэта авторы, опираясь на воспоминания Н.Я. Мандельштам, в частности, отмечают тот факт, что «“изгнаннические послания” Овидия перечитывались О.М. в конце 1933 – начале 1934 годов» (с. 373, стб. 2). В реальности свидетельство представлено более эмоционально, и речь в нем идет о случайном знакомом Мандельштамов: «С ним <...> был свой разговор, и с полки снимались книги. О.М. воспользовался чудесной гимназической эрудицией Бублика, и они вместе упивались изгнанническими посланиями Овидия, один – предчувствуя свое будущее, а другой – уже испытав на себе прелести советского изгояства»⁴²⁷.

Поскольку комментируемая публикация представлена в редакции 2008 года, в ней объективно оказался неучтен значительный объем материалов, вошедших в научный оборот позднее. Так, в частности, вполне вероятным представляется присутствие О.М. на состоявшемся 11.3.1911 в редакции журнала «Аполлон» заседании Общества ревнителей художественного слова, где Зелинским был прочитан доклад об особенностях античного стихосложения, материалом для которого послужил цикл стихотворных посланий Овидия «Героиды» («Героини») ⁴²⁸. С другой стороны, изобилие в тексте статьи примеров из интертекстуальных экзерсисов легко объяснимо ее «поэтической» основой, но далеко не всегда они носят бесспорный характер. Например, авторы пишут: «Заглавие программного стихотворения О.М. “Tristia” (1918) повторяет заглавие “Скорбных элегий” Овидия, мотивы которых, особенно элегии 3 (из книги I), варьируются в первой строфе стихотворения О.М. <...>. Своеобразный комментарий к своему стихотворению “Tristia” О.М. дал в статье “Слово и культура” (1921), где фрагмент “Цыган” Пушкина, изображающий Овидия, цитируется рядом с 1–4-й строками 3-й элегии I книги “Скорбных элегий” <...>, а также перечисляются ключевые образы всей этой элегии Овидия: любовник в тишине путается в нежных именах”, “слова и волосы”, “петух, который прокричал за окном”» (с. 373, стб. 1).

⁴²⁷ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 312. – Из приведенного фрагмента нетрудно сделать вывод о том, что изучение творчества Овидия входило в программу и Тенишевского училища, что отчасти вступает в противоречие с открывающим комментируемый текст постулатом: «Тщательно и насквозь Овидий был впервые прочитан О.М. во время обучения на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета в качестве автора, чьи произведения входили в обязательную программу» (с. 373, стб. 1). (Честно сказать, пишущему эти строки очень хотелось бы увидеть хотя бы одного филолога-античника или культуролога-антиковеда, кто решится сказать, что личность Овидия, как, впрочем, и его тексты, доступна прочтению насквозь.)

⁴²⁸ См.: Летопись жизни и творчества ОЭ. Мандельштама. С. 36.

Оставляя без комментария именованное мандельштамовское текстовое «программным», необходимо указать на другое обстоятельство, отмеченное И.З. Сурагом в связи с интерпретациями данного контекста некоторыми исследователями и комментаторами, когда «мотивы 3-й элегии из 1-й книги “Скорбных элегий” Овидия налагаются на менее явные аллюзии из Тибулла (3-я элегия 1-й книги), однако ни там, ни там нет петуха, занимающего центральное место в приведенных строфах, в которых и сама ночь расставания названа “петушиной”, и к петуху отнесено вопрошание о будущем, о новой жизни. <...> – В стихотворении 1920 года, обращенном к Ольге Арбениной, на фоне античной и любовной темы, среди мрака ночи вновь вспоминается пение петуха: <...> Еще не рассеялся мрак и петух не пропел, / Еще в древесину горячий топор не врезался. – Мандельштам как будто бы сам дает указание на источник и смысл мотива – в статье «Слово и культура» (1921) он пишет: “Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы – и петух, который прокричал за окном, кричал уже в овидиевых тристиях, глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость <...>”. – Указание, однако, ложное – в пяти книгах тристий Овидия петух не упомянут ни разу». Согласно точке зрения исследователя, «ключ к образу Мандельштама все же оставил, связав своего петуха с темой повторения и радости узнавания – это, как нередко бывает в прозе Мандельштама, параллель и комментарий к “петушиной ночи” его “Tristia”»⁴²⁹; в подтверждение сказанному в публикации приводятся самые разнообразные контексты. Сложным кажется принять и другое утверждение, содержащееся в комментируемой статье: «Автору “Скорбных элегий” О.М. уподобил Анненского в заметке “Буря и натиск” (1922–1923)», – вряд ли можно назвать прямым уподоблением случай, когда после описания роли Сологуба и Анненского (отрицательной у первого и положительной у второго) в процессе становления «новой» русской поэзии, содержится лишь метафорическая связка со следующей частью текста: *У российского символизма были свои Вергилии и Овидии, у него же были и свои Каталды, не столь по возрасту, сколь по типу творчества. Здесь следует упомянуть о Кузмине и Ходасевиче (2, 293)*⁴³⁰. В то же время, интересным представляется

⁴²⁹ Сурагом И. Мандельштам и Пушкин. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 236–237.

⁴³⁰ Аналогичное «отождествление» использовано О.М. далее, когда применительно к футуризму он упоминает о *всей русской поэзии в целом, начиная от мощно неуклюжего Державина до Эхила русского ямбического стиха – Тютчева (2, 294)*. – Дополнительные внетекстуальные коннотации с фигурой Овидия может иметь присутствующая в данном фрагменте мандельштамовской статьи оценка «наставнической», «учительской» функции старшего поэта: *Влияние Анненского сказилось на последующей русской поэзии с необычайной силой. Первый учитель психологической остроты в новой русской лирике, искусство психологической композиции он передал футуризму (2, 292)*. С учетом определенных

принадлежащее В.В. Мусатову не фактографическое или текстуальное, а «типологическое» сопоставление О.М. с «маленьким Овидием, живущим в маленьких Томах», – К.Н. Батюшковым⁴³¹.

Публикация о римском поэте в новом издании МЭ (как и статья «Катулл») теперь может быть дополнена процитированными выше свидетельствами Н.Я. Мандельштам о том, что его сочинения входили в личную библиотеку поэта: «Латинских поэтов накопилось довольно много – Овидий, Гораций, Тибулл, Катулл... Почти все они покупались в изданиях с немецкими переводами, потому что немцы, как переводчики, точнее французов», – и в число тех книг, которые он взял с собой в ссылку: «В Вор<онеже> были с собой <...> Овидий. Катул<л>. (Вергилия не хотел покупать, а тем более брать с собой)»⁴³².

допущений такая характеристика может быть глубоко ассоциативно связана с тем фактом биографии Анненкова, когда Анненский прямо способствовал его успешному окончанию гимназии и поступлению в университет. В воспоминаниях художника этот эпизод изображен так: «В 1906 году <...>, пятиклассником, я был уволен из казенной гимназии за “политическую неблагонадежность” с волчьим паспортом, то есть без права поступления в другое казенное среднее учебное заведение. Пройдя последние классы в “вольной” частной гимназии <...>, я вынужден был держать выпускные экзамены, в 1908 году, при учебном округе, иначе говоря, в присутствии попечителя учебного округа. Этот пост в Петербурге занимал тогда поэт Иннокентий Анненский. Он терпеливо присутствовал при всех испытаниях по всем предметам (нас было больше сорока учеников). За мои ответы по теоретической арифметике, которую я как-то не заметил в течение учебного года, экзаменаторы присудили мне единицу, что делало невозможным получение аттестата зрелости и переход в высшее учебное заведение, то есть, для меня – в Петербургский университет, куда я так стремился, что еще до экзаменов уже приобрел серую студенческую тужурку и, конечно, фуражку. – Но через день подоспел экзамен по латинскому языку Я увлекся латынью и даже перевел для себя в стихах несколько отрывков из Горация, Овидия, Вергилия. <...> И вот случилось невероятное: на мою долю выпал на экзамене разбор овидиевского “Орфея?”, принадлежавшего именно к числу этих отрывков. Я читал латинский текст почти наизусть: <...> – Переведите, – сказал экзаменатор. – Не осознав того, что я делаю, и глядя на Анненского, присутствие которого меня чрезвычайно волновало, так как я чтил его поэзию, я закрыл книгу и стал читать по памяти мой перевод, отчетливо скандируя гекзаметр <...>. – Когда я прочитал последние строки <...>, <...> Анненский, улыбнувшись впервые за дни экзаменов, произнес, посмотрев на меня: – Перевод, молодой человек, страдает неточностью: у Овидия, как вы знаете, рифм нет... – Затем, обернувшись к сидевшему рядом с ним директору гимназии, он спросил вполголоса, не тот ли я ученик, который получил единицу по теоретической арифметике? Директор утвердительно кивнул головой. – На другой день директор вызвал меня в свой кабинет. – Начальник учебного округа, – сказал он, – переделал вчера вашу арифметическую единицу на тройку с минусом, заявив, что математика вам, по-видимому, в жизни не пригодится. Аттестат зрелости вам обеспечен. – Двери университета, о котором я так мечтал, раскрылись передо мной» (Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. С. 60–61). – Описанная ситуация выступает дополнительным косвенным подтверждением того, что мандельштамовское знакомство с поэзией древнеримских поэтов могло произойти еще в годы его обучения в Тенишевском училище.

⁴³¹ См.: Мусатов В.В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 190–195.

⁴³² Мандельштам Н.: Воспоминания. С. 329; <Мандельштам – читатель>. С. 22.

...некоторые тексты равнее других?

Вместо послесловия

Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни.

О. Мандельштам. «О природе слова»

Семья моя, я предлагаю тебе герб: стакан с кипяченой водой. В резиновом привкусе петербургской отварной воды я пью неудавшееся домашнее бессмертие.

О. Мандельштам. «Египетская марка»

Выпьем, дружок, за наше ячменное горе,

Выпьем до дна...

О. Мандельштам. «Полночь в Москве...»

Для семиотической полноты картины представляется целесообразным завершить данную часть публикации развернутым определением «максимальной энциклопедии», принадлежащим У. Эко, который понимает данное явление как «регулятивную идею»: «В этом смысле энциклопедия потенциально бесконечна, поскольку она постоянно изменяется, и проводимые на ее основе рассуждения вновь и вновь делают ее предметом дискуссий <...>. – Максимальная энциклопедия стремится отобразить не просто то, “что истинно” (это выражение может рассматриваться в различных смыслах), но все то, что было сказано в обществе, – то есть не только то, что было признано истинным, но и то, что было признано вымышленным. <...>– Подобная энциклопедия в целом недостижима, поскольку она

представляет собой совокупность всего того, что было сказано человечеством, но все же она существует в материальном виде, потому что сказанное сохраняется в виде всех книг, всех изображений и всех тех свидетельств, которые выступают в качестве взаимных интерпретантов в цепи семиозиса. <...>– Энциклопедия является единственным средством, с помощью которого мы можем учитывать не только работу любой семиотической системы, но и жизнь культуры как системы взаимосвязанных семиотических систем»⁴³³.

Приложение 1

Исправленные редакции опубликованных статей

Александр Скрябин

Александр Николаевич Скрябин (25.12.1871, Москва – 14.4.1915, там же) – композитор и пианист. К первой половине 1910-х годов от фортепианной и симфонической музыки пришел к идее создания некоего художественно-литургического действия, объединяющего все виды искусства, что нашло воплощение в одночастных симфонических поэмах «Поэма экстаза» (1907) и «Прометей» («Поэма огня», 1910). Для этих произведений Скрябин увеличил состав оркестра, введя орган и колокола, а в «Прометее» – хор без слов и специальную партию света (первая попытка синтеза художественных средств).

Вспоминая о юношеских музыкальных предпочтениях О.М., его младший брат Е.Э. Мандельштам отмечал: «Много значил для брата и Скрябин, быстро завоевавший сердца музыкального Петербурга, особенно молодежи»⁴³⁴. Свидетельства о прослушивании О.М. исполнения произведений Скрябина немногочисленны; очевидно, он посетил одно из

⁴³³ Эко У. От древа к лабиринту: Исторические исследования знака и интерпретации / Пер. с итал. О.А. Поповой-Пле. – М.: Академический проект, 2016. С. 50–52.

⁴³⁴ Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич // Новый мир. 1995. № 10. С. 124.

премьерных исполнений «поэмы» «Прометей»⁴³⁵ (первое авторское исполнение – 9.3.1911, Санкт-Петербург): в «Шуме времени» (1923–1924) О.М. упомянул приходящие ему на память *первины скрябинского «Прометей»*, и там же изобразил композитора, который *вот-вот сейчас будет раздавлен обступившим его со всех сторон еще немым полукружием певцов и скрипичным лесом «Прометей», над которым высится, как щит, звукоприемник – странный стеклянный прибор* (2, 365, 364). Насколько можно судить по дневниковой записи Ф.Ф. Фидлера, исключительно дискуссионное обсуждение этой премьеры предшествовало чтению стихов начинающих авторов на «Башне» у Вяч.И.Иванова 14.3.1911⁴³⁶. По предположению Р.Д. Тименчика, О.М. мог присутствовать в редакции журнала «Аполлон» на состоявшемся незадолго до смерти композитора вечере, где тот исполнял свои ранние сочинения и фрагменты «Прометей»; он же считает, что известие о смерти Скрябина стало поводом для посещения О.М. 14.4.1915 А.А. Блока и разговора о скрябинском творчестве⁴³⁷. Возможно,

⁴³⁵ См.: Тименчик Р. Музыка и музыканты на жизненном пути Ахматовой (Заметки к теме) // Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. – Л.: Советский композитор, 1989. С. 53.

⁴³⁶ На этом же вечере состоялось знакомство О.М. с А.А. Ахматовой; в записи Фидлера 15.3.1911, в частности, говорится: «Вчера – у Вячеслава Иванова <...>. Сперва говорили о возможности войны, затем – о симфонии Скрябина “Прометей” и наконец началось чтение вполне осмысленных стихов. Читали авторы: [В.Н.] Княжнин, Юрий Верховский, [Г.И.] Чулков и еще ни разу не выступавшие в печати новички О. Мандельштам, Анна Ахматова <...> и Мария Моравская» (Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 551–552). Возникновение темы «Прометей» помимо собственно культурных мотиваций могло иметь и дополнительные личностные «коннотации» – именно в период работы Скрябина над его окончанием состоялось близкое знакомство Иванова с композитором, принявшим его очень близко. Хорошо осведомленный современник свидетельствовал об этом так: «В это время <...> Балтрушайтис ввел в скрябинский круг <...> Вячеслава Иванова. <...> Вячеслав Иванов и несколько времени спустя появившийся Константин Бальмонт привились в этом кругу и стали хотя и не ежедневными, <...> но все-таки более частыми посетителями скрябинского дома. <...> Вяч. Иванов как-то сразу всем там понравился. Понравился он и своей “моммсеновской” внешностью, и своим редким даром образного слова, и глубокими мыслями, и умением схватить скрябинские идеи и облечь их в более философскую форму, нежели они были у самого Александра Николаевича. <...> Вяч. Иванов подарил Александру Николаевичу книжку своих стихов, <...> тот ее внимательно прочитал и выражал мнение о ней: – У него странный стиль и слог, густой такой, терпкий, как кахетинское вино. <...> Но он страшно интересен! И он очень глубок... Я чувствую, <...> что эти и будут моими ближайшими друзьями! – “Эти” были – Вяч. Иванов и Бальмонт с Балтрушайтисом» (Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. – М.: Классика-XXI, 2000. С. 188–189). Как известно, позднее «поэма» Скрябина найдет опосредованные отголоски в ивановской трагедии «Прометей»; см., напр.: Кибальниченко С.А. Языческая Книга Бытия: Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» как мифотворческий эксперимент. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 127–135, 184–185. – В связи со сказанным кажется вполне оправданным предположение о том, что мировоззрение и творчество Скрябина являлись если не постоянными, то частыми предметами бесед Иванова, что могло стать одним из дополнительных источников интереса О.М. к ним.

⁴³⁷ См.: Тименчик Р. Музыка и музыканты на жизненном пути Ахматовой (Заметки к теме). С. 53, 54.

18.11.1915 О.М. был на концерте, посвященном памяти Скрябина, где исполнялись его Третья симфония («Божественная поэма») и «Прометей»⁴³⁸. Как вспоминала позднее И.Д. Ханцын, во второй половине 1920-х годов она нередко исполняла для О.М. «его любимые скрябинские вещи – еще ранние, в шопеновском духе опусы 16-й и 37-й <...> (он, по ее словам, больше всего любил романтиков: Шумана, сонаты Шопена, Бетховена и особенно – Скрябина)»⁴³⁹. По свидетельству Н.Я. Мандельштам, в Воронеже в беседе с Д.Ф. Ойстрахом О.М. «отказывался от симфоний Скрябина, но гораздо мягче говорил о фортепьянных вещах»⁴⁴⁰.

⁴³⁸ Дневниковая запись С.П. Каблукова об этом событии может быть истолкована двояко: «Сегодня 2-й концерт Кузевицкого, посвященный Скрябину. Исполнены: 1. 3-я симфония (“Божественная поэма”); 2. Прометей (“Поэма огня”). Дирижер Кузевицкий провел оба эти сложные сочинения в высшей степени одушевленно, искусно, тонко, художественно. И его оркестр, и хор Архангельского также были на высоте своего дела. <...> Был Мандельштам» (О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова / Подгот. текста и примеч. А.Г. Меца // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 251). Соответственно, не кажется возможным с абсолютной уверенностью утверждать, что О.М. побывал именно на концерте, как это делает большинство биографов (напр.: «Был на концерте С.А. Кузевицкого, посвященном Скрябину» (Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016. С. 95)), а не в гостях у мемуариста.

⁴³⁹ *Нерлер П.* [Послесл. к публ.] Ханцын И. О Мандельштаме // *Сохрани мою речь*. Вып. 3. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2000. С. 70–72. Ср.: «В двадцатых годах ему часто играла Иза Ханцын, и он убедился, что в них гораздо меньше, а может, и совсем нет разрушительного и безумствующего начала» (*Мандельштам Н. Вторая книга* // *Мандельштам Н. Собрание сочинений*: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 132). – В сравнительно недавно опубликованном варианте воспоминаний Ханцын содержится рассказ не о ее знакомстве с О.М. в 1919 году в Киеве, а о первой встрече, отнесенной ею семью годами ранее: «О.Э. Мандельштама я встретила впервые в 1912 году в Коктебеле, куда я попала из Феодосии, где гостила в то время у моей подруги <...>. Ее родственники повезли нас собирать коктебельские камешки на пляже, на котором был почти игрушечный домик – кафе “Бубны”. Там за столиком сидел в одиночестве молодой человек – загорелый, с засученными до колен панталонами, в большой соломенной шляпе. Лицо и вид его привлекали внимание каким-то своеобразием, сосредоточенностью. <...> И тут выяснилось, что одинокий сосредоточенный человек – поэт, которого я уже знала по сборнику “Камень”» (ОР РНБ. Ф. 1138. Ед. хр. 21. Л. 1; цит. по: *Некрасова Г.* Иза Давыдовна Ханцын и ее современники (по материалам личного фонда Российской национальной библиотеки) // *Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова*. 2011. № 2 (26). С. 36, стб. 1). В такой связи необходимо отметить, что о пребывании О.М. летом 1912 года в Коктебеле ничего не известно (ср.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 47), а первое издание «Камня» состоялось в 1913 году, книга вышла из печати в конце марта; см.: *Мец Г.А.* «Камень» (к творческой истории книги) // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 379. Таким образом, в данном случае приходится констатировать явную ошибку мемуариста – или хронологическую, или фактическую.

⁴⁴⁰ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 132.

Развернутая характеристика и прямая оценка скрябинского творчества содержатся в докладе О.М. «Скрябин и христианство» (другое название – «Пушкин и Скрябин»; сохранившиеся фрагменты в настоящее время публикуются как статья <<«Скрябин и христианство»>, 1917(?)⁴⁴¹), который, по утверждению Н.Я. Мандельштам (не подкрепленному никакими доказательствами и противоречащему документальным свидетельствам) был прочитан в Религиозно-философском обществе в Петрограде⁴⁴². Более вероятно, что мандельштамовское выступление предполагалось для петроградского Скрябинского общества, где, возможно, и состоялось; опять же по утверждению вдовы поэта, эпизод чтения доклада в ироническом освещении метафорически зафиксирован в повести «Египетская марка» (1927) и черновых набросках к ней⁴⁴³. Сам О.М. исключительно высоко оценивал данный текст – по свидетельству Н.Я. Мандельштам, он говорил: «это основная моя статья»⁴⁴⁴. Согласно точке зрения комментаторов первой публикации, на формирование мандельштамовской концепции скрябинского искусства могли повлиять некролог Б.В. Асафьева (Музыка. 1915. № 220), ряд публичных выступлений Вяч.И. Иванова (Санкт-Петербург – Москва, декабрь 1915 – январь, апрель 1916 года), труды Н.А. Бердяева, а также

⁴⁴¹ Согласно точке зрения А.Г. Меца, «статья датируется <...> декабрем 1916 – началом 1917 г.» (*Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 489*).

⁴⁴² См.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 127. В середине 1960-х годов вдова поэта рассказывала об этом эпизоде его биографии К. Брауну в таком варианте: «У Каблукова из архива пропала рукопись “Скрябин и христианство”, она иногда называется “Скрябин и Пушкин” У меня осталось только несколько разрозненных листов, которые я потом нашла в сундуке у отца Мандельштама, случайно сохранились... Он же организовывал, вероятно, доклад, это был доклад в Религиозно-философском обществе... О.Э. говорил, что очень огорчился, когда узнал, что Каблуков умер, и жалел очень, что пропала эта рукопись. Говорил, что это лучшее из того, что он написал. То, что сейчас печатается, – это черновики. <...> Каблуков <...> ввел Мандельштама в Религиозно-философское <общество>, и там он читал доклад о Скрябине. Текст доклада остался у Каблукова и пропал в бумагах» (Кларенс Браун: Воспоминания о Н.Я. Мандельштам и беседы с ней / Пер. с англ. В. Литвинова, коммент. В. Литвинова и П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 447, 464).

⁴⁴³ См.: «В черновиках “Египетской марки” сохранились насмешки над Парноком, который собирался прочесть доклад “в салоне мадам Переплетник”... Это явный намек на скрябинский доклад» (*Мандельштам Н.* Воспоминания // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдin, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 254); в продолжение данного свидетельства см.: *Мец А.Г. Комментарии.* С. 489–490. Трудно сказать, насколько столь прямолинейное и безапелляционное утверждение может быть безоговорочно верно.

⁴⁴⁴ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 128.

некролог С.П. Каблукова (см.: *С-ий К-в.* А.Н. Скрябин // *Голос жизни.* 1915. № 18. С. 16) и личное общение с ним, служившее для О.М. источником религиозно-философской интерпретации музыки вообще⁴⁴⁵. В комментарии А.Г. Меца к последней публикации, в частности, говорится: «Статья писалась (точнее – доклад готовился) вскоре после первой годовщины смерти А.Н. Скрябина, в “Скрябинский год”, широко отмеченный: тематическими лекциями-концертами, изданием воспоминаний о Скрябине, собраниями и специальными изданиями Скрябинских обществ – петроградского и московского. Мотивы “Скрябина и христианства” соответствуют проблематике книг и статьей (Л.Л. Сабанеева, Вяч. Иванова, А.Н. Брянчанинова, С.Н. Булгакова и многих других), появившихся в это время»⁴⁴⁶.

В данном ряду имен (который может быть дополнен и упоминанием известного композитора, пианиста, педагога, музыкального критика и сподвижника Скрябина Г.О. Гунста, автора, вероятно, первой профессиональной монографии об ушедшем современнике⁴⁴⁷) особое место занимает «ивановский локус». Согласно предположению О.А.

⁴⁴⁵ См.: *Мец А.Г., Василенко С.В., Фрейдин Ю.Л., Никитин В.А.* [Примеч. к публ.] О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // *Русская литература.* 1991. № 1. С. 76. Не меньшее влияние могло оказывать на поэта и личное общение с Вяч.И. Ивановым, в этот период входившим в круг ближайшего литературного окружения композитора; см., напр.: *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Скрябине. – М.: Классика-XXI, 2000. С.382 (им. ук.).

⁴⁴⁶ *Мец А.Г.* Комментарии. С. 489. К сожалению, отсутствие указаний на прямые параллели мандельштамовского текста перечисленным источникам не предоставляет возможности ни согласиться с автором, ни возразить ему. Одновременно с этим, трудно предположить, о каких публикациях Иванова идет речь: «Единственная статья, вышедшая при жизни автора, – “Скрябин и дух революции” (см.: Иванов В. Родное и вселенское. М., 1917. С. 191–197)» (*Бёрд Р.* Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном действе» А.Н. Скрябина // *Русская литература.* 2006. № 3. С. 148, прим. 3); см. также: *Левая Т.* «Скрябин и дух революции» (по прочтении речи Вячеслава Иванова) // *Ученые записки.* Вып. 9. Кн. 1: Материалы международной научной конференции «Скрябин в художественном контексте эпохи». 25–27 апреля 2017 г. – М.: Мемориальный музей А.Н. Скрябина, 2018. Тексты ивановских статей и комментариев к ним представлены в их первой публикации: *Мыльникова И.А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник.* 1983. – Л.: Наука, 1985. Там же (с. 93, стб. 1), в частности, сообщается о нескольких ивановских выступлениях конца 1915 – первой половины 1916 годов в Москве, Петербурге и Киеве; см. также: *Дешарт О.* Примечания // *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 3 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 736.

⁴⁴⁷ См.: *Гунст Г.* А.Н. Скрябин и его творчество / С прилож.: ориг. рис. акад. Л. Пастернака, 9 фотограф. снимков и 63 нотных примеров. – М. [б.и.], 1915. Краткая информация об авторе содержится в анонимной заметке: <Б.н.> Гунст Г.О. // *Музыкальная энциклопедия: В 6 т. Т. 2: Гондольера – Корсов / Гл. ред. Ю.В. Келдыш.* – М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1974, – в мемуарах одного из современников: *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о Скрябине. С. 229–230, 364–365, – и в электронных публикациях последних лет, напр.: URL: <http://www.bfz.ru/?mod=news&id=1800>; здесь же может быть названа написанная в эмиграции краткая автобиография композитора; URL: <http://classic-online.ru/ru/composer/Gunst/21798>.

Лекманова и Е.В. Глухой, в 1915 году в Петрограде или в 1916 в Москве «О.М. слушал доклад Иванова “Взгляд Скрябина на искусство” <...>. В своем докладе “Скрябин и христианство” (1915–1916) младший поэт полемизирует с Ивановым в определении творчества А.Н. Скрябина через призму мистического пути посвящения. Дар Скрябина, в противовес концепции Иванова, он определял как дар художника христианской культуры. Несмотря на это, оба доклада во многом перекликаются: мандельштамовское определение Скрябина как “солнца-сердца” русской культуры <...> восходило не только к докладу Иванова, где Скрябин назван “солнечным художником”, но и к соответствующему разделу книги Иванова “*Cor Ardens*”»⁴⁴⁸. Прямые переклички между докладом О.М. и докладом-статьей Вяч.И. Иванова «Взгляд Скрябина на искусство» (1915) позднее были отмечены и О.А. Лекмановым: «И там и там Скрябин уподоблен Орфею <...>. И там и там смерть Скрябина вписана в “пушкинский контекст” <...>. Наконец, и там и там <...> упоминаются старшие эллинские музы» (*Лекманов О.А. Мотивы эссеистики Вячеслава Иванова в творческом сознании Осипа Мандельштама // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: Водолей, 2000. С. 125*)⁴⁴⁹. В свою очередь, детальная и глубокая интерпретация, предполагающая явную мандельштамовскую полемику с мифотворчеством Вяч.И. Иванова вокруг личности и творчества Скрябина, была предложена В.В. Мусатовым⁴⁵⁰.

Появление предполагаемого доклада О.М., очевидно, было вызвано трагической смертью Скрябина; это событие прямо сопоставлено со смертью А.С. Пушкина: *Пушкин и*

⁴⁴⁸ *Лекманов О.А., Глухова Е.В.* Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 176. Данный фрагмент вошел и в статью авторов в издании: *Глухова Е.В., Лекманов О.А.* Иванов В.И. // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 259, стб. 1.

⁴⁴⁹ К слову сказать, в годовщину смерти композитора Ивановым было написано «мемориальное» четверостишие «Ко дню открытия памятной доски на доме Скрябина (14-го апреля 1916 г.)», напечатанное в газете «Утро России» (1916. 14 марта. № 104), а затем – в журнале «Музыка» (1916. № 254); см.: *Мельникова И.А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. С. 116, стб. 1, прим. 22; опубликовано в: *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 4 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт при участии А.Б. Шишкина. – Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 48. И 14.4.1916 на собрании московского отделения Скрябинского общества Ивановым был прочитан доклад, который под названием «Национальное и вселенское в творчестве Скрябина» затем был включен в составленный им, но неизданный сборник его статей о композиторе; см.: *Мельникова И.А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. С. 93, стб. 2; там же (с. 96–102) воспроизводится окончательная редакция ивановской статьи.

⁴⁵⁰ См.: *Мусатов В.В.* Лирика Осипа Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000. С. 137–141.

Скрябин – два превращения одного солнца, два перебора одного сердца. Дважды смерть художника собирала русский народ и зажигала над ним свое солнце. Они явили пример соборной, русской кончины, умерли полной смертью, как живут полной жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы (1, 201)⁴⁵¹. Именно в связи со смертью Скрябина в художественном мировоззрении О.М. формируется принципиально значимый для него мотив достойной, высокой смерти художника, являющейся логическим завершением жизненного пути: Я хочу говорить о смерти Скрябина как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключит. звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной (1, 201).

В качестве главного специфического признака в скрябинском творчестве О.М. выделял дистанцирование в музыке от христианского начала, которое он видел, в частности, в отказе от хорового исполнения, в свою очередь, выступавшего для него «синонимом» христианства; ср. свидетельство Н.Я. Мандельштам: «Он мне рассказывал <...> про одноголосые католические хоры, которые когда-то потрясли его. Где он их слышал, не знаю. Скорее всего, за границей»⁴⁵²; речь, возможно, идет об исполнении григорианских хоралов. Именно поэтому О.М. противопоставляет бессловесный хор «Прометея» Скрябина финальному хору Девятой симфонии Л. ван Бетховена: *Голос – это личность. Фортопьяно – это сирена. Разрыв Скрябина с голосом, его великое увлечение сиреной пианизма знаменует утрату христианского ощущения личности <...>. Бессловный, странно немолчащий хор «Прометея» – все та же соблазнительная сирена. – Эта радость Бетховена, синтез Девятой симфонии <...> недоступно Скрябину. В этом смысле он оторвался от христианской музыки (1, 204);* в одном из вариантов текста прямо фигурирует *католическая*

⁴⁵¹ Интересно то обстоятельство, что более поздняя интерпретация этой статьи, принадлежащая вдове поэта, представляет собой редкий случай ее явной полемики с ним, лежащей в экзистенциально-метафизической плоскости: «Смерть Пушкина все же была осознана людьми, а Федра-Россия и не подумала полюбить Скрябина по той простой причине, что ни греховной, ни чистой любовью еще не снизошла ни к одному из своих сыновей» (Мандельштам Н. Вторая книга. С. 131).

⁴⁵² Мандельштам Н. Вторая книга. С. 131.

*радость Бетховена. Вместе с тем, в своей статье О.М. ввел понятие «русского эллинизма», следующей после Пушкина ступенью которого назвал Скрябина – дальнейшее закономерное раскрытие эллинистической природы русского духа. Огромная ценность Скрябина для России и для христианства обусловлена тем, что он безумствующий эллин. Через него Эллада породилась с русскими раскольниками, сожигавшими себя в гробах. <...> Его хилиазм – чисто русская жажда спасения; античного в нем – то безумие, с которым он выразил эту жажду (1, 202). Понятие эллинизма О.М. наполняет индивидуальным смыслом, вследствие чего оно парадоксальным образом становится началом, не антитетичным христианству; более того, через категорию смерти эти религиозно-культурные модели оказываются генетически связаны: *Покуда в мире существует смерть, эллинизм будет творческой силой, ибо христианство эллинизирует смерть... Эллинизм, оплодотворенное смертью, и есть христианство. Семя смерти, упав на почву Эллады, чудесно расцвело: вся наша культура выросла из этого семени (1, 205).* В результате, творчество Скрябина, дионисийское по своей «природе», по словам О.М., *имеет самое прямое отношение к той исторической задаче христианства, которую я называю эллинизацией смерти, и через это получает глубокий смысл (1, 205).**

Литература: *Тименчик Р.* Музыка и музыканты на жизненном пути Ахматовой (Заметки к теме) // *Кац Б., Тименчик Р.* Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. – Л.: Советский композитор, 1989. С. 52–54; *Мец А.Г.* [Предисл. к публ.] О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // *Русская литература.* 1991. № 1; *Мец А.Г., Василенко С.В., Фрейдин Ю.Л., Никитин В.А.* [Примеч. к публ.] О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // *Русская литература.* 1991. № 1.; *Мусатов В.В.* Лирика Осипа Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000 (по им. ук.); *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин. – М.: ИМЛИ РАН, 2009 (по им. ук.); *Мец А.Г.* Комментарии // *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 488–490; *Мандельштам Н.* Вторая книга // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 127–134.

Борис Эндер

Борис Владимирович Эндер (4.2.1893, Санкт-Петербург – 12.6.1960, Москва) – живописец, график, иллюстратор, художник русского авангарда. В 1905–1907 годах брал частные уроки рисования у И.Я. Билибина, в 1911 сблизился с М.В. Матюшиным и Е.Г. Гуро. В 1913–1915 годах Эндер учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, откуда в 1915 был призван на военную службу, а после демобилизации в 1918 поступил в Петроградские Государственные свободные художественные мастерские. Занимался у К.С. Петрова-Водкина, затем у Матюшина и после завершения обучения в 1923 году продолжил работать под его началом в отделе органической культуры Государственного института художественной культуры (ГИНХУК; Петроград–Ленинград, 1923–1926). Тогда же он присоединился к созданной Матюшиным группе художников «Зорвед», ориентированной на исследования и эксперименты в области цветовосприятия⁴⁵³, и тогда же О.М. мог узнать имя художника по факту его участия в качестве соавтора одной из самых известных публикаций «Ордена заумников DSO» (А.В. Туфанов, А.И. Введенский, Д.И. Хармс): *Туфанов А. К зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем. Обложка и таблица речезвуков художника Б. Эндер.* – Пб.: Издание автора, 1924⁴⁵⁴. В круг постоянного общения художника входил Н.И. Харджиев, бывший его близким другом⁴⁵⁵. В конце 1920-х годов в творчестве Эндера наметился переход от абстрактной живописи к фигуративной, стал преобладать жанр традиционного пейзажа; в 1930-х годах Эндер работал в сфере монументального искусства, принимал участие в оформлении павильона СССР на Международной выставке в Париже (1937)⁴⁵⁶. Художник целиком оформил вторую книгу детских стихотворений О.М. «Два трамвая» (Л.: Госиздат, 1925) –

⁴⁵³ См.: «ЗОРВЕД» // Золотой век художественных объединений России и СССР / Сост. Д.Я. Севрюхин, О.Л. Лейкинд. – СПб.: Издательство Чернышева, 1992. С. 68–69.

⁴⁵⁴ Факсимильно воспроизведено в издании: *Туфанов А. К зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем.* – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. С. 7–53 [эл. изд.].

⁴⁵⁵ См.: *Эндер З. Борис Эндер. Дневники 1921-го года // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева.* – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 326; там же – краткое изложение биографии художника.

⁴⁵⁶ См.: *Ракитин В.И. Эндер Б.В. // Энциклопедия русского авангарда: Изобразительное искусство. Архитектура: В 3 т. Т. 2: Биографии. Л – Я. / Авт.-сост. В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов.* – М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013.

обложка, 11 страниц текста, 1 иллюстрация. О знакомстве и общении О.М. и Эндера ничего не известно⁴⁵⁷.

Приложение 2

Неопубликованные статьи

Мстислав Добужинский

Мстислав Валерианович Добужинский (2.8.1875, Новгород – 20.11.1957, Нью-Йорк) – живописец, график, иллюстратор, театральный художник. Член объединения «Мир искусства». В конце 1905 года близко познакомился с Вяч.И. Ивановым и его окружением, стал регулярно посещать проходившие у него литературно-художественные собрания – «среды» на «Башне» (в квартире под которой располагалась организованная при его и Л.С. Бакста частная художественная мастерская – «школа Е.Н. Званцевой»⁴⁵⁸). Именно в

⁴⁵⁷ Но при этом обнаруживается глубоко опосредованная «биографическая параллель» – в 1941 году художник активно сотрудничал с Э.Г. Герштейн в оформлении Лермонтовского юбилея, о чем она оставила выразительные воспоминания: *Герштейн Э.* Мемуары. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 290–294.

⁴⁵⁸ Сам художник оставил об этом такое свидетельство: «С осени 1906 г. я начал преподавать вместе с Бакстом частной художественной мастерской (“школа Бакста и Добужинского”), которая была основана Е.Н. Званцевой, бывшей ученицей Репина. Школа тогда помещалась на углу Таврической и Тверской улиц, против Таврического сада, – как раз под квартирой Вячеслава Иванова, которая была на самом верхнем этаже этого большого дома с угловой башней-фонарем. Башня и стала названием знаменитых собраний у Вяч. Иванова, его сред, – нового литературного центра Петербурга» Немаловажным для будущего хода культурной жизни России 1910-х годов представляется тот факт, что, по словам мемуариста, «школа не могла стоять в стороне от того, что творилось “над ней”. Некоторые ученики, по примеру Бакста и моему, бывали тоже посетителями гостеприимной Башни» (*Добужинский М.В.* Воспоминания / Изд. подгот. Г.И. Чугунов. – М.: Наука, 1987. С. 271–272). [По поводу этого утверждения современный исследователь замечает: «В школе Званцевой занимались Н.А. Тырса, А.И. Русакова, М. Матюшин и Е.Г. Гуро, Г.И. Нарбут и другие художники, на которых также в той или иной степени могли повлиять споры, которые велись в доме Ивановых» (*Демиденко Ю.Б.* Художники на Башне // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 212).] Согласно дневниковой записи Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, первое зафиксированное посещение «Башни» Добужинским относится к 14.12.1905; см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2009. С. 144; ср.: *Устинов А., Шишкин*

данный период начались его встречи с А. Белым, А.А. Блоком, М.А. Волошиным, М.А. Кузминым, А.М. Ремизовым, Ф. Сологубом, Г. Чулковым и другими представителями художественной среды; тогда же Вяч.И. Иванов пригласил Добужинского в качестве художника его собственного «издательства» «Орь»⁴⁵⁹. Как книжному графику в 1910-е годы широкую известность Добужинскому принесло оформление журналов «Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон», а также авторство марок артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов»; в это же время он активно сотрудничал с Московским художественным театром и С.П. Дягилевым. Среди наиболее значительных работ Добужинского в книгоиздательской сфере этого периода – иллюстрации к произведениям классической литературы (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Г.Х. Андерсена) и изданиям современников (в частности, Вяч.И. Иванова, Сологуба, Чулкова), в том числе и к детским книгам (Ю.К. Олеси, К.М. Чуковского и др.)⁴⁶⁰. В 1924 году при активном содействии Ю.К. Балтрушайтиса Добужинский принял литовское гражданство и покинул СССР, в 1935 переехал в Великобританию, в 1939 – в США.

Факт знакомства О.М. и Добужинского неизвестен, но представляется более чем вероятным; помимо прочего, оно могло состояться на «Башне» Вяч.И. Иванова или в редакции «Аполлона», с которым художник активно сотрудничал⁴⁶¹. Добужинскому

A.Picturaroemasilens: Мстислав Добужинский на «Башне» Вяч. Иванова. Статья первая: Художественные контексты // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова: Десятая международная конференция. – Салерно: Исследовательский центр Вячеслава Иванова, 2017. С. 355–356. Присутствовал он и на возобновленных осенью 1908 года «больших собраниях», свидетельством чему являются списки посетителей некоторых из них, составленные В.К. Шварсалон; см.: Богомолов Н.А. Из башенной жизни 1908–1910 годов // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010. С. 71.

⁴⁵⁹ См.: *Добужинский М.* Воспоминания. С. 271–275 сл.

⁴⁶⁰ См., напр.: *Гусарова А.* Книжная графика М.В. Добужинского // *Очерки по русскому и советскому искусству.* – М.: Искусство, 1965 и др.

⁴⁶¹ По свидетельству Ю.П. Анненкова, «в очень быстрый срок все авангардное русское искусство тех лет объединилось вокруг “Аполлона”, ставшего подлинным центром русской художественной жизни, художественной мысли. В помещении редакции “Аполлона”, на Мойке, постоянно происходили встречи, собрания, споры, чтение стихов, беседы о новом театре, музыкальные вечера... Александр Бенуа, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Лев Бакст, Александр Блок, Михаил Кузмин, <...> Вячеслав Иванов, <...> Мстислав Добужинский, <...> Иннокентий Анненский <...>, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1991. С. 231). Так, например, в редакции журнала была организована выставка работ «студийцев Званцевой», имевшая довольно широкий общественный резонанс; см.: *Маковский С., Бакст Л.* Выставка в редакции «Аполлона» // *Аполлон.* 1910. № 8. Отд. 2. С. 43–46; ср. буклет-каталог: *Выставка работ учениц и учеников Л.С. Бакста и М.В.*

принадлежит оформление итогового за 1911 год издания редакции «Аполлона» «Литературный альманах» (СПб.: Аполлон, 1912), где также публиковался О.М. Возможным местом постоянных встреч, в частности, была «Бродячая собака», одним из учредителей которой был Добужинский⁴⁶² и на открытии которой 31.12.1911 вряд ли случайно О.М. выступал с чтением шуточных стихов⁴⁶³. В конце 1920 – начале 1921 года оба проживали в «Доме искусств», для которого художник разработал оригинальную издательскую марку⁴⁶⁴. Им была выполнена обложка и часть оформления литературно-художественного журнала «Дом искусств», в редакционную коллегия которого он входил и первый номер которого, появившийся в свет в 1921 году, содержал репродукции его графических работ («Тень» (из цикла «Сны») и «Москва. Вывески»); там же были опубликованы и стихотворения О.М. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» и «Возьми на радость из моих ладоней...»⁴⁶⁵. Чуть

Добужинского (Школа Званцевой) [6-я выставка ежемесячника «Аполлон». Апрель 1910] / Очерки С. Маковского и Л. Бакста. – СПб.: Издание «Аполлона», 1910; см.: *Дмитриев П.В.* Издания журнала «Аполлон»: Материалы для библиографии // *Дмитриев П.В.* «Аполлон» (1909–1918): Материалы из редакционного портфеля. – СПб.: Балтийские сезоны, 2009. С.101.

⁴⁶² См., напр.: *Петров Н.В.* 50 и 500. – М.: Всероссийское театральное общество, 1960. С. 142; в более общем плане см.: *Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 177.

⁴⁶³ См., напр.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама* / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016.

⁴⁶⁴ См.: «Я скажу тебе с последней прямой». К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: Альбом-каталог / Авт.-сост. А.А. Голубева и др. – М.: Государственный литературный музей, 2016. С. 207. Не в качестве фактографического дополнения, а как «художественное свидетельство» можно привести отраженный в беллетристических мемуарах И.Г. Одоевцевой эпизод, непосредственно предшествовавший ее встрече с О.М.: «Я прохожу через ярко освещенную столовую Диска. Здесь не те правила, что в Доме литераторов, и никого, даже обитателей Диска, не кормят даром. За длиннейшим столом Добужинский и молодой художник Милашевский <...> лакомятся коронным блюдом дисковой кухни – заячьими котлетами. Так для меня и осталось тайной, почему эти котлеты назывались “заячьими”. Ни вкусом, ни видом они зайца не напоминали» (*Одоевцева И.* На берегах Невы. – М.: Художественная литература, 1988. С. 139).

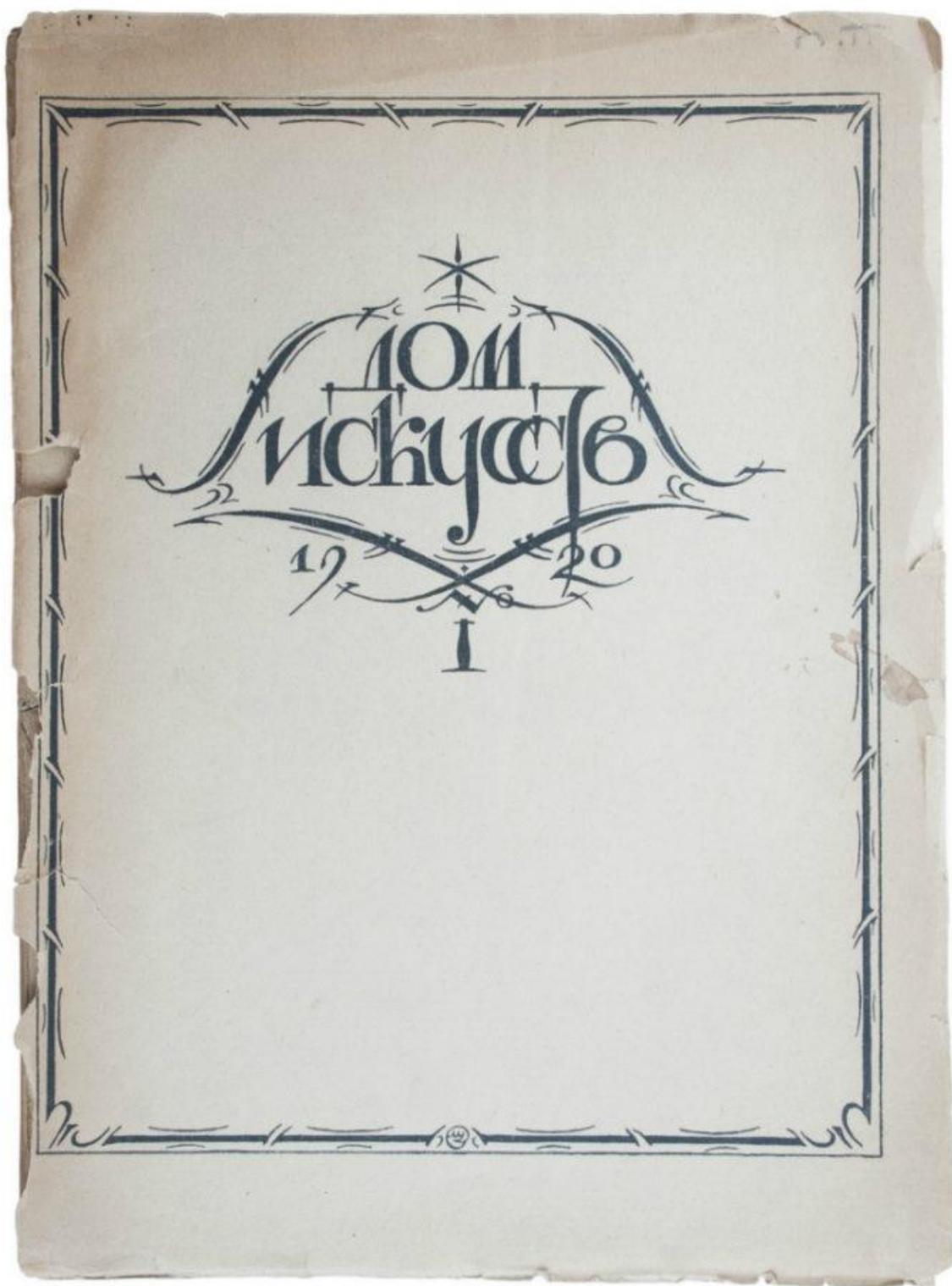
⁴⁶⁵ См.: *Мандельштам О.* Два стихотворения // Дом Искусств. 1921. № 1. С. 12–13 (на обложке ошибочно указана неверная дата – «1920»). – О новом издании А.К. Воронский оставил краткую, но исчерпывающую характеристику: «Петербургский Дом Искусств выпустил первый номер литературно-художественного журнала "Дом Искусств" под редакцией Горького, Чуковского, Добужинского, Замятина, Радлова. В журнале помещены стихи и рассказы Ахматовой, Мандельштама, Гумилева, Замятина, Кузьмина, – статьи Ремизова, Чуковского, Блока, Радлова, Левинсона, Глебова, – репродукции картин и рисунков Верейского, Добужинского, Замирайло, Кустодиева, Серебряковой, Чехонина. – Журнал представляет собой выдающийся интерес» (Об отшельниках, безумцах и бунтарях («Дом Искусств» № 1. Петербург 1921 г. «Вестник Литературы» № 3 (27) 1921 г.) // *Красная новь.* 1921. № 1. С. 292); совершенно противоположной по тону развернутой рецензией отозвался А.В. Луначарский («Дом искусств». Журнал под редакцией М. Горького, М. Добужинского,

позже интерес поэта к современнику могло дополнительно стимулировать общение с Э.Ф. Голлербахом, в 1923 году выпустившим книгу о нем⁴⁶⁶. Добужинский выступил автором обложки второго сборника стихотворений О.М. «Tristia» (Пб.; Берлин: Петрополис, 1922), высоко оцененной многими современниками, и полностью оформил издание книги детских стихотворений «Примус» (Л.: Время, 1925), что стало одной из последних его работ в СССР. Есть все основания предположить, что сотрудничество Добужинского с О.М., учитывая репутацию обоих, имело определенный резонанс в литературно-художественной среде. Так, Д.И. Митрохин в частном письме 13.9.1924 отмечал: «Слышал, что М. Добужинский делает рисунки к детской книжке О. Мандельштама “Примус” в изд<ательст>ве “Время”»⁴⁶⁷.

Евг. Замятина, Н. Радлова и К. Чуковского, № 1, Петербург, 1921 // Печать и революция. 1921. Кн. 2).

⁴⁶⁶ См.: Голлербах Э. Рисунки М. Добужинского. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923; тогда же вышло в свет и вряд ли неизвестное О.М. альбомное издание: *Маковский С.К., Нотгафт Ф.Ф.* Графика М.В. Добужинского. – Л.: Петрополис, 1924. И тогда же состоялась еще одна публикация: *Лисенков Е.* Графические работы М.В. Добужинского от «Свинопаса» до «Бедной Лизы» // *Завтра: Литературно-критический сборник под редакцией Евг. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского.* Вып. 1. – Берлин, Петрополис, 1923; это издание могло быть также известно О.М. и потому, что в него вошли, в частности, стихотворения Ахматовой, Зенкевича и Лозинского.

⁴⁶⁷ Письма Д.И. Митрохина // Книга о Митрохине: Статьи, письма, воспоминания / Сост. Л.В. Чаги, подгот. текста и примеч. И.Я. Васильевой. – Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 142.

М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. Тень. (из цикла «Сны»).

Владимир Короленко

Владимир Галактионович Короленко (27.7.1853, Житомир – 25.12.1921, Полтава) – прозаик, публицист, общественный деятель. Испытав в середине 1870-х годов воздействие революционной пропаганды народничества, в известной степени разделял идеологию «лавризма». В 1905–1921 годах работал над автобиографической прозой «История моего современника», где отобразил процесс становления разночинского типа личности периода народнического движения. Исходя из текстуальных источников можно утверждать, что отношение О.М. к Короленко как к писателю и общественному деятелю отличалось сдержанной иронией. В повести «Шум времени» (1923–1924), в «металитературной» главе «В не по чину барственной шубе», определена «ролевая доминанта» мировоззрения и художественного метода старшего современника: *Интеллигент строит храм литературы с неподвижными истуканами. Короленко, например, так много писавший о зырянах, сдается мне, сам превратился в зырянского божка* (2, 390–91). Социальный статус Короленко сатирически отражен в шуточном стихотворении «Баллада о горлинках» (1924): *Восстал на царство Короленки / Ионов, Гиз, Авессалом: / – Литературы-вырожденки / Не признаем, не признаем!*» (2, 81). Еще одно мандельштамовское обращение к имени литератора связано с делом А.Г. Горнфельда, которого в «Четвертой прозе» (1930) О.М. язвительно назвал *попка имени <...> Владимира Галактионовича Короленко*» (3, 173). Данный факт мог быть мотивирован не только историко-литературными реалиями взаимоотношений двух писателей, но и интертекстуальными параллелями, в частности, приводимой В.Б. Шкловским в ранней его статье «О поэзии и заумном языке» (1916) цитатой из «Истории моего современника» Короленко, где подробно описывается урок немецкого языка, построенный на многократном скандировании слова «попугай». И там же при характеристике такого явления как «звукоречь» в качестве примера его глубокого понимания упоминается поэзия О.М.: «Слова, обозначающего внутреннюю звукоречь, нет, и когда хочется сказать о ней, то подвертывается слово “музыка” как обозначение каких-то звуков, которые не слова; в данном случае еще не слова, так как они, в конце концов, выливаются словообразно. Из современных поэтов об этом писал О. Мандельштам: *Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вернись...*»⁴⁶⁸.

⁴⁶⁸ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова, подгот. текста, коммент. А.Ю. Галушкина. – М.: Советский писатель, 1990. С. 51, 54. В свою очередь, вряд ли случайно соединение уже этих имен в неопубликованной рецензии Б.В.Горнунгана «Шум времени» (не ранее 1926 года), где он определяет мандельштамовский текст как «почти что новый литературный жанр», при приближении к которому «вехами пути являются и совершенно неудачные в художественном отношении попытки, вроде “Истории моего современника” Короленко <...> и произведения Викт. Шкловского, прямо дебютировавшего мемуарами» (*Горнунг Б.В. Поход времени: В 2 кн. Кн. 2: Статьи и эссе / Сост. и примеч. М. Воробьева. – М.: РГГУ, 2001. С. 281*).

Николай Лапшин

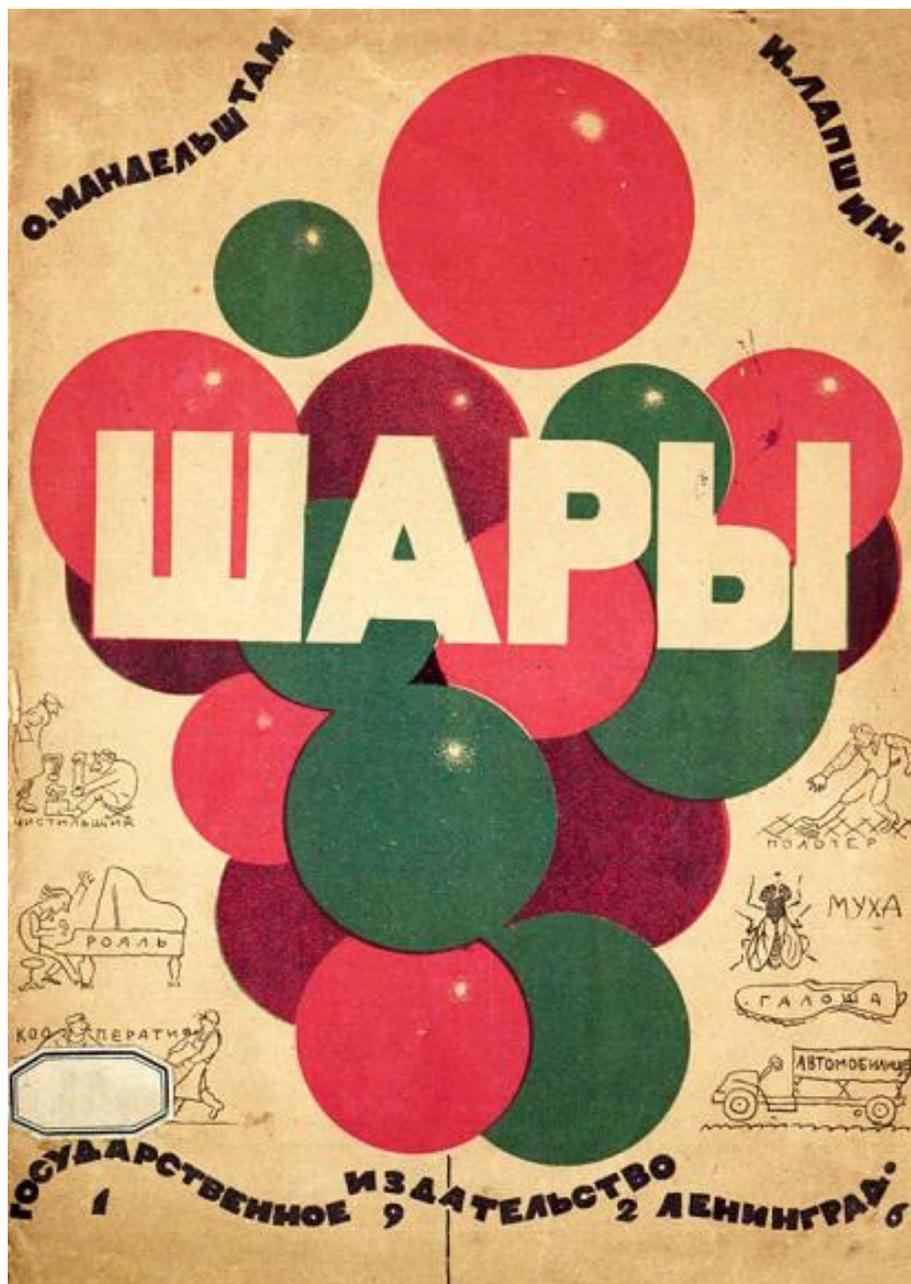
Николай Федорович Лапшин (29.1.1891, Санкт-Петербург – 24.2.1942, Ленинград) – живописец, график, книжный иллюстратор, театральный художник, педагог, автор статей по вопросам искусства. С 1900 года посещал начальную школу Центрального училища технического рисования, затем обучался в реальном училище. В 1911 поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института, одновременно продолжая получать художественное образование: занимался в рисовальной школе Общества поощрения художеств у И.Я. Билибина (1911–1915), посещая частные студии Я.Ф. Ционглинского (1912) и М.Д. Бернштейна (1913–1915), а также лекции в Археологическом институте. В 1913 году в Москве Лапшин познакомился с М.Ф. Ларионовым и Н.С. Гончаровой, под влиянием которых занялся изучением русской иконописной традиции и народного искусства; тогда же стал участвовать в художественных выставках⁴⁶⁹. Очевидно, в середине 1910-х годов Лапшин посещал литературно-художественный кружок с условным названием «Квартира № 5», располагавшийся в «мастерской Л.А. Бруни в здании Академии художеств, в которой молодые художники, поэты и музыканты встречались по вечерам на диспуты об искусстве и литературные чтения»⁴⁷⁰ и где могло состояться его знакомство с О.М., однако никаких сведений об этом нет. С начала 1920-х годов Лапшин занимался преподавательской деятельностью, выступал как художественный критик, в 1920–1921 годах заведовал секцией в Отделе ИЗО Наркомпроса (где несколько ранее трудился О.М.⁴⁷¹), одним из руководителей которого был Н.Н. Пунин, с кем они вместе в 1921–1924 годах работали в Музее художественной культуры; тогда же начался принципиально новый этап его творчества. «На Первой русской художественной выставке в Берлине осенью 1922 года был представлен

⁴⁶⁹ См.: Николай Федорович Лапшин. 1891–1942. Каталог выставки. Галерея «Арт-диваж», г. Москва, 18 января – 6 марта 2005 г. – М.: Скорпион, 2005; *Бернштейн Д.К.* Лапшин Н.Ф. // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура: В 3 т. Т. 2: Биографии. Л – Я. / Авт.-сост. В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013.

⁴⁷⁰ *Шруба М.* «Квартира № 5» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 70.

⁴⁷¹ См.: *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 гг. // Вопросы литературы. 1989. № 9.

специальный раздел “Экспрессионисты” – Бурлюк, Шагал, Лапшин, Лебедев”. Но это не стало основанием для оформления живописного экспрессионизма как группы»⁴⁷². Иллюстрированием детских книг художник стал заниматься в середине 1920-х годов, оформление сборника стихов О.М. «Шары» (1926) – одна из первых его работ, включающая в себя обложку и 11 иллюстрированных страниц.

⁴⁷² Терехина В. Русская культура и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма / Гл. ред. П.М. Топер. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 499.

ШАРЫ.

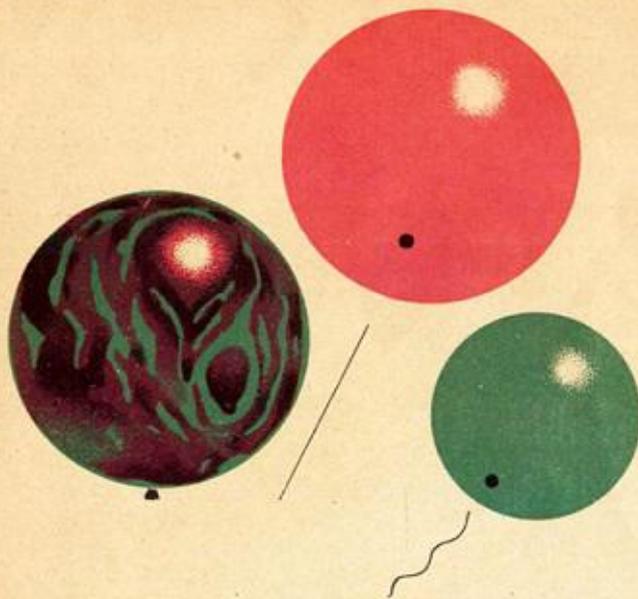
Дутые-надутые шары-пустомели
Разноцветным облаком на ниточке висели,
Баловали-плавали, друг друга толкали,
Своего меньшого брата затирали.

— Беда мне, зеленому, от шара буяна,
От страшного красного шара-голована.
Я шар-недоумок, я шар-несмышлениш,
Приемыш зеленый, дульный найденыш.

— А нитка моя
Тоньше паутинки,
И на коже у меня
Ни одной морщинки.

Увидела шар
Шарманка-хрипучка:
— Пойдем на бульвар
За белою тучкой:
И мне веселей
И вам будет лучше.

Топорщатся, пыжатся шары наливные —
Лилые, красные и голубые:
— Возьми нас, пожалуйста, если не жалко,
Мы ходим не попросту, а в перевалку.

Вот плавает шар
С огнем горделивым,
Вот балует шар
С павлиньим отливом,
А это вот найденыш,
Зеленый несмысленыш!

ПОЛОТЕРЫ.

Полотер руками машет,
Будто он в присядку пляшет.
Говорит, что он пришел
Натереть мастикой пол.

Будет шаркать, будет прыгать,
Лить мастику, мебель двигать.
И всегда плясать должны
Полотеры-шаркуны.

КАЛОША.

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день — сухой, хороший,
Если высохла вода.
Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:
То ли дело шлепать в луже,
Через улицу шагать!

Приложение 3

Указатель статей

«Абракас» – 1: 9-10; 3: 14-15; 4: 7

Аввакум Петров – 1: 17-19; 3: 15

Аверинцев С.С. – 4: 7

Агранов Я.С. – 1: 20-21

Адалис А. – 4: 7-11

Адамович Г.В. – 1: 22-26; 2: 2; 4: 11-12

Акмеизм – 1: 27; 4: 13

Аксенов И.А. – 1: 27-31; 3: 16-22

Алексеев-Гай А.Н. – 1: 31

«Альманах муз» – 4: 13

Альтман Н.И. – 1: 31-32; 4: 13

Америка – 1: 39

Анаграмма – 1: 10-11

Андроникова С.Н. – 2: 2-4; 3: 23-26; 4: 13-14

Анненков Ю.П. – 4: 18-25

Античность и античные мотивы – 4: 47-50

«Аониды» – 1: 32

«Аполлон» – 1: 33-37; 4: 25-18

Арбенина О.Н. – 4: 25

Ардов В.Е. – 4: 25-27

Ариосто Л. – 1: 37

Аристотель – 1: 37-38

Армения – 1: 38

Ахматова А.А. – 3: 10

Бабаев Э.Г. – 4: 28

Бабель И.Э. – 1: 42; 2: 5, 28; 4: 44

Бабин Б.В. – 1: 42-43; 4: 31-33

Багрицкий Э.Г. – 1: 43-45; 3: 26-33

Балтрушайтис Ю.К. – 4: 34-44

Бартель М. – 2: 5

Батюшков К.Н. – 3: 3

Бах И.С. – 1: 46-47; 4: 44

Бедье Ж. – 1: 47-48

Бердяев Н.А. – 2: 33-36

«Березиль» – 3: 5-6

Бернштейн С.И. – 2: 5-6

Бетховен Л. ван – 1: 48-50; 4: 44-45

Бодлер Ш. – 4: 45-46

Бродский И.А. – 1: 51-53

«Бродячая собака» – 2: 6-7; 4: 46

Бруни Л.А. – 1: 53-54

Бруни Н.А. – 2: 7-9

Булгаков С.Н. – 2: 9-10

Вагинов К.К. – 1: 55

Ваксель О.А. – 4: 46-47

Варейкис И.М. – 1: 55

Вергилий – 4: 47-50

Верлен П. – 1: 56, 74-77; 4: 50-52

Верховский Ю.Н. – 4: 121-126

«Весенний салон поэтов» – 1: 55-56

«Вестник РХД» – 4: 52

«Вечерняя звезда» – 4: 52

Вишневецкая С.К. – 4: 55-56

Вишневский В.В. – 4: 53-55

Владивосток – 2: 15-16

Владивостокский пересыльный лагерь – 2: 16

Волынский А.Л. – 3: 34-37; 4: 56-58

Воронеж – 2: 17-23; 3: 37-38; 4: 58-59

«Всемирная литература» – 1: 56, 77-81

«Всеукраинское фотокиноуправление» – 1: 56-57; 4: 59

Вступительная статья – 1: 16; 4: 3-6, 31, 135-136

Гастев А.К. – 2: 23-24; 4: 59-60

Германия – 1: 39

«Гермес» – 3: 39-41

Генкин М.И. – 1: 61-62

Гершензон М.О. – 4: 60-63

Гершенкройн Г.О. – 1: 63

Герштейн Э.Г. – 4: 65-67

Гехт С. – 4: 65

Гиппиус Вл.Вас. – 3: 41-42

Глазунова Л.В. – 1: 62-63

Глауберман С.Б. – 1: 61

Глюк К.. – 1: 63-66

«Гнозис» – 1: 57

Гоголь Н.В. – 2: 28

Годунов Борис – 1: 66-67

Голлербах Э.Ф. – 3: 3-4

Гомер – 2: 24-25; 3: 43

Горький М. – 2: 25-27

Готика – 1: 67-68

Гранада – 1: 58; 3: 43-45

Гурвич Э.С. – 4: 75
Гусев К.М. – 1: 58-59
Гюго В. – 2: 30-31; 4: 67-71
Гюисманс Ш.М.Ж. – 2: 31
Далькроз Ж. – 4: 71-72
Данте А. – 3: 10
Делакруа Ф.В.Э. – 3: 4-5
«День поэзии» – 2: 32
Державин Г.Р. – 2: 32-33; 3: 45-46
Добужинский М.В. – 4: 215-220
Добычин Л.И. – 2: 32
Долинов М.А. – 1: 81-85
«Дом литераторов» – 4: 72
Древнерусская иконопись – 1: 68
Дукельский С.С. – 1: 68
Елозо С.В. – 3: 46-47
Жагоры – 2: 23
«Жизнь» – 3: 47-48
Заболоцкий Н.А. – 3: 48-49, 54
Загоровский П.Н. – 4: 73
Замятин Е.И. – 3: 49-52
Звенигородский А.В. – 4: 63-65
Зельманова А.М. – 3: 52-53
Зенкевич Е.П. – 4: 73-34
Зощенко М.М. – 3: 50
Иванов Вяч.И. – 4: 75-131

Иванов Г.В. – 4: 131

«Известия» – 3: 53-54; 4: 131

Ильф И. и Петров Е. – 3: 54-55

«ИМКА-пресс» – 3: 58-59; 4: 132

Импрессионизм – 3: 59-60

Имяславцы – 3: 60-61

Каммерер П. – 1: 12-13

Кант И. – 2, 36-39; 3: 7-10

Кара-Дарвиш – 3: 61

Карташев А.В. – 2: 14-15

Катаев В.П. – 4: 132-136

Кинематограф – 3: 61

Кишилов Н.Б. – 1: 60-61

Клычков С.А. – 4: 136-162

Клюев Н.А. – 2: 28

Короленко В.Г. – 4: 220-221

Коваленков А.А. – 4: 162-164

«Ковчег» – 3: 32-33; 4: 164-165

Комаровский В.А. – 4: 165-170

Короленко В.Г. – 4: 177-178

Костарев Н.К. – 1: 21-22

Кузьмина-Караваева Е.Ю. – 1: 11-12; 3: 4

Кульбин Н.И. – 3: 61-65

Курбас Л. – 3: 6

Ландсберг Л.Э. – 3: 2

Лاپин Б.М. – 3: 15

Лапшин Н.Ф. – 4: 221-227

Левин Ю.И. – 3: 13

«Лирический круг» – 4: 94-95

«Литературный особняк» – 4: 30-31

Луговской В.А. – 2: 29-30

Лунц Л.Н. – 3, 65

Магазинер А.Г. – 4: 170-171

Маковский С.К. – 3: 65; 4: 25

Малларме С. – 3: 66-70; 4: 32-33

Мандельштам Н.Я. – 3: 70-73; 4: 171-172

Мандельштамоведение – 1: 56

Мандельштамовская премия – 4: 172

Мандельштамовские дни – 4: 172-173

Метафора – 2: 29; 3: 10

Милашевский В.А. – 1: 12

Миндлин Э.Л. – 4: 173

Митрохин Д.И. – 4: 174

Московский лингвистический кружок – 4: 174

Музеи – 4: 174

Набоков В.В. – 4: 175

Наполеон I – 2: 29; 4: 175-179

«Наши дни» – 4: 179-180

«Невский альманах» – 4: 180-181

Нейгауз Г.Г. – 4: 181

Недоброво Н.В. – 4: 181-195

Нейштадт В.И. – 4: 195

«Новый Журнал» – 4: 195-198
Овидий – 4: 200-204
Петрарка Ф. – 3: 10; 4: 32-33
Петров С.В. – 1: 59
Покровский В.А. – 2: 19; 3: 38
Рейснер Л.М. – 4: 14-18
Рига – 2: 23, 39-42
Розенталь Ю.М. – 1: 13
Скрябин А.Н. – 4: 206-213
Случевский К.К. – 3: 34
Сологуб Ф.К. – 3: 36
Терапиано Ю.Н. – 3: 40
Тютчев Ф.И. – 3: 3
Усов Д.С. – 4: 28
Фет А.А. – 3: 7
Философские взгляды – 2: 14
Французская живопись конца 19 – начала 20 в. – 1: 56
Чердынь – 1: 40
Чуковский К.И. – 4: 12-13
Шкловский В.Б. – 3: 21
Эндер Б.В. – 4: 214-215
Эпистолярная – 3: 3
Ялта – 1: 40
«Russian Literature» – 1: 56